

Научно-теоретический
и информационно-методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 3 (114)
2025**

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.;

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

**5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Працко Г.С., Джабиева Е.Ю. Правовая социализация
несовершеннолетних как стратегическое условие
формирования правового государства 7
Пушкарев Е.А. Народный комиссариат внутренних дел
в процессе экономического обеспечения обороноспособности
советского союза в период Великой Отечественной войны 13
Тепляшин И.В. Формы участия субъектов гражданского
общества в противодействии преступности 19

**5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Брюхнов А.А., Мойса О.И. Реформа контрольно-
надзорной деятельности и административная
ответственность: исследование изменений правовых норм
и их практической реализации 25
Денисенко В.В., Денисенко С.Г., Осяк А.Н. Особенности
виктимности административных правонарушений
и преступлений со смежными составами 32
Коренюгин В.В., Вайсергисер Е.Ю. Стратегические
приоритеты деятельности органов внутренних дел
в новых геополитических условиях 38
Корчагина К.А., Косовская Д.В. Некоторые вопросы
защиты чести, достоинства и деловой репутации
сотрудников органов внутренних дел
Российской Федерации 44
Костюченко Н.И., Соболевская Н.Ю. Отсутствие
системы информационно-аналитического обеспечения
в ОВД как проблема эффективности научной
деятельности в сфере теории управления 51
Рыбалка Е.А. Актуальные вопросы о дополнительных
мерах государственной поддержки семей, имеющих
детей 56

**5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Михайлов С.В., Шпак А.В. К вопросу о правовой
квалификации мнимых и притворных сделок 62

Выпускающий редактор:
Р.Р. Мамедханов

Над выпуском работали:
Н.А. Чуб

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-uf.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
25.09.2025
Выход в свет
30.09.2025

Формат 60x84/8
Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная.

Бумага офисная
Усл.-печ. л. – 27,9
Тираж 300 экз.
Первый завод 108 экз.
Заказ № 162.

Отпечатано ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
law-journals-rui@yandex.ru
rmamedkhanov@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Алексеев С.А.** Принципы осуществления механизма дистанционного процесса объективного контроля в судебной экспертизе 68
- Аралкин Н.А.** Криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития апк: обоснование структуры 74
- Бондарева А.А., Точилкина А.А., Туманов Д.М.** Особенности производства допроса подозреваемого при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку 79
- Вакуленко Н.А., Пахомов С.В.** Постоянная виктимизация – отличительная черта сексуального насилия над совершеннолетними 86
- Григорян Д.К., Кутовой А.И.** К актуальным вопросам профилактики преступности среди мигрантов в Российской Федерации 94
- Гриценко Т.В., Мандрыка Ю.С.** Критерии отнесения преступлений к категории дел частного обвинения 100
- Девятковская С.В., Клочкова А.Л., Подопригора А.А.** Предупреждение преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, как приоритетное направление национальной безопасности Российской Федерации 108
- Довлатов А.Н.** Уголовно-правовая характеристика ограничения конкуренции: актуальные проблемы 115
- Ендольцева А.В.** Исследование проблемных вопросов избрания мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий 120
- Еремин С.Г.** Специфика назначения некоторых судебных экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности 126
- Карпика А.Г.** Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту криптовалют 134
- Коваленко В.И.** Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: правовые и криминологические аспекты противодействия 139
- Комаров И.М., Игнатъев М.Е., Перепечина И.О.** Семья как объект криминалистического исследования и познания 146
- Лемайкина С.В.** Нормативное регулирование цифровых активов как инструмент профилактики преступлений 150
- Лозинский О.И.** Экстремизм и терроризм: криминалистическая характеристика, классификация экстремистов и террористов 155
- Мангасаров Р.А., Бурцев А.О.** Противодействие преступным посягательствам, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта 162

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Полянская Е.В., Серогодская Е.С. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации.....	170
Пушкова Н.В. Типология личности преступника, вовлекающего несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность.....	177
Рясов А.А., Пономарева А.В. Особенности расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем.....	183
Семенцова И.А., Цыкора А.В., Малявина А.Б. К вопросу о необходимости разработки стратегии мер виктимологической профилактики киберпреступности.....	190
Середа Ю.С., Скороходова В.А. Особенности криминалистического исследования рукописных записей, выполненных лицами, имеющими ограниченные возможности зрения.....	195
Сычева А.В. Специфика расследования дистанционных мошенничеств, совершенных в отношении социально-незащищенных лиц, в современных условиях.....	202
Тепленко А.Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении.....	208
Трусов А.И. Международный опыт применения телекоммуникационных технологий в уголовном процессе.....	215
Хилюта В.В. Социальные ценности (блага) как объект причинения вреда в уголовном праве: постановка вопроса.....	221
Черников С.В. Данные и доказательства как основания принятия решений и проведения следственных действий.....	228
Юрченко Ю.А. Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования информационного противодействия деятельности вооруженных сил государства.....	234

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Pratsko G.S., Jabieva E.Y. Legal socialization of minors as a strategic prerequisite for the formation of a the rule of law state.....	7
Pushkarev E.A. The People's Commissariat of Internal Affairs in the process of economic support ensuring the defense capability of the Soviet Union during the Great Patriotic War	13
Teplyashin I.V. Forms of participation of civil society actors in countaring crime.....	19

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bryukhnov A.A., Moisa O.I. The reform of control and supervisory activities and administrative responsibility: a study of changes in legal norms and their practical implementation	38
Denisenko V.V., Denisenko S.G., Osyak A.N. Features of victimization of administrative offenses and crimes with related compounds	46
Korenyugin V.V., Vaisergiser E.Y. Strategic priorities of the internal affairs bodies in new geopolitical conditions.....	51
Korchagina K.A., Kosovskaya D.V. Some issues of protecting the honor, dignity and business reputation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation	58
Kostyuchenko N.I., Sobolevskaya N.Yu. The lack of an information and analytical support system in the police department is a problem in the effectiveness of scientific research in the field of management theory.....	63
Rybalka E.A. Current issues about additional state support measures for families with children	00

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Mikhailov S.V., Shpak A.V. On the question of legal qualification of imaginary and sham transactions	69
---	----

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Alekseenko S.A. Principles of implementation of the mechanism of the remote process of objective control in forensic examination	84
Aralkin N.A. of the criminalistic characteristics of fraud committed in the implementation of government programs for the development of agriculture: substantiation of the structure.....	90
Bondareva A.A., Tochilkina A.A., Tumanov D.M. Features of the interrogation of a suspect during the investigation of illegal sale of narcotic drugs committed by an organized group formed on the basis of ethnicity.....	96
Vakulenko N.A., Pakhomov S.V. Persistant victimization is a distinctive feature of sexual abuse of an adult	170
Grigoryan D.K., Kutovoy A.I. On topical issues of crime prevention among migrants in the Russian Federation.....	175
Gritsenko T.V., Mandryka Yu.S. Criteria for classifying crimes as private prosecution cases	181
Devyatovskaya S.V., Klochkova A.L., Podoprighora A.A. Prevention of crimes committed by foreign citizens and stateless persons as a priority area of national security of the Russian Federation	186
Dovlatov A.N. Criminal and legal characteristics of the restriction of competition: current problems....	192
Endoltseva A.V. Research of problematic issues of the choice of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions	199
Eremin S.G. The specifics of the appointment of certain forensic examinations in the detection and investigation of crimes in the field of economic activity.....	206
Karpika A.G. Current issues of countering illicit trafficking in cryptocurrencies	212
Kovalenko V.I. Involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies: legal and criminological aspects of counteraction.....	218
Komarov I.M., Ignatiev M.E. Perepechina I.O. Family as an object of criminalistic research and cognition	225

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Lemaikina S.V. Regulatory regulation of digital assets as a crime prevention tool	231
Lozinsky O.I. Extremism and terrorism: criminalistic characteristics, classification of extremists and terrorists	236
Mangasarov R.A., Burtsev A.O. Countering criminal encroachments related to damage to alarm, centralization and blocking devices at railway transport facilities	103
Polyanskaya E.V., Serogodskaya E.S. Prevention of crimes related to drug trafficking in the Russian Federation	109
Pushkova N.V. Typology of the personality of a criminal who involves a minor in extremist activities	116
Ryasov A.A., Ponomareva A.V. Features of the investigation of crimes related to the legalization (laundering) of criminally obtained funds	123
Sementsova I.A., Tsykora A.V., Malyavina A.B. On the need to develop a strategy for victimological prevention of cybercrime	129
Sereda Yu.S., Skorokhodova V.A. Features of forensic examination of handwritten notes made by persons with visual impairment	136
Sycheva A.V. Specifics of investigation of remote frauds committed against socially vulnerable persons in modern conditions	144
Teplenko A.N. Peculiarities of representation of foreign citizens at the stage of receiving and registering a crime report	151
Trusov A.I. International experience of application of telecommunication technologies in criminal process	156
Khilyuta V.V. Social values (benefits) as an object of harm in criminal law: posing a question	162
Chernikov S.V. Data and evidence as the basis for decision-making and investigative action	162
Yurchenko Yu.A. Foreign experience of criminal law regulation of information counteraction to the activities of the armed forces of the state	162

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: law-journals-ru@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России), тел.: (863) 207-86-34. Автором (-ами) экземпляр рукописи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правовед».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

3.2. Название статьи;

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии);

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения, ключевые слова, для цитирования. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки;

3.5. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.5, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Научная статья
УДК 340

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Працко Геннадий Святославович

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dasha_sam94@mail.ru

Джабиева Елена Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
eishmakhametova@yandex.ru

Введение: в статье исследуются теоретико-правовые аспекты правовой социализации несовершеннолетних как системообразующего элемента правовой государственности. Акцент сделан на выявлении и анализе актуальных проблем, препятствующих полноценной социализации несовершеннолетних в правовом поле, включая дефицит правовой адаптации, социокультурные трансформации, а также вызовы, обусловленные цифровизацией образовательной среды. Раскрываются характеристики правовой социализации как целостного и системного механизма формирования правовой идентичности подрастающего поколения, обеспечивающего устойчивость правопорядка и воспроизводство правовой культуры в долгосрочной перспективе.

Материалы и методы: исследование темы выполнено на основе ряда общенаучных и частнонаучных методов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, социолого-правовой и системно-структурный подходы. Использование данных методов позволило всесторонне проанализировать теоретические основания, социокультурные условия и институциональные особенности правовой социализации несовершеннолетних в условиях трансформации правового государства. Особое внимание уделено интерпретации нормативных источников правового воспитания, а также выявлению правовых механизмов, обеспечивающих эффективную интеграцию несовершеннолетних в правовое пространство.

Результаты исследования: в ходе исследования установлено, что правовая социализация несовершеннолетних представляет собой многоуровневый процесс формирования правовой идентичности, эффективность которого определяется уровнем социально-правовой адаптации, степенью институциональной согласованности, уровнем цифровой компетентности субъектов социализации, а также наличием целостной и системной воспитательной модели.

Выводы и заключения: правовая социализация несовершеннолетних должна рассматриваться в качестве приоритетного направления государственной правовой политики. Во-первых, она представляет собой эффективный механизм укрепления правовой государственности в долгосрочной перспективе. Во-вторых, процессы цифровизации, охватывающие все сферы общественной жизни, порождают новые вызовы в области социокультурной адаптации и правовой социализации несовершеннолетних. В-третьих, практико-ориентированные рекомендации по совершенствованию государственной политики в данной сфере подтверждают необходимость выстраивания межведомственного взаимодействия между образовательными, правоохранительными и информационно-медийными институтами. Институциональное укрепление правовой социализации и ее цифровая модернизация способствуют формированию устойчивой правовой культуры и укреплению легитимности правопорядка в условиях трансформации современного общества.

Ключевые слова: правовая социализация, несовершеннолетние, правовое государство, правовое воспитание, правовая культура, правосознание.

Для цитирования: Працко Г. С., Джабиева Е. Ю. Правовая социализация несовершеннолетних как стратегическое условие формирования правового государства / Г. С. Працко, Е. Ю. Джабиева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 7–12

Original paper

LEGAL SOCIALIZATION OF MINORS AS A STRATEGIC PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF THE RULE OF LAW STATE

Pratsko Gennady Svyatoslavovich

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dzhabieva Elena Yuryevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article explores the theoretical and legal aspects of the legal socialization of minors as a systemic element of legal statehood. The emphasis is placed on identifying and analyzing current problems that hinder the full-fledged socialization of minors within the legal framework, including the deficit of legal adaptation, sociocultural transformations, and the challenges posed by the digitalization of the educational environment. The study reveals the characteristics of legal socialization as an integral and systemic mechanism for shaping the legal identity of the younger generation, ensuring the sustainability of legal order and the reproduction of legal culture in the long term.

Materials and methods: the research is based on a combination of general scientific and special legal methods, including the formal legal, comparative legal, sociological-legal, and system-structural approaches. The use of these methodologies enabled a comprehensive analysis of the theoretical foundations, sociocultural conditions, and institutional features of the legal socialization of minors in the context of the transformation of the legal state. Particular attention is paid to the interpretation of normative sources related to legal education, as well as to the identification of legal mechanisms that ensure the effective integration of minors into the legal environment.

Results of the study: the study has revealed that the legal socialization of minors is a multi-level process of developing legal identity, the effectiveness of which depends on the level of socio-legal adaptation, the degree of institutional coordination, the digital competence of the subjects involved in the socialization process, and the existence of a coherent and systemic educational model.

Findings and conclusions: the research substantiates that the legal socialization of minors should be regarded as a priority direction of state legal policy. First, it serves as an effective mechanism for strengthening legal statehood in the long-term perspective. Second, the processes of digitalization affecting all spheres of public life create new challenges in the sphere of sociocultural adaptation and legal socialization of minors. Third, practice-oriented recommendations for improving state policy in this area confirm the necessity of establishing interagency cooperation between educational, law enforcement, and media institutions. The institutional consolidation and digital modernization of legal socialization contribute to the formation of a stable legal culture and the reinforcement of the legitimacy of legal order amid the ongoing transformation of modern society.

Keywords: legal socialization, minors, rule of law, legal education, legal culture, legal awareness.

For citation: Pratsko G. S., Dzhabieva E. Yu. Legal socialization of minors as a strategic prerequisite for the formation of the rule of law state / G. S. Pratsko, E. Yu. Dzhabieva // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 7–12

Правовая социализация несовершеннолетних в условиях трансформации российского правового пространства приобретает особую значимость, выступая неотъемлемым элементом воспроизводства правовой культуры, уважения к закону и правопорядку [2]. В современном социуме, характеризующемся цифровизацией, усложнением институциональной структуры и изменением приоритетов государственной политики в сфере детства и молодежи, обеспечение эффективной правовой социализации подрастающего поколения становится важнейшим направлением государственной стратегии формирования правового государства.

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, распространение цифровых технологий формирует новую социокультурную среду, оказывая как позитивное, так и деструктивное влияние на правовое сознание молодежи. Во-вторых, реформирование ювенальной политики и развитие системы профилактики правонарушений несовершеннолетних требуют комплексного научного осмысления механизмов вовлечения молодежи в правовое пространство. В-третьих, успешное построение правового государства предполагает наличие у граждан устойчивых правовых установок и идентичности, формирующихся преимущественно в детстве и подростковом возрасте.

Основы правового воспитания отражены в трудах А.В. Малько, исследующего взаимодействие институтов воспитания, права и государства [6, с. 147–150]. Однако в условиях цифровизации и изменения моделей социализации назрела необходимость уточнения сущности правовой социализации, ее этапов, субъектного состава, а также

выявления факторов, влияющих на ее эффективность в современных условиях.

Целью настоящей статьи является теоретико-правовой анализ механизмов, форм и субъектов правовой социализации несовершеннолетних в современной России, а также оценка их влияния на формирование правового государства.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1. Раскрыть понятие и содержание правовой социализации несовершеннолетних.
2. Классифицировать механизмы, формы и субъекты правовой социализации в условиях цифровизации.
3. Проанализировать взаимосвязь правовой социализации с процессом становления правового государства.
4. Идентифицировать ключевые проблемы и противоречия в сфере правового воспитания несовершеннолетних.
5. Разработать предложения по совершенствованию государственной политики в данной области.

Объектом исследования выступает процесс правовой социализации несовершеннолетних в современном российском обществе. Предметом – механизмы, формы и институциональные субъекты правовой социализации, а также их воздействие на становление правового государства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности государственной политики в сфере правового просвещения и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Правовая социализация в современной юридической науке понимается как процесс усвоения индивидом правовых норм, ценностей и моделей поведения, обусловленный влиянием социокультурных, институциональных и правовых факторов [5]. Она представляет собой один из ключевых механизмов формирования правосознания, правовой культуры и гражданской идентичности, обеспечивающих функционирование правового государства. С позиций социологии права правовая социализация несовершеннолетнего предполагает его включенность в систему социальных отношений, опосредованных правом, где правовая норма выступает не только регулятором, но и средством социализации [4, с. 78–88]. С точки зрения теории права, как указывает М.И. Абдулаев, «сложившиеся правовые нормы, а также практика их применения влияют на формирование того или иного отношения к действующему праву. В свою очередь, тот или иной уровень правосознания сказывается на характере правотворческой и правоприменительной деятельности. Правовые идеи, взгляды, представления являются непосредственным источником и двигателем правотворческой деятельности в обществе. Принимая юридическую норму, законодатель не только руководствуется своим правосознанием, но и учитывает наличный уровень правосознания масс, их представления о должном, справедливом, законном. Вместе с тем от уровня правосознания субъекта зависит его восприятие законодательства, конкретной правовой нормы (то, как он понимает ее цели, конкретные требования и т. д.). Высокий уровень правосознания граждан – гарантия того, что цели, требования правовой нормы, законодательства в целом будут восприняты адекватно» [1, с. 163].

Семья как первичный институт социализации закладывает основу для формирования правовых представлений, чувства справедливости и ответственности. Образовательные учреждения способствуют систематизации знаний о праве и формированию навыков правомерного поведения [8, с. 82–91]. Органы государственной власти обеспечивают нормативно-правовую и институциональную основу социализации, реализуя меры правового воспитания через систему образования, профилактики и просвещения.

Существенные изменения вносятся цифровизацией общественной жизни. Интернет и социальные сети становятся источниками правовой информации, но одновременно и каналами распространения девиантных моделей поведения. Популяризация блогеров, транслирующих нарушения правовых норм, способствует снижению уровня правового сознания подростков.

В современных условиях актуализируется необходимость развития медиаправовой грамотности, формирования критического мышления и выработки механизмов институционального контроля цифровой среды с целью противодействия распространению противоправного контента.

Таким образом, правовая социализация несовершеннолетних требует комплексного подхода, предполагающего координацию усилий семьи, образовательных организаций, органов государственной власти и цифровых платформ. Именно синергия указанных институтов способна обеспечить воспроизводство правосознания и правовой культуры, являющихся основой правового государства.

В период ранней социализации индивид осваивает первичные правовые категории, дифференцирует дозволенное и запретное, формирует установку на уважение к нормам права и правовым институтам. Ранняя интериоризация правовых норм и ценностей коррелирует

с последующим уровнем гражданской активности, формированием правовой культуры и политическим участием личности в жизни общества. Следовательно, правовая ассимиляция несовершеннолетних представляет собой не только предпосылку формирования правового государства, но и его системообразующий компонент, обеспечивающий устойчивость правопорядка, функционирование институтов и реализацию принципа верховенства права.

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7] не содержит норм, регламентирующих единую стратегию правового воспитания. Реализация соответствующих функций отнесена к компетенции региональных и муниципальных органов, что влечет за собой различия в содержательном наполнении и эффективности мероприятий по правовой социализации. Это приводит к значительным вариациям, в связи с тем, что порождается дублирование функций и снижение ответственности, не обеспечивается комплексная правовая поддержка ребенка в правоприменительной деятельности, что приводит к разрыву межведомственного взаимодействия, особенно заметному при перераспределении обязанностей между субъектами и муниципалитетами. В результате – расхождение в уровне правовой грамотности подростков и практических материалов для специалистов.

Еще одним фактором, препятствующим полноценному усвоению правовых норм, является недостаточная представленность практико-ориентированных форм правового воспитания. Образовательные учреждения в России реализуют регулярные формы активного правового обучения – дебаты, моделирование судебных процессов, правовые игры и кружки. Такое положение ограничивает возможности школьников по освоению реальных правовых механизмов и снижает мотивацию к правомерному поведению, сводя процесс правового воспитания к формальному заучиванию норм.

Наряду с институциональными и кадровыми ограничениями значительное влияние на процесс правовой социализации оказывает информационно-цифровая среда. Основную угрозу представляет деятельность деструктивных интернет-сообществ, транслирующих криминальные установки, включая идеологию криминальной субкультуры.

Недостаточная цифровая правовая грамотность подростков в сочетании с отсутствием эффективных инструментов фильтрации информации создает условия для формирования параллельной, антиправовой модели социализации, вступающей в конфликт с официальной правовой культурой.

Дополнительным дестабилизирующим фактором является символическая репрезентация права в медийной среде. Современные медиаресурсы преимущественно тиражируют образы представителей силовых структур, наделенных властью и насилием, в качестве героев, в то время как образы юристов, адвокатов, правозащитников либо отсутствуют, либо подаются в негативном ключе. Такое медийное искажение образа права и правовых профессий препятствует формированию у молодежи положительной правовой идентичности и снижает привлекательность мирных, правовых форм разрешения социальных конфликтов.

Кроме того, действующие федеральные документы, регулирующие воспитательную политику [3], содержат лишь декларативные положения о необходимости правового воспитания. Так, хотя документ и стимулирует разработку программ правовой и социальной адаптации, он не содержит подробных методических рекомендаций, не устанавливает показатели эффективности, позволяющие мониторить уровень правовой культуры несовершеннолетних, а также не прописывает административные или институциональные механизмы, обеспечивающие внедрение таких программ. Также, несмотря на широкую декларируемую тематику (правовая, гражданская, экологическая, патриотическая и др.), отсутствуют:

- четкая фиксация правовых методик – наличие, например, модулей по обучению Конституции РФ, Кодексу чести ученика и т. п.;
- система индикаторов – отсутствуют количественные или качественные метрики, позволяющие отследить динамику правового сознания детей;
- институциональные механизмы – не описаны роли образовательных учреждений, органов юстиции, органов опеки и попечительства, судов, правоохранителей и т. д. в реализации социализации правового характера.

Современное состояние правовой социализации несовершеннолетних в Российской Федерации позволяет сделать обоснованный вывод о наличии совокупности устойчивых и взаимосвязанных институциональных, методологических, социокультурных и информационно-коммуникационных ограничений, существенно влияющих на эффективность формирования у подрастающего поколения целостного правосознания и устойчивых моделей правомерного поведения. К числу наиболее значимых проблем следует отнести: фрагментарность и несогласованность ювенальной политики на федеральном и региональном уровнях; отсутствие системного межведомственного взаимодействия между органами государственной власти, образовательными учреждениями, институтами гражданского общества и правоохранительными структурами; недостаточный

уровень профессиональной подготовки субъектов, участвующих в правовом воспитании несовершеннолетних, особенно в части компетенций, связанных с ювенальной спецификой правовой работы; ограниченность методической базы и недостаточная распространенность практико-ориентированных, интерактивных, деятельностных и медиапедагогических форм правового просвещения; негативное влияние медийной среды, включая деструктивные цифровые и интернет-контенты, подрывающие доверие к институтам права.

В условиях трансформации общественных и правовых институтов, а также усложнения социального взаимодействия правовая социализация в подростковом возрасте приобретает особую значимость как фактор воспроизводства правовой культуры, легитимации правопорядка и обеспечения социальной стабильности. Она выступает в качестве ключевого инструмента интеграции личности в правовое пространство, формирования правовой идентичности, гражданской ответственности, устойчивого правомотивированного поведения и готовности к правомерному взаимодействию с государственными структурами и институтами гражданского общества. Недостаточная проработанность институциональных механизмов правовой социализации, ее недооценка в государственной политике, а также отсутствие научно обоснованной концепции правового воспитания подростков сопряжены с рисками нарастания правового нигилизма, девиантности, маргинализации и отчуждения молодежи от правовой сферы, что, в свою очередь, способно ослабить устои правовой государственности, подорвать доверие к правовым институтам и снизить уровень правовой легитимности принимаемых государством решений.

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать формирование комплексной и системной модели правовой социализации несовершеннолетних как приоритетное направление государственной и муниципальной политики в сфере обеспечения прав и свобод человека, предупреждения правонарушений в подростковой среде и укрепления правовой государственности. Такая модель должна быть основана на интеграции образовательных, воспитательных, правовых и информационных ресурсов, обеспечена нормативным, организационным и кадровым сопровождением, учитывать региональные, культурные и этнодемографические особенности, а также опираться на принципы гуманизма, правовой инклюзии, педагогической целесообразности и научной обоснованности. Важным направлением дальнейших научных исследований в данной области выступает разработка критериев, показателей и индикаторов эффективности правовой социализации, позволяющих осуществлять мониторинг, диагностику и корректировку соответствующих мероприятий в целях достижения устойчивого и воспроизводимого результата.

Систематизация и критический анализ существующих теоретических и прикладных аспектов правовой социализации несовершеннолетних позволили сформулировать следующие положения, составляющие научную новизну данного исследования:

1. Обосновано, что правовая социализация несовершеннолетних представляет собой ключевой механизм институционализации ценностей правового государства, обеспечивающий межпоколенческую трансляцию правовых норм и установок.

2. Выявлен и классифицирован комплекс факторов, дестабилизирующих процесс правовой социализации в современной России, включая институциональные (недостаточная нормативная регламентация и координация), педагогические (дефицит правовой подготовки учителей), социокультурные (информационное давление и криминогенные субкультуры).

3. Предложено авторское понимание правовой социализации как системной воспитательной категории, интегрирующей правовую пропедевтику, субъектно-деятельностный подход, ювенальные технологии и цифровые инструменты.

На основании полученных результатов целесообразно:

– разработать и утвердить Концепцию государственной политики в области правовой социализации несовершеннолетних как самостоятельного направления ювенальной политики;

– внедрить в структуру образовательных программ модулей по правовой педагогике и цифровой правовой безопасности;

– сформировать при образовательных учреждениях правовые клубы, площадки моделирования правовых практик с привлечением специалистов юридического профиля;

– создать и внедрить цифровые платформы для правового просвещения, адаптированных к возрастным и психологическим особенностям подростков;

– усилить межведомственное взаимодействие субъектов профилактики правонарушений и образовательных структур с целью обеспечения единых стандартов правовой социализации.

Комплексная реализация данных мер позволит существенно повысить эффективность правового воспитания, укрепить правовую идентичность молодого поколения и тем самым внести вклад в развитие устойчивого правового государства. Только при такой целостной стратегии государство сможет сформировать правовую культуру нового поколения, устойчивую к вызовам XXI в. и способную стать основой гражданского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.11.1993 (в ред. от 14.03.2020) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Концепция развития воспитания в системе образования Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Собр. законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3549.
4. Левина Р.А. Особенности правовой социализации студенческой молодежи в условиях цифровизации: постановка проблемы // Гуманитарий Юга России. 2022. № 2(54). Т. 11.
5. Пазыч Н.В. Семья как первичный институт социализации ребенка: материалы V Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003993?ysclid=md5t2g7iua405940416> (дата обращения: 16.07.2025).
6. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько и др. СПб., 2024.
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
8. Хачароева А.Х. Правосознание и гражданская позиция старшеклассника как результат реализации целей правового воспитания // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1 (41).

REFERENCES

1. Abdulaev M.I. Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions. Moscow, 2004.
2. Constitution of the Russian Federation, adopted by nationwide referendum on December 12, 1993 (as amended on March 14, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Art. 1416.
3. Concept for the Development of Upbringing in the Educational System of the Russian Federation for the Period up to 2025, approved by Order of the Government of the Russian Federation № 996-r of May 29, 2015 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 24. Art. 3549.
4. Levina R.A. Features of Legal Socialization of University Students in the Context of Digitalization: Problem Statement // The Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11. № 2 (54).
5. Pazych N.V. The Family as a Primary Institution of Child Socialization // Materials of the 5th International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003993> (date of access: 16.07.2025).
6. Theory of State and Law: Textbook / A.V. Malko et al. St. Petersburg, 2024.
7. Federal Law № 120-FZ of June 24, 1999 «On the Basics of the System for the Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.
8. Khacharoeva A. Kh. Legal Consciousness and Civic Position of High School Students as a Result of the Implementation of Legal Education Objectives // Bulletin of the Chechen State Pedagogical University. Series 1: Humanities and Social Sciences. 2023. № 1 (41).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Джабиева Елена Юрьевна, старший преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pratsko Gennady Svyatoslavovich, Doctor of law, Doctor of philosophy, professor, professor of the department of commercial and business law. Don state technical university. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Dzhabieva Elena Yuryevna, Senior Lecturer of department of administrative law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пушкарев Евгений Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
kr_evg@mail.ru

Введение: определяющим фактором победы Советского Союза в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг. был не только героизм солдат Красной Армии на полях сражений, но и отлаженная военная экономика внутри страны, способная своевременно производить и снабжать фронт техникой, оружием, боеприпасами и провизией. Большую роль в контроле и наращивании экономического потенциала обороноспособности страны сыграл Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили исследования современных историков и правоведов в области системы государственного управления в советский период, места и роли в ней НКВД СССР в военный период. Материалы статьи и выводы автора подкреплены статистическими данными и нормативно-правовыми актами исследуемого периода. В процессе написания статьи использовался исторический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системно-структурный и ряд иных методов.

Результаты исследования: в статье рассмотрены отдельные направления деятельности НКВД СССР непосредственно и опосредованно влиявшие на функционирование военной экономики, отмечены проблемы и результаты их реализации с учетом специфики социалистического строя.

Выводы и заключения: жесткая политика советского правительства в критических для страны условиях позволила достичь победы в Великой Отечественной войне, мобилизовать военный и трудовой ресурс, выстроить военную экономику, обеспечить эффективный внутренний контроль за ними силами и средствами НКВД СССР.

Ключевые слова: НКВД, проверочно-фильтрационные мероприятия, ГУЛАГ, трудовое использование задержанных, дезертирство, шпионство, бандитизм, милиция, истребительные батальоны.

Для цитирования: Пушкарев Е. А. Народный комиссариат внутренних дел в процессе экономического обеспечения обороноспособности Советского Союза в период Великой Отечественной войны / Е. А. Пушкарев // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 13–18

Original paper

THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS IN THE PROCESS OF ECONOMICALLY ENSURING THE DEFENSE CAPABILITY OF THE SOVIET UNION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Pushkarev Evgeny Alexandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the determining factor in the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War in 1941–1945 was not only the heroism of the Red Army soldiers on the battlefields, but also the well-established military economy within the country, capable of timely producing and supplying the front with equipment, weapons, ammunition and provisions. The People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR played a major role in controlling and building up the economic potential of the country's defense capability.

Materials and methods: the material base of the article consists of research by modern historians and jurists in the field of public administration in the Soviet period, the place and role of the NKVD of the USSR in it during the war period. The materials of the article and the author's conclusions are supported by statistical data and regulatory legal acts of the period under study. In the process of writing the article, the historical method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, system-structural and a number of other methods were used.

Results of the study: the article examines certain areas of activity of the NKVD of the USSR that directly and indirectly influenced the functioning of the military economy, highlights the problems and results of their implementation, taking into account the specifics of the socialist system.

Findings and conclusions: the harsh policy of the Soviet government in critical conditions for the country made it possible to achieve victory in the Great Patriotic War, mobilize the military and labor resources, build a military economy, and ensure effective internal control over them by the forces and means of the NKVD of the USSR.

Keywords: NKVD, screening and filtration measures, GULAG, labor use of detainees, desertion, espionage, banditry, militia, extermination battalions.

For citation: Pushkarev E. A. The People's Commissariat of Internal Affairs in the process of economically ensuring the defense capability of the Soviet Union during the Great Patriotic War / E. A. Pushkarev // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 13–18

Оборонеспособность Советского Союза в условиях Великой Отечественной войны основывалась на военной мобилизации и всеотраслевой экономической мобилизации трудовых и производственных ресурсов. Значительный вклад в обеспечение функционирования военной экономики внес НКВД СССР. Образованный в 1934 г. в виде объединенной группы силовых ведомств комиссариат имел большую производственно-строительную базу, основанную на использовании труда заключенных.

Осложняющими факторами, повлиявшим на оборонеспособность страны в канун войны, следует выделить проведенные с помощью НКВД СССР в 1937–1938 гг. чистки командного состава армии, укрепившие, как принято было считать, «единство и мощь» вокруг власти Сталина И.В., а также преобладание в политике общей наступательной военной доктрины над оборонительной.

Значительную помощь военной экономике и армии было возложено оказать на ГУЛАГ НКВД СССР. И хотя вклад лагерей в экономику составлял менее десятой доли от общего по стране, они являлись значимым источником пополнения трудовыми ресурсами проблемных отраслей.

Всего на начало войны в лагерях содержалось примерно 2,3 млн осужденных, к началу 1945 г. – 1,4 млн. По двум амнистиям 1941 г. на фронт для укомплектования Красной Армии было отправлено 420 тыс. бывших заключенных, до конца войны их число достигло 975 тыс. человек.

В различные отрасли народного хозяйства, в том числе строительно-промышленные главки НКВД, за годы войны было передано более 2 млн человек (строительство железных дорог, горно-металлургическая отрасль, промышленное строительство, аэродромное и шоссеное строительство, лесная промышленность) [1, с. 34–36]. Передаче, как правило, подлежали лица, имеющие соответствующую специальность, а также осужденные за самовольный уход с предприятий, мелкие кражи и бытовые преступления.

Производственными силами ГУЛАГ осуществлялась добыча сырья (металл, уголь, нефть), производство боеприпасов (например, 1 млн мин в месяц), выпуск обмундирования, строительство оборонных сооружений и коммуникаций [2, с. 16].

Увеличившиеся в разы производственная активность НКВД и использование его трудового ресурса в иных отраслях обусловлены, в том числе возложением на главу комиссариата Берия Л.П. дополнительных обязанностей. Как член временного высшего органа власти – Государственного комитета обороны СССР (с 1944 г. заместитель председателя комитета) он курировал производство вооружения, добывающую промышленность, формирование авиаполков, железнодорожные перевозки, развитие урановых работ) [3, с. 5–6].

Дополнительным рабочим ресурсом помимо заключенных ГУЛАГ выступали военнопленные, число которых значительно увеличилось после окружения немецкой группировки войск под Сталинградом в феврале 1943 г. Трудовой их мобилизацией занималось Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

В конце войны активно стали интернировать на восстановительные работы в СССР немцев – подданных освобожденных стран Восточной Европы (Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Германии). Всего на начало 1946 г. в рабочих батальонах состояло около 2 млн военнопленных и интернированных [4, с. 52–53].

Обеспечение работоспособности военной экономики предполагало также осуществление НКВД (с 1943 г. НКГБ) контрольно-инспекторских функций на предприятиях, в том числе эвакуированных (своевременное и качественное выполнение оборонного заказа). Информация о выявленных нарушениях, настроениях рабочих масс передавалась в местные парткомы, проводилось следствие. Обвинения в саботажничестве и вредительстве могли иметь политический окрас: учитывалась неблагонадежность лиц в силу происхождения их и родственников, применялась высшая мера наказания вплоть до руководящих работников [5, с. 9–21].

Одним из основных направлений НКВД СССР в условиях войны была контрразведывательная деятельность. Ее объектами, как правило, становили военнослужащие, попавшие в окружение или в плен, находившиеся продолжительное время на оккупированной территории, а также дезертиры. Была развернута широкая сеть проверочно-фильтрационных лагерей. Всего в рамках фильтрационных мероприятий за годы войны было проверено свыше 400 000 военнослужащих. Во время проверки лица привлекались к работам на промышленных объектах. После проверки основная их масса возвращалась обратно в армию. Треть «бывших военнослужащих» направляли в штрафные батальоны или исправительно-трудовые лагеря, на работу в промышленность или в конвойные войска НКВД.

Фильтрационные оперативно-следственные мероприятия проводились также в отношении жителей освобожденных от оккупации территорий.

Организованная в НКВД система проверки позволяла упорядочивать громадный поток побывавших под вражеским влиянием лиц, проводить их воспитание, наказание и трудовое использование [6, с. 75–77]. Следственные действия в проверочно-фильтрационных лагерях осуществляли сотрудники особых отделов НКВД (отделений СМЕРШ) при фронтах и военных округах.

На Управление особых отделов НКВД СССР была возложен контроль за морально-политическим состоянием военнослужащих для предупреждения и пресечения дезертирства, предательства и шпионства. Находясь при армейских подразделениях, сотрудники особых отделов НКВД отслеживали информацию о высказываниях, настроениях, намерениях военнослужащих, заводили среди них информаторов. На линиях транспортных коммуникаций особые отделы НКВД и войска НКВД по охране тыла армии выставляли заградительные отряды. Задержанных дезертиров отправляли в штрафные или обратно в армейские части [7, с. 26–27]. В отдельных случаях применялся расстрел, в том числе в качестве воспитательной меры перед строем. Весной 1943 г. особые отделы переподчинили армейскому руководству с преобразованием их в контрразведывательные подразделения «СМЕРШ».

Дискуссии о деятельности заградительных отрядов НКВД, об оправданности применения жестких мер вызывают много споров в научных и общественных кругах в последние десятилетия. Для объективной оценки, исключения в ней крайностей, субъективности и тенденциозности, следует учитывать следующий ряд факторов:

1. Заградительные отряды в той или иной степени – являются обычной военной практикой, не только советской. Эта так называемая сфера деятельности военной полиции. Подобную практику применяли и немецкие войска.

2. Создавались заградительные отряды не только силами НКВД, но были и армейские.

3. Расстрел дезертиров предполагался в качестве крайней меры и в особых массовых случаях, в тылу так называемых «неустойчивых» дивизий. Это подтверждается нормативной базой и статистикой. Широко известный приказ Народного комиссариата обороны СССР от 28.07.1942 № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного ухода с боевых позиций» предполагал помимо армейских заградительных отрядов создание штрафных рот и батальонов. Штрафные войсковые подразделения формировали из провинившихся в нарушении дисциплины «по трусости или неустойчивости» и отправляли на трудные участки фронта. Полной статистики по заградотрядам в общем доступ нет, но есть статистика по отдельным периодам и фронтам. Расстрелы в качестве меры наказания и устрашения применялись к не более 1–2 % от задержанных дезертиров.

На слаженное функционирование военной экономики, обеспечение трудовой дисциплины большое влияние оказывало состояние общественного порядка в тылу страны. Отвлечение личного состава НКВД на фронт с одной стороны и доступ к оружию уголовников, дезертиров и мародеров, нехватка продуктов с другой стороны приводили к обострению криминогенной обстановки. Усиливавшиеся миграционные потоки могли использоваться для проникновения в страну вражеской агентуры.

Военные и промышленные дезертиры, сбежавшие с мест заключения уголовники, как правило, объединялись в банды, скрывались в лесистой местности, землянках, заброшенных строениях. На вооружении банд имелось стрелковое оружие, гранаты. Объектами их разбоев и краж становились продовольственные склады, сберегательные кассы, магазины, грузовой транспорт или просто продовольственные карточки отдельных граждан. Из прифронтовой полосы банды старались проникнуть в глубокий тыл. На заключительном этапе войны после освобождения территорий большое количество националистических сепаратистских банд возникло в западных приграничных республиках СССР.

В качестве мер противодействия бандам, выявления шпионов силами НКВД проводились внезапные массовые проверки документов в городах и на дорогах, перерегистрация паспортов с вклейкой контрольных карточек в режимных, запретных зонах и приграничной полосе, прочесывание лесных массивов. Усиленный контроль вводился на железнодорожных и водных перевозках. Проезд граждан мог осуществляться только при наличии командировочного удостоверения или специального пропуска.

В целях усиления борьбы в сентябре 1941 г. в органах НКВД были созданы отделы и отделения по борьбе с бандитизмом. В ноябре 1942 г. было принято постановление ГКО СССР «О борьбе с хулиганством и бандитизмом в Узбекистане», предусматривавшее ускоренный порядок рассмотрения тройкой дел хулиганов и бандитов с применением высшей меры наказания в отношении особенно злостных [3, с. 27, 33, 36–38].

Чекистско-войсковые мероприятия против бандформирований проводились, как правило, в сочетании с агентурно-оперативными мероприятиями. К последним относились: внедрение в бандитские формирования агентов, способных подвести их «под оперативный удар»; создание осведомительно-наблюдательной сети из лесных объездчиков, охотников и иных лиц; выявление пособнических и родственных связей; привлечение местных авторитетов к делу отрыва рядовых участников банд от их главарей.

Определенных успехов в деле разложения бандгрупп имела разъяснительная работа среди населения, проводимая политотделами войск НКВД. Осуществлялись выступления подготовленных офицеров на собраниях в организациях, школах, кинотеатрах перед началом сеанса, на рынках и вокзалах, беседы с обладающими авторитетом среди местного населения священнослужителями. Разъяснялось как общеполитические вопросы социалистического строя, могущества Советского Союза, так и частные вопросы помощи фронту, призыва в армию, сдачи оружия и ликвидации бандитизма. Имелись случаи, когда местные жители в добровольном порядке сообщали о местах укрытия бандитов и их складов. Всего за годы войны на территории СССР силами НКВД было ликвидировано около 11 тысяч бандгрупп (291 тысяча участников и пособников) [8, с. 101, 108–109].

Особых слаженных организационных мероприятий от сотрудников требовал режим противовоздушной обороны в городах. Обеспечением жизнедеятельности городов, подвигающихся бомбежкам вражеской авиации, занималось Главное управление местной противовоздушной обороны НКВД СССР. Круг задач его был широким: от подготовительных мероприятий, действий во время налетов, до ликвидации их последствий. К таковым относились: контроль за полным затемнением зданий, промышленных объектов, транспорта, за готовностью бомбоубежищ, обезвреживание неразорвавшихся бомб, организация строительно-восстановительных работ в зданиях, на дорогах, мостах, линиях связи, узлах коммунального хозяйства. В распоряжении НКВД была специальная техника: экскаваторы, компрессоры, трактора, передвижные электростанции и автокраны [3, с. 48–50, 52].

НКВД СССР активно привлекало местное население к ликвидации проникавших в советский тыл диверсионных групп и десанта, для охраны от них наиболее важных промышленных и иных объектов, к организации противовоздушной обороны и ликвидации последствий налетов. Истребительные батальоны НКВД формировались из лиц, не подлежащих призыву в армию (по возрасту, по состоянию здоровья, профессиональная трудовая деятельность), но способных обращаться с оружием, имевших ранее боевой опыт. В батальон, как правило, входило двести человек под руководством сотрудника НКВД. Общая численность истребительных батальонов

к концу первого года войны составляла 330 тыс. человек. В близлежащих к линии фронта территориях данные лица могли переводиться на казарменное положение, освобождаться от основной трудовой деятельности на время несения нарядов.

Для сбора оперативной информации на территории создавались группы содействия истребительным батальонам, в качестве информаторов привлекались работники колхозов, предприятий, железнодорожные путеобходчики, лесники и пастухи. Осуществлялась учебная подготовка личного состава истребительных батальонов основам ведения боя в различных условиях, партизанской деятельности, распознаванию авиации противника [9, с. 95–96]. Вооружались бойцы винтовками, пулеметами и гранатами. В случае активного наступления противника истребительные батальоны также вступали с ним в бой [10, с. 293–294]. Для усиления обороны Москвы в конце 1941 г. истребительные батальоны могли формироваться полностью из сотрудников отделов милиции.

Таким образом, объективная оценка современниками средств и методов деятельности НКВД должны учитывать не только политическую конъюнктуру, но и весь комплекс исторических фактов, роль и место комиссариата в обеспечении социалистического строя. НКВД СССР внесло неоспоримый вклад в общее дело победы над немецким захватчиком, в обеспечение функционирования военной экономики и общественного порядка в критических условиях, в ликвидацию армейского и промышленного дезертирства, в мобилизации и сплочении народных масс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суржик Д.В. Роль ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6.
2. Исаков В.М., Мельник Е.В. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.
3. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Государственный Комитет Обороны и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. М., 2023.
4. Баранов В.П. Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению обороноспособности и внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны // На службе отечеству: история органов внутренних дел: сборник материалов международной научной конференции, приуроченной к 305-летию полиции России. М., 2023.
5. Гашенко В.А. К вопросу о деятельности органов НКВД-НКГБ СССР, связанной с обеспечением безопасности экономики страны в годы Великой Отечественной войны // Сибирский архив. 2023. № 3(17).
6. Латышев А.В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361).
7. Марценюк Ю.А., Ченцов А.С. Приказ народного комиссара обороны от 28 июля 1942 года № 227. Правда и вымысел // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2017. № 2.
8. Невский С.А. Деятельность органов и войск НКВД СССР по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1(57).
9. Климов А.Ю., Гайдышева М.Г. Проблемы формирования истребительных батальонов НКВД СССР в первый год Великой Отечественной войны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(59).
10. Медведев Т.Д. Истребительные батальоны НКВД СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. истор. наук. М., 2023.

REFERENCES

1. Surzhik D.V. The role of the GULAG during the Great Patriotic War: towards the history of a stereotype // «White spots» of Russian and world history. 2016. № 6.
2. Isakov V.M., Melnik E.V. The NKVD and the militia of the Soviet state in the conditions of the war and post-war period (1941–1950) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 9.

3. Mulukaev R.S., Malygin A.Ya. The State Defense Committee and Internal Affairs bodies during the Great Patriotic War. Moscow, 2023.

4. Baranov V.P. The activities of the organs and troops of the NKVD of the USSR to ensure defense capability and internal security during the Great Patriotic War // In the service of the Fatherland: the history of internal affairs: a collection of materials from the international scientific conference dedicated to the 305th anniversary of the Russian police. 2023. Moscow, 2023.

5. Gashenko V.A. On the issue of the activities of the NKVD-NKGB organs of the USSR related to ensuring the security of the country's economy during the Great Patriotic War // Siberian Archive. 2023. № 3(17).

6. Latyshev A.V. Screening and filtration camps of the NKVD of the USSR: personnel, departmental interests and verification of Red Army soldiers (1941–1945) // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. № 6(361).

7. Martsenyuk Yu.A., Chentsov A.S. Order of the People's Commissar of Defense dated July 28, 1942 №. 227. Truth and Fiction // Academic Bulletin of the Troops of the National Guard of the Russian Federation. 2017. № 2.

8. Nevsky S.A. Activities of the organs and troops of the NKVD of the USSR to combat banditry during the Great Patriotic War // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 1(57).

9. Klimov A.Yu., Gaidysheva M.G. Problems of formation of NKVD fighter battalions of the USSR in the first year of the Great Patriotic War // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(59).

10. Medvedev T.D. The extermination battalions of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War: dis. ... kand. istor. nauk, Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Евгений Александрович, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

ORCID: 0000-0002-0253-719X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pushkarev Evgeny Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Phd in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 340.1:342.5:347.471

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Тепляшин Иван Владимирович

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация
ivt-sl@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются формы организационно-правового участия граждан и их объединений, иных негосударственных структур в правоохранительной системе, образующих в своей совокупности гражданское общество. Предметом анализа выступают общие и специальные формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности, которые необходимо рассматривать как организационно-правовые средства и способы правовой деятельности граждан в правоохранительном механизме. Концептуальность представленного исследования вызвана поступательным развитием демократических основ российского государства, формированием высокого уровня правовой культуры и делового стиля участия граждан в управлении делами государства.

Материалы и методы: в ходе исследования использованы совокупные научные методы анализа, включая специально-юридический, системно-структурный, формально-логический, а также приемы познания – наблюдение, сравнение, обобщение. Теоретические аспекты правоохранительной деятельности с участием общественности исследованы путем анализа нормативных правовых актов и научных публикаций.

Результаты исследования: автором установлена институциональная структура участия граждан в противодействии преступности, определены основные и специальные формы такого участия. К общим формам отнесены: содействие, сотрудничество, взаимодействие. Специальными формами названы: деятельность добровольных народных дружин, общественный контроль, деятельность независимого экспертного сообщества, частная охранная деятельность, правозащитная деятельность и пр.

Выводы и заключения: представленные формы участия граждан в противодействии преступности способны оказать необходимую помощь правоохранительной системе, обеспечить формирование правовой технологии деятельности субъектов гражданского общества в противодействии преступности, под которой понимается комплекс правил, средств, действий негосударственных структур, их взаимодействия с правоохранительными и иными органами, с учетом криминогенной обстановки и территориальных особенностей. Эффективность противодействия преступности с участием общественности требует системного научно-исследовательского, учебно-методического и законодательного сопровождения.

Ключевые слова: участие граждан, содействие, сотрудничество, взаимодействие, правоохранительная система, законность, экстремизм.

Для цитирования: Тепляшин И. В. Формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности / И. В. Тепляшин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 19–24

Original paper

FORMS OF PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY ACTORS IN COUNTERING CRIME

Teplyashin Ivan Vladimirovich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

Introduction: the article examines the forms of organizational and legal participation of citizens and their associations, and other non-governmental structures in the law enforcement system, which collectively form a civil society. The subject of the analysis is the general and special forms of participation of civil society actors in combating crime, which must be considered as organizational and legal means and methods of legal activity of citizens in the law enforcement mechanism. The conceptuality of the presented research is caused by the progressive development

of the democratic foundations of the Russian state, the formation of a high level of legal culture and business style of citizen participation in the management of state affairs.

Materials and methods: in the course of the research, combined scientific methods of analysis were used, including special-legal, system-structural, formal-logical, as well as cognitive techniques – observation, comparison, generalization. The theoretical aspects of law enforcement with public participation were investigated by analyzing regulatory legal acts and scientific publications.

Results of the study: the author establishes the institutional structure of citizens' participation in crime prevention, identifies the main and special forms of such participation. The general forms include: assistance, cooperation, interaction. Special forms are named: the activities of voluntary national squads, public control, the activities of an independent expert community, private security activities, human rights activities, etc.

Findings and conclusions: the presented forms of citizen participation in combating crime can provide the necessary assistance to the law enforcement system, ensure the formation of legal technology for the activities of civil society actors in combating crime, which is understood as a set of rules, means, actions of non-governmental structures, their interaction with law enforcement and other authorities, taking into account the criminogenic situation and territorial features. The effectiveness of countering crime with public participation requires systematic research, educational, methodological and legislative support.

Keywords: citizen participation, assistance, cooperation, interaction, law enforcement system, legality, extremism.

For citation: Teplyashin I. V. Forms of participation of civil society actors in countering crime / I. V. Teplyashin // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 19–24

Механизм противодействия преступности в своем диалектическом развитии обладает собственным институциональным наполнением, что обеспечивает достижение необходимого уровня правопорядка и защиты прав человека. При этом включение субъектов гражданского общества в механизм обеспечения правопорядка и законности имеет практический опыт советского периода развития правоохранительной деятельности и в современных условиях достаточно востребован.

Для наиболее полного и объективного понимания вопросов участия негосударственных структур в механизме противодействия преступности следует установить такой компонент правоохранительной системы как формы участия граждан и их объединений в осуществлении правоохранительной функции государства и непосредственном противодействии преступности. Стоит отметить, что к настоящему времени предлагаемые в юридической науке подходы к установлению всех субъектов правоохраны на основе их общности интересов и правовой деятельности не привели к общепризнанному результату. В связи с этим, вполне оправданно всех субъектов охраны права объединить понятием «правоохранительная система», обладающая в свою очередь структурным разнообразием многих компонентов и интегративными свойствами их внутренних связей [1, с. 8–9]. Представляется, что правоохранительная система способная включать в себя как государственные, так и негосударственные структуры, обеспечивающие охрану права и надлежащее действие охранительной функции государства. Негосударственные структуры не наделены императивно-властными полномочиями и представляют из себя развитое гражданское общество, под субъектами которого допустимо понимать общественный актив: граждан (экспертов, специалистов, волонтеров, помощников, новаторов); коллективы граждан (трудовые, производственные, творческие, молодежные, профессиональные, территориальные); общественные группы (рабочие группы, органы территориального общественного самоуправления, советы, комиссии, палаты, ассоциации); общественные объединения (организации, учреждения, движения), иные сообщества граждан, заинтересованные в развитии общественной солидарности и социального прогресса. Все указанные субъекты гражданского общества в определенной мере способны участвовать в противодействии преступности, в функционировании правоохранительной системы, обеспечить укрепление законности и правопорядка.

С позиции технологичности рассматриваемых вопросов необходимо установить формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности. Можно обозначить общие и специальные организационно-правовые формы такого участия.

К общим формам участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности относятся: содействие, сотрудничество, взаимодействие субъектов гражданского общества с МВД России и иными правоохранительными органами. В литературе присутствуют некоторые расхождения в вопросах сопоставления соответствующих организационно-правовых форм и средств участия граждан и их объединений в правоохранительной системе, в механизме противодействия преступности и коррупции [2, с. 184–186], что подчеркивает востребованность научного сопровождения

диалога государства и общества в данной сфере. Тем не менее, используя логический и функциональный подходы, допустимо повысить репрезентативность самостоятельного назначения каждой формы и их различия.

Содействие предполагает определенную деятельность, связанную с оказанием несистемной, локальной, ограниченной во времени помощи государственным органам и должностным лицам. Так, содействие в уголовном процессе при осуществлении дознания, следствия и правосудия может осуществляться со стороны свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых, посредников и медиаторов, которые, как правило, не относятся ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Данные лица могут оказывать необходимую консультативную, техническую, организационную и иную помощь оперативно-следственным органам, в т. ч. посредством использования блокчейн-технологий, применения искусственного интеллекта, использования специализированных программных комплексов и пр. [3, с. 120–122]. Специалисты отмечают, что содействие уголовному правосудию является функциональным межотраслевым правовым институтом, который направлен на регулирование вопросов оказания помощи сторонам и суду при осуществлении уголовного судопроизводства и достижении целей правосудия [4, с. 68–69]. Содействие предполагает способствование деятельности правоохранительных органов, оно выполняется в рамках разовых действий недлительного характера.

Сотрудничество направлено на непосредственное участие в совместном выполнении определенных действий, предполагает более деятельный процесс. Цель такого участия состоит в решении частных вопросов в деятельности государственного органа. Сотрудничество в зависимости от состава участников и специфики правоохраны может быть гласное и негласное. При этом сотрудничество предполагает решение нескольких задач, что обеспечивается длящимися отношениями между субъектами правоохранительной системы, которые императивно не подчинены друг другу, но, тем не менее, действуют согласованно, используют общие и дополняющие друг друга способы и методы реализации совместных действий и взаимных интересов. Например, Федеральный закон «О противодействии терроризму»¹ предполагает как сотрудничество государства с общественными объединениями и гражданами, так и возможность содействия федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом, со стороны частных лиц, посредством выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия террористических актов и минимизации их последствий (ст. ст. 2, 20, 25).

Здесь стоит отметить основные отличия между содействием и сотрудничеством. Различия основываются на соответствующих критериях: время, правовые основы, средства, круг субъектов. Так, по времени сотрудничество является наиболее длительной формой правовой деятельности, тогда как содействие может быть разовым правовым участием в работе правоохранительных органов. Содействие может осуществляться на основе актов непосредственной реализации права и актов правоприменения, в то время как правовые основы сотрудничества предполагают принятие акта преимущественно нормативного содержания. В рамках содействия используются общие юридические и организационные средства, некоторые технические инструменты, сотрудничество обеспечивается более широким набором комплексных и сложных правовых средств. Например, отмечается, что правовые поощрения как юридические средства могут использоваться органами внутренних дел для расширения добровольных положительных действий со стороны населения, оказания помощи полиции в раскрытии и расследовании преступлений [5, с. 40–43], тогда как сотрудничество предполагает формирование поощрительной политики, выраженной в закреплении и реализации целой системы поощрительных, координационных и информационных мероприятий со стороны государства. Субъектный состав указанных форм участия может различаться за счет того, что содействие реализуется одним субъектом (информирование, предоставление транспортного средства, участие в качестве переводчика и т. п.), реже группой (участие в поиске пропавших лиц, задержании преступника), что не требует особых знаний в сфере охраны права, тогда как сотрудничество осуществляется в большей мере группой лиц или сообществом (правозащита, деятельность общественных объединений правоохранительной направленности, участие в охране общественного порядка) и требует необходимого уровня юридических знаний и навыков.

Взаимодействие предполагает взаимное достижение общих целей, которые одновременно представляют самостоятельную ценность для группы субъектов. Главная характеристика взаимодействия как формы участия в том, что оно сочетает как содействие, так и сотрудничество, следовательно, предполагает встречный, взаимный характер поддержки между субъектами. Например, субъекты гражданского общества в лице научно-образовательных структур осуществляют регулярный обмен информацией, участвуют в проведении исследований и формировании руководств по борьбе с терроризмом и экстремизмом, реализуют учебно-

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

методическую работу. При взаимодействии субъект участия относительно самостоятелен в осуществляемой деятельности и также заинтересован в комплексном и постоянном решении нескольких поставленных задач: от выполняемой экспертно-консультативной помощи и охраны общественного порядка на соответствующей территории до системной деятельности общественных наблюдательных комиссий или работы научно-консультативного совета при органе публичной власти.

Стоит подчеркнуть, что в пределах реализации соответствующей правовой деятельности взаимодействие может сменяться простым содействием или сотрудничеством. Так, в соответствии с Законом РФ «О Государственной границе» граждане и организации могут участвовать в защите государственной границы (ст. 3)². Внештатные сотрудники, представители казачества, члены добровольных народных дружин при защите государственной границы могут содействовать, сотрудничать и системно взаимодействовать с пограничными органами власти, причем как непосредственно, так опосредованно, индивидуально или коллективно. Правовая форма определяется наличием конкретных целей и задач у граждан – субъектов участия, значением их действий, объемом выполняемых задач, степенью самостоятельности при их достижении и периодом участия [6, с. 294–297].

Ко всему следует подчеркнуть, что правовое взаимодействие может содержать нетипичную, обособленную разновидность (вид) участия – конфликт, который характеризует разрыв, несовпадение интересов и целей между субъектами. Конфликт не предполагает позитивного, а тем более конструктивного решения общих задач, он граничит с требованиями закона, его всегда следует оценивать на предмет правомерности или противоправности. Конфликт выступает обособленной разновидностью взаимодействия в силу того, что приводит к блокированию возможных взаимных позитивных связей между субъектами взаимодействия по схожему предмету интересов, а значит, не предполагает содействие или сотрудничество в исходном представлении.

Тем не менее, конфликт основывается на стремлении выявить и использовать собственные стремления и интересы, а также учесть соответствующие интересы противоположной стороны. Решение конфликта в правовом пространстве всегда обеспечивается при наличии определенного баланса обстоятельств и приводит к правовому компромиссу. Наличие или отсутствие объективных обстоятельств влияет на решение конфликтной ситуации и определение общих и расхожих интересов между субъектами права. Например, граждане могут стремиться к содействию правоохранительным органам при разрешении бытовых, территориальных, межнациональных и иных локальных конфликтов, отстаивании своих прав и законных интересов. Кроме этого, деятельность негосударственных экспертных, аналитических, консультативных групп и объединений, может быть направлена на разрешение противоречий в определенной сфере правовой жизни общества и государства путем формирования предложений правотворческого характера. Такие предложения могут касаться и разрешения противоречий между субъектами гражданского общества и государством по вопросам противодействия преступности и эффективного использования правовых средств в согласовании интересов участников правоохранительной системы.

Названные общие формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности имеют объединяющее свойство – они выступают видом правовой деятельности, основываются на отдельных или совокупных действиях субъектов права, связаны, как правило, единой целью, обеспечивающей достижение фактического правового результата. Стоит заметить, что любая правовая деятельность является положительной, направленной на правомерные цели, а в содержании достигаемого результата доминируют верховенство права, законность и легитимность [7, с. 83–84].

Специальные формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности характеризуются конкретными организационно-правовыми способами правовой деятельности граждан в правоохранительной системе. К специальным формам можно отнести:

- участие граждан в охране общественного порядка, осуществляемое добровольными народными дружинами и общественными объединениями правоохранительной направленности;

- общественный контроль, субъектами которого выступают общественные советы, палаты, группы граждан, независимые эксперты, создаваемые и действующие при органах государственной власти, осуществляющие мониторинг деятельности правоохранительных органов, а также выявляющие факты нарушения прав человека в соответствующей сфере жизни общества и государства [8, с. 5–8];

- деятельность общественных наблюдательных комиссий, которая направлена не только на осуществление контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, но и обеспечивающая мониторинг деятельности организаций, исполняющих меры принудительного характера с целью выявления нарушений законности в пенитенциарной системе;

- деятельность независимого экспертного сообщества, заключающееся в проведении независимых экспертиз, формировании экспертного мнения по различным вопросам

² Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 г. № 4730-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

укрепления законности и правопорядка, а также обеспечивающая сопровождение контрольных и правоприменительных мероприятий, проводимых органами публичной власти;

- внештатная и агентурная деятельность граждан, способствующая совместно с уполномоченными сотрудниками проверке документов, охране места происшествия, досмотру транспортных средств, ознакомлению с документами, выполнению законных поручений, оказании организационной помощи правоохранительным органам;

- частная охранная деятельность, направленная на содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка при возникновении чрезвычайных ситуаций на охраняемых объектах, участие в совместных плановых мероприятиях по обеспечению антитеррористической защищенности охраняемого объекта, информирование правоохранительных органов о готовящихся, совершаемых либо совершенных на охраняемом объекте правонарушениях;

- информирование правоохранительных органов, в рамках которого граждане осуществляют осведомительную деятельность, информируют органы внутренних дел о готовящихся и совершенных преступлениях, лицах их совершивших, скрывающихся преступниках, похищенном имуществе, способствует профилактике, выявлению и пресечению противоправных деяний в целом;

- участие граждан в организационных мероприятиях и профилактике правонарушений в качестве понятых, статистов, дублеров, очевидцев, а также деятельность психологов, адвокатов, педагогов, волонтеров, представителей религиозных организаций, которые проводят корректирующую работу с несовершеннолетними, осужденными, лицами, в отношении которых применяется пробация, иными субъектами общественных отношений, направленную на профилактическое воздействие и корректирование правовой культуры и правосознания этих лиц, формирование устойчивой модели правомерного поведения;

- правозащитная деятельность со стороны соответствующих субъектов гражданского общества, ориентированная на оказание соответствующей помощи компетентным органам и создание в России эффективного правозащитного пространства.

Представленные специальные формы участия субъектов гражданского общества в противодействии преступности, как правило, направлены на отдельные участки правового пространства, где совершаются преступления и иные правонарушения. Правовые основы гражданского участия в охране прав и свобод граждан, реализации соответствующих форм такого участия, закреплены в ряде Федеральных законов: «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О противодействии коррупции», «О полиции», «Об участии граждан в охране общественного порядка», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и др. При этом стоит отметить, что специальные формы участия граждан в противодействии преступности не всегда являются результативными, они не претворяются в правоохранительную практику в полной мере и зачастую носят локальный характер. Например, народные дружины, общественные объединения правоохранительной направленности, независимые эксперты не всегда привлекаются правоохранительными органами, полицией, органами публичной власти для решения конкретных задач в сфере правоохраны.

Тем не менее, при определенном сочетании рассмотренных форм участия, установлении порядка, тактики их реализации и использования, исходя из территориальной необходимости и значимости, они могут демонстрировать свою востребованность и способны привести к разрушению преступной инфраструктуры, улучшить ситуацию с правами человека в стране. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации напрямую закрепляет необходимость взаимодействия органов публичной власти и гражданского общества в вопросах обеспечения национальной безопасности, укрепления законности, искоренения коррупции, защиты граждан от противоправных посягательств (ст. 5, 25, 26, 46)³. В связи с этим оправданным является законодательная работа по совершенствованию стратегического планирования в части противодействия преступности при непосредственном участии субъектов гражданского общества.

Представляется, что на федеральном уровне с учетом положений Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» целесообразно разработать стратегический акт (концепцию, примерное положение), закрепив в нем содержательные характеристики основных форм и направлений участия субъектов (институтов) гражданского общества в противодействии преступности, терроризму и экстремизму, укреплении национальной безопасности. В подобном акте могут быть перечислены и категориально рассмотрены принципы, статус участников, формы, задачи, порядок реализации, сферы, условия и показатели эффективности содействия, сотрудничества, взаимодействия субъектов гражданского общества с правоохранительными и иными органами публичной власти.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Стоит отметить, что доктринальное исследование организационно-правовых форм участия граждан в противодействии преступности основывается на практике привлечения общественных активистов к профессиональной деятельности в сфере правоохраны. При этом подобная классификация данных форм участия способна не только обеспечить необходимое информационное, научно-исследовательское и учебно-методическое сопровождение правоохранительного механизма, но и сформировать правовую технологию правовой деятельности граждан в наиболее актуальных и востребованных направлениях укрепления законности и правопорядка. Поступательная реализация имеющихся организационно-правовых ресурсов гражданского общества в функционировании правоохранительной системы, совершенствование механизма взаимодействия общественных и государственных структур способны обеспечить взаимное доверие государства и общества, устойчивость национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаров С.Н. Охранительная функция права и правоохранительная деятельность: структурно-функциональный подход к содержанию взаимосвязи // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 1(112).
2. Шапиро Л.Г., Гарига О.А. Трансформация взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в современных условиях борьбы с преступностью // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4.
3. Гуськова А.Б. Уголовный процесс и содействие правосудию: стратегия обеспечения справедливости // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2(113).
4. Латыпов В.С. Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1(17).
5. Фомичев А.А. Средства, используемые в деятельности органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2(109).
6. Федотова Ю.Г. Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
7. Ахматов А.В. Теоретико-методологические особенности законности: системно-деятельностный подход // Государство и право. 2025. № 3.
8. Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы // Российская юстиция. 2018. № 6.

REFERENCES

1. Nazarov S.N. The protective function of law and law enforcement: a structural and functional approach to the content of the relationship // Jurist-Pravoved. 2025. № 1(112).
2. Shapiro L.G., Gariga O.A. Transformation of law enforcement agencies' interaction with the public in modern conditions of combating crime // Legal policy and legal life. 2021. № 4.
3. Guskova A.B. Criminal procedure and assistance to justice: a strategy for ensuring justice. // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2(113).
4. Latypov V.S. The Legal Institute for the Promotion of Justice: issues of existence and further expansion // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2024. № 1(17).
5. Fomichev A.A. The means used in the activities of internal affairs bodies: a theoretical and legal aspect // Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109).
6. Fedotova Yu.G. Constitutional and legal provision of national security of the Russian Federation: textbook, 2nd ed., revised. Moscow, 2024.
7. Akhmatov A.V. Theoretical and methodological features of legality: a system-activity approach // State and Law. 2025. № 3.
8. Teplyashin I.V. The participation of civil society institutions in the formation of public councils under government authorities: the main ways and some problems // Russian Justice. 2018. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тепляшин Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Сибирский юридический институт МВД России. 660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

ORCID: 0000-0001-7849-6059

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Teplyashin Ivan Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20, Rokossovsky St., Krasnoyarsk 660131 Russian Federation.

Научная статья
УДК 336.221

**РЕФОРМА КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ИССЛЕДОВАНИЕ
ИЗМЕНЕНИЙ ПРАВОВЫХ НОРМ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Брюхнов Александр Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
lexandr@mail.ru

Мойса Ольга Ивановна

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
olay_2002@list.ru

Введение: необходимо выявление закономерного влияния реформы контрольно-надзорной деятельности на изменения административной ответственности, исследование правоприменительной практики, связанной с контрольно-надзорной деятельностью органов государственной власти и текущих изменений в законодательстве.

Материалы и методы: основной научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий.

Методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: проведен анализ контрольно-надзорной реформы, исследованы изменения правовых норм, выявлены особенности правоприменительной практики, связанной с применением административной ответственности.

Выводы и заключения: мораторий на проведение проверок остался в частичном облике до 2030 г., в то время как риск-ориентированный подход набирает обороты, создан и функционирует ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий», ФГИС «Единый реестр проверок». Органами публичной власти разработаны критерии для распределения хозяйствующих субъектов по рискам, при этом риск можно снизить при прохождении независимой оценки, самообследований, соблюдения законодательства, страхования рисков и т. д. Категория риска может быть увеличена по разным основаниям, например, если юридическое лицо окажется в реестре работодателей, у которых были выявлены факторы нелегальной занятости.

Ключевые слова: государственный контроль, административное правонарушение, административная ответственность.

Для цитирования: Брюхнов А. А., Мойса О. И. Реформа контрольно-надзорной деятельности и административная ответственность: исследование изменений правовых норм и их практической реализации / А. А. Брюхнов, О. И. Мойса // Юрист Правоведъ: науч.-теретич. и информац.-методич. журнал. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 25–31

Original paper

**THE REFORM OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES AND
ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: A STUDY OF CHANGES IN LEGAL NORMS
AND THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION**

Bryukhnov Alexander Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Moisa Olga Ivanovna

Lebedev Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: it is necessary to identify the natural impact of the reform of control and supervisory activities on changes in administrative responsibility, to study law enforcement practices related to the control and supervisory activities of public authorities and current changes in legislation.

Materials and methods: the main scientific article was the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals. Methods: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: the analysis of the control and supervisory reform has been carried out, changes in legal norms have been investigated, and the specifics of law enforcement practice related to the application of administrative responsibility have been identified.

Findings and conclusions: the moratorium on inspections remained in partial effect until 2030, while the risk-based approach is gaining momentum, and the FGIS «Unified Register of Control (Supervisory) Measures» and the FGIS «Unified Register of Inspections» have been created and are functioning. Public authorities have developed criteria for allocating business entities by risk, while the risk can be reduced through independent assessment, self-examination, compliance with legislation, risk insurance, etc. The risk category may be increased for various reasons, for example, if a legal entity appears in the register of employers who have identified factors of illegal employment.

Keywords: state control, administrative offense, administrative responsibility.

For citation: Bryukhnov A. A., Moisa O. I. The reform of control and supervisory activities and administrative responsibility: a study of changes in legal norms and their practical implementation / A. A. Bryukhnov, O. I. Moisa // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114).* – Pp. 25–31

В рамках государственного контроля (надзора) и муниципального контроля проводится комплекс мероприятий, направленных на выявление и пресечение органами публичной власти, наделенными соответствующими властными полномочиями, нарушений обязательных требований, установленных законом, подзаконными актами и актами органов местного самоуправления. Указанный комплекс включает профилактические, пресекающие меры, методику оценивания рисков совершения гражданами и организациями правонарушений, оценку соблюдения ими законодательных требований нормативно-правовых актов.

Контрольно-надзорная деятельность регламентируется массивом подзаконных нормативно-правовых актов, принятых во исполнение Федеральных законов: от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 248), от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В теории административного права присутствуют споры относительно правовой природы контрольно-надзорной деятельности, особенностей и отличия государственного контроля от надзора. Целью настоящего исследования не является необходимость отыскания истины в сущности понятий «контроль» и «надзор», а только выявление закономерного влияния реформы контрольно-надзорной деятельности на изменения административной ответственности, исследование правоприменительной практики, связанной с контрольно-надзорной деятельностью органов государственной власти и текущих изменений в законодательстве.

Жесткие рамки надзора невозможны при построении рыночной экономики, создание гибкой системы контроля и надзора с учетом необходимости внедрения простого и логичного способа осуществления подобной деятельности при соблюдении требований обоснованности, соразмерности, справедливости, законности и тех основ конституционного строя, которые направлены на построение правового социального государства с развитой экономикой. С 1998 г. с принятием Указа Президента РФ от 29 июня № 730 «О мерах по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства» по настоящее время контрольная и надзорная деятельность пребывают в состоянии периодического реформирования, направленного на совершенствование форм и методов деятельности органов государственного управления или публичных администраций.

В 2020 г. процесс реформирования выразился в принятии следующих законов: ФЗ № 248 и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 247).

Федеральный закон № 247 содержит нормы, регламентирующие порядок установления требований в нормативно-правовых актах, регулирующих не только предпринимательскую

деятельность, но и контрольную (надзорную) деятельность органов публичной власти, а так же основы их деятельности, связанной с осуществлением процедур таких, как лицензионно-разрешительное, регистрационное и иные виды производств.

С 2020 г. система контрольно-надзорной деятельности ориентирована на профилактическую работу, внедрение цифровых технологий, системы оценки рисков и применения системы досудебного обжалования. Общее количество видов контрольно-надзорной деятельности сократилось в половину от действующих до реформы 2020 г. В 2022 г. Правительством РФ был введен мораторий на проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности. По данным Комиссии Совета Федерации по мониторингу законодательства РФ в сфере государственного и муниципального строительства в 2022 г. по сравнению с 2019 г. количество проверок сократилось в несколько раз [1].

С 1 января 2025 г. осуществляется переход от моратория к применению системы оценки и управления рисками. В соответствии с докладом Правительства РФ и Министерства экономического развития РФ в 2024 г., нарушения были выявлены в 250, 6 тысячах контроль-надзорных мероприятий, что составляет больше половины всех мероприятий, проведенных в соответствии с законодательством [2]. Органы исполнительной власти такую статистику объясняют двумя факторами: изменением системы управления рисками и функционированием Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. При этом от вида контрольно-надзорных мероприятий не зависит количество выявленных правонарушений. Наблюдается тенденция к росту количества контрольных (надзорных) мероприятий, связанных с индикатором риска, например, документарных проверок. На практике растет количество проведения инспекционных визитов и выборочного контроля, доля которого существенно выросла в области надзора за соблюдением прав потребителей.

Инспекционный визит следует отличать от профилактического визита – новеллы законодательства о контрольно-надзорной деятельности.

В соответствии со ст. 52 ФЗ № 248 профилактический визит не относится к контрольным (надзорным) мероприятиям, его существо составляет беседа с инспектором.

Однако следует отметить, что ФЗ № 248 содержит два вида профилактических визита: обязательный профилактический визит и профилактический визит, по результатам которого дается публичная оценка деятельности контролируемого лица. По результатам обязательного профилактического визита может быть вынесено предписание об устранении нарушений. Таким образом, возникает вопрос, относится ли обязательный профилактический визит к контрольно-надзорным мероприятиям, если по его результатам может быть вынесен акт в порядке, предусмотренном для подобных действий.

Инициатива проведения не обязательного профилактического визита может исходить не только от органа публичной власти, но и от контролируемого лица, в отношении которого осуществляется контроль и надзор. В законодательстве есть прямое указание на императивность нормы о невозможности отказа от профилактического визита, который проводится в обязательном порядке для отдельных категорий контролируемых лиц.

До 1 января 2030 г. установлены особенности проведения профилактического визита в соответствии с Постановлением Правительства от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (далее – Постановление Правительства № 336), которые затронули сферу реализации никотиносодержащей, алкогольной продукции, ценнообразования лекарственных и средств и т. д.

Следует отметить, что на основании не обязательного профилактического визита не может быть составлен акт, содержащий предписывающие нормы. Однако если при проведении вышеуказанного визита будет установлено нарушение, угрожающее охраняемым ценностям или причиняющие им вред, то инспектор обязан сообщить контроль-надзорному органу, а тот в свою очередь принять решение о проведении контрольно-надзорного мероприятия.

Обязательный профилактический визит следует отличать от инспекционного визита, например, по срокам проведения и кругу контролируемых лиц. Срок проведения инспекционного визита не должен превышать один рабочий день на одном контролируемом объекте, а обязательный профилактический визит – десять рабочих дней (срок может быть продлен при назначении экспертизы). Законодатель не ставит длительность срока в зависимость от количества проверяемых объектов для обязательного профилактического визита.

Внеплановый инспекционный визит должен быть согласован с органами прокуратуры за исключением случаев, установленных законом, обязательный профилактический визит может быть проведен повторно (внепланово), если контролирующим органом зафиксирована невозможность его проведения. Акт об устранении нарушений, как и акт о невозможности проведения обязательного профилактического визита должны быть отражены в соответствующем реестре контрольно-надзорных мероприятий.

До 2030 г. продлен мораторий на некоторые виды плановых проверок, однако есть исключения, например, организации, в управлении которых находятся объекты, отнесенные к категориями чрезвычайно высокого или высокого риска, гидротехнические сооружения II класса.

В числе изменений новый вид акта – соглашение о надлежащем устранении выявленных нарушений, которые составляется по результатам проведения проверки. В данном виде акта прослеживается диспозитивный метод норм права, однако мы не исключаем императивности предписания, вынесенного органами публичной власти в отношении контролируемого лица. Для заключения подобного соглашения с контрольным (надзорным) органом необходимо выполнить ряд условий:

1. Подать ходатайство о заключении соглашения (это право контролируемого лица, а не обязанность контрольно-надзорного органа).
2. Контролируемое лицо (его исполнительный орган или учредитель) обязуются выполнять мероприятия, перечисленные в соглашении, например, ликвидировать негативные последствия.
3. Контролируемое лицо обеспечивает доступ контролирующего органа на соответствующий объект проверки для осуществления оценки выполнения мероприятий, указанных в соглашении.

Порядок заключения и продления соглашения установлен Правительством РФ, при этом в законодательстве в качестве обязательных требований к содержанию соглашения установлены: перечень выявленных нарушений, программа мероприятий по устранению нарушений, включающая оценку исполнения этапов программы, срок исполнения.

Органы прокуратуры должны утвердить указанное соглашение. В случае заключения соглашения орган публичной власти, осуществляющий государственный контроль (надзор), приостанавливает действие предписания. В случае выявления признаков административного правонарушения привлекает контролируемое лицо к административной ответственности или передает сведения в орган, имеющий полномочия на рассмотрение дела об административном правонарушении.

В таком случае не ясна цель заключения данного соглашения, будет ли оно служить основанием для смягчения административной ответственности или позволит избежать ответственности для юридического лица, с привлечением к ответственности должностного лица?

В настоящее время существуют два законопроекта, касающиеся административной ответственности за нарушения, выявленные в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий. Один из них (№ 901935-8) посвящен новому основанию освобождения от административной ответственности при условии исполнения соглашения, заключенного с органом публичной власти. Предлагается статью 2.10 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КРФобАП) изложить в редакции, содержащей не только основание для освобождения от ответственности – исполнение соглашения, но и факт заключения соглашения, в данном случае становится основанием для приостановления производства по делу об административном правонарушении и приостановления течения срока давности привлечения к административной ответственности (таким образом изменяется статья 4.5 КРФобАП). Приостановление сроков давности привлечения к административной ответственности снизит риск злоупотребления правом со стороны контролируемого субъекта – правонарушителя. Реакция законодателя представляется логичной – законопроект принят Государственной Думой в первом чтении 18 июня 2025 г., при этом установлен срок внесения поправок с учетом заключения правового управления, в котором справедливо указано на недостатки предлагаемой редакции, например, отсутствует указание на конкретные виды правонарушений, к которым может быть применен подобный механизм, т. к. за некоторые правонарушения установлено наказание в виде приостановления деятельности или дисквалификация. Согласимся с той частью заключения, в которой сказано, что не следует излагать статью 2.10 КРФобАП в редакции, полностью исключая общие

положения применения к юридическим лицам административной ответственности, возможно статью следует дополнить новым основанием или ввести отдельную статью [3].

В контексте применения данного вида методов государственного принуждения интересным представляется вопрос согласования норм, которые возможно закрепят освобождение от ответственности и общих правил назначения административного наказания юридических лиц в контексте нормы, закрепляющей оговорку о необходимости доказывания условий и возможностей соблюдения юридическим лицом обязательных требований законодательства для установления виновности юридического лица в намеренном или халатном невыполнении данных требований.

Кроме того, ответственность юридического лица не тождественна вине физического лица [5].

Второй законопроект, находящийся на рассмотрении Государственной Думы РФ, касается смягчения административной ответственности при проведении государственного контроля и надзора. В пояснительной записке к Проекту федерального закона № 941255-8 сказано, что он разработан с целью преодоления правовых коллизий и для поддержки субъектов предпринимательской деятельности. Несмотря на проведение реформы контрольно-надзорной деятельности, по мнению составителей законопроекта, «концепция сокращения давления на предпринимателей не распространилась на урегулирование отношений бизнеса и власти при реализации функций возложенных на органы и должностных лиц федеральными законами либо нормативно-правовыми актами Президента, Правительства, не относящихся к предмету регулирования ФЗ № 248» [4]. Речь идет о том, что в ряде случаев невозможна замена административного штрафа предупреждением, т. к. правонарушение было выявлено не в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятиях по ФЗ № 248, а в результате реализации иных государственных полномочий, своим содержанием составляющих суть государственного контроля (надзора). Например, ст. 4.1.1 КРФОбАП содержит основания о замене штрафа предупреждением при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КРФОбАП, например, при отсутствии имущественного ущерба или реально причиненного вреда. А в ст. 13.19 КоАП РФ такого основания не предусмотрено, что подтверждается судебной практикой. Составители законопроекта ссылаются на отрыв практики применения смягчающих обстоятельств при привлечении к административной ответственности от принципа равенства перед законом при осуществлении органами публичной власти контроля (надзора) и предлагают внести изменения в ст. 4.1.1 и ч. 3.5 ст. 4.1 КРФОбАП, дополнив их основанием замены штрафа на предупреждение в случае впервые совершенного правонарушения в области предпринимательской (экономической) деятельности в ходе осуществления контроля и надзора не только в рамках ФЗ № 248, но и в случаях возложения на органы государственной власти контрольно-надзорных полномочий подзаконными актами Президента и Правительства РФ, при условии отсутствия причинения вреда или угрозы причинения вреда охраняемым законом отношениям и объектам. Следует отметить, что Верховный Суд РФ в своей практике неоднократно указывал на необходимость толкования термина «государственный контроль (надзор)» в широком смысле [6].

К государственному контролю и надзору не относится деятельность органов прокуратуры, что прямо указано в ФЗ № 248.

Вместе с тем отметим, что разграничение терминов «контрольная деятельность» и «надзорная деятельность» возможно, изменило бы доктринальные и правоприменительные споры о толковании и применении правовых дефиниций то в узком, то в широком смысле.

Судебная практика в период действия реформы 2021 г. так же претерпевала изменения, вопросы у судов возникали и при оценке возможности применения ч. 2 ст. 1.7 КРФОбАП при отмены обязательного требования в рамках действия «регуляторной гильотины», ст. 15 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Для верной квалификации судам следовало установить время совершения правонарушения и факт действия на дату совершения правонарушения, возбуждения дела об административном правонарушении или вынесения постановления по делу обязательных требований, установленных определенными подзаконными актами. Заслуживает поддержки позиция Е.А. Дмитриковой, которая разделяет тезис, изложенный в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа по делу № А76-21111/2021, о том, что в данном случае «механизм регуляторной гильотины» не отменяет и не может в этой связи рассматриваться как способ изложения более мягкого административно-деликтного закона, поэтому в рассматриваемом случае не идет речь именно об обратной силе соответствующих норм» [7].

В условиях действия моратория на практике не редко возникал вопрос о невозможности применения положений новой редакции статьи 28.1 КРФобАП, речь идет о следующих поводах к возбуждению дела об административном правонарушении: поводом может являться проведение контрольного (надзорного) мероприятия или применение обеспечительных мер, например, временного запрета деятельности, до оформления результатов контрольного (надзорного) мероприятия или сообщение от физических, юридических лиц, содержащие данные о событии административного правонарушения.

При проведении внеплановых проверок следует согласовывать действия с органами прокуратуры в соответствии с требованиями ФЗ № 248 и на основании Приказа Генпрокуратуры России от 2 июня 2021 г. № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В настоящее время существует порядок согласования внеплановых проверок и извещения органов прокуратуры при проведении срочной внеплановой проверки, например, при угрозе жизни, здоровью граждан. Следует отметить, что в случае поступления сообщения о противоправном деянии, содержащим признаки правонарушения, орган публичной власти обязан отреагировать установленным законом образом, однако в случае невозможности проведения проверки и возбуждения по ее результатам дела об административном правонарушении, формулировка в отказе должна содержать указание на нормативно-правовой акт, препятствующий проведению проверки или сослаться на отказ в согласовании со стороны органов прокуратуры, иначе возникает вопрос о бездействии со стороны контролирующего органа.

В условиях систематического реформирования контрольно-надзорного законодательства возникает вопрос о порядке применения ст. 28.1 КРФобАП и необходимость в единообразном толковании ее норм.

Еще одной новеллой законодательства об административной ответственности, связанной с реформой контрольно-надзорной деятельности, является внесение изменений в ст. 19.4.1 КРФобАП, уточняющих описание противоправного деяния. Теперь наказуемы не только воспрепятствование и уклонение от проверок надзорных и контрольных органов, но воспрепятствование или уклонение от контрольных (надзорных) мероприятий.

В примечании к ст. 19.4.1 КРФобАП уточнено понятие « контрольно-надзорное мероприятие», под ним в целях вышеуказанной статьи понимаются все виды мероприятий, осуществляемые в рамках контроля (надзора) и при реализации иных подобных функций, возложенных на должностных лиц в соответствии с федеральным законодательством или подзаконными актами Президента и Правительства. Также под контрольно-надзорным мероприятием в контексте статьи следует понимать специальный режим.

В первоначальном варианте законопроекта о внесении изменений в ст. 19.4.1 КРФобАП было предложено установление штрафа за уклонения от контрольно-надзорных мероприятий и воспрепятствование деятельности инспектора в размерах от 250 000 до 1 000 000 руб.

В настоящем исследовании предпринята попытка анализа влияния реформы контрольно-надзорной деятельности на административную ответственность. Мораторий на проведение проверок остался в частичном облике до 2030 г., в то время как риск-ориентированный подход набирает обороты, создан и функционирует ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий», ФГИС «Единый реестр проверок». Органами публичной власти разработаны критерии для распределения хозяйствующих субъектов по рискам, при этом риск можно снизить при прохождении независимой оценки, самообследований, соблюдения законодательства, страхования рисков и т. д. Категория риска может быть увеличена по разным основаниям, например, если юридическое лицо окажется в реестре работодателей, у которых были выявлены факторы нелегальной занятости.

Реформа контрольно-надзорной деятельности продолжается и затрагивает все сферы экономики, предпринимательской деятельности, существует вектор разделения контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях, однако контроль и надзор органов публичной власти по-прежнему является одним из действенных механизмов выявления административных правонарушений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2025).
2. Сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

3. Сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2025).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П, Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2021 г. № 560-О. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.04.2025).
5. Определение Верховного Суда от 02.08.2019 г. № 307-ЭС19-12049, Определение Верховного Суда от 27.03.2019 г. № 301-ЭС19-1849. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Дмитрикова Е.А. Влияние законодательства о государственном контроле (надзоре) на практику применения законодательства об административных правонарушениях // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.10.2021 г. по делу № А42-9922/2020 Арбитражного суда Мурманской области. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
8. Решение судьи Хивского районного суда Республики Дагестан от 10.06.2021 г. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

REFERENCES

1. The website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru> (date of access: 05.28.2025).
2. Website of the Government of the Russian Federation: <http://static.government.ru> (date of access: 05.10.2025).
3. Website of the State Duma of the Russian Federation: <https://sozd.duma.gov.ru> (date of access: 08.01.2025).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 14, 2020 № 17-P, Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 25, 2021 № 560-ОП, THE. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 28.04.2025).
5. Supreme Court Ruling No. 307-ES19-12049 dated 08.22.2019, Supreme Court Ruling № 301-ES19-1849 dated 03.27.2019. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.10.2025).
6. Dmitrikova E.A. The influence of legislation on state control (supervision) on the practice of applying legislation on administrative offenses // Law enforcement. 2024. Vol. 8. № 3.
7. The decision of the Arbitration Court of the North-Western District dated 19.10.2021 in the case № А42-9922/2020 of the Arbitration Court of the Murmansk region. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.10.2025).
8. The decision of the judge of the Khivsky District Court of the Republic of Dagestan dated 06.10.2021. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брюхнов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Мойса Ольга Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bryukhnov Alexander Anatolyevich, Phd in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Moisa Olga Ivanovna, Phd in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Russian State University of Justice. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.9:343.2

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

Денисенко Виктор Васильевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
profdenisenko@mail.ru

Денисенко Снежана Геннадьевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
denisenkosg@list.ru

Осяк Андрей Николаевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
aosiak2@mvd.ru

Введение: в современной юридической науке все большее значение приобретает изучение роли потерпевшего в процессе совершения правонарушений и преступлений. В рамках данной статьи рассматриваются особенности проявления виктимности в административных правонарушениях и преступлениях со смежными составами, где действия потерпевшего могут влиять на квалификацию деяния.

Материалы и методы: основу для написания статьи составили нормативно-правовые акты (КоАП РФ, Уголовный кодекс РФ,); научные публикации отечественных исследователей; международные стандарты в области прав человека и виктимологии. Используются нормативно-правовой анализ, метод сравнительного анализа, изучение международного опыта.

Результаты исследования: выявлены основные виды виктимного поведения, определены особенности учета виктимности в административном и уголовном праве, выявлены ключевые проблемы правоприменения; проанализирован международный опыт, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Выводы и заключения: проведенное исследование подтверждает значимость учета виктимности при рассмотрении административных правонарушений и преступлений со смежными составами. Виктимное поведение потерпевшего может существенно влиять на квалификацию деяния, однако в текущей правоприменительной практике этот аспект зачастую игнорируется или учитывается дискреционно.

Ключевые слова: виктимность, административное правонарушение, преступление, смежные составы, потерпевший, правовая оценка.

Для цитирования: Денисенко В. В., Денисенко С. Г., Осяк А. Н. Особенности виктимности административных правонарушений и преступлений со смежными составами / В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко, А. Н. Осяк // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 32–37

Original paper

FEATURES OF VICTIMIZATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES WITH RELATED COMPOSITIONS

Denisenko Viktor Vasilievich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Denisenko Snezhana Gennadievna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Osiak Andrey Nikolaevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in modern legal science, the study of the role of the victim in the process of committing offenses and crimes is becoming increasingly important. Within the framework of this article, the features of the manifestation of victimhood in administrative offenses and crimes with related compositions are considered, where the actions of the victim can affect the qualification of the act.

Materials and methods: the basis for writing the article was made up of regulatory legal acts (Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation); scientific publications of domestic researchers; international standards in the field of human rights and victimology. Used regulatory analysis, comparative analysis method, study of international experience.

Results of the study: the main types of victimization behavior were identified, the features of accounting for victimization in administrative and criminal law were identified, key problems of law enforcement were identified; international experience was analyzed, proposals for improving legislation were formulated.

Findings and conclusions: the study confirms the importance of taking into account victimhood when considering administrative offenses and crimes with related compositions. Victimized behavior of the victim can significantly affect the qualification of the act, but in current law enforcement practice this aspect is often ignored or taken into account discretionally.

Keywords: victimhood, administrative offense, crime, related compositions, victim, legal assessment.

For citation: Denisenko V. V., Denisenko S. G., Osiak A. N. Features of victimization of administrative offenses and crimes with related compounds / V. V. Denisenko, S. G. Denisenko, A. N. Osiak // *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 32–37

Проблема виктимности (поведения потерпевшего, способствующего совершению правонарушения или преступления), имеет значение, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Особенно сложным представляется ее применение к случаям, когда речь идет о смежных составах правонарушений, т. е. таких деяниях, которые могут быть квалифицированы как административное правонарушение или как преступление в зависимости от степени общественной опасности. Согласимся с тем, что «неверная квалификация схожих на первый взгляд посягательств на практике может привести к нарушению общеправового принципа законности, чрезмерному применению уголовной репрессии, ущемлению прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 212].

Актуальность исследования обусловлена увеличением числа дел, в которых действия потерпевшего влияют на характер и степень противоправного поведения, неоднозначностью правоприменительной практики, недостаточной разработанностью понятийного аппарата и методики оценки виктимного поведения в административном праве.

Целью настоящей работы авторы поставили выявление особенностей проявления виктимности в сфере административных правонарушений и преступлений со смежными составами, а также определение роли потерпевшего в квалификации деяний.

Формирование виктимности происходит с учетом различных обстоятельств. Современные динамические социальные изменения предъявляют высокие требования к личности, ее адаптационным и ресурсным способностям, жизненному потенциалу. Своеобразным психологическим отражением «несоответствия» человека требованиям сложных общественных реалий, индикатором трудностей/невозможности приспособления к сложившейся ситуации является феномен виктимности [2].

В правовой науке виктимность – это совокупность личностных, поведенческих и ситуационных характеристик потерпевшего, которые могут способствовать совершению преступления или правонарушения либо усугубить его последствия. «Виктимность означает повышенную способность (повышенные свойства) человека и определенной группы людей (общности людей) становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений» [3, с. 241].

В рамках административного права этот термин используется реже, чем в уголовном, однако его значение становится очевидным при рассмотрении случаев насилия в семье, сопровождающегося побоями (ст. 6.1.1 КоАП РФ), самовольного занятия земельного участка (ст. 7.1 КоАП РФ), провокации должностных лиц, осуществляемой в ходе воспрепятствования законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора, должностного лица органа муниципального контроля (ст. 19.4.1 КоАП РФ), мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ) и др.

Существует несколько подходов к классификации виктимности [4; 5, с. 201–203]. Среди наиболее распространенных типов виктимности можно выделить следующие:

- пассивная – потерпевший не осознает угрозы, не принимает мер предосторожности;
- активная – действия потерпевшего провоцируют совершения деяния;
- невменяемая – связана с состоянием здоровья, возрастом, наркотическим опьянением;
- деликтогенная – прямое участие потерпевшего в развитии ситуации.

И хотя эти формы виктимности были выделены применительно к уголовному праву как криминальная виктимность [6, с. 64–68], они, на наш взгляд, успешно могут быть использованы и в административно-деликтной практике. Делая такой вывод, авторы исходят из логики «единого подхода к исследованию преступлений и административных деликтов» [7], из «общности преступлений и административных правонарушений в рамках единой системы деликтов и наличия проблем, имеющих общеделиктологический характер» [8].

Конечно, на оценку виктимности административных правонарушений и преступлений влияет латентность. «Применительно к преступности как естественная, так и искусственная латентность с большей или меньшей степенью вероятности поддается учету. Сложнее дело с реальной оценкой административных проступков, латентность которых неизмеримо выше. Исходя из анализа практики правоохранительных органов и современных научных представлений, полагаем возможным принять в качестве исходного положения утверждение о том, что уровень латентности деликтов обратно пропорционален степени их тяжести и общественной опасности» [9, с. 251].

По нашему глубокому убеждению виктимность в административных правонарушениях имеет свои особенности, связанные со спецификой роли потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях. В отличие от уголовного процесса, в административно-деликтном праве потерпевший может фигурировать лишь в ограниченном круге дел, например, при нарушении авторских прав (ст. 14.10 КоАП РФ); мелком хулиганстве (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ), при нарушении порядка проведения собраний и митингов (ст. 20.2 КоАП РФ). Однако даже в этих случаях виктимное поведение может оказывать влияние на квалификацию деяния и меру ответственности. Рассмотрим сказанное на примере нарушения авторских прав. Автор загружает свое произведение на сайт без указания условий использования, другой пользователь скачивает и использует материал, не указывая авторство, а автор на это подает жалобу в суд, требуя возбуждения уголовного дела. В данном примере виктимный аспект проявляется в том, что действия потерпевшего могли быть расценены как согласие на использование произведения, что снижает степень противоправности действий лица, привлекаемого к ответственности, и это может служить основанием для применения административной, а не уголовной ответственности. Еще пример. Конфликт между гражданами перерос в словесную перепалку, в которой потерпевший сам провоцировал нарушителя, впоследствии был составлен протокол об административном правонарушении по факту мелкого хулиганства. В этом случае при рассмотрении дела о мелком хулиганстве и назначении меры воздействия мировой судья либо начальник органа внутренних дел (полиции) могут учесть виктимный аспект, а именно провокационное поведение потерпевшего.

Современное административно-деликтное и уголовное законодательство содержат немало смежных составов, разграничение которых осуществлено технико-юридическими приемами [10, с. 19–23]. И такие противоправные деяния формально могут быть квалифицированы как административное правонарушение или как преступление в зависимости от тяжести последствий и обстоятельств дела. Среди наиболее распространенных смежных составов: ст. 14.10 КоАП РФ и ст. 146 УК РФ (нарушение авторских прав), ст. 14.33 КоАП РФ и ст. 151 УК РФ (незаконное использование товарного знака), ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление) и ст. 119 УК РФ (угроза убийством). И в каждом из этих составов роль потерпевшего может существенно влиять на выбор квалификации.

Сравнительный анализ виктимности в административно-деликтном и уголовном праве для наглядности представим в таблице.

Критерий	Административно-деликтное право	Уголовное право
Значимость виктимности	Часто игнорируется или не учитывается должным образом	Может быть учтена как смягчающее или отягчающее обстоятельство
Правовое регулирование	Отсутствие специальных норм, учитывающих виктимность	Возможность применения положений о провокации (например, ч. 4 ст. 114 УК РФ)
Роль потерпевшего	Формальный статус есть, но фактически не участвует в производстве по делу об административном правонарушении	Может быть допрошен, давать показания, участвовать в процессе
Меры воздействия	Ограниченная вариативность (предупреждение, административный штраф, административный арест)	Широкий спектр санкций, включая лишение свободы
Процессуальные гарантии	Ограничены, потерпевший не имеет самостоятельного статуса	Обеспечены законом, потерпевший наделяется правами участника процесса

Не можем не обратить внимание на проблемы учета виктимности в судебной практике. На сегодняшний день отсутствует единая методика, нет единой системы оценки виктимного поведения, что порождает неоднородную судебную практику. Вследствие этого, в одних случаях суды признают провокацию потерпевшего и прекращают производство, в других – полностью игнорируют вклад потерпевшего в развитие событий. В качестве одного из объяснений такой практики может быть названа сложность доказывания. Это обусловлено тем, что виктимность часто трудно доказать в силу: субъективного характера поведения, отсутствия объективных доказательств, недостаточной квалификации сотрудников органов внутренних дел и судей. Наряду с этим, обратим внимание на издержки нормативного регулирования.

В ряде стран виктимность учитывается как фактор, влияющий на квалификацию деяния [11, с. 62–72]. Так, в США в случае provocation (провокации) суд может смягчить наказание или исключить квалификацию как преступления. В Германии в административном праве применяется система *Ordnungswidrigkeitengesetz*, где виктимность может быть учтена при оценке вины. Во Франции в административном процессе активно развивается институт медиации, позволяющий учитывать поведение потерпевшего в деле о правонарушении. В отличие от некоторых стран, где виктимность учитывается в законодательстве, в России не существует четкого правового механизма, позволяющего учитывать виктимное поведение в целях квалификации и назначения меры ответственности. Интеграция лучшей международной практики в российское административно-деликтное и уголовное законодательство может способствовать более справедливому правоприменению. По справедливому утверждению Майорова А.В. и Хашимова А.А., «изучение и анализ зарубежного опыта в этой области и его научно обоснованная корректировка применительно к современным социальным условиям в России позволят преодолеть имеющийся разрыв, наметить первостепенные задачи для

формирования и реализации виктимологической политики государства в целях повышения правового и социального уровней защиты жертв преступлений (потерпевших)» [11, с. 70].

В учебной литературе приводится мнение, что «виктимность может пониматься в двух смыслах: как предрасположенность отдельных людей стать жертвой (в криминологическом аспекте – преступления) и как неспособность общества и государства защитить своих граждан» [12, с. 199].

В исследовании мы опирались на «традиционное понимание виктимности как определенных социально-демографических, поведенческих и иных особенностей жертв преступных посягательств», и оставили за скобками «второе ее понимание как неспособность государства защитить жертву от преступности» [13, с. 44].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд предложений по учету виктимности в правоприменении.

Во-первых, видится необходимость введения института провокации в административно-деликтном праве. Аналогично ч. 4 ст. 114 УК РФ (провокация взятки) целесообразно предусмотреть норму, предусматривающую прекращение производства по делу об административном правонарушении, если действия потерпевшего были направлены на побуждение к совершению административного правонарушения.

Во-вторых, требуется разработка рекомендаций для судов. В этой связи Верховному Суду РФ целесообразно: дать разъяснение о возможности учета виктимного поведения при рассмотрении дел, определить критерии, при наличии которых виктимность может повлиять на меру ответственности, создать единые подходы к оценке доказательств, связанных с поведением потерпевшего.

В-третьих, представляется логичным ведение категории «пострадавшего» в КоАП РФ. В настоящее время в КоАП РФ правовой статус потерпевшего прописан фрагментарно. Это ограничивает возможность защиты интересов пострадавшего и затрудняет реализацию принципов справедливости и состязательности. Введение специального раздела или главы в КоАП РФ, регулирующей статус и права пострадавшего, повысит уровень защиты его интересов и позволит учитывать виктимный аспект при квалификации деяний.

В заключение отметим, что изучение виктимности в сфере административных правонарушений и преступлений со смежными составами имеет значение для обеспечения законности, справедливости и равноправия сторон. Виктимное поведение потерпевшего может существенно влиять на квалификацию деяния, однако в текущей правоприменительной практике этот аспект зачастую игнорируется или учитывается дискреционно. Только системный подход позволит обеспечить объективность, законность и равноправие сторон при рассмотрении дел, где действия потерпевшего имеют значение для квалификации деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольшевская О.В., Попович О.М. Актуальные вопросы разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4.
2. Фоминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Научно-методический электронный журнал «Концепт» 2014. № 5.
3. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Вестник Алтайского государственного университета, 2011. № 2. Т. 1.
4. Вишневецкий К.В. Классификация виктимности // Сетевое издание. Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/teoriya-i-praktika-obshchestvennogo-razvitiya?i=885059> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Шагиева А.А. К вопросу о разнообразии подходов в изучении виктимологии и виктимного поведения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. Вып. 5-4.
6. Тишина Т.М. Виктимность и виктимизация как основные категории криминальной виктимологии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3.
7. Денисенко В.В. Деликтология: предмет, метод и система науки. Ростов н/Д, 2001.
8. Денисенко В.В. Деликтология: от конфронтации к интеграции административной деликтологии и криминологии // Административное право и процесс. 2011. № 6.
9. Денисенко В.В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки // Общество и право. 2014. № 4.
10. Андрианов В.К. Техничко-юридическая сторона разграничения преступлений и смежных административных правонарушений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3.
11. Майоров А.В., Хашимов А.А. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1.

12. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.

13. Фещенко П.Н. Второе понимание виктимности: причины возникновения и проблемы нейтрализации // Виктимология. 2018. № 1.

REFERENCES

1. Olshevskaya O.V., Popovich O.M. Topical issues of delimitation of related compositions of administrative offenses and crimes//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4.

2. Fominykh E.S. Psychological mechanisms of victimhood//Scientific and methodological electronic journal «Concept» 2014. № 5.

3. Emelyanov I.L. Victimization and victimization: concept, types, problems of prevention// Bulletin of Altai State University, 2011. № 2. VOL. 1.

4. Vishnevetsky K.V. Classification of victimhood//Network edition. Social development theory and practice. 2014. № 2. URL: // <https://cyberleninka.ru/journal/n/teoriya-i-praktika-obschestvennogo-razvitiya?i=885059>. (date of access: 25.05.2025).

5. Shagiya A.A. To the question of the diversity of approaches in the study of victimology and fictitious behavior // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 5–4.

6. Tishina T.M. Victimization and victimization as the main categories of criminal victimology// Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3.

7. Denisenko V.V. Delictology: subject, method and system of science: Rostov-on-Don, 2001.

8. Denisenko V.V. Tortology: from confrontation to integration of administrative tortology and criminology // administrative law and process. 2011. № 6.

9. Denisenko V.V. Latency of administrative tort and crime in the structure of assessment by the internal affairs bodies of the state of the operational situation//Society and law. 2014. № 4.

10. Andrianov V.K. Technical and legal side of the distinction between crimes and related administrative offenses//Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3.

11. Mayorov A.V., Khashimov A.A. Society and crime: foreign experience of victimological impact // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2017. № 1.

12. Criminology: Textbook/Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminova. 2nd ed., Revised and add. Moscow., 2000.

13. Feshchenko P.N. Second understanding of victimhood: causes and problems of neutralization // Victimology. 2018. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисенко Виктор Васильевич, профессор кафедры конституционного и административного права, доктор юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

ORCID: 0000-0003-4704-0774

Денисенко Снежана Геннадьевна, доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

ORCID: 0000-0002-7125-5006

Осяк Андрей Николаевич, начальник кафедры административного права, кандидат юридических наук, доцент. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Denisenko Viktor Vasilievich, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Doctor of Law, Professor. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-4704-0774

Denisenko Snezhana Gennadiyevna, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Phd in Law. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-7125-5006

Osiak Andrey Nikolaevich, Head of the Department of Administrative Law, Phd in Law, Associate Professor. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведь. 2025. № 3(114). – С. 38–43
Jurist-Pravoved. 2025. № 3(114). – Pp. 38–43

Научная статья
УДК 351.74:323 (470)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Коренюгин Виталий Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
pandora31337@mail.ru

Вайсергисер Елена Юрьевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел,
Российская Федерация
ele-kuzminova@yandex.ru

Введение: в настоящее время, когда российское общество и государство находятся перед лицом внутренних вызовов и внешних угроз, обеспечение общественной безопасности и общественного порядка в Российской Федерации является приоритетной задачей для правоохранительных органов.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили труды отечественных авторов о влиянии специальной военной операции на криминальную ситуацию современной России, о специфике деятельности органов внутренних дел в особых условиях. При организации исследования использовались такие методы, как общенаучные (системный анализ, дедукция, индукция).

Результаты исследования: в статье рассматривается глобальное противостояние России и стран Запада, эволюция НАТО, а также факторы, влияющие на внутреннюю безопасность в период специальной военной операции. Раскрываются проблемы экстремизма, миграции и дезинформации. Делается акцент на переориентации деятельности органов внутренних дел и совершенствовании их подготовки.

Выводы и заключения: делается вывод о необходимости внедрения стратегических мер по повышению эффективности оперативной работы служб и подразделений полиции в современных условиях, обусловленных проведением СВО.

Ключевые слова: безопасность, экстремизм, дезинформация, миграция, полиция, геополитика.

Для цитирования: Коренюгин В. В., Вайсергисер Е. Ю. Стратегические приоритеты деятельности органов внутренних дел в новых геополитических условиях / В. В. Коренюгин, Е. Ю. Вайсергисер // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 38–43

Original paper

STRATEGIC PRIORITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES' ACTIVITIES IN THE NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS

Korenyugin Vitaly Valerievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Weissergiser Elena Yurievna

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Introduction: at present, when Russian society and the state are facing internal challenges and external threats, ensuring public safety and public order in the Russian Federation is a priority task for law enforcement agencies.

Materials and methods: the material base of the study was made up of the works of Russian authors on the impact of a special military operation on the criminal situation in modern Russia, on the specifics of the activities of law enforcement agencies in special conditions. When organizing the research, such methods as general scientific (system analysis, deduction, induction) were used.

Results of the study: the article examines the global confrontation between Russia and Western countries, the evolution of NATO, as well as factors affecting internal security during a special military operation. The problems of extremism, migration and disinformation are revealed. The emphasis is on reorienting the activities of the internal affairs bodies and improving their training.

Findings and conclusions: it is concluded that it is necessary to implement strategic measures to improve the efficiency of the operational work of police services and units in modern conditions caused by the conduct of ITS.

Keywords: security, extremism, disinformation, migration, police, geopolitics.

For citation: Korenyugin V. V., Weissgerger E. Yu. Strategic priorities of the internal affairs bodies in the new geopolitical conditions / V. V. Korenyugin, E. Yu. Weissgerger // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 38–43

На протяжении многовековой истории Российского государства отмечались периоды повышенной социальной и политической нестабильности, обусловленные комплексом внутренних и внешних факторов. Обеспечение безопасности и суверенитета страны являлось приоритетной задачей для сменяющих друг друга поколений. Это начинание было не просто политической целью, но и важнейшей стратегией выживания для различных групп населения, разбросанных по обширному евразийскому пространству, ныне называемому «русским миром».

Анализ глобального ландшафта на заре XXI в. подтверждает точку зрения о том, что человечество переживает один из самых бурных периодов в эволюции международных отношений. Несмотря на то, что в XX в. были возможности для установления стабильного мирового порядка, они не были использованы. После своей победы в холодной войне Соединенные Штаты вместе со своими союзниками установили однополярный мировой порядок, в котором глобальные нормы диктовались единственной сверхдержавой. Любое неповиновение или попытки государств отстаивать свои суверенные интересы наталкивались на жесткие меры, включающие политическое, экономическое, идеологическое и даже военное вмешательство. За последнюю четверть века Соединенные Штаты и их союзники по НАТО инициировали конфликты и были вовлечены в них во многих регионах, включая Ливан, Сомали, Гаити, Югославию, Боснию и Герцеговину, Ливию, Ирак, Либерию, Пакистан, Афганистан и Сирию [3].

НАТО, первоначально созданная как ответ на предполагаемую советскую угрозу, значительно эволюционировала с момента своего создания. Международный договор, подписанный в Брюсселе в марте 1948 г. шестью европейскими странами, заложил основу для того, что в апреле 1949 г. стало Организацией Североатлантического договора, первоначально включавшей 12 государств-членов. Основопологающей целью НАТО было укрепление стабильности и безопасности в Североатлантическом регионе. Коллективные усилия ее членов были направлены на создание мирной обстановки и повышение благосостояния стран-участниц. Тем не менее, ожидаемый сдвиг в сторону более сбалансированной глобальной динамики после распада СССР и распада Варшавского договора в 1990-х гг. не осуществился.

Во второй половине XX в. НАТО значительно эволюционировала под руководством США, превратившись из чисто оборонительного альянса в мощный инструмент укрепления американской гегемонии и авторитарного влияния в мировых делах. Этот стратегический поворот ознаменовал начало значительного расширения НАТО. В период с 1999 по 2017 гг. в НАТО были интегрированы различные страны, включая Польшу, Венгрию, Чехию, Болгарию, Румынию, государства Балтии (Латвию, Литву, Эстонию) и несколько балканских стран (Словакия, Словения, Хорватия, Албания, Черногория, Северная Македония). К 2022 г. североатлантический союз расширился и охватил 30 стран Европы и Северной Америки, что свидетельствует о, казалось бы, неустанном расширении.

Эта эскалация не была произвольной. Благодаря согласованным усилиям как Соединенных Штатов, так и ключевых западноевропейских стран, первые заявления Грузии и Украины в 2000-х гг. сигнализировали об их намерениях присоединиться к НАТО. Эта тенденция сохранялась и в мае 2022 г., когда Финляндия и Швеция, подстегнутые инициативами США, официально подали заявки на вступление в НАТО.

Расширение НАТО, особенно в таких масштабах, предполагает присутствие противника. Исчезновение явного врага в конце столетия побудило Соединенные Штаты свернуть свои военно-промышленные разработки – изменение, которое не смогло удовлетворить капиталистические аппетиты промышленных магнатов. Одновременно с наступлением нового тысячелетия привлекательность кредитных линий американского банковского капитала ослабла. Колоссальные прибыли, полученные в результате крупнейших конфликтов XX в. – мировых войн и холодной войны, уменьшились. После всеобъемлющего осуществления Плана Маршалла экономические территории восточноевропейских стран и основные рынки постсоветских государств были распределены, что привело к острым дискуссиям о восстановлении экономики за счет потенциальной эскалации на европейско-азиатских театрах военных действий, что указывает на начало еще одного серьезного конфликта.

На заре XXI в. Соединенные Штаты назвали Россию главным антагонистом, прежде всего из-за отсутствия какого-либо другого государства в западной сфере, способного бросить вызов грозному альянсу НАТО. Таким образом, преобладающая военно-политическая напряженность в Европе не просто случайна, но стратегически спланирована. Помимо необходимости просто найти повод для объединения, возникает необходимость в том, чтобы государство, в идеале из бывшего Советского блока, способствовало восприятию воинственности России, тем самым оправдывая и увековечивая стратегическое расширение НАТО [1].

События 2014 г. в Украине, включая смену власти, национализацию и милитаризацию, имеют параллели с приходом к власти Гитлера в Германии в 30-х гг. По мнению авторов, Запад рассматривает Украину как инструмент противостояния России, и конфликт между ними был предreshен. В связи с этим решение о проведении специальной военной операции по денационализации и демилитаризации Украины представляется закономерным. Рассматривая данную операцию вне политического и экономического контекста, важно проанализировать ее влияние на работу органов внутренних дел и эффективность выполнения полицией своих задач.

Как известно, федеральным законодательством России на полицию возложен ряд задач по следующим основным направлениям:

- 1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- 3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;
- 4) розыск лиц;
- 5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;
- 6) обеспечение правопорядка в общественных местах;
- 7) обеспечение безопасности дорожного движения;
- 8) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;
- 9) осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Сотрудники органов внутренних дел, находящиеся в пределах границ Российской Федерации, выполняют множество задач, особенно в связи с продолжающейся специальной военной операцией за пределами ее территории. Влияние этой операции на масштабы и характер действий правоохранительных органов многогранно и существенно [2].

В первую очередь, особого внимания заслуживают разногласия в обществе, в частности, те слои, которые поддерживают стратегию России по денационализации и демилитаризации Украины, те, кто категорически против, и те, кто не определился с выбором. Последние две группы особенно важны с точки зрения безопасности.

Оппозиция таит в себе потенциал для того, что в настоящее время называется «пятой колонной». Существуют исторические прецеденты появления таких несогласных, в частности, во время митингов, организованных сторонниками А. Навального. Например, в январе 2021 г. в различных городах России, включая Москву, Санкт-Петербург и Екатеринбург, вспыхнули молодежные протесты, подпитываемые социальными сетями и приложениями для обмена сообщениями, рекламирующими мероприятия как «захватывающее шоу».

Этот метод, хотя и не новаторский, неоднократно доказывал свою эффективность. Кроме того, следует отметить, что экстремистские группировки, часто базирующиеся за пределами России, используют современные информационные технологии. В 2021 г. количество преступлений экстремистской направленности выросло более чем на 25 %, и только за первые пять месяцев 2022 г. эти показатели уже превысили показатели предыдущего года.

Особенно тревожной тенденцией является использование Интернета экстремистскими группами и радикалами для разжигания этнической, религиозной и социальной вражды. В настоящее время эта сфера стала чрезвычайно опасной. Создание 14 апреля 2022 г. Межведомственной комиссии Совета Безопасности по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации, в состав которой входят такие фигуры, как глава Министерства внутренних дел В.А. Колокольцев, подчеркивает критический характер этого вопроса. Несмотря на активизацию усилий по пресечению экстремизма, очевидно, что эти меры требуют дальнейшего совершенствования для эффективного управления сложной динамикой, на которую влияют как внутреннее несогласие, так и внешние технологические манипуляции.

Динамика общественного мнения в Российской Федерации в отношении продолжающейся специальной военной операции демонстрирует многогранный спектр настроений, варьирующийся от амбивалентности до непонимания. Значительная часть населения остается загадочной в своей позиции, кажущейся отстраненной до тех пор, пока не проявятся личные последствия. Одновременно можно наблюдать как часть населения

пытается осмыслить предполагаемые угрозы, исходящие от западных организаций. Эта группа населения находится в плену апатии, подвержена манипулятивным влияниям информационных искажений.

В этом контексте западные СМИ тщательно выстроили мощный бастион дезинформации, нацеленный на этот колеблющийся контингент российских граждан. Эта стратегическая фальсификация служит не просто каналом распространения дезинформации, но и инструментом, с помощью которого можно сеять раздор и манипулировать общественным восприятием.

Необходимо признать неизбежность современной информационной среды, которая окутывает каждого человека. Однако суть проблемы заключается не в повсеместном распространении информации, а в правдивости рассказов, распространяемых в этой сфере. Ситуация омрачена потоком фальшивых сообщений и провокаций, организованных не только внешними противниками, но и внутренними группировками внутри самой России. Эта обманчивая тактика не случайна, а является частью продуманной атаки на сплоченность общества, направленной на дестабилизацию, разжигание паники и стимулирование инакомыслия [3].

Примером эффективности этой сфабрикованной лжи являются обвинения, выдвинутые против действий российских военных во время операции, – обвинения в применении химического оружия, неизбирательной резне и бомбардировках гражданских объектов. Подобные заявления стратегически направлены на разрушение единства общества, усиление внутренней напряженности и потенциальное провоцирование широкомасштабных гражданских беспорядков, угрожающих вылиться в региональные потрясения.

Болеетого, современная миграционная проблематика переплетается с проблемами национальной безопасности, что значительно усложняет работу правоохранительных органов. В указаниях, данных Президентом России на Генеральной ассамблее 17 февраля 2022 г., подчеркивается настоятельная необходимость принятия жестких мер для решения проблем, связанных с нелегальной миграцией. И, наоборот, миграция беженцев и внутренне перемещенных лиц из Украины представляет собой сложный комплекс проблем, которые еще больше ограничивают оперативный потенциал полицейских сил и, таким образом, влияют на более широкую картину национальной стабильности и безопасности.

Это сложное взаимодействие дезинформации, поляризации общества и миграционного давления отражает нынешнее затруднительное положение, в котором находится Россия, и иллюстрирует острую необходимость в устойчивости и стратегическом предвидении, чтобы ориентироваться в бурных потоках современных геополитических и социальных вызовов.

Текущая геополитическая динамика в Центральной Азии и регионах, ранее ассоциировавшихся с Советским Союзом, вызывает глубокую тревогу. Инцидент в Казахстане в январе 2022 г., который, по всей видимости, был попыткой государственного переворота, вполне может служить предварительным показателем усилий, направленных на разжигание беспорядков на южной периферии России. В то же время существует реалистичное ожидание того, что русскоязычные общины из вышеупомянутых регионов неизбежно будут искать убежища в пределах российских границ [4].

Важно признать, что приток беженцев, тех, кто спасается от опасности, потенциально может включать лиц, которые горячо настроены против России. Интеграция таких элементов в российское общество сопряжена с риском формирования бездействующих повстанческих ячеек, которые могут быть активированы для дестабилизации региональной безопасности под юрисдикцией местных правоохранительных органов.

Боле того, картина современных конфликтов показывает, что диверсионная и террористическая деятельность специализированных воинских подразделений на территории Российской Федерации представляет собой серьезную проблему. Эмпирическая оценка недавних военных столкновений и конфликтов подчеркивает растущую роль терроризма как стратегического инструмента, используемого силами, испытывающими неудачи на обычных фронтах сражений. Современный терроризм значительно эволюционировал за последние два десятилетия, превратившись в спонсируемый государством механизм, организованный и поддерживаемый разведывательным аппаратом враждебных западных стран, направленный против населения России.

Ситуация в области безопасности усугубляется поддержкой Украины со стороны США и ряда европейских стран, которая включает не только поставки оружия, но и распространение идеологий, сходных с фашистскими. Особую обеспокоенность вызывает участие НАТО в подготовке диверсионных и террористических групп, состоящих из радикальных националистов, владеющих русским языком и способных адаптироваться в России. Освобождение заключенных и вооружение гражданских формирований «территориальной обороны» также повышают риск проникновения дестабилизирующих элементов на территорию России.

США и их западные союзники, поддерживая и подготавливая националистические группировки в Украине, активизируют их участие в диверсионных и агрессивных

действиях на территории России. Особую тревогу вызывает номенклатура поставляемого вооружения: переносные зенитно-ракетные комплексы, пригодные для атак на гражданские самолеты; ракетные комплексы Javelin, эффективные против критической инфраструктуры, в том числе ядерных объектов, и содержащие компоненты для химической войны; а также специализированное оборудование, используемое подразделениями НАТО в спецоперациях [5].

В свете этого необходимы активные меры по предотвращению проникновения террористов и вооружений в нашу страну. Мы должны укрепить нашу оборону, чтобы пресекать эти угрозы и решительно пресекать любую террористическую деятельность на территории Российской Федерации. Перспектива военных провокаций, направленных против различных регионов, включая всю Россию, остается осязаемой угрозой.

Недавние события, особенно в приграничных с Украиной районах, а именно в Белгородской, Брянской, Курской, Ростовской областях, Краснодарском крае и Республике Крым, подчеркивают неизбежные риски для этих населенных пунктов. Заявления западных официальных лиц и влиятельных фигур, намекающих на принудительные меры по прекращению специализированной военной деятельности России, усиливают эти опасения.

Напряженность усугубляется заметными военными приготовлениями, направленными против Южных Курил, Калининградской области и Крыма. Как суверенное государство, обладающее ядерным потенциалом, Россия готова защищать свою национальную безопасность и территориальный суверенитет. В заявлении президента Владимира Путина от 24 февраля 2022 г. подчеркивается готовность и оперативность реагирования России на внешние угрозы, которые бросают вызов ее стратегическим интересам. Он подтвердил, что Россия обладает уникальными оборонительными средствами, не имеющими аналогов в мире, которые готовы к немедленному развертыванию в случае необходимости. Эта позиция не просто декларативна, но подкреплена конкретными стратегическими решениями по обеспечению безопасности и целостности страны.

В нынешних глобальных условиях человечество балансирует на краю пропасти, сталкиваясь с вероятной гибелью своего вида – сценарием, сигнализирующим об утрате внутренней ценности и цели, заложенных в эволюционном даре познания *Homosapiens*. Такое положение дел делает угрозу военной конфронтации не просто вероятной, но и все более актуальной. Сегодня перед органами внутренних дел стоит важнейшая задача – определить свою роль в смягчении внешних угроз и выработке стратегии своих операций в преддверии таких вызовов.

В основе этого рассуждения лежит необходимость признать существенный нюанс в нынешнем сценарии: территория Украины, на которой в настоящее время проводятся запланированные военные действия, не входит в компетенцию органов внутренних дел Российской Федерации. Это различие порождает целый спектр рисков и опасностей, связанных с военными действиями, которые, хотя и не оказывают прямого воздействия на повседневную деятельность правоохранительных органов, тем не менее, требуют пересмотра их стратегических мандатов. Согласно ст. 2 Федерального закона «О полиции», Президент Российской Федерации обладает полномочиями по развертыванию полицейских сил в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Этот мандат подчеркивает настоятельную необходимость активизации подготовки к участию этих сил в многогранных аспектах указанных военных операций [3].

В свете этих обстоятельств становится разумным разработать стратегии и методологии, направленные на предотвращение неблагоприятного развития событий и подготовку руководящих кадров Министерства внутренних дел России к активной адаптации к возможным изменениям. Среди множества стратегий, направленных на повышение оперативной эффективности органов внутренних дел, несколько выделяются как особенно важные.

Во-первых, существует настоятельная необходимость ускорить переход от статического ситуационного управления к динамическому ситуационному контролю. Этот подход предполагает внедрение сложных автоматизированных аналитических инструментов для оценки операционной среды, разработки заранее продуманных ответных мер, изучения возможных альтернатив и использования прогностического моделирования для прогнозирования последствий принимаемых решений и управления ими, что позволяет в режиме реального времени управлять ресурсами и оперативными подразделениями. Этот стратегический поворот способен значительно повысить оперативность реагирования и эффективность правоохранительных органов в условиях неопределенности и быстрых изменений.

Во-вторых, реорганизация силовых структур в 2016 г. привела к передаче СОБР и ОМОН из МВД России в Росгвардию, что создало дефицит спецназа в МВД России. Это требует создания собственных резервов в каждом регионе и оптимизации взаимодействия в новых условиях.

В-третьих, необходимо пересмотреть систему обучения сотрудников МВД России, адаптировав ее к выполнению задач в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки. Принцип подготовки должен быть ориентирован на практические навыки, необходимые для выполнения оперативно-служебных задач.

В частности, МВД России нуждается в профессионалах, способных защищать граждан, общество и государство от новых видов преступлений, включая киберпреступления. Необходимы специалисты для предупреждения и пресечения правонарушений, раскрытия преступлений, в том числе связанных с последствиями спецоперации, розыска преступников и террористов, а также для обеспечения правопорядка и безопасности дорожного движения в нестабильной обстановке. Так, подведены итоги о необходимости активной адаптации органов внутренних дел к современным вызовам, связанным со специальной военной операцией. Без должной подготовки и оперативного управления возрастает угроза экстремизма и иных преступных проявлений. От грамотной реализации предложенных мер зависит устойчивость безопасности и правопорядка в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева С.Е., Асанова Э.Э. Административно-правовой статус участников специальной военной операции // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Симферополь, 2024.
2. Гонтарь В.Н., Черткова Н.А. Нормативно-правовая база военного положения и специальной военной операции // Обучение противодействию современным угрозам сотрудников силовых ведомств Российской Федерации. М., 2023.
3. Грищенко Л.Л. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции // Академическая мысль. 2022. № 2(19).
4. Табатчикова Э.К. Влияние специальной военной операции на криминальную ситуацию современной России // Традиции и новации в системе современного российского права. М., 2023.
5. Юдников К.В. Правовое обеспечение специальной военной операции // Государство и право. Новосибирск, 2023.

REFERENCES

1. Andreeva S.E., Asanova E.E. The administrative and legal status of participants in a special military operation // Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Simferopol, 2024.
2. Gontar V.N., Chertkova N.A. The regulatory framework of martial law and special military operations // Training to counter modern threats to law enforcement officers of the Russian Federation. Moscow, 2023.
3. Grishchenko L.L. Specifics of the activities of internal affairs bodies in the context of a special military operation // Academic thought. 2022. № 2(19).
4. Tabatchikova E.K. The impact of a special military operation on the criminal situation in modern Russia // Traditions and innovations in the system of modern Russian law. Moscow, 2023.
5. Yudnikov K.V. Legal support for a special military operation // State and law. Novosibirsk, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коренюгин Виталий Валерьевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Вайсергисер Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korenyugin Vitaly Valerievich, PhD in Law, Deputy Head of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Weissergiser Elena Yurievna, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova St., Orel 302027 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.74 : 340

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Корчагина Ксения Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
twins.86.2@mail.ru

Косовская Дарья Вячеславовна

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Российская Федерация
Kosovskaya.79@mail.ru

Введение: в статье рассмотрены честь, достоинство и деловая репутация сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – сотрудники ОВД) как объекты правовой защиты, а также способы их защиты.

Материалы и методы: материалами исследования послужило законодательство Российской Федерации, регламентирующее вопросы защиты чести и достоинства сотрудников ОВД, научная литература и судебная практика. Используются методы описания, анализа, синтеза, индукции; юридико-догматический метод.

Результаты исследования: посредством анализа законодательства, регламентирующего механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД, выявлены правовые неопределенности, пробелы в праве в рассматриваемой сфере. В связи с этим авторами предложено их восполнение путем введения соответствующих норм.

Выводы и заключения: обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне дефиниций «дискредитация сотрудника органов внутренних дел», «дискредитация органов внутренних дел», а также права на государственную защиту чести и достоинства сотрудника ОВД. В связи с этим предложена новая редакция п. 16 ч. 1 ст. 11 ФЗ № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 342).

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, защита чести, достоинства и деловой репутации, дискредитация, правовая помощь, способы защиты прав.

Для цитирования: Корчагина К. А., Косовская Д. В. Некоторые вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / К. А. Корчагина, Д. В. Косовская // Юрист-Правоведь: науч. теоретич. и информац. методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 44–50

Original paper

SOME ISSUES OF PROTECTING THE HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korchagina Ksenia Aleksandrovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kosovskaya Darya Vyacheslavovna

Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation

¹ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.07.2025).

Introduction: the article examines the honor, dignity and business reputation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation (hereinafter referred to as employees of the internal affairs bodies) as objects of legal protection, as well as methods of their protection.

Materials and methods: the research materials were the legislation of the Russian Federation regulating the issues of protecting the honor and dignity of police officers, scientific literature and judicial practice. The author used such methods as description, analysis, synthesis, induction, and the legal-dogmatic method.

Results of the study: through the analysis of legislation regulating the mechanism for protecting the honor, dignity and business reputation of police officers, legal uncertainties and gaps in the law in the field under consideration have been identified, and therefore the author suggests filling them by introducing appropriate norms.

Findings and conclusions: the author substantiates the need to consolidate at the legislative level the content of the concepts of «discrediting an employee of internal affairs bodies», «discrediting internal affairs bodies», as well as the right to state protection of the honor and dignity of an employee of the Department of Internal Affairs, in connection with which a new version of paragraph 16 of Part 1 of Article 11 of Federal Law № 342 «On Service in Internal Affairs Bodies» is proposed. Of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (hereinafter – Federal Law № 342).

Keywords: employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation, protection of honor, dignity and business reputation, discrediting, legal assistance, ways to protect rights.

For citation: Korchagina K. A., Kosovskaya, K. V. Some issues of protecting the honor, dignity and business reputation of employees of the internal affairs bodies of the russian federation / K. A. Korchagina, K. V. Kosovskaya // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 44–50

В связи с развитием информационных технологий и расширением цифрового пространства все чаще на публичное обозрение представляется информация, подвергающая угрозам честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников ОВД, что приводит не только к подрыву их авторитета, но и снижению уровня общественного доверия к ОВД в целом, в силу чего, данная тема достаточно актуальна в настоящее время.

Отметим, что сотрудники ОВД, выполняя обязанности и реализуя свои права, в связи с наличием статуса представителей государственной власти, должны обладать особыми нравственными характеристиками. Федеральный закон № 342 закрепляет, что во время службы и во внеслужебное время сотрудник ОВД обязан сохранять свою честь и достоинство. Вместе с тем в Дисциплинарном уставе ОВД² устанавливается обязанность руководителя уважать честь и достоинство своих подчиненных, а также подчеркивается, что этим, помимо прочего, обеспечивается, служебная дисциплина в ОВД. Кодекс этики сотрудников ОВД³ определяет этические требования к поведению сотрудников и показывает корреляцию несоблюдения сотрудником данных требований с утерей им доброго имени и чести, лишением морального права на уважение, поддержку и доверие. Важность сохранения чести сотрудников ОВД отражена и в приказе МВД России от 27.08.2024 № 500⁴, где в качестве одной из задач морально-политического направления морально-психологической подготовки выделяется сплочение служебных коллективов на основе этических норм и чести. Таким образом, честь, достоинство и деловая репутация сотрудника неразрывно связаны с его нравственным обликом и авторитетом ОВД, поэтому законодательство предусматривает увольнение сотрудников за проступки, наносящие урон чести. Однако законодательно не определены понятия «честь», «достоинство» [1], что порождает проблемы в правоприменительной, судебной практике. Честь связана с категорией этики достоинство. Если оценка человека исходит со стороны общества, речь идет о его чести, а если оценка исходит от самого человека, то речь идет о его достоинстве. Честь требует от человека беречь свою репутацию, включая деловую, заслуженную личными усилиями, что означает то положительное мнение о себе, которое сложилось у людей на основе его

² Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 (ред. от 22.12.2021) «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

³ Приказ МВД России от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.09.2024 № 79534). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

прошлых поступков. Репутация, в отличие от чести, более узкое понятие и относится к профессиональным и деловым качествам человека. Словосочетание «деловая репутация» подразумевает любую социально полезную деятельность.

Отметим, что ФЗ № 342 не закрепляет право на государственную защиту чести и достоинства сотрудника ОВД (ст. 11 среди прочих прав содержит лишь право на государственную защиту его жизни, здоровья, имущества). Однако в ст. 30 ФЗ «О полиции» в гарантии правовой защиты сотрудника полиции включено данное право, с указанием на то, что его реализация «осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». В научной литературе представлены следующие позиции: 1) относительно необходимости внесения предметной определенности в ФЗ «О полиции» для того, «чтобы норма о защите чести и достоинства сотрудников полиции закрепляла реальный механизм такой защиты», чтобы данный вопрос был более детально регламентирован и имелись бы ссылки на определенные нормы закона, поскольку «отсутствие конкретных способов защиты прав сотрудников полиции наводит на мысль об отсутствии реального механизма защитных прав»; 2) о необходимости включения в гл. 9 ФЗ № 342 ст. «Гарантии сотруднику органов внутренних дел в связи с защитой его чести, достоинства и деловой репутации» [2]. Что касается первой позиции, на наш взгляд представляется нецелесообразным закрепление в ФЗ «О полиции» конкретного механизма защиты рассматриваемых нематериальных благ, также как иных объектов правовой защиты, которые указываются в ст. 30, например, таких как жизнь и здоровье сотрудника и др., поскольку данный механизм достаточно полно регламентирован отдельными нормативно-правовыми актами различной юридической силы, в силу чего, в данном случае законодатель оправданно использовал бланкетную норму права. Говоря о второй позиции, отмечаем, что бесспорно, нормы, закрепляющие право на правовую защиту сотрудника ОВД, должны быть включены в ФЗ № 342, однако целесообразно их закреплять в гл. 3 «Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел», поскольку гл. 9 регламентирует вопросы социального обеспечения, т. е., связанные с денежным довольствием, жилищным, медицинским, санаторно-курортным и пенсионным обеспечением, а также с предоставлением иных социальных гарантий, в том числе закрепленных в ФЗ № 247⁵. Исходя из вышесказанного, видится необходимым п. 16 ч. 1 ст. 11 ФЗ № 342, закрепляющую права сотрудников ОВД, изложить в следующей редакции: «На государственную защиту жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей».

В целях повышения эффективности оказания правовой помощи сотрудникам ОВД в данной сфере, утвержден приказ МВД России⁶. Однако, в научной и иной литературе зачастую критически оцениваются отдельные положения данного приказа и предлагается внесение в него существенных изменений. Так, например, Н.Г. Корнаухова и П.Г. Новичихин выделяют следующие его недостатки: отсутствие четкой процедуры регистрации и рассмотрения рапортов сотрудников по защите чести и достоинства; длительный срок проведения проверок и привлечение к ним специалистов оперативных подразделений ОВД; невозможность его применения к художественным произведениям, подрывающим репутацию ОВД и его сотрудников и др. [3]. Некоторые авторы считают, что диспозитивный характер отдельных положений рассматриваемого приказа способствует низкой активности в вопросах защиты рассматриваемых нематериальных благ [4].

Подчеркнем, что решение о предоставлении правовой помощи принимает руководитель подразделения МВД России, основываясь на рапорте сотрудника, после чего дает поручения уполномоченным подразделениям (собственной безопасности, кадровому, правовому, информации и общественных связей), должностным лицам или созданной рабочей группе, которые анализируют информацию, изложенную в рапорте. Затем указанные субъекты представляют руководителю предложения: о возможности оказания правовой помощи; о проведении служебной проверки достоверности сведений (которую могут провести сотрудники кадрового подразделения или подразделения собственной безопасности); о выборе способа защиты нематериальных благ сотрудника, которых существует несколько.

⁵ Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 № 247-ФЗ. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁶ Приказ МВД России от 19.12.2018 № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России». URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

Во-первых, это реализация права на опровержение не соответствующих действительности и порочащих сведений, распространенных в СМИ, а также возможность на ответ в форме комментария или реплики в том же СМИ (ст. 43–46 Закона РФ «О средствах массовой информации»⁷). Во-вторых, защита в рамках гражданского судопроизводства. В-третьих, это административный порядок защиты (например, КоАП РФ, помимо прочего, предусмотрены статья 5.61 «Оскорбление»). В-четвертых – использование уголовного порядка защиты (например, в УК РФ предусмотрена ст. 128.1 «Клевета»⁸). Рассмотрим подробнее судебно-исковой порядок защиты, который, исходя из анализа судебной практики, является не таким популярным, нежели иные способы защиты.

Согласно ст. 152 ГК РФ, гражданин вправе подать в суд иск чтобы опровергнуть порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию сведения, обязанность доказать правдивость которых лежит на лице, их распространившим, что, как подчеркивал не раз Конституционный суд РФ, является гарантией реализации конституционной обязанности государства охранять достоинство личности⁹. Отметим, что ст. 29 КРФ гарантирует право на свободу мысли, слова, вместе с тем, реализация данного права осуществляется с учетом ст. 17 КРФ (без принижения достоинства и личности других людей). Поступая вопреки этому, человек нарушает конституционный запрет на умаление достоинства личности (ст. 21 КРФ) и подрывает саму основу прав, поскольку достоинство личности является их фундаментом¹⁰.

Следует упомянуть, что наличие у гражданина статуса сотрудника ОВД, исходя из равенства всех перед законом, не влияет на порядок гражданско-правовой защиты чести и достоинства, однако имеет значение в рамках конкретного дела, когда суд принимает во внимание личность лица, в отношении которого порочащие сведения были распространены.

Отметим, что сотрудники правовых подразделений ОВД оказывают консультативную и методическую помощь сотрудникам, если есть основания для подачи иска к лицу, распространившему порочащие сведения (составление жалоб, ходатайств, искового заявления и разъяснение порядка его представления в суд, ознакомление с имеющейся судебной практикой в данной сфере и др.), а также участвуют в судебном процессе в качестве третьих лиц в порядке ст. 43 ГПК¹¹.

В судебном процессе необходимо доказать: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий их характер, несоответствие их действительности. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3¹² даны разъяснения относительно рассматриваемого вопроса. Под распространением сведений следует понимать опубликование их в печати, трансляцию по радио, телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других СМИ, распространение в Интернете, с использованием иных средств телекоммуникационной связи, фиксацию в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, направленных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Порочащие сведения включают утверждения о нарушении законодательства, совершении нечестных поступков, некорректном и неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности в производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, а также нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица. В указанном Постановлении делается акцент на том, что в соответствии Декларацией о свободе политической дискуссии в СМИ, чтобы обеспечить прозрачное и ответственное исполнение полномочий

⁷ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации». URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁸ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁹ Определение Конституционного суда РФ от 30 марта 2023 г. № 531-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Ворониной Светланы Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного суда РФ от 30 марта 2023 г. № 2847-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2024 г. №53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Боголюбовской». URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹¹ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025). URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

государственными должностными лицами, допускается их критика в СМИ в отношении выполнения ими своих обязанностей. Статья 33 КРФ предусматривает право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Сведения в данном случае признаются судом порочащими, если будет установлено, что обращение в указанные органы было без обоснованным и имело цель не исполнения своего гражданского долга или защиты прав и охраняемых законом интересов, а намерением навредить другому лицу. Однако данные разъяснения не всегда берутся во внимание судами, например, было отменено апелляционное определение судебной коллегии одного из краевых судов, который без аргументации сделал вывод о намеренном причинении вреда вред другому истцу, не дал оценки аргументам ответчика о том, что его обращения были направлены в целях осуществления проверки профессиональной деятельности истца, а не на причинение ему вреда¹³. Критическое отношение гражданина к работе ОВД и ее сотрудников не является основанием для обвинения в нанесении урона чести, достоинству и деловой репутации. Не соответствующими действительности считаются сведения, утверждающие факты или события, не происходившие в реальности в указанное время. Необходимо видеть различия между утверждениями о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочными суждениями, мнениями, убеждениями, которые не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Оценочные высказывания негативного характера допустимы, если не содержат непристойных слов и выражений, направленных в адрес конкретного лица¹⁴. Четких критериев для отделения критики от порочащего характера сведений, утверждений о фактах и оценочных суждений, в законодательстве нет, что создает сложности при применении норм права. Поэтому Верховный Суд РФ рекомендует судам при необходимости назначать экспертизы (например, лингвистические) или привлекать специалистов (например, психолога) для консультаций¹⁵. Вместе с тем Верховный Суд РФ подчеркивает, что эксперт может помочь в анализе сведений, признание их порочащими остается прерогативой суда¹⁶. Таким образом эксперт предоставляет лингвистический анализ, но окончательное решение принимает суд, основываясь на нормах права и представленных доказательствах.

Важно отметить, что сотрудник не может оспаривать сведения, содержащиеся в заключении служебной проверки, основываясь на ст. 152 ГК РФ. Так, было прекращено производство по иску сотрудника ОВД о признании не соответствующими действительности сведений, включенных в заключение служебной проверки в отношении него, подрывающих его деловую репутацию, честь и достоинство. Суд подчеркнул, что информация из официальных документов, в том числе процессуальных, не может считаться не соответствующей действительности, т. к. для ее опровержения предусмотрен иной, установленный законодательством, порядок¹⁷.

Отметим, что следует различать механизм защиты деловой репутации ОВД (когда сотрудник правового подразделения действует от имени ОВД и участвует в судебных заседаниях) и защиты чести и достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД (когда сотрудник правового подразделения оказывает правовую помощь в подготовке искового заявления, не совершает процессуальные действия от имени сотрудника-истца) [5].

Ввиду обилия в СМИ публикаций, негативно влияющих на репутацию сотрудников ОВД, а судебной практики по делам данной категории достаточно мало, это может свидетельствовать как о недостаточной осведомленности сотрудников о своих правах в данной сфере, (т. е. о формальном исполнении п. 5 Порядка, утвержденного приказом МВД России № 850), так и о низкой эффективности работы правовых подразделений, подразделений информации и общественных связей (последние проводят ежедневный мониторинг публикаций в СМИ и Интернете для выявления тех, которые содержат порочащие сведения относительно сотрудников). В научной литературе выделяются также в качестве причин указанных обстоятельств – проведение формальных проверок по фактам распространения порочащих

¹³ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 14 мая 2019 г. № 18-КГ19-19. URL:<http://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁴ Решение Октябрьского районного суда г. Оргска Оренбургской области от 20 февраля 2025 г. по делу № 2-177/2025. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016). URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 49-КГ21-31-К6. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁷ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2011) (ред. от 06.07.2016) // URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

сотрудников сведений и как следствие отсутствие личной мотивации сотрудников на защиту своих прав, недостаточное внимание и организация работы со стороны руководителя к существующим проблемам подобного характера у сотрудников [6], малозначительность деяния, загруженность сотрудника, неприятность самой процедуры, включающей выяснение моральных качеств сотрудника, соответствие порочащих сведений действительности [7].

Кодекс этики и служебного поведения сотрудников ОВД обязывает руководителей содействовать защите чести и достоинства подчиненных, а Приказ МВД России № 850 предписывает руководителям подразделений МВД России взять под личный контроль работу в данном направлении.

Интерес в рамках рассматриваемой темы представляет и термин «дискредитация», в том числе применяемая в отношении органов публичной власти и их сотрудников, включая ОВД, содержание которого не закреплено в законодательстве, однако он стал использоваться не только в научной литературе, но и в законодательстве (в УК РФ – ст. 2803, ст. 2073 и КоАП РФ – ст. 20.3.3). Вместе с тем Положение о Главном управлении собственной безопасности МВД России¹⁸, в качестве основных его задач устанавливает координацию деятельности подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России по защите указанных территориальных органов от дискредитации, а в качестве основных функций – выработку механизма защиты от дискредитации и анализ деятельности по данному направлению. Отметим, что в научной литературе в различных исследованиях понятие «дискредитация» используется как негативное комплексное социально-правовое явление [8]. Как отмечает М.Е. Дубова [9], дискредитацию следует рассматривать с нескольких ракурсов: как стратегию по умалению авторитета, подрыву имиджа и репутации ОВД; как целенаправленные действия по снижению уровня общественного доверия к ОВД; как форму противодействия законной правоохранительной деятельности ОВД; как квалифицирующий признак состава преступления. В связи с многозначностью толкования понятия «дискредитация», разнообразием ее форм, а также с учетом того, что данный термин применительно к органам публичной власти и их сотрудникам закреплен в уголовном и административном законодательстве, следует устранить пробелы в правовом регулировании данного вопроса и законодательно определить содержание терминов «дискредитация сотрудников ОВД», «дискредитация ОВД».

Таким образом, в целях поддержания положительного имиджа сотрудников и ОВД в целом, всякой недостоверной информации, наносящей ущерб чести, достоинству и деловой репутации сотрудников ОВД, должна быть дана оценка со стороны руководителей подразделений МВД России и уполномоченных на то подразделений с принятием соответствующих управленческих решений, поскольку защита чести, достоинства и деловой репутации отдельного сотрудника ОВД – это не только защита его как гражданина, но и представителя государственной власти. Важно совершенствовать процедуру реагирования на подобные ситуации с целью привлечения к ответственности тех, кто распространяет подобную информацию или использовать иные средства защиты. Вместе с тем руководителям необходимо обеспечить организацию разъяснительной работы относительно существующих способов защиты рассмотренных нематериальных благ, а также обеспечить повышение профессионально-этической культуры сотрудников ОВД. Следует устранить правовые неопределенности, пробелы в праве в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корчагина К.А. Правовые основы профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел: проблемы в нормативно-правовом регулировании Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3(54).
2. Мельник С.В., Малышева Н.А. К слову о защите чести, достоинства сотрудников и деловой репутации органов внутренних дел во взаимоотношении со средствами массовой информации. Научный портал МВД России. 2021. № 2(54).
3. Корнаухова Н.Г., Новичихин П.Г. Деятельность оперативных подразделений МВД России по дискредитации сотрудников органов внутренних дел. «Вестник Волгоградской академии МВД России». № 4(63).
4. Брагина А.Г., Зубенко Ю.С., Селиванов А.С., Федоренко Г.Б., Черепанова О.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации в системе МВД России. Барнаул, 2024.

¹⁸ Приказ МВД России от 16.06.2011 № 679 «Об утверждении Положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

5. Рябинин Н.А., Филипсон К.Ю. Особенности предъявления иска о защите чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 4(58).
6. Числов А.И., Маликов Ж.К. Правовая система защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: проблемные аспекты. Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4(23).
7. Бучакова М.А., Дизер О.А. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70).
8. Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. «Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел». Юридическая наука и практика, 2019.
9. Дубова М.Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2(58).

REFERENCES

1. Korchagina K.A. The legal foundations of professional ethics of employees of internal affairs bodies: problems in regulatory regulation Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (54).
2. Melnik S.V., Malysheva N.A. By the way, protecting the honor, dignity of employees and the business reputation of law enforcement agencies in their relationship with the media. The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (54).
3. Kornaukhova N.G., Novichikhin P.G. The activities of the operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia to discredit the employees of the internal affairs bodies. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4(63).
4. Bragina A.G., Zubenko Yu.S., Selivanov A.S., Fedorenko G.B., Cherepanova O.S. Protection of honor, dignity and business reputation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Barnaul, 2024.
5. Ryabinin N.A., Filipson K.Y. Peculiarities of filing a claim for the protection of the honor and dignity of an employee of the internal affairs bodies. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4(58).
6. Chislov A.I., Malikov Zh.K. The legal system for protecting the honor and dignity of law enforcement officers: problematic aspects. Law and order: history, theory, practice. 2019. № 4(23).
7. Buchakova M.A., Dizer O.A. Protection of honor, dignity and business reputation of employees. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. № 3(70).
8. Vasiliev E.A., Dyachenko N.N. «Subjects of discrediting law enforcement officers». Legal Science and Practice, 2019.
9. Dubova M.E. Discrediting of internal affairs bodies: criminal law and terminological aspect // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2(58).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корчагина Ксения Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Косовская Дарья Вячеславовна, преподаватель кафедры специальных дисциплин. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295000, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Академика Стевена, 14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korchagina Ksenia Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Kosovskaya Darya Vyacheslavovna, lecturer at the Department of Special Disciplines. Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Stevena St., Simferopol 295000 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.74

ОТСУТСТВИЕ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОВД КАК ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Костюченко Николай Иванович

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь,
Российская Федерация
nikiv1948@gmail.com

Соболевская Наталья Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
sobnatur@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы эффективности научной деятельности, связанные с отсутствием в системе органов внутренних дел подсистемы информационно-аналитического обеспечения.

Материалы и методы: для достижения цели исследования использовалось сочетание доктринального, юридического и эмпирических подходов, что позволило осуществить комплексный анализ проблем эффективности научной деятельности в сфере теории управления.

Результаты исследования: анализ проблемы отсутствия общей подсистемы информационно-аналитического обеспечения наглядно свидетельствуют о наличии пробелов в данной области, существующей в системе органов внутренних дел и государства в целом. Это дает основания утверждать, что вопрос о создании платформ информационно-аналитического обеспечения является назревшей необходимостью.

Выводы и заключения: законодательство в этой сфере оставляет множество нерешенных проблем, которые препятствуют созданию стабильной и эффективной информационно-аналитической системы, в связи с чем предлагаются меры по оптимизации работы сотрудников органов внутренних дел: цифровизация взаимодействия государственных органов, улучшение юридической определенности, создание эффективной системы информационно-аналитического обеспечения. Грамотная реализация этих предложений станет залогом успешной работы сотрудников органов внутренних дел в раскрытии преступлений, как итог – повысит безопасность государства в целом.

Ключевые слова: социальная система, система органов внутренних дел, система управления, функции социальных систем, функции управления, структура.

Для цитирования: Костюченко Н. И., Соболевская Н. Ю. Отсутствие системы информационно-аналитического обеспечения в ОВД как проблема эффективности научной деятельности в сфере теории управления / Н. И. Костюченко, Н. Ю. Соболевская // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – С. 51–55

Original paper

THE LACK OF AN INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT SYSTEM IN THE POLICE DEPARTMENT IS A PROBLEM IN THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE FIELD OF MANAGEMENT THEORY

Kostyuchenko Nikolay Ivanovich

Crimean Branch of Краснодар University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Simferopol, Russian Federation

Sobolevskaya Natalia Yurievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article discusses the problems of scientific activity efficiency related to the lack of an information and analytical support system in the internal affairs system.

Materials and methods: to achieve the research goal, a combination of doctrinal, legal, and empirical approaches was used, which allowed for a comprehensive analysis of the effectiveness of scientific activity in the field of management theory.

Results of the study: an analysis of the problem of the lack of a common information and analytical support system clearly demonstrates the existence of gaps in this area within the system of internal affairs bodies and the state as a whole. This suggests that the creation of information and analytical support platforms is an urgent necessity.

Findings and conclusions: the legislation in this area leaves many unresolved issues that hinder the creation of a stable and effective information and analytical system. Therefore, it is proposed to optimize the work of internal affairs officers by digitalizing the interaction between government agencies, improving legal certainty, and creating an effective information and analytical support system. The successful implementation of these proposals will ensure the effective work of internal affairs officers in solving crimes, ultimately enhancing the security of the state as a whole.

Keywords: social system, system of internal affairs bodies, management system, functions of social systems, functions of management, structure.

For citation: Kostyuchenko N. I., Sobolevskaya N. Yu. The lack of an Information and Analytical Support System in the Department of Internal Affairs as a problem of the effectiveness of Scientific activity in the field of Management Theory / N. I. Kostyuchenko, N. Yu. Sobolevskaya // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 51–55

Проблемам управления функционированием органов внутренних дел и путей совершенствования этой деятельности было посвящено множество работ разных авторов.

В их числе можно назвать авторов: Ю.А. Болт, А.А. Вишневого А.А. Крылова, и А.Г. Сачек, которые в аналитическом обзоре, посвященном информационно-аналитическому обеспечению процессов противодействия криминализации различных видов экономической деятельности, еще в 2017 г. констатировали, что «отсутствие на земле информационных и аналитических работников приводит к тому, что оперативный работник утопает в информации»¹.

При этом авторы указывали, что сотрудник ОВД должен: сам получить или «найти» в информационных массивах нужную ему информацию, обработать ее, проанализировать и реализовать в процессе своей повседневной деятельности, поскольку в существующих подразделениях ОВД «на земле» должности информационных и аналитических работников штатным расписанием не предусмотрены.

Существующая практика правоохранительной деятельности свидетельствует, что:

– во-первых, трудозатраты сотрудников ОВД на такую «обработку» информации весьма существенны, поскольку в этом случае они реализуют несвойственные им общие функции управления (информационную и аналитическую);

– во-вторых, такой подход, когда сотрудники органа внутренних дел реализуют несвойственные им функции, является нарушением объективно существующего закона «детерминации элементов социальных систем (цель – задача – функция – структура)»;

– в третьих, упомянутый закон предполагает, что в соответствии с законами диалектики для реализации функций любой социальной системы должна создаваться структура этой системы (структурные элементы) – самостоятельные подразделения или должности, которые должны обеспечивать реализацию функций, на основе которых они создаются.

В нашем случае этого не происходит, поскольку органы МВД-ОВД не воспринимаются субъектами и объектами управления как виды социальных систем и, как следствие, упомянутый закон детерминации элементов социальных систем не реализуется надлежащим образом.

В итоге работник, получающий информацию необходимую для соответствующего подразделения ОВД, должен сам реализовывать функции не свойственные его должности (информационную и аналитическую), которые в соответствии с объективно существующими законами функционирования социальных систем должны реализовывать специально создаваемые подразделения или должности.

¹ Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями / А. А. Крылов, Ю. А. Болт, А. А. Вишневский, А. Г. Сачек. М., 2017.

Как следствие «появление» у сотрудника непроизводительных трудозатрат, которые в ряде случаев могут быть существенны, и отвлекают сотрудника от его основной деятельности.

В справедливости этого тезиса автор этих строк неоднократно убеждался в процессе своей оперативной деятельности.

Таким образом, в настоящее время должности информационных и аналитических сотрудников «на земле» отсутствуют, а вопрос об их введении даже не рассматривается.

Необходимо отметить, что к проблеме отсутствия информационно-аналитического обеспечения деятельности практических сотрудников обратились многие авторы и не только в системе ОВД.

Например, еще 1989 г. Ю.А. Соколов указывал на необходимость изменения подходов к информационному обеспечению деятельности сотрудников: «Задача информационного обеспечения – своевременная доставка каждому работнику системы управления необходимой именно ему информации в удобном для него виде»².

В данном случае Ю.А. Соколов рассматривал ситуацию, когда информация представляющая интерес для сотрудника поступает или содержится в банках данных, однако о существовании ее этот работник не осведомлен.

В этом должна сработать система информационно-аналитического обеспечения, которая в автоматическом режиме доставит появившуюся информацию всем заинтересованным сотрудникам.

Рассмотренные ситуации наглядно свидетельствуют о наличии проблем информационно-аналитического обеспечения существующего в системе органов внутренних дел и системе государства в целом. Это дает основания утверждать, что вопрос о создании систем информационно-аналитического обеспечения является назревшей необходимостью.

Все вышесказанное можно подтвердить, обратившись к проблемам информационного обеспечения процесса научной деятельности в органах внутренних дел.

В настоящее время в МВД существует порядок проведения научными образованиями ежегодных научно-практических конференций.

Как правило, на конференциях обычно работает несколько секций: уголовно-правовых дисциплин; уголовного процесса; криминалистики; административного права; специальных дисциплин, гуманитарных дисциплин и т. д.

Состав участников может быть достаточно большим 100-200 и более участников. В их числе присутствуют ученые, практические сотрудники ОВД, преподаватели, курсанты учебных заведений, а в ряде случаев и представители учебных заведений других правоохранительных органов.

Как следствие, организаторами формируется обширный спектр проблем и вопросов, которые связаны с разными науками и процессами функционирования ОВД.

Такой подход, дает возможность использовать положительный опыт и научные наработки других органов участников конференции.

В то же время такому порядку проведения конференций свойственны и некоторые недостатки, которые в ряде случаев влияют на эффективность реализации информации, новаций и распространении положительного опыта участниками и теми, кто знакомится с опубликованными материалами проведенных конференций.

В данном случае мы приходим к ситуации, которая уже была рассмотрена выше. Информация, озвученная на конференциях, не доходит до сотрудников, которые в ней нуждаются. Другими словами каждый, кто заинтересован в какой-либо информации, должен сам ее найти и получить, поскольку отсутствует «своевременная доставка каждому работнику системы управления необходимой именно ему информации в удобном для него виде»³.

Если учесть, что в ряде случаев материалы конференций публикуются с большими задержками, получение информации о публикации конкретным сотрудником становится проблемой в силу отсутствия информационного обеспечения.

Кроме того, состав участников неоднороден по уровню подготовки и профессиональной специализации: ученые, практические сотрудники ОВД, преподаватели, курсанты учебных заведений, а также представители учебных заведений других правоохранительных органов. Как следствие в условиях ограниченности времени даже разделение участников на секции не может обеспечить полноценное восприятие представленных материалов, а в дальнейшем и применение их своей деятельности.

---

² Соколов Ю.А. Информационное обеспечение управленческой деятельности // Научно-техническая информация. 1989. № 7. С. 2–5.

³ Там же.

Поскольку некоторые материалы имеют существенное значение для повышения эффективности функционирования ОВД, мы опять возвращаемся к проблеме информационного обеспечения.

Как известно, по вполне объективным причинам публикация сборников происходит с большой задержкой, и в ряде случаев опубликованная информация не попадает не только к участникам, но и к большому кругу лиц заинтересованным в совершенствовании своей деятельности.

В этом случае целесообразно обратиться к уже упомянутому мнению Ю.А. Соколова о «своевременной доставке каждому работнику системы управления необходимой именно ему информации в удобном для него виде».

Обеспечить такую «доставку» возможно при условии создания в МВД «системы информационно-аналитического обеспечения», которая, как уже говорилось выше, может функционировать даже в «автоматическом» режиме на основе подготавливаемых документов, и которая, к сожалению, отсутствует.

Следует отметить, что такая «доставка» информации, в которой предлагаются пути совершенствования деятельности ОВД, разрешении проблем существующих в деятельности органов внутренних дел крайне необходима и для Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Однако в силу отсутствия информационно-аналитического обеспечения, о котором речь шла выше, информация о решении или возможности разрешения тех или иных проблем существующих в ОВД во ВНИИ не поступала.

В результате течение последних пяти лет в «Сводных перечнях проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения озвучивались проблемы:

- отсутствие научно методического аппарата эффективного распределения (перераспределения) штатной численности между территориальными системы МВД России и их структурными подразделениями;
- расчет нормативов численности сотрудников специализированных подразделений по охране общественного порядка;
- необходимость изучения опыта федеральных органов исполнительной власти в части осуществления фактического ведомственного контроля.

Информация о возможности разрешения этих проблем была озвучена в ряде статей и монографий автора, до постановки этих вопросов ВНИИ, однако, в силу отсутствия систем информационно-аналитического обеспечения, информация о возможностях разрешения этих проблем до соответствующих сотрудников Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации не дошла.

Это еще раз подтверждает тезис о том, что существует настоятельная необходимость создания систем информационно-аналитического обеспечения системе МВД России и других государственных органах как видах социальных систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Профессиональная подготовка полицейских: учебник в 4.ч/ под общей редакцией В.Л. Кубышко. М., 2020. Профессиональный цикл. Ч. 2.
2. Костюченко Н.И. Классификация социальных систем и их подсистем управления как основополагающих элементов теории и практики управления. Симферополь, 2023.
3. Костюченко Н.И. Система функций социальных систем (на примере ОВД). Симферополь, 2018.
4. Костюченко Н.И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018.
5. Журавленко Н.И., Костюченко Н.И., Е.Н. Яковец. Информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Симферополь, 2020.
6. Костюченко Н.И. Проблемы классификации социальных систем в теории и практике управления: учебное пособие. Краснодар, 2020.
7. Соколов Ю.А. Информационное обеспечение управленческой деятельности // Научно-техническая информация. 1989. № 7.
8. Крылов А.А., Болт Ю.А., Вишневский А.А., Сачек А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями. М., 2017.

9. Бугель Н.В. Основы управления в органах внутренних дел: учебник. СПб., 2009.
10. Глазунова Н.И. Государственное управление: учебник. М., 2004.
11. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1923.
12. Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы. Краснодар, 2016.

REFERENCES

1. Professional training of police officers: textbook in 4 volumes / edited by V.L. Kubyshko, Moscow, 2020. Professional cycle. Part 2.
2. Kostyuchenko N.I. Classification of social systems and their management subsystems as fundamental elements of management theory and practice. Simferopol, 2023.
3. Kostyuchenko N.I. System of functions of social systems (using the example of the Department of Internal Affairs). Simferopol, 2018.
4. Kostyuchenko N.I. Problems of theory and practice of social systems management. Krasnodar, 2018. 5.
5. Zhuravlenko N.I., Kostyuchenko N.I., E.N. Yakovets. Information and analytical support of operational investigative activities of law enforcement agencies. Simferopol, 2020.
6. Kostyuchenko N.I. Problems of classification of social systems in theory and practice of management: a textbook. Krasnodar, 2020.
7. Sokolov Yu.A. Information support of management activities // Scientific and technical information. 1989. № 7.
8. Krylov A.A., Bolt Yu.A., Vishnevsky A.A., Sachek A.G. Information and analytical support for countering criminalization of various types of economic activity: an analytical review with proposals. Moscow, 2017.
9. Bugel N.V. Fundamentals of management in law enforcement agencies: textbook. SPb., 2009.
10. Glazunova N.I. Public administration: textbook. Moscow, 2004.
11. Fayol A. General and industrial management. Moscow, 1923.
12. Kostyuchenko N.I. Classification of functions of social systems: theoretical and legal foundations. Krasnodar, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костюченко Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, профессор кафедры административного права и административной деятельности. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. академика Х.Х. Стевена, 14.

Соболевская Наталья Юрьевна, старший преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kostyuchenko Nikolay Ivanovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity. Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Academician H.H. Steven St., Simferopol 295053 Russian Federation.

Sobolevskaya Natalya Yuryevna, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 364.013**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ****Рыбалка Елена Александровна**Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
alena-61-rus@mail.ru

Введение: к основным тенденциям, свойственным современному этапу развития демографической и семейной политики России, относится снижение уровня рождаемости, вступление в брак и деторождение в более зрелом возрасте, приоритетность малодетных семей, старение населения. В целях преодоления демографических вызовов государство проводит масштабную работу по повышению благосостояния и качества жизни семей, в том числе обеспечивает их поддержку в период рождения и воспитания детей. Ключевым механизмом реализации данного направления является программа материнского (семейного) капитала, введенная еще в 2007 г.

С учетом современных неблагоприятных демографических реалий указанная программа постоянно совершенствуется. Так, расширился круг возможностей использования средств материнского (семейного) капитала, упрощен процесс получения средств материнского (семейного) капитала путем использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», ежегодно индексируется размер его средств. При этом государство не намерено останавливаться на достигнутом. На законодательном уровне постоянно ведутся дискуссии по вопросу модернизации обеспечения дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей.

С учетом изложенного совершенствование правил направления средств материнского (семейного) капитала и порядка его использования является актуальной темой, требующей более детального анализа.

Материалы и методы: в основу исследования преимущественно заложены положения Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-р, а также законопроекты, размещенные в Системе обеспечения законодательной инициативы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В ходе работы использованы методы толкования норм права, анализа, описания, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования: кактуальным вопросам, волнующим общество и исследуемым законодателем в рамках темы обеспечения дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, относятся: срок, с момента наступления которого возникает возможность воспользоваться средствами материнского (семейного) капитала; включение автомобиля (нового или бывшего в употреблении) в перечень оснований предоставления средств материнского (семейного) капитала; пропорциональность его размера к суммарному коэффициенту рождаемости в конкретном субъекте Российской Федерации; пресечение случаев злоупотребления со стороны получателей материнского (семейного) капитала, выраженного в приобретении ими за счет указанных средств жилья, непригодного для проживания.

Выводы и заключения: в марте 2025 г. Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. Учитывая, что в ней в качестве приоритетной меры по развитию целостной системы поддержки семей с детьми выступает модернизация положений, регулирующих направление средств материнского (семейного) капитала и порядок его использования, приходим к выводу, что нормы Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» будут подлежать дальнейшей актуализации.

Ключевые слова: семья, поддержка, рождаемость, средства, материнский (семейный) капитал, законопроект.

Для цитирования: Рыбалка Е. А. Актуальные вопросы о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей / Е. А. Рыбалка // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 56–61

Original paper

CURRENT ISSUES ABOUT ADDITIONAL STATE SUPPORT MEASURES FOR FAMILIES WITH CHILDREN

Rybalka Elena Alexandrovna

Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the main trends characteristic of the current stage of development of demographic and family policy in Russia include a decrease in the birth rate, marriage and childbearing at a more mature age, the priority of small families, and the aging of the population. In order to overcome demographic challenges, the State is carrying out extensive work to improve the well-being and quality of life of families, including providing them with support during the birth and upbringing of children. The key mechanism for implementing this direction is the maternity (family) capital program, introduced back in 2007.

Taking into account the current unfavorable demographic realities, this program is constantly being improved. Thus, the range of possibilities for using maternal (family) capital has expanded, the process of obtaining maternal (family) capital has been simplified through the use of the federal state information system «Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)», and the amount of its funds is indexed annually. At the same time, the state does not intend to stop there. Discussions are constantly underway at the legislative level on the issue of modernizing additional state support measures for families with children.

Taking into account the above, the improvement of the rules for the allocation of maternal (family) capital and the procedure for its use is an urgent topic that requires a more detailed analysis.

Materials and methods: the study is mainly based on the provisions of Federal Law № 256-FZ «On Additional measures of State Support for Families with Children» (29.12.2006) and the Strategy of Action for the Implementation of Family and Demographic Policy, support for Large families in the Russian Federation until 2036, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.03.2025 № 615-r, as well as draft laws, placed in the Legislative Initiative Support System in the Internet information and telecommunication network.

In the course of the work, the methods of interpretation of legal norms, analysis, description, synthesis, induction and deduction are used.

Results of the study: current issues of concern to society and investigated by the legislator within the framework of the topic of providing additional measures of state support to families with children include: the period from which it becomes possible to use the funds of the maternal (family) capital; the inclusion of a car (new or used) in the list of grounds for providing funds of the maternal (family) capital; the proportionality of its size to the total fertility rate in a particular subject of the Russian Federation; suppression of cases of abuse on the part of recipients of maternal (family) capital, expressed in the acquisition of housing unsuitable for habitation at the expense of these funds.

Findings and conclusions: in March 2025, the Government of the Russian Federation approved an Action Strategy for the implementation of family and demographic policy and support for large families in the Russian Federation until 2036. Considering that the modernization of the provisions governing the allocation of maternal (family) capital and the procedure for its use is a priority measure for the development of an integrated system of support for families with children, we conclude that the norms of Federal Law № 256-FZ «On additional measures of State support for families with children» (29.12.2006) will be to be further updated.

Keywords: family, support, fertility, funds, maternal (family) capital, draft law.

For citation: Rybalka E. A. Current issues about additional state support measures for families with children / E. A. Rybalka // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 56–61

Недостаточный уровень рождаемости в России обусловлен рядом факторов. Среди них следует выделить отсутствие надлежащих жилищных условий и неблагоприятное финансовое состояние семей. В связи с этим представляет интерес федеральный закон, введенный в действие еще в 2007 г. и устанавливающий известную российскому населению дополнительную меру государственной поддержки семей, – материнский (семейный) капитал (далее – МСК).

По результатам анализа положений Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Федеральный закон № 256-ФЗ) установлено следующее.

Частью 7 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ закреплен срок, с момента наступления которого возникает возможность воспользоваться дополнительными мерами государственной поддержки, – по достижении трех лет со дня рождения

или усыновления ребенка (за исключением случаев, предусмотренных ч. 6.1 ст. 7 Федерального закона № 256-ФЗ) [7].

Данное положение явилось предметом обсуждений в том числе в Государственной Думе. Так, комитетом по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства применение указанной выше нормы (в действующей редакции) было оценено критически ввиду формирования, по их мнению, негативного социального эффекта в обществе по отношению к государству. Так, 28 октября 2024 г. профильным комитетом была внесена законодательная инициатива. Разработчиками проекта предлагалось возрастное ограничение отменить, т. е. предоставить возможность реализации права на использование средств МСК со дня рождения (усыновления) ребенка в любое время на улучшение жилищных условий любыми способами.

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – законопроект № 752962-8), его принятие не повлечет дополнительной нагрузки на федеральный бюджет, при этом семьи с детьми смогут быстрее реализовать право на закрепленные меры государственной поддержки.

Примечательно, что мнения относительно законопроекта № 752962-8 разделились. Так, Алтайское краевое Законодательное Собрание пришло к выводу о целесообразности его принятия, о чем свидетельствует постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.11.2024 № 305 [5]. В свою очередь, Дума Астраханской области, напротив, выразила позицию об отсутствии необходимости принятия законопроекта № 752962-8. Точки над «i» расставила Счетная палата Российской Федерации. Руководствуясь ее заключением от 05.12.2024 № ЗСП-168/12-01 [1], отмечаем недостаточность исследования вопроса финансового обеспечения предусматриваемых законопроектом № 752962-8 мер. В частности, перевод средств МСК осуществляется из федерального бюджета в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации в пределах средств, предусмотренных на эти цели в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год. Иными словами, в случае принятия законопроекта № 752962-8 его финансовое обеспечение представляется невозможным, поскольку на текущий год средств в федеральном бюджете на предлагаемую статью расхода не предусматривалось.

Кроме того, вызывает интерес проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – законопроект № 677550-8), внесенный 22.07.2024 в Государственную Думу и предусматривающий расширение перечня оснований предоставления средств МСК, установленных в п. 1 ст. 2 Федерального закона № 256-ФЗ. Так, из содержания пояснительной записки к законопроекту № 677550-8 следует, что в настоящее время у российской семьи отсутствует возможность приобрести автомобиль за счет средств МСК, при этом его покупка за счет собственных средств с учетом роста цен на легковые транспортные средства, в том числе отечественного производства, фактически невозможна. В этой связи предлагалось вышеуказанную норму дополнить словами «приобретения автомобиля». В качестве аргумента приводится тот факт, что родители, у которых жилищный вопрос решен, обращаются в течение нескольких лет с просьбой о рассмотрении вопроса о приобретении автомобиля за счет средств МСК с последующим осуществлением государственного контроля за целевым использованием этих средств. По мнению разработчиков законопроекта № 677550-8, расширение перечня оснований предоставления средств МСК, установленных в п. 1 ст. 2 Федерального закона № 256-ФЗ, позволит повысить качество жизни многодетным семьям и семьям, имеющим ребенка-инвалида, а также окажет положительное влияние на демографическую ситуацию в стране и развитие отечественного автопрома.

Федеральным законом № 256-ФЗ в предлагаемой редакции предусматривалась возможность приобрести с использованием средств МСК (части его средств) автомобиль как новый, так и бывшего в употреблении. Из условий следует отметить: производство такого транспортного средства на территории Российской Федерации; целевое назначение – перевозка пассажиров; невозможность отчуждать имущество (продажа, передача в залог и т. д.) в течение пяти лет с момента его регистрации.

Примечательно, что аналогичного содержания проекты федерального закона неоднократно вносились в Государственную Думу на рассмотрение, однако были отклонены ввиду отсутствия поддержки Правительства Российской Федерации (в 2017 г., 2019 г., в 2020 г., в 2022 г., в 2023 г.). Кроме того, практика предоставления МСК семьям, в которых воспитывается трое и более детей, на покупку транспортного средства (автомобиля), применяется в ряде российских регионов, в том числе в Ростовской области.

С учетом изложенного становится очевидной «судьба» законопроекта № 677550-8 – 10.12.2024 он был отклонен Государственной Думой [4]. Сложившаяся ситуация обусловлена слабой проработанностью законопроекта № 677550-8 ввиду следующего;

– расхождение целей: реализация мер государственной поддержки, предусмотренных Федеральным законом № 256-ФЗ, направлена на достижение демографической цели, в

свою очередь, меры, предлагаемые законопроектом № 677550-8, – на снижение уровня нуждаемости отдельных категорий граждан и развитие отечественной автомобильной промышленности:

- отсутствие регламентации процедуры осуществления государственного контроля за целевым использованием средств, предназначенных на приобретение автомобиля;
- невозможность отчуждения автомобиля в течение пяти лет с момента его регистрации ограничивает семью в действиях в случае наличия на то объективных причин (например, покупка нового автомобиля ввиду увеличения количества детей);
- расширение перечня оснований предоставления средств МСК (приобретение транспортного средства), обусловит увеличение количества обращений заявителей, а, следовательно, необходимость выделения бюджетных ассигнований из федерального бюджета дополнительно.

Резюмируем, что инициатива, предлагаемая законопроектом № 677550-8, опосредованно направлена на укрепление системы государственной поддержки семей с детьми, в связи с чем она найдет поддержку и будет оценена в обществе положительно. Вместе с тем содержание законопроекта № 677550-8 имеет существенный потенциал для совершенствования и требует детальной проработки.

Вопрос, который также рассматривался законодателем в 2024 году, – увеличение размера МСК в регионах России с низкой рождаемостью. Основой обсуждения является суммарный коэффициент рождаемости на уровне воспроизводства, который составляет 2,1 детей на женщину. Иными словами, если рождаемость сохраняется на данном уровне в течение нескольких лет, то население воспроизводится. Однако уровень 2,1 детей на женщину в настоящее время преимущественным большинством российских регионов не достигнут (например, Ленинградская область – ниже 0,87).

Учитывая приведенные статистические данные, законодатель 17.07.2024 г. внес на рассмотрение проект федерального закона, принятие которого должно простимулировать рождаемость в регионах Российской Федерации с суммарным коэффициентом рождаемости ниже уровня 2,1 путем увеличения на их территории МСК (далее – законопроект № 673950-8).

Так, предлагалось размер МСК увеличить в два раза в субъектах Российской Федерации, в которых суммарный коэффициент рождаемости ниже 1,30. По состоянию на 2022 год к таким регионам относятся 23 субъекта Российской Федерации (например, Саратовская, Волгоградская, Орловская, Воронежская области и т.д.). Регионам России, суммарный коэффициент рождаемости которых равен ниже 1,75 и 2,1, предлагается исчислять размер МСК с поправочным коэффициентом 1,5 и 1,3 соответственно. Согласно законопроекту № 673950-8, вопрос увеличения (снижения) размера МСК для субъектов Российской Федерации находится в ведении Правительства Российской Федерации, которое с учетом статистических данных за предыдущий год ежегодно актуализирует соответствующие данные [3].

По результатам анализа законопроекта № 673950-8 усматриваются следующие недостатки в его содержании:

- отсутствие в тексте законопроекта № 673950-8 требований к длительности проживания граждан, претендующих на получение МСК, на территории региона с низким уровнем рождаемости (вследствие данного фактора имеются риски злоупотребления со стороны граждан, которые будут сознательно переезжать в указанные регионы на ограниченный срок в целях получения МСК и впоследствии покидать их территорию);
- отсутствие пояснения по вопросу взаимосвязи расчетов суммарного коэффициента рождаемости и соответствующего коэффициента (менее 2,1, 1,75 и 1,30 – 1,3; 1,5; 2 соответственно).

Кроме того, усматривается определенная избирательность положений законопроекта № 673950-8, при этом МСК – мера, которая направлена на улучшение демографической ситуации в стране в целом, а не в определенном ее субъекте. Также следует помнить о наделении региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления правом устанавливать дополнительные меры поддержки семей, имеющих детей, за счет средств бюджетов соответствующего уровня.

С учетом изложенного имеются основания полагать, что введение положений, предусмотренных законопроектом № 673950-8, обусловит неравный доступ семьям, проживающим в различных российских регионах, к возможности воспользоваться правом на получение дополнительных мер поддержки. В этой связи предложенные законопроектом № 673950-8 нововведения считаем избыточными и нецелесообразными. По информации, размещенной в Системе обеспечения законодательной деятельности, 29.01.2025 законопроект № 673950-8 Государственной Думой был отклонен.

В противовес предполагаемой избирательности законодателя на практике имеется абсолютно реальная проблема – злоупотребление со стороны получателей МСК в приобретении за счет указанных средств жилья, совершенно не приспособленного для проживания.

Обратимся к ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 256-ФЗ (в редакции от 08.08.2024), в которой были перечислены 11 случаев возможного отказа в удовлетворении заявления о распоряжении средствами МСК. В данной редакции Федерального закона № 256-ФЗ положение о наличии документа, подтверждающего факт пригодности приобретаемого жилья, отсутствует [8]. Полагаем возможным отметить, что вышеуказанная норма не в полном объеме обеспечивает надлежащую защиту имущественных прав детей и не способствует минимизации нецелевого использования МСК. В этой связи представляет интерес проект федерального закона, предусматривающего внесение изменений в ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 256-ФЗ, согласно которой к случаям отказа в удовлетворении заявления о распоряжении средствами МСК предлагалось включить отсутствие акта о соответствии жилого помещения, являющегося жилым домом (его частью), требованиям, предъявляемым к данному помещению, и его (ее) пригодности для проживания (далее – законопроект № 631182-8).

Законопроект № 631182-8 был направлен на рассмотрение в Государственную Думу 22 мая 2024 г., в рамках второго чтения отраслевым комитетом представлена таблица рекомендованных поправок, в том числе о переносе срока вступления в силу рассматриваемого законопроекта (заменить «с 1 ноября 2024 года» на «с 1 января 2025 года»). Законопроект № 631182-8 был поддержан комитетами Совета Федерации (например, Комитетом по социальной политике) и Думой Астраханской области [2].

Принимая во внимание, что улучшение жилищных условий является приоритетным способом использования средств МСК (70 % из 100 %), приходим к выводу о необходимости принятия мер, направленных на исключение возможности нецелевого использования средств МСК в случае приобретения жилого помещения.

Ввиду изложенного тезис о приложении к заявлению о распоряжении средствами МСК заключения, подтверждающего факт пригодности приобретаемого жилья, нашел свое отражение в Федеральном законе от 26.12.2024 № 495-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [9].

Таким образом, проведя анализ основных законопроектов, рассматриваемых в Государственной Думе в 2024 г., резюмируем актуальные вопросы, волнующие общество и исследуемые законодателем, в рамках исследуемой темы:

- срок, с момента наступления которого возникает возможность воспользоваться средствами МСК;
- расширение перечня оснований предоставления средств МСК, установленных в п. 1 ст. 2 Федерального закона № 256-ФЗ, путем включения в него автомобиля (нового или бывшего в употреблении);
- пропорциональность размера МСК по отношению к суммарному коэффициенту рождаемости в конкретном субъекте Российской Федерации;
- минимизация случаев злоупотребления со стороны получателей МСК, выраженного в приобретении ими за счет указанных средств жилья, непригодного для проживания.

Примечательно, что в марте 2025 г. Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г., согласно которой модернизация положений, регулирующих направление средств МСК и порядок его использования, является приоритетной мерой по развитию целостной системы поддержки семей с детьми [6]. Имеются основания полагать, что законодатель и в дальнейшем продолжит работу по внесению изменений в положения Федерального закона № 256-ФЗ, которые, безусловно, окажут положительный эффект на социально-экономическое положение семей с детьми и будут способствовать увеличению их количества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заключение Счетной палаты Российской Федерации от 05.12.2024 № ЗСП-168/12-01. Официальный сайт «Система обеспечения законодательной инициативы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/752962-8> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Законопроект № 631182-8 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Официальный сайт «Система обеспечения законодательной инициативы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631182-8> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Законопроект № 673950-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в части увеличения размера материнского (семейного) капитала в субъектах Российской Федерации с низкой рождаемостью». Официальный сайт «Система обеспечения законодательной инициативы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/673950-8> (дата обращения: 12.03.2025).

4. Законопроект № 677550-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Официальный сайт «Система обеспечения законодательной инициативы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/677550-8> (дата обращения: 05.03.2025).

5. Законопроект № 752962-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Официальный сайт «Система обеспечения законодательной инициативы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/752962-8> (дата обращения: 05.03.2025).

6. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

7. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025).

8. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2025).

9. Федеральный закон от 26.12.2024 № 495-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2025).

REFERENCES

1. Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated 05.12.2024 № ZSP-168/12-01. The official website of the Legislative Initiative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/752962-8> (date of access: 05.03.2025).

2. Draft Law № 631182-8 «On Amendments to Article 8 of the Federal Law «On Additional Measures of State Support for Families with Children». The official website of the Legislative Initiative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631182-8> (date of access: 12.03.2025).

3. Draft Law № 673950-8 «On Amendments to the Federal Law «On Additional Measures of State Support for Families with Children» in terms of Increasing the amount of maternal (family) capital in the subjects of the Russian Federation with low fertility». The official website of the Legislative Initiative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/673950-8> (date of access: 12.03.2025).

4. Draft Law № 677550-8 «On Amendments to the Federal Law on Additional Measures of State Support for Families with Children». The official website of the Legislative Initiative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/677550-8> (date of access: 05.03.2025).

5. Draft Law № 752962-8 «On Amendments to the Federal Law on Additional Measures of State Support for Families with Children». The official website of the Legislative Initiative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/752962-8> (date of access: 05.03.2025).

6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.03.2025 № 615-р «On Approval of the Strategy of Action for the Implementation of family and Demographic Policy, support for large families in the Russian Federation until 2036». SPS «ConsultantPlus» (date of access: 01.04.2025).

7. Federal Law № 256-FZ of 29.12.2006 «On Additional Measures of State Support for families with children» (as amended on 28.02.2025). SPS «ConsultantPlus» (date of access: 05.03.2025).

8. Federal Law № 256-FZ of 29.02.2006 «On Additional measures of State support for Families with children» (as amended on 08.08.2024). SPS «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2025).

9. Federal Law № 495-FZ dated December 26, 2024 «On Amendments to Article 8 of the Federal Law «On Additional Measures of State Support for Families with Children». SPS «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбалка Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybalka Elena Alexandrovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.441.822

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ МНИМЫХ И ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК

Михайлов Станислав Владимирович

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
bk@spark-mail.ru

Шпак Андрей Викторович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
a161aa161@mail.ru

Введение: актуальность данной статьи обусловлена большим количеством проблем теоретического и практического характера относительно понимания сущности мнимых и притворных сделок, а также их соотношения с другими основаниями признания сделок недействительными. В работе уделено внимание парадигме определения понятия «недействительность сделки», учитывая все многообразие подходов ученых-юристов к пониманию данного термина, а также исследованию мнимых и притворных сделок как основания недействительности договора и особенностей их квалификации.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

Результаты исследования: в представленной работе рассмотрены правоотношения, вытекающие из мнимых и притворных сделок, особенности их квалификации, выделены их существенные признаки. Рассмотрены точки зрения ученых-цивилистов на отличия мнимых и притворных сделок от конструкции «обход закона» в праве.

Проанализированы и систематизированы факторы, оказывающие существенное влияние на квалификацию правоотношений в данной сфере, сформулировано авторское определение признаков конструкции «обход закона» в праве с предложением по изменению действующего законодательства с целью оптимизации процессов правоприменения в исследуемой сфере.

Выводы и заключения: следует отметить, что наблюдается неоднозначно выраженная позиция законодателя по отношению к дефиниции «недействительность», из-за чего также осложняется применение норм гражданского законодательства на практике. Более того, затрудняется процесс квалификации сделок в качестве мнимых или притворных из-за сложности определения того, что именно имеет большее значения для определения незаконности сделки.

Учитывая тот факт, что российский законодатель отказался от легального определения понятия «обход закона», понимание сущности данной категории может быть осуществлено лишь с помощью выделения ключевых признаков:

а) интерес сторон создать иллюзию совершаемой сделки и ее целей, путем чего скрываются истинные намерения;

б) совершение действий, противоречащих тем, которые необходимы для совершения сделки, т. е., предусмотренные сделкой действия не совершатся при формальном соблюдении требований действующего законодательства.

Видится целесообразным закрепить данные признаки в п. 3 ст. 170 ГК РФ, сформулировав через них определение понятия «обход закона».

Ключевые слова: сделка, недействительность сделок, «обход закона», мнимость, притворность.

Для цитирования: Михайлов С. В., Шпак А. В. К вопросу о правовой квалификации мнимых и притворных сделок / С. В. Михайлов, А. В. Шпак // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 62–67

Original paper

ON THE QUESTION OF LEGAL QUALIFICATION OF IMAGINARY AND SHAM TRANSACTIONS

Mikhailov Stanislav Vladimirovich

Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shpak Andrey Viktorovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of this article is due to a large number of theoretical and practical problems regarding understanding the essence of imaginary and fake transactions, as well as their relationship to other grounds for invalidating transactions. The paper focuses on the paradigm of defining the concept of «transaction invalidity», taking into account the variety of approaches of legal scholars to understanding this term, as well as the study of imaginary and fake transactions as grounds for the invalidity of the contract and the specifics of their qualifications.

Materials and methods: the author uses dialectical, formal-legal, comparative-legal, system-structural methods.

Results of the study: the article examines the legal relations arising from imaginary and sham transactions, the features of their qualification, and highlights their essential features. The author considers the points of view of civil scientists on the differences between imaginary and sham transactions from the construction of «circumvention of the law» in law. The factors that have a significant impact on the qualification of legal relations in this area are analyzed and systematized, the author's definition of the features of the construction «circumvention of the law» in law is formulated with a proposal to change the current legislation in order to optimize the processes of law enforcement in the area under study.

Findings and conclusions: it should be noted that there is an ambiguously expressed position of the legislator in relation to the definition of «invalidity», which also complicates the application of civil legislation in practice. Moreover, the process of qualifying transactions as imaginary or fake is complicated due to the difficulty of determining what exactly is more important for determining the illegality of the transaction. Given the fact that the Russian legislator has abandoned the legal definition of «circumvention of the law», understanding the essence of this category can only be achieved by highlighting key features: a) the interest of the parties to create the illusion of a transaction and its objectives, thereby hiding the true intentions; b) the commission of actions contrary to those necessary for the transaction, i.e., the actions provided for in the transaction will not be performed in formal compliance with the requirements of current legislation. It seems advisable to consolidate these features in paragraph 3 of Article 170 of the Civil Code of the Russian Federation, formulating through them the definition of the concept of «circumvention of the law».

Keywords: transaction, invalidity of transactions, «circumvention of the law», imaginary, pretense.

For citation: Mikhailov S. V., Shpak A. V. On the question of legal qualification of imaginary and sham transactions / S. V. Mikhailov, A. V. Shpak // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 62–67

Правоотношения в рамках гражданского законодательства нередко порождаются и закрепляются в соответствии с нормативными правовыми актами, входящими в структуру института сделок. Сделкам в гражданском праве уделяется особое внимание, поскольку весь хозяйственный оборот связывается с понятием сделок, с их сущностью. Более того, переход России к рыночной системе экономики запустил процесс активного товарообмена на внутреннем рынке страны, который осуществляется как физическими, так и юридическими лицами. Товарообмен представлен совокупным количеством совершаемых гражданско-правовых сделок.

Благодаря сделкам получается находить баланс прав, обязанностей и интересов субъектов экономических отношений в качестве значимых социально-экономических элементов общества.

Конституционные и гражданско-правовые принципы единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств,

свободы экономической деятельности не могут быть гарантированы без нормального функционирования гражданского оборота, в основе которого лежит институт сделки. Тем не менее, несмотря на позитивный характер института сделки, совершенная сделка может породить негативные правовые последствия и отрицательно повлиять на правовое положение субъектов гражданского оборота. Не все совершаемые сделки обладают условиями действительности сделок, вследствие чего, в целях наиболее совершенного регулирования гражданских отношений, в законодательстве закреплены основания, позволяющие признать совершенную сделку недействительной.

Особое место в системе оснований недействительности сделки занимают мнимые и притворные сделки, поскольку являют собой намеренный обман, воплощенный в юридическом акте. Там, где необходимо создать видимость правоотношений, стороны прибегают к совершению мнимых сделок. Когда необходимо замаскировать подлинные замыслы, совершаются притворные сделки. Начиная от сделок, заключаемых в целях обхода права преимущественной покупки, заканчивая сделками, намеренно приводящими юридические лица в состояние банкротства, мнимые и притворные сделки засоряют гражданский оборот и представляют для него значительную опасность.

По мнению О.С. Иоффе, мнимые и притворные сделки в рамках гражданского права должны быть представлены в качестве разновидности незаконных сделок [1]. Этой же позиции придерживается и И.В. Матвеев [2], и Е.Н. Кондрат [3]. В том числе, утверждать незаконность можно по той причине, что генезис недействительности таких сделок заключается в наличии порока содержания и расхождении условий сделки с законодательными требованиями.

При этом важно понимать, что осуществление действий в процессе преодоления законом определенных ограничений нельзя приравнивать к фиктивной сделке и воспринимать их как единое целое. Размышления ученых-юристов относительно функционального содержания и предполагаемого результата определения места мнимых и притворных сделок также разнятся в зависимости от исходных значений исследования воли и волеизъявления сторон (на расхождение воли и волеизъявления, а не противозаконное содержание как причину недействительности таких сделок указывает Ф.С. Хейфец [4]).

В дополнение следует обратить внимание на позицию Б.М. Гонгало, в соответствии с которой мнимые и притворные сделки имеют самостоятельное положение (т. е., пересечение изученных выше двух позиций), поскольку такие сделки обычно имеют в качестве собственной каузы противоправную цель, но при этом имеют особое сходство с теми сделками, которые содержат в себе порок воли [5].

Наконец, следует провести черту различий между мнимыми и притворными сделками. Однако проведение таких отличий не является критично необходимым, поскольку, как было отмечено ранее, данные сделки должны соотноситься как целое и часть, несмотря на то, что в законодательстве не прослеживается такая позиция.

Характерная особенность мнимых сделок – они заключаются для галочки, не несут соответствующие правовые последствия. Реализации заключенных в документе договоренностей в реальности не происходит.

Признаки мнимых сделок:

- в документе отсутствует предмет сделки;
- участники сделки недееспособны;
- условия, которые прописываются в договоре, фактически, не могут быть исполнены;
- после заключения сделки договоренности выполняются частично или не выполняются вовсе;
- документ заверяется у нотариуса, даже если этого не требует законодательство;
- обе стороны сделки знают о фиктивности заключения сделки;
- для реализации условий сделки нет необходимых ресурсов.

По законодательству притворная сделка характеризуется следующей особенностью: сделка заключается с целью замены другой сделки, на других основаниях.

Притворные сделки заключаются с целью утаивания истинного значения договора от надзорных, государственных структур. Среди особенностей также можно выделить следующие моменты:

- отличие прописанных в договоре обязательств с реальными;
- намеренное изменение цен, условий в договоре;
- участие в сомнительных сделках одних и тех же лиц;
- осведомленность о притворности сделки обеими сторонами.

Следовательно, главные отличия рассматриваемых сделок (мнимой сделки от притворной) заключаются в следующем:

а) у сделки есть правовые последствия, однако они выполняются абсолютно на других условиях;

б) недействительной считается только «маскирующая», тогда как часть сделки, реализованная по факту, может быть признана юридически законной.

Законодательно не определены критерии, по которым можно было бы отличить фиктивные сделки от законных, из-за чего данный вопрос является актуальным для доктрины гражданского права. Однако из судебной практики такие критерии можно выделить.

1. Мнимые и притворные сделки всегда начинаются с процесса придания им законной формы. Значит, чрезмерная правовая идеальность той или иной сделки может свидетельствовать о ее неправомерности. То есть, стремления сторон заключить наиболее «чистый» договор (должны возникнуть хотя бы сомнения в реальности сделки). Например, это может быть процесс нотариального заверения, тогда как законодательно не регламентирована обязательность такого действия.

2. Отсутствие реальности исполнения, а лишь формирование прочной «защитной» видимости. Иначе говоря, стороны бездействуют в процессе совершения рассматриваемых сделок: не создаются какие-либо реальные правоотношения, процесс реализации прав и интересов не запускается, обязательства не исполняются.

3. После процесса оформления мнимой или притворной сделки стороны стараются составлять фиктивные документы (запускается активный процесс подготовки документации), которые дополнительно «прикрывают» незаконный процесс и создадут иллюзорную видимость исполнения сделки.

Несомненно, описанные критерии не являются прямым путем выявления сделки в качестве фиктивной, однако, все же могут помочь достичь лучшего понимания того, является ли сделка соответствующей законодательству или нет.

Таким образом, мнимые и притворные сделки занимают свое особое место в гражданском праве, а также в системе оснований недействительности сделки, поскольку они представляют собой специальный направленный обман третьих лиц, который воплощается изначально в процессе составления юридического акта и иной документации. В том числе, особенность места рассматриваемых сделок достигается благодаря их стремительному распространению в современном российском обществе. Следовательно, если у сторон существует потребность обойти законодательство в части запретов совершения некоторых сделок и создать видимость правомерных отношений, то они прибегают ко мнимым и притворным сделкам. Место мнимых и притворных сделок определяется через их противозаконность, которая проявляется благодаря наличию несоответствия между волей сторон и их волеизъявления. Кроме этого, отличительным признаком таких сделок в данном случае является наличие скрытой цели, для достижения которой они совершаются.

Крайне важным в контексте исследуемой темы видится отграничение конструкции мнимой и притворной сделки от категории «обход закона».

Конструкция «обход закона» является объектом исследования современных ученых, в связи с этим возникает активная дискуссия относительно данного явления. В настоящее время правоведа и ученые не пришли к единому выводу о его этиологии.

Во-первых, отметим, что является вполне последовательным и логичным стремление любого государства к тому, чтобы субъекты гражданских правоотношений осуществляли свою деятельность в соответствии с законодательством и действовали исключительно правомерно, соблюдая нормы законодательства.

Во-вторых, законодательство имеет важную особенность, связанную с постоянными изменениями. Меняются общественные отношения, меняется реакция государства, возникают новые риски и угрозы, из-за чего законодательство последовательно подвергается изменениям. В связи с этим нередко возникают ситуации, когда границы дозволенного (рамки правомерного поведения) «стираются» и субъекты правоотношений могут осуществлять неправомерные действия по «духу закона» правомерным путем в соответствии с его «буквой», руководствуясь формально правовым методом. На практике в такой ситуации формируется потребность в отграничении явлений «обход закона» и иных конструкций, которые могут быть схожи с ним.

Действия в «обход закона» регламентированы в п. 1 ст. 10 ГК РФ, данная конструкция описана в законе в общих чертах, однако, немало вопросов возникает в соответствии с полноценным и подробным смысловым значением упомянутой нормы. «Обход закона» – это, скорее, оценочная

категория. Но, несмотря на такие сложности, сформированный институт был необходимой мерой в качестве дополнительного правового регулятора притворных сделок.

Еще в дореволюционный период развития отечественного гражданского законодательства «обход закона» включался в общее понимание притворных сделок. Так, Г.Ф. Дормидонтов придерживался данного подхода: «К притворным сделкам очень часто прибегают в «обход закона», то есть, с целью достигнуть противных закону практических последствий, не вступая в противоречие с буквальным содержанием закона» [6].

Описанные ранее ситуации, связанные с появлением в законодательстве «прозрачных» и сложнореализуемых границ правового поведения в купе с несовершенством регулирования иных правоприменительных вопросов, создают необходимость применения наиболее схожих между собой конструкций, что в конечном итоге может вносить немало противоречий в единый механизм нормативно-правового регулирования.

В соответствии с этим, в настоящее время связь конструкций «обход закона» с мнимыми и притворными сделками можно исследовать с помощью общего и специального подходов. Общий подход предполагает включение мнимых и притворных сделок в категорию «обход закона». Так, например, К.И. Скловский утверждает, что данные конструкции можно приравнивать между собой, поскольку, если суд признает, что сделка совершена в обход закона о приватизации, то такая сделка становится ничтожной [7] в соответствии с п. 2 ст. 170 ГК РФ [8]. Значит, в соответствии с первым подходом, мнимые и притворные сделки являются составной частью «обхода закона», но следует учитывать, что неправомерное поведение может быть осуществлено самым различным образом, из-за чего оно не всегда образует ситуацию в «обход закона».

Второй (специальный) подход предполагает осуществление отграничения между собой мнимых, притворных сделок и тех, которые были совершены «в обход закона». Следовательно, последние из упомянутых являются специальной разновидностью сделок. Если обратить внимание на то, с какой направленностью умысла совершаются мнимые или притворные сделки, то можно заметить, что их совершение связываются в отсутствие необходимого основания. То есть, совершение мнимых и притворных сделок предполагает формирование лишь видимости правовых последствия, наступления которых напрямую они не желают [9].

В свою очередь, сделки «в обход закона» предполагают противоправные действия одной стороны (целенаправленное совершение сделки для обхода правовых норм), а другая сторона планирует достижение результата, предусмотренного заблаговременно в договоре. То есть, в таком случае «обход закона» описывает общую направленность сделок, которые нарушают положения законодательства, а мнимые и притворные сделки являют собой специальную норму. В соответствии с правилами преимущества норм, именно специальные будут обладать таковым. Так, например, если суд напрямую устанавливает свидетельствующие о мнимости или притворности сделки признаки, то такая сделка считается недействительной, так как она мнимая или притворная, поэтому в данном случае ссылка на общую норму не требуется.

Следовательно, «обход закона» может быть применен в исключительных случаях: если специальные нормы права не нарушаются, иных правовых средств защиты нет, а регламентация деяния необходима. В качестве фундамента института мнимых и притворных сделок выступает отсутствие какого-либо правового обоснования совершения такой сделки. Связано это с отсутствием у сторон сделки стремления достигать какого-либо правового результата. В свою очередь, сделка в «обход закона» совершается для заключения сделки, а не создания «иллюзии».

Таким образом, следует отметить, что «обход закона» – это крайне противоречивая в своем происхождении правовая конструкция, которая в качестве нормы является общей, а мнимые и притворные сделки являются специальными по отношению к ней нормами. «Обход закона» в качестве правовой конструкции нужен в ситуации, если иных правовых механизмов для разрешения ситуации не существует. Учитывая тот факт, что российский законодатель отказался от легального определения понятия «обход закона», понимание сущности данной категории может быть осуществлено лишь с помощью выделения ключевых признаков: интерес сторон создать иллюзию относительно совершаемой сделки и ее целей, путем чего скрываются истинные намерения; совершение действий, противоречащих тем, которые необходимы для совершения сделки, т. е., предусмотренные сделкой действия не совершаются.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967.
2. Матвеев И.В. Юридическое значение формы сделки и ответственность за ее нарушение // Хозяйство и право. 2001. № 12.
3. Кондрат Е.Н. Правовая природа недействительных сделок // Законодательство. 2011. № 4.
4. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
5. Гонгало Б.М. Гражданское право: учебник для вузов. Ч. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1998.
6. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895.
7. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М., 2019.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2025).
9. Гражданское право: учебник / Е.В. Астапова, Е.В. Демьяненко, С.В. Михайлов, М.Б. Смоленский. М., 2021.

REFERENCES

1. Ioffe O.S. Soviet Civil Law. Moscow, 1967.
2. Matveev I.V. Legal Significance of the Transaction Form and Responsibility for Its Violation // Economy and Law. 2001. № 12.
3. Kondrat E.N. Legal Nature of Invalid Transactions // Legislation. 2011. № 4.
4. Kheifets F.S. Invalidity of transactions under Russian civil law: a textbook for universities. 4th ed., revised and supplemented. Moscow, 2000.
5. Gongalo B.M. Civil Law: textbook for Higher Educational Institutions. Part One. 4th ed., revised and supplemented. Moscow, 1998.
6. Dormidontov G.F. Classification of the Phenomena of Legal Life, Attributed to the Cases of Applying Fictions. Kazan, 1895.
7. Sklovsky K.I. Application of Civil Legislation on Property and Possession. Practical issues. Moscow, 2019.
8. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 12.06.2025).
9. Civil Law: textbook / E.V. Astapova, E.V. Demyanenko, S.V. Mikhailov, M.B. Smolensky. Moscow, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлов Станислав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20.

Шпак Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhailov Stanislav Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Rostov-on-Don, Budenovsky Ave. 344002 Russian Federation,

Shpak Andrey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА ДИСТАНЦИОННОГО ПРОЦЕССА ОБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Алексеевко Станислав Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
asa.211992@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются подходы к внедрению механизма дистанционного процесса объективного контроля при производстве судебных экспертиз. Уделяется внимание развитию исходной идеи внедрения дистанционного объективного контроля как элемента наглядности процесса экспертного исследования. Автором раскрывается сущность механизма дистанционного объективного контроля на основе его принципов.

Материалы и методы: в подготовке статьи применены диалектический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, аналитический и структурно-функциональный методы научного познания. Используются методы интерпретации правовых норм, а также правового моделирования. Методологическую основу составили положения общей теории судебной экспертизы. Исследованы действующие нормативные правовые акты.

Результаты исследования: предложены принципы реализации процесса удалённого контроля за действиями судебного эксперта, обоснована их научная и практическая значимость. Отдельно разграничены принципы судебной экспертизы как науки и как практической деятельности.

Выводы и заключения: обозначена роль ведущего принципа механизма дистанционного контроля – наглядность при производстве экспертиз. Обосновывается реалистичность внедрения и юридическая допустимость использования дистанционного контроля как технического и правового инструмента обеспечения объективности и качества судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, дистанционный объективный контроль, принципы судебно-экспертной деятельности, независимость эксперта, наглядность исследования, принцип наглядности, нормативно-правовое регулирование.

Для цитирования: Алексеевко С. А. Принципы осуществления механизма дистанционного процесса объективного контроля в судебной экспертизе / С. А. Алексеевко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 68–73

Original paper

PRINCIPLES OF IMPLEMENTING THE MECHANISM OF REMOTE OBJECTIVE CONTROL PROCESS IN FORENSIC EXAMINATION

Alekseenko Stanislav Aleksandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article examines approaches to the implementation of a mechanism for remote objective control during forensic examinations. Attention is paid to the development of the original idea of implementing remote objective control as an element of the visibility of the expert examination process. The author reveals the essence of the mechanism of remote objective control based on its principles.

Materials and methods: in preparing the article, dialectical, logical, formal-legal, comparative-legal, analytical and structural-functional methods of scientific knowledge were used. The methods of interpretation of legal norms and legal modeling were used. The methodological basis was formed by the general theory of forensic examination. The current regulatory legal acts were studied.

Results of the study: the principles of implementing the process of remote control over the actions of a forensic expert are proposed, their scientific and practical significance is substantiated.

The principles of forensic examination as a science and as a practical activity are separately distinguished.

Findings and conclusions: The role of the leading principle of the remote control mechanism is designated – visibility in the production of examinations. The feasibility of implementation and legal admissibility of using remote control as a technical and legal tool for ensuring the objectivity and quality of forensic activities are substantiated.

Keywords: forensic examination, remote objective control, principles of forensic activity, independence of the expert, clarity of research, principle of clarity, legal regulation.

For citation: Alekseenko S. A. Principles of implementation of the mechanism of remote process of objective control in forensic examination / S. A. Alekseenko // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 68–73

В современных условиях повышенное внимание уделяется объективности и качеству судебных экспертиз, поскольку экспертные заключения нередко играют решающую роль при осуществлении правосудия. В то же время в экспертной практике выявлены проблемы, связанные с возможным влиянием субъективного фактора, организационными недостатками и отсутствием прозрачности при проведении исследований. Необходимость совершенствования контроля за процессом судебной экспертизы обусловлена стремлением обеспечить его наглядность, максимальную достоверность выводов экспертов и соблюдение при этом прав участников процесса.

Одним из перспективных, на наш взгляд, направлений развития судебно-экспертной деятельности является совершенствование процессов объективизации работы эксперта путем внедрения механизма дистанционного объективного контроля (далее – ДОК) – системы удаленного наблюдения и фиксирования хода проведения экспертного исследования в реальном времени. Кроме того, этот процесс фиксации позволит в дальнейшем качественно осуществлять дальнейший анализ уполномоченным лицом доказательственной ценности сделанных судебным экспертом выводов.

Необходимость практической реализации сделанных предложений заключается в том, что уполномоченные субъекты (например, следователь, назначивший производство судебной экспертизы, либо руководитель экспертного учреждения), а также иные лица, участвующие в деле, могут осуществлять опосредованное наблюдение за проведением экспертом исследований с помощью аудио- и видеотехнических средств, не вмешиваясь в его работу.

Следует отметить, что предложенный нами механизм ДОК может вызвать дискуссии. Как известно, судебная экспертиза обладает системой принципов, которые можно рассматривать в двух плоскостях – как научную категорию (методологические принципы экспертного исследования) и как практическую деятельность, регламентируемую правовыми нормами. Разграничение обозначенных аспектов важно для корректного понимания роли и возможностей контроля за экспертизой.

Общая теория судебной экспертизы опирается на фундаментальные принципы научного познания, которые определяют объективные и методологически обоснованные основы экспертной деятельности. Уже в середине XX в. в научной литературе были сформулированы методологические подходы к судебно-экспертному исследованию. Так, А.И. Винберг определил основные принципы советской криминалистической экспертизы, а В.М. Галкин впервые поставил вопрос о принципах судебной экспертизы как руководящих началах экспертной деятельности. Значительный вклад в разработку теоретических основ также внесли и другие ученые, что подтверждает постоянное внимание к методологическим принципам в экспертологии. На современной стадии развития общей теории судебной экспертизы принято выделять следующие базовые принципы научного познания: объективность, системность, научная обоснованность и причинность (детерминизм, историчность) [1, с. 160–161].

Принцип объективности требует, чтобы экспертное познание отражало реальные свойства объекта исследования, исключая влияние предвзятости, личных убеждений и иных субъективных факторов. Эксперт должен основывать выводы исключительно на установленных фактах и закономерностях, получая знания «на строго научной и практической основе» [2, с. 80]. Принцип системности предполагает рассмотрение объекта и обстоятельств экспертного исследования в их целостности и взаимосвязи. Комплексный подход обязывает эксперта учитывать все существенные элементы и связи исследуемого явления, раскрывая его структуру как единого целого [3]. Принцип научной обоснованности означает, что используемые методы исследования и формулируемые выводы эксперта должны

иметь прочный фундамент в виде современного научного знания и доказательственной базы. Каждая стадия экспертного исследования, начиная от выбора методики, заканчивая интерпретацией результатов, должна быть подкреплена проверяемыми данными. Принцип причинности утверждает объективное существование причинно-следственных связей между явлениями, отраженными в материалах дела и поступивших объектах экспертного исследования. Он побуждает эксперта объяснять происхождение каждого факта. Согласно научному мировоззрению, появление тех или иных свойств у исследуемых объектов не случайно, а обусловлено конкретными произошедшими событиями, подлежащими выяснению в ходе экспертизы.

Важно подчеркнуть, что научно-методологические принципы экспертной деятельности отличаются от юридических принципов, указанных в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ ГСЭД). Последние носят нормативно-правовой характер и регламентируют организационные и процессуальные аспекты проведения судебных экспертиз. К ним, в частности, относятся: законность, соблюдение прав и свобод граждан, независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований, а также использование современных достижений науки и техники. Эти положения закона обеспечивают соблюдение правовых гарантий и процедур при производстве экспертиз. Принцип независимости эксперта означает, что при производстве экспертизы эксперт не зависит от органов или лиц, её назначивших, сторон и иных заинтересованных участников. Принцип законности требует строгого соответствия действий эксперта нормам права, а нарушение закона при проведении экспертизы влечет наступление ответственности. Принцип прав и свобод подчёркивает необходимость уважения конституционных прав граждан в процессе экспертизы. Наконец, принцип объективности, всесторонности и полноты исследований обязывает эксперта изучить все предоставленные материалы беспристрастно и полно. Важно подчеркнуть, что перечисленные принципы в своей совокупности образуют стандарт деятельности судебного эксперта, отклонение от которого недопустимо.

Вместе с тем они задают и рамки для любых форм контроля за экспертизой. Контроль не должен нарушать законность и независимость эксперта, не может превращаться в давление или вмешательство в проводимое исследование. В то же время контроль призван способствовать объективности и полноте экспертизы, т. е. соответствовать научным и процессуальным принципам, а не противоречить им. Таким образом, при разработке нашего механизма дистанционного контроля мы опираемся именно на указанные фундаментальные принципы судебно-экспертной деятельности.

Действующее законодательство также содержит нормы, предусматривающие контроль или наблюдение за ходом судебной экспертизы. Прямо данный вопрос регламентирован ст. 197 УПК РФ, устанавливающей право следователя присутствовать при производстве судебной экспертизы. В соответствии с ч.1 данной статьи, следователь, назначивший экспертизу вправе лично присутствовать при ее проведении и получать разъяснения эксперта по поводу совершаемых им действий. Факт присутствия следователя должен быть отражен в заключении эксперта. Данная норма УПК РФ фактически является прообразом механизма объективного контроля: закон допускает непосредственное наблюдение за работой эксперта со стороны должностного лица, инициировавшего производство экспертизы. Подразумевается, что присутствие следователя помогает ему лучше понять ход исследования и оценивать обоснованность вывода эксперта. В то же время закон не наделяет следователя полномочиями руководить экспертом или вмешиваться в процесс, его роль сведена к наблюдению и запросу разъяснений, что не нарушает принцип независимости эксперта.

Анализ ст. 197 УПК РФ показывает, что уже действующее законодательство предлагает механизм контроля без вмешательства. Однако реализация этой нормы на практике затруднена: следователи редко могут лично присутствовать во время производства судебных экспертиз, проводимых в экспертных учреждениях, часто удалённых территориально. Здесь и возникает пространство для применения дистанционных технологий. Если обеспечить следователю возможность удалённого присутствия (наблюдения) при производстве экспертизы, это отвечало бы духу закона и упростило бы реализацию его права. Существенно, что УПК РФ не содержит запрета на использование технических средств при осуществлении предусмотренных им процедур. Таким образом, дистанционное присутствие следователя (через видеосвязь) можно рассматривать как современную форму реализации права, закреплённого в ст. 197 УПК РФ, не требующую изменений закона, а лишь развития инфраструктуры.

Нормативные акты в смежных областях также демонстрируют тенденцию к внедрению дистанционных процедур контроля и участия. Показателен опыт медико-социальной экспертизы (далее – МСЭ), а именно системы установления инвалидности. Рассматриваемые вопросы иные (о состоянии здоровья и трудоспособности лица), но организационно МСЭ близка к судебной экспертизе, и там недавно введены дистанционные технологии. Так, с 01 июня 2023 г.

в Российской Федерации разрешено проводить медико-социальную экспертизу в дистанционном формате посредством интернет-видеосвязи [4]. Минтруд России издал специальный Приказ № 316н от 20.04.2023, утвердивший особенности организации и проведения МСЭ дистанционно. Согласно этому приказу, процедуры МСЭ могут проводиться без очного прибытия гражданина в бюро, а с использованием телекоммуникационных технологий. Более того, в п. 8 данного приказа предусмотрено право пригласить любого специалиста (например, лечащего врача) для участия в дистанционной комиссии МСЭ с правом совещательного голоса. Данная норма направлена на повышение объективности, т. е. привлеченный специалист фактически осуществляет дополнительный контроль обоснованности выводов, хотя и не может влиять на решение комиссии. Опыт медико-социальной экспертизы демонстрирует, что дистанционный контроль и участие могут быть успешно урегулированы нормативно и реализованы на практике, не умаляя независимости основной экспертной комиссии.

Возвращаясь к механизму ДОК в судебной экспертизе, стоит раскрыть его сущность и принципы реализации. По нашему мнению, такой механизм подразумевает создание системы наблюдения, при которой процесс выполнения экспертом исследований фиксируется и транслируется в режиме реального времени для уполномоченных наблюдателей, без их прямого вмешательства [5, с. 65]. Сущность ДОК должна заключаться в создании объективного контроля со стороны, обеспечивающего прозрачность каждой стадии экспертного исследования. Реализовать указанное предполагается посредством применения современных аудио-визуальных и цифровых технологий через оснащение рабочих мест экспертов «видеокамерами, объективно передающих информацию» [6, с. 91], системами записи, защищенными каналами передачи данных наблюдателю и др. Рассмотрим принципы реализации данного механизма, вытекающие как из положений законодательства и научных подходов:

1. Первостепенным принципом, по нашему мнению, составляющим фундаментальную основу осуществления механизма ДОК, является принцип наглядности производства экспертного исследования. Под криминалистической наглядностью понимается свойство доказательственной информации, позволяющее объектам познания воспринимать ее посредством органов чувств, формируя таким образом непосредственное и ясное представление о происходящих процессах. Основы данного принципа заложил еще Е.Ф. Буринский, основатель первой в мире судебно-фотографической лаборатории (1889 г.), в которой активно использовались методы судебной фотографии [7, с. 11]. Дальнейшее развитие данного учения отражено в работах В.М. Решетникова [8] и других авторов. Традиционно наглядность обеспечивается при помощи фотосъемки, средствами видеозаписи и другими средствами фиксации действий. Применительно к экспертному исследованию это означает, что сам ход производства экспертизы и получаемые результаты становятся визуально доступными для участников процесса, что позволяет «увидеть» детали исследования. В условиях ДОК для этого используются современные телекоммуникационные средства, все стадии производства экспертизы фиксируются видео- и фотокамерами и транслируются в режиме реального времени через видеоконференции или потоковую передачу, что позволяет следователю, потерпевшему, подозреваемому (обвиняемому) и другим участниками наблюдать за процессом производства экспертизы, находясь при этом удаленно. Реализация принципа наглядности соответствует общей тенденции визуализации доказательств в уголовном судопроизводстве.

Из принципа наглядности логично вытекают следующие принципы осуществления механизма ДОК:

2. Принцип законности и регламентированности. Дистанционный контроль должен осуществляться строго в рамках закона и подзаконных актов. Необходимо разработать подробный регламент (инструкцию), определяющий кто имеет право инициировать и осуществлять наблюдение, в каких случаях, в каком объеме и порядке хранятся записи. Например, присутствие наблюдателя через видеосистему целесообразно отражать в постановлении о назначении экспертизы (по аналогии с указанием о личном присутствии следователя согласно ст. 197 УПК РФ), что будет соответствовать требованию процессуальной формы. Законность также означает соблюдение прав всех участников, то есть проводимая видеозапись не должна нарушать право на тайну частной жизни, врачебную тайну и т. д. (в случае медико-биологических исследований). Поэтому допуск к видеотрансляции должен иметь только ограниченный круг лиц, определенных законом (следователь, назначивший экспертизу; представитель органа, контролирующего деятельность экспертов; сами эксперты – для целей самоконтроля).

3. Принцип невмешательства (соблюдение независимости эксперта). Категорически исключается возможность управления действиями эксперта в ходе ДОК. Наблюдатель не должен отдавать эксперту указания, советы или каким-либо образом влиять на проводимое исследование. Данный принцип гарантируется технически – канал связи для наблюдателя предусматривается только на прием, без обратной связи к эксперту в реальном времени. Таким образом, наблюдатель подобен «теневому свидетелю» производства экспертизы. Эксперт осведомлен о факте наблюдения (это фиксируется), но процессуально он не получает

никаких команд. Такое ограничение соответствует ст. 7 Закона № 73-ФЗ о независимости: наблюдение не превращается в давление или указание, а значит, не нарушает закон. Более того, эксперт, осознавая, что его действия записываются и могут быть проанализированы, будет сам заинтересован строго следовать применяемым им методикам и не допускать сомнительных отступлений.

4. Принцип объективности и полноты. Механизм ДОК должен наглядно охватывать все стадии экспертного исследования – от вскрытия упаковки с предоставленными в распоряжение эксперта материалами до оформления результатов проведенного исследования. Полная видео- и аудиофиксация действий эксперта обеспечивает создание целостной картины того, как проводилось исследование. Подобно тому, как фотоснимки с места происшествия помогают воспроизвести картину события, наглядное воспроизведение хода экспертизы перед участниками процесса позволяет субъекту расследования или суду самостоятельно убедиться в качестве и полноте проведенного исследования (обеспечив требования ст. 8 Закона № 73-ФЗ о проверяемости и достоверности заключения эксперта). Объективная запись защитит добросовестного эксперта от возможных необоснованных обвинений в ошибках и фальсификации, а при наличии нарушений, наоборот, позволит достоверно их выявить. Здесь также уместна аналогия с судебным разбирательством, в котором введение аудио-протоколирования судебных заседаний существенно повысило объективность фиксации его процесса. Аналогично, аудио-видеофиксация экспертизы сделает её более наглядной, прозрачной процедурой.

5. Принцип технической надёжности. Поскольку ДОК опирается на технические средства, важно обеспечить их надёжное функционирование и защиту данных. Только посредством наглядного мониторинга может быть проверена техническая надёжность методов и оборудования эксперта. Наблюдатель убеждается, что используется сертификационное оборудование, гарантирующее трансляцию четкого изображения и звука, а также бесперебойную связь. Каналы передачи информации должны быть защищены шифрованием, чтобы исключить несанкционированный доступ или утечку сведений (особенно актуально, так как материалы экспертизы содержат тайну следствия и персональные данные). Хранение записей должно происходить на защищённых серверах в условиях, обеспечивающих сохранность и неизменность данных в течение установленного срока.

6. Принцип специализированного применения и соразмерности. Дистанционный контроль рекомендуется вводить прежде всего в тех ситуациях, где польза от него очевидна и превышает возможные затраты или риски. К таким случаям относятся: сложные, длительные многообъектные экспертизы, комиссионные и комплексные экспертизы с участием нескольких учреждений, случаи, когда у следствия или суда возникли сомнения в компетентности или беспристрастности эксперта (например, назначена повторная экспертиза после спорного первичного заключения эксперта) и т. д. В иных ситуациях, например, при проведении рядовых экспертиз, применение ДОК может быть опциональным или осуществляться выборочно, чтобы не перегружать систему контроля излишним объёмом данных. Принцип соразмерности подразумевает также минимизацию вмешательства в привычный ход работы эксперта, т. е. техническое оснащение рабочего места эксперта должно быть эргономичным, не мешать эксперту выполнять манипуляции. Иными словами, технология должна подстраиваться под эксперта, а не эксперт под технологию.

Подводя итог всему вышесказанному, соблюдение перечисленных принципов позволит воплотить механизм дистанционного процесса объективного контроля таким образом, чтобы он укреплял соблюдение основополагающих принципов судебной экспертизы, а не противоречил им. Законность, независимость эксперта, объективность, полнота – все эти требования могут даже выиграть от правильного применения механизма ДОК. Дополнительно важно подчеркнуть, что ДОК выступает именно как инструмент обеспечения качества, а не новая обязанность эксперта. Эксперт продолжает действовать самостоятельно, но под «объективным взором» системы, что повышает доверие к результатам его труда.

Доработав концепцию дистанционного объективного контроля судебных экспертиз, можно сделать следующие выводы. В нормативной базе заложены классические принципы, но отсутствует требование наглядности. В результате, несмотря на соблюдение формальных требований объективности и полноты, по сути, заключение эксперта остается «чёрным ящиком» для сторон дела, они могут лишь догадываться о том, как именно было проведено исследование.

Таким образом, соблюдение традиционных принципов законности, объективности и полноты оказывается недостаточным без наглядности процесса. В отсутствие принципа наглядности действия эксперта остаются закрытыми и недоступными участникам процесса, что лишает заключение проверяемость и снижает его достоверность. Только выдвижение на первый план принципа наглядности и внедрение механизма ДОК при правильной организации позволит сделать процесс производства экспертизы открытым и воспроизводимым, не нарушая при этом фундаментальных принципов независимости

и законности. Первоначальные опасения, связанные с новизной такого подхода, преодолимы при условии ясного нормативного регулирования и соблюдения баланса интересов. Опираясь на действующие положения УПК РФ, Федерального закона № 73-ФЗ и ведомственных нормативных актов, идея удаленного наблюдения за ходом экспертизы получает легитимное обоснование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М., 2006.
2. Кузнецов В.О. Принципы судебно-экспертного лингвистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3. Т. 17.
3. Лекция по теме «Понятие методологического принципа научного исследования». Режим доступа: URL: <https://infourok.ru/lekcija-po-teme-ponyatie-metodologicheskogo-principa-nauchnogo-issledovaniya-5758806.html> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Как проходит комиссия МСЭ для оформления инвалидности. URL: <https://www.zdrav.ru/articles/4293665778-prohojdenie-mse-v-2023-godu-23-m09-13> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Алексеенко С.А. Об объективном контроле процесса судебной экспертизы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 3(65).
6. Алексеенко С.А. Общая характеристика технико-криминалистических средств объективного контроля процесса судебной экспертизы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4(66).
7. Рясов А.А. Лекция по теме № 5 «Криминалистическая фотграфия и видеозапись». URL: https://ставф.крд.мвд.рф/upload/site122/document_file/5._Krim_Fotografiya_Inter_Rezymir.pdf (дата обращения: 01.06.2025).
8. Решетников В.М., Егорова Н.А. Наглядность в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2(21).

REFERENCES

1. Averyanova T.V. Forensic examination: A course of general theory. Moscow, 2006.
2. Kuznetsov V.O. Principles of forensic linguistic research // Theory and practice of forensic examination. 2022. № 3. Vol. 17.
3. Lecture on the topic «The concept of the methodological principle of scientific research». URL: <https://infourok.ru/lekcija-po-teme-ponyatie-metodologicheskogo-principa-nauchnogo-issledovaniya-5758806.html> (date of access: 01.06.2025).
4. How is the ITU commission for disability registration? URL: <https://www.zdrav.ru/articles/4293665778-prohojdenie-mse-v-2023-godu-23-m09-13> (date of access: 01.06.2025).
5. Alekseenko S.A. On objective control of the judicial examination process // Bulletin of Krasnodar University The Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3(65).
6. Alekseenko S.A. General characteristics of technical and criminalistic means of objective control of the forensic examination process // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4(66).
7. Ryasov A.A. Lecture on topic № 5 «Forensic photography and video recording». URL: https://ставф.крд.мвд.рф/upload/site122/document_file/5._Krim_Fotografiya_Inter_Rezymir.pdf (date of access: 01.06.2025).
8. Reshetnikov V.M., Egorova N.A. Visibility in criminal proceedings (criminal procedural and criminalistic aspects) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 2(21).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеенко Станислав Александрович, преподаватель кафедры криминалистики. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseenko Stanislav Aleksandrovich, lecturer of the Department of Criminalistics. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaia St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ АПК: ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРЫ

Аралкин Николай Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
aralkinnik09@mail.ru

Введение: статья посвящена формированию и обоснованию структуры криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития агропромышленного комплекса. Преступления данной категории составляют наибольшую долю в структуре преступности в АПК, чем обуславливается актуальность темы.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы научные труды ученых-криминалистов в области криминалистической характеристики преступлений и смежных видов преступлений, а также общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, ретроспективный метод, сравнительный анализ.

Результаты исследования: сформирована структура криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК.

Выводы и заключения: приведенная структура криминалистической характеристики преступления указанного вида может быть использована и раскрыта в рамках методики расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, мошенничество, агропромышленный комплекс, государственные программы.

Для цитирования: Аралкин Н. А. Криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК: обоснование структуры / Н. А. Аралкин // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 74–78

Original paper

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD COMMITTED IN THE IMPLEMENTATION OF GOVERNMENT PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE: SUBSTANTIATION OF THE STRUCTURE

Aralkin Nikolay Alexandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the formation and substantiation of the structure of the criminalistic characteristics of fraud committed during the implementation of state programs for the development of the agro-industrial complex. Crimes of this category account for the largest share in the structure of crime in the agro-industrial complex, which determines the relevance of the chosen topic.

Materials and methods: the research used scientific works of criminologists in the field of criminalistic characteristics of crimes and related types of crimes, as well as general scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, retrospective method, comparative analysis.

Results of the study: the structure of the criminalistic characteristics of fraud committed in the implementation of government programs for the development of agriculture has been formed.

Findings and conclusions: the given structure of the criminalistic characteristics of a crime of this type can be used and disclosed as part of the methodology for investigating fraud committed during the implementation of state programs for the development of agriculture.

Keywords: criminalistic characteristics of crime, fraud, agro-industrial complex, government programs.

For citation: Aralkin N. A. Criminalistic characteristics of fraud committed in the implementation of government programs for the development of agriculture: substantiation of the structure / N. A. Aralkin // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 74–78

Криминалистическая характеристика преступлений (КХП) является одной из основополагающих категорий криминалистической науки. Сущность, назначение и структура КХП являлись предметом исследования значительного количества известных ученых-криминалистов. Первое развернутое изложение о структуре КХП произвел Л.А. Сергеев, включив в нее:

- способы совершения преступления;
- условия, в которых совершаются преступления, и особенности обстановки;
- обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений;
- связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам;
- взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств [1, с. 4–5].

Идею о КХП поддержали А.Н. Колесниченко: «К числу наиболее существенных положений общих для всех частных методик относится общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений и что преступления имеют общие черты криминалистического характера» [2, с. 19].

Более современные известные ученые-криминалисты – Л.Я. Драпкин и В.К. Гавло понимают под КХП научную категорию, в которой с определенной степенью общности описаны типовые признаки и свойства события, обстановки, способа совершения общественно опасных деяний определенной классификационной группы, процесса образования и локализации следов, типологические качества личности и поведения виновных, потерпевших, устойчивые особенности иных объектов посягательства, а также связи и отношения между всеми структурными элементами [3, с. 470].

Не подвергается сомнению и значение КХП, указанное А.Г. Филипповым в своем определении: «Система присущих тому или иному виду преступлений особенностей, имеющих наибольшее значение для расследования и обуславливающих применение криминалистических методов, приемов и средств». Вместе с тем в структуру КХП ученый включил: предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление; особенности оставляемых преступниками следов [4, с. 333]. Стоит отметить, что в данной структуре отсутствует характеристика личности субъекта преступления.

Нельзя обойти стороной обстоятельное исследование Р.С. Белкина касательно сути и содержания КХП, в котором известный ученый «отсеял» недостаточно обоснованные элементы КХП и получил следующее: «Криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка). В этой же работе Р.С. Белкин выделяет значение КХП как «инструмента» следователя как единого комплекса элементов с присущими им корреляционными связями [5, с. 327–330].

Верным представляется и утверждение Е.П. Ищенко и А.А. Топоркова, которые дают КХП иное название – информационная модель преступления. Авторы характеризуют ее как модель преступления, абстрагированную от частных и играющую практическую роль [6, с. 489].

Наше мнение, в сущности, согласуется с мнением перечисленных ученых о роли и значении КХП, в связи с тем, что криминалистика – прикладная наука, служащая для обеспечения наиболее эффективного и качественного процесса выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Место КХП в структуре криминалистических знаний весьма устойчиво и обуславливается своим прикладным значением, несмотря на наличие в ней не явно криминалистических структурных элементов (личность преступника; обстоятельства и условия совершения преступлений). Сотрудники органов предварительного

расследования в процессе раскрытия и расследования преступлений должны осуществлять свою деятельность в зависимости от криминалистических особенностей того или иного вида преступления. При этом КХП выступает своего рода информационной опорой для субъекта расследования.

Таким образом, анализ доктринальных воззрений ряда ученых позволяет выделить наиболее традиционные структурные элементы информационной системы – криминалистической характеристики преступлений:

- субъект преступной деятельности;
- условия и обстановка преступной деятельности;
- способ совершения преступления;
- следовая картина преступной деятельности.

При этом назначение КХП заключается в информационно-познавательных свойствах этой системы, которая служит средством выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Вместе с тем Р.М. Морозов указывает среди актуальных проблем научной категории КХП – качественный и количественный состав ее содержания [7, с. 97]. По нашему мнению, обозначенная структура не является и не должна являться неизменной и «закостенелой». Так, А.Ф. Лубин, характеризуя экономическую преступность, предлагает включить в криминалистическую характеристику экономических преступлений такой признак, как острота противоборства между преступной деятельностью и правоохранительными органами [8, с. 206]. С.Ю. Косарев придерживается позиции, что унификацию структуры криминалистической характеристики следует делать исходя из выделения определенной категории преступлений [9, с. 215–216]. Указанной позиции придерживается и ряд других ученых: Н.А. Данилова, Л.В. Бертовский и др.

Соглашаясь с вышеуказанными мнениями, приведем пример формирования криминалистической характеристики преступления, отличной от классического формата. Таковой является криминалистическая характеристика незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции, сформированная В.И. Еремченко в своей диссертационной работе. В рамках указанной системы ученый выделил четыре указанных выше «классических» элемента, однако дополнительно раскрыл:

- сведения об организации преступной группы, занимающейся незаконной предпринимательской деятельностью в сфере оборота сельскохозяйственной продукции;
- сведения о виде сельскохозяйственной продукции, используемой в обороте при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности;
- сведения о вреде, причиняемом в результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции [10, с. 31].

Аналогичной позиции придерживался Д.В. Ларичев, который, следуя указанной идее, сформировал структуру криминалистической характеристики экономических преступлений [11, с. 113]:

- способ совершения преступлений;
- признаки преступлений, характеризующие установленные способы;
- данные о наиболее вероятных свидетелях, особенностях личности преступника, потерпевшего, свидетеля; факторы, влияющие на форму их показаний и поведение этих лиц на следствии;
- наиболее распространенный перечень документов, сохранивших на себе следы преступлений, а также служащий средством для обнаружения преступлений и установления фактических обстоятельств дела (подтверждающих преступление действия подозреваемых);
- наиболее типичный перечень предметов, сохранивших на себе следы преступления, а также служащих средствами для обнаружения преступления и установления фактических обстоятельств дела;
- наиболее типичный перечень предметов, на которые были направлены преступные действия при совершении преступления, а также деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления;
- иные фактические данные.

Осуществляя комплексное исследование преступности в АПК, С.В. Пахомов выделил следующую структуру КХП:

- предмет преступного посягательства;
- обстановка совершения преступления (время и место);
- механизм совершения преступления и слеодообразования;
- средства совершения преступления;
- личность преступника и мотивы совершения преступления [12, с. 118].

Изложенная криминалистическая характеристика преступлений в АПК имеет привычные криминалистические элементы и расширяется посредством добавления характеристики

предмета преступного посягательства и средств совершения преступления. При этом, раскрывая структурный элемент «средства совершения преступления», ученый включает в него сведения о документах, сопровождающих административные, экономические и производственные процессы агропромышленной деятельности [13, с. 115].

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости формирования структуры КХП, обусловленной его криминалистически значимыми признаками, т. е. включать те структурные элементы, характеризующие, следовательно, дознаватель или оперативный сотрудник будет эффективно выявлять, раскрывать и расследовать преступление конкретного вида.

В связи с этим возникает необходимость определения структуры криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК.

С целью определения структуры необходимо обозначить наиболее существенные криминалистические признаки мошенничества рассматриваемого вида, которые будут служить информационной основой. Для этого необходимо схематично обозначить способ совершения мошенничества при реализации государственных программ развития АПК: руководитель сельскохозяйственной организации или гражданин, проживающий в сельской местности и занятый в АПК, подает пакет документации в региональный орган АПК на получение конкретной меры поддержки, содержащий в себе недостоверные сведения, имеющие значение для предоставления поддержки; сотрудники регионального органа АПК, обманутые указанной в документации информацией, принимают решение о предоставлении претенденту мер поддержки; в результате обмана недобросовестному получателю поддержки перечисляются бюджетные средства, предназначенные на развитие АПК, которые похищаются и расходуются на цели, не связанные с развитием сектора.

Обозначенное деяние имеет ряд криминалистически значимых признаков. Во-первых, предметом рассматриваемого преступления являются бюджетные денежные средства (федерального и регионального уровня), выделяемые на развитие аграрного сектора экономики. Во-вторых, мошенничество предполагает обман или злоупотребление доверием. В данном случае осуществляется обман сотрудников регионального органа, уполномоченного в сфере АПК, с целью получения бюджетных средств. В-третьих, обман осуществляется посредством использования подложных документов-оснований получения государственной поддержки (гранта, субсидии, льготного кредита), а также имитации реального осуществления фактов хозяйственной жизни, что предопределяет закономерности наличия и локализации характерных следов. В-четвертых, субъектом совершения мошенничества являются руководители сельскохозяйственных организаций (в организационно-правовой форме ИП, ООО, АО, СПК) либо граждане, отвечающие региональным требованиям предоставления мер поддержки (занятые в АПК; проживающие в сельскохозяйственной местности и др.). В-пятых, обстоятельства места и времени, характеризующиеся широкой вариативностью в зависимости от направления поддержки и ее экономической сущности.

Исходя из сказанного, структура информационно-познавательной системы исследуемого деяния должна включать в себя следующие компоненты:

- характеристика механизма совершения преступления;
- обстоятельства совершения преступления (место, время);
- следовая картина преступной деятельности;
- характеристика личности субъекта преступной деятельности.

Примечательно отсутствие в изложенной структуре такого часто встречающегося элемента КХП, как «средства совершения преступления». Это обусловлено тем, что способ совершения мошенничества в сфере государственного финансирования АПК предполагает единственным средством совершения хищения бюджетных средств – документацию, содержащую недостоверные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для получения поддержки. К таким документам относится весь комплекс бухгалтерской и организационно-правовой документации, содержание которого найдет отражение в документальной следовой картине рассматриваемого вида мошенничества, что делает изложение его в отдельном компоненте криминалистической характеристики нерациональным.

Представленная структура криминалистической характеристики мошенничества указанного вида, по нашему мнению, включает в себя наиболее значимые структурные элементы, раскрытие которых позволит субъекту предварительного расследования в должной мере познать сущность и криминалистически-значимые сведения мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК. Кроме того, сформированную структуру КХП возможно использовать для дальнейшей разработки методики расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК, а также для проведения исследований в рамках отдельно взятых структурных элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
2. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976.
3. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л. Я. Драпкина. М., 2012.
4. Криминалистика: учебник / под ред. проф. А.Г. Филиппова. М., 1998.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 1996. Т. 3.
6. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. М., 2006.
7. Морозов Р.М. К вопросу о содержании и значении криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе. Владимир, 2017.
8. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2018.
9. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития. СПб., 2005.
10. Еремченко В.И. Особенности расследования незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции (по материалам отдельных субъектов Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.
11. Ларичев В.Д. Криминалистическая характеристика экономических преступлений и методика ее построения // Научный портал МВД России. 2009. № 1(5).
12. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2023.
13. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2023.

REFERENCIS

1. Sergeev L.A. Investigation and prevention of embezzlement committed during construction work. The abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 1966.
2. Kolesnichenko A.N. General provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes. Kharkov, 1976
3. Criminalistics: a textbook for bachelors / edited by L. Ya. Drapkin. Moscow, 2012.
4. Criminalistics: textbook / edited by prof. A.G. Filippov. Moscow, 1998.
5. Belkin R.S. Course of criminalistics. 1996. Vol. 3.
6. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. Criminalistics: textbook. Moscow, 2006
7. Morozov R.M. On the issue of the content and significance of criminalistic characteristics of crimes // Criminalistic and procedural support for the investigation of crimes in the penal enforcement system. Vladimir, 2017.
8. Criminalistics: a course of lectures / edited by prof. A.F. Lubin. Nizhny Novgorod, 2018.
9. Kosarev S.Y. Criminalistic methods of crime investigation: genesis, current state, development prospects. SPb, 2005.
10. Eremchenko V.I. Features of the investigation of illegal business activities in the sphere of agricultural products turnover (based on materials from individual subjects of the Russian Federation): diss. ... kand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2013.
11. Larichev V.D. Criminalistic characteristics of economic crimes and methods of its construction // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 1(5).
12. Pakhomov S.V. Criminalistic theory and practice of investigation of crimes committed in the sphere of the agro-industrial complex: dis. ... Dr. Jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2023.
13. Pakhomov S.V. Criminalistic theory and practice of investigating crimes committed in the field of the agro-industrial complex: dis. ... Dr. Jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аралкин Николай Александрович, адъюнкт адъюнктуры. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aralkin Nikolay Aleksandrovich, Associate Professor of Adjunct Studies. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985.7

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ
РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШЕННОГО ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ, СФОРМИРОВАННОЙ ПО
ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ**

Бондарева Анастасия Анатольевна

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация
anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Точилкина Анастасия Андреевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
nastena.tochilkina@mail.ru

Туманов Данил Михайлович

Главное следственное управление Главного управления МВД России по Алтайскому краю,
Барнаул, Российская Федерация
fischer8797@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются особенности тактики производства допроса подозреваемого при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку. Акцентируется внимание на отдельных особенностях личности подозреваемого, включая этническую принадлежность. Авторами рассмотрены некоторые особенности использования различных тактических приемов в конфликтной ситуации, складывающейся при допросе. Применение последних, по мнению авторов, позволит получить достоверную и полную информацию о преступном деянии.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составляют материалы уголовных дел, возбужденных по факту незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку. Для достижения поставленных целей и формулирования полученных выводов авторами использовался всеобщий диалектический метод познания, методы анализа и синтеза.

Результаты исследования: отражены особенности производства допроса подозреваемого при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, объединенной по этническому признаку. Указаны пути преодоления возникающих конфликтных ситуаций в ходе производства данного следственного действия посредством применения различных тактических приемов.

Выводы и заключения: в исследовании раскрыты некоторые тактические особенности производства допроса подозреваемых при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку, применение которых может способствовать получению криминалистически значимой информации, необходимой для эффективного расследования преступлений рассматриваемого вида. Кроме того, авторами предложено включить в содержание ст. 228.1 УК РФ квалифицирующий признак «организованной группой, сформированной по этническому признаку».

Ключевые слова: допрос, подозреваемый, тактические приемы, сбыт, незаконный сбыт, наркотические средства, организованная группа, иностранный гражданин, этнический признак, этническая организованная группа.

Для цитирования: Бондарева А. А., Точилкина А. А., Туманов Д. М. Особенности производства допроса подозреваемого при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку / А. А. Бондарева, А. А. Точилкина, Д. М. Туманов // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 79–85

Original paper

FEATURES OF INTERROGATION OF A SUSPECT DURING THE INVESTIGATION OF ILLEGAL SALES OF NARCOTIC DRUGS COMMITTED BY AN ORGANIZED GROUP FORMED ON THE BASIS OF ETHNICITY

Bondareva Anastasiya Anatolyevna

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation

Tochilkina Anastasia Andreevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tumanov Danil Mikhailovich

Main Investigative Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory, Barnaul, Russian Federation

Introduction: the article examines the specifics of the tactics of interrogating a suspect in the investigation of the illegal sale of narcotic drugs committed by an organized group formed on ethnic grounds. Attention is focused on individual personality traits of the suspect, including ethnicity. The authors consider some features of the use of various tactics in a conflict situation that develops during interrogation. The use of the latter, according to the authors, will allow obtaining reliable and complete information about the criminal act.

Materials and methods: the empirical basis of the research is based on the materials of criminal cases initiated on the fact of illegal sale of narcotic drugs committed by an organized group based on ethnicity. To achieve the set goals and formulate the conclusions, the authors used the universal dialectical method of cognition, methods of analysis and synthesis.

Results of the study: the peculiarities of the interrogation of a suspect during the investigation of the illegal sale of narcotic drugs committed by an organized group united by ethnicity are reflected. The ways of overcoming emerging conflict situations during the production of this investigative action through the use of various tactical techniques are indicated.

Findings and conclusions: the study reveals some tactical features of the interrogation of suspects in the investigation of the illegal sale of narcotic drugs committed by an organized group based on ethnicity, the use of which can contribute to obtaining criminalistically relevant information necessary for the effective investigation of crimes of this type. In addition, the authors proposed to supplement certain norms of criminal legislation with a qualifying feature, ethnicity.

Keywords: interrogation, suspect, tactics, sale, illegal sale, narcotic drugs, organized group, foreign citizen, ethnic characteristic, ethnic organized group.

For citation: Bondareva A. A., Tochilkina A. A., Tumanov D. M. Features of interrogation of a suspect during the investigation of illegal sales of narcotic drugs committed by an organized group formed on the basis of ethnicity / A. A. Bondareva, A. A. Tochilkina, D. M. Tumanov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 79–85

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста числа зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых на территории Российской Федерации. Согласно статистическим данным МВД России, за январь–декабрь 2024 г. было выявлено 198 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7 % больше чем за аналогичный период прошлого года (в январе–декабре 2023 г. зарегистрирована 191 тыс. преступлений). По сравнению с январем–декабром 2023 г. на 7,0 % увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что составило 134 998 зарегистрированных преступлений в отчетном периоде [1].

При этом значительное число преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств направленно на сбыт наркотических средств бесконтактным способом, и совершается организованными преступными группами (далее ОПГ), а «каждое девятое преступление в структуре организованной преступности совершается ОПГ, сформированной по этническому принципу» [2, с. 74], что проявляется в таких признаках как устойчивость, конспиративность, распределение ролей между соучастниками и использование этнокультурных связей в целях обеспечения логистики и сбыта запрещенных веществ. Исходя из следственно-судебной

практики, также отметим, что в подавляющем большинстве случаев в организованную группу входят граждане государств-участников СНГ, при этом участники-руководители такой организованной группы зачастую находятся за пределами территории Российской Федерации, что свидетельствует о транснациональном характере преступных группировок.

В связи с этим представляется весьма актуальным обозначить тактико-организационные особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых этническими группами. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть тактические аспекты производства наиболее информативного, на наш взгляд, следственного действия по данной категории преступлений, допроса подозреваемого. В ходе производства данного следственного действия можно установить этническую принадлежность участников организованной группы.

Отметим, что под организованными преступными группами этнической направленности понимают устойчивую группу лиц с характерной иерархической структурой, объединенную общностью языка, культурой, ценностями, этническим самосознанием (этической мотивацией), свободно определяющих свою национальную принадлежность, организованных для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Является очевидным, что рассматриваемые преступные группы обладают определенными отличительными признаками, которые можно установить в ходе непосредственного общения с каждым из участников организованной группы. Сказанное возвращает нас к значимости производства допроса подозреваемых лиц, входящих в состав преступной группы, объединенной по этническому признаку.

Цель допроса подозреваемых при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенных организованными этническими группами, заключается в получении максимально полной и достоверной информации об обстоятельствах совершенного преступления. Эта информация необходима для установления истины по делу, выявления всех участников преступной схемы, а также для принятия мер по предотвращению дальнейшего распространения наркотических средств.

Выяснение вышеуказанных обстоятельств может быть осложнено рядом факторов, таких как: замкнутость участников преступных групп, строгая иерархия, языковой барьер, использование специфических методов конспирации и др. Указанное обуславливает необходимость совершенствования тактики производства допроса подозреваемых по указанной категории уголовных дел, поскольку данное следственное действие должно быть незамедлительным и подробно отражать показания с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Залогом высокой результативности допросов является их тщательная подготовка, которая включает в себя следующее: изучение материалов уголовного дела, изучение сведений о личности допрашиваемого (особое внимание по рассматриваемому виду преступлений стоит уделить национальным и этническим особенностям личности), использование различных форм специальных знаний, выбор места, времени и способа вызова на допрос, составление плана проведения допроса, формулирование вопросов, подлежащих постановке перед допрашиваемым и т. д.

Информацию о личности подозреваемого можно получить в рамках рассмотрения материалов предварительной проверки, протоколов следственных действий (осмотр места происшествия, проверка показаний на месте, обыск, выемка, допросы свидетелей), результатов оперативно-розыскной деятельности, направлении запросов в информационно-аналитические центры, анализе заключений судебных экспертиз.

Исходя из вышесказанного, определяем, что сведения о личности подозреваемого, полученные в ходе проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, позволяют установить характерологические особенности лица. Учет последних при проведении допроса представляется весьма значимым. Так, следует учитывать, что лицо, подозреваемое в незаконном сбыте наркотических средств, зачастую является лицом наркозависимым. В соответствии с этим при проведении допроса следует оценивать поведенческие особенности допрашиваемого.

В качестве примера можно указать, что лицам, употребляющим наркотические средства каннабисной группы, свойственно следующее поведение: галлюцинации, раздражительность и отвлеченность внимания. К внешним признакам употребления таких запрещенных веществ относится: бледность кожных покровов, частое дыхание, бессвязная и сбивчивая речь; лицам, употребляющим наркотические средства опийной группы, характерно снижение умственной работоспособности, подавленное настроение и невнимательность,

внешнее проявление употребления данных средств связано с бледностью кожных покровов, сужением зрачков, судорогами и тремором конечностей [3, с. 90].

Так как преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, направленные на бесконтактный способ сбыта последних, совершаются, в большинстве случаев, в составе организованной группы, то лицу, осуществляющему предварительное расследование, необходимо определить последовательность допроса участников преступной группы, в соответствии с имеющейся информацией о личности подозреваемого. Также перед производством допроса следователю необходимо располагать информацией о том, как именно осуществлялась преступная деятельность группы, как распределялись преступные роли между соучастниками, каковы эпизоды преступной деятельности, насколько полной является доказательственная база, период деятельности преступной группы, дата и время вступления в преступную группу каждого соучастника, способы и особенности связи между членами преступной группы, каким образом осуществлялась оплата наркотических средств покупателями-потребителями, как и в каких долях распределяются денежные средства, полученные за незаконный сбыт наркотических средств, и т. д.

Помимо того, отметим, что определенную сложность в ходе допроса вызывает языковой барьер – невладение либо недостаточное владение русским языком, что требует привлечения к участию в следственных действиях переводчика. Следователю самостоятельно устанавливает необходимость участия переводчика при проведении следственных действий в рамках расследования, прежде всего, он должен установить гражданство (подданство), национальность подозреваемого, каким языком (диалектом) владеет последний.

Изучение материалов уголовных дел показало, что допрос подозреваемых по данной категории преступлений нередко характеризуется противодействием, которое заключается в следующем: отказ от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ; дача ложных показаний; изменение показаний; уничтожение или повреждение следов преступления. В подобных ситуациях целесообразно применять средства видео и аудиозаписи, позволяющие минимизировать такие упущения, как «искажения при передаче и интерпретации речевой информации, когда следователь и допрашиваемый неправильно понимают друг друга либо позволяет своевременно выявить допущенные процессуальные и тактические ошибки» [4, с. 6].

Так, по уголовному делу № 12401010037000353, находящемуся в производстве следственной части ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю, одним из подозреваемых, являющимся гражданином иностранного государства, была избрана тактика защиты в виде отказа от дачи показаний после дополнительной консультации со своим защитником. Участвующий в допросе переводчик пояснил, что подозреваемый отказался от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ. Однако второй участник, задержанный в порядке ст. 91 УПК РФ, сотрудничал со следствием и охотно давал показания на узбекском языке. В ходе анализа материалов оперативно-розыскной деятельности и предварительной проверки следователем совместно с переводчиком было достоверно установлено, что до задержания подозреваемые между собой общались исключительно на узбекском языке и данный язык является их родным языком, при этом иногда в своей речи они употребляли кыргызские слова. В дальнейшем при проведении следственных действий подозреваемый, оказывающий противодействие, сделал заявление на русском языке о том, что он не понимает сути проводимых и проведенных мероприятий и не понимает переводчика на узбекский язык, т. к. является гражданином Киргизской Республики и попросил назначить ему другого переводчика. На тот момент следователем была допрошена в качестве свидетеля мама подозреваемого, которая подтвердила факт владения ее сыном узбекским языком и пояснила, что узбекский язык является для него родным. Таким образом, следователем на основании ч. 2 ст. 18 УПК РФ было отказано в удовлетворении ходатайства о назначении другого переводчика в полном объеме и расценено как активное противодействие со стороны подозреваемого Б. органам предварительного расследования и затягивание сроков расследования уголовного дела [5].

Следователю необходимо использовать тактические приемы логического и психологического характера в ходе производства допроса, что позволит из конфликтной ситуации перейти в бесконфликтную. Так, в целях получения признательных показаний от подозреваемого необходимо использовать тактические приемы:

- незамедлительный допрос после задержания, пока подозреваемый находится в состоянии растерянности и не продумал оправдывающие себя показания, и если это возможно, то с применением видеозаписи;

– в случае одновременного задержания нескольких участников организованной группы первоначальный допрос необходимо начинать с того из подозреваемых, в отношении которого имеются наиболее веские доказательства;

– использование «слабых» мест личности, к которым можно отнести трусливость, прямолинейность, вспыльчивость [6, с. 33];

– использовать прием наличия конфликтной ситуации между членами группировки, знакомить подозреваемого с фактами, которые могут скомпрометировать его в глазах других членов группировки;

– разъяснение допрашиваемому значение чистосердечного признания и дачи правдивых показаний, сообщение ему максимального возможного срока назначенного наказания за совершенное им преступление с оговоркой о том, что его можно смягчить сообщив все, что он знает об остальных соучастниках преступной группы, в которой состоит;

– предъявить подозреваемому собранные доказательства таким образом, чтобы у него создалось преувеличенное представление об объеме осведомленности следователя. Эффективность применения данного приема зависит от выполнения следователем таких условий как: отсутствие осведомленности у подозреваемого относительно наличия данных доказательств; предъявление проверенных доказательств, не вызывающих сомнения; создание необходимой обстановки для предъявления доказательств; занесение в протокол следственного действия данного факта [7, с. 94–95].

Так по уголовному делу № 12401010037000094, находящемуся в производстве следственной части ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю, следователем в ходе допроса подозреваемому был предъявлен протокол осмотра оптического диска с результатами оперативно-розыскных мероприятий «Наблюдение» и «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», которые проводились с целью документирования его преступной деятельности, а также заключение эксперта, после чего подозреваемым было сделано заявление о том, что ранее он давал ложные показания, надеясь избежать уголовной ответственности, и даны правдивые показания обо всех эпизодах преступной деятельности, а также предоставлена информация об иных участниках преступной группы [8].

Тактические приемы допроса – это важный инструмент в руках следователя, но их применение должно быть основано на принципах законности, гуманизма, беспристрастности.

Резюмируем, что при допросе подозреваемого в совершении незаконного сбыта наркотических средств, совершенного организованной группой, сформированной по этническому признаку, считаем целесообразным устанавливать следующее:

– его личность, место проживания, осуществления трудовой деятельности и т. д.;

– употреблял ли ранее сам наркотические вещества, если да, то что именно, в каком количестве и когда;

– не находится ли допрашиваемый в состоянии наркотического опьянения;

– владеет ли русским языком, нуждается ли в помощи переводчика;

– законно ли находится на территории страны;

– с какой целью прибыл на территорию РФ;

– имеет ли документы, подтверждающие право на проживание и пребывание в РФ;

– маршрут перевозки наркотических средств, а также какие транспортные средства использовались для транспортировки наркотиков и их местонахождение;

– адреса мест хранения наркотических средств;

– данные об участниках преступной группировки, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств (контактные данные, анкетные данные, численность, структура);

– роль в преступной группе каждого из его членов, о которых известно подозреваемому (организатор, исполнитель, пособник, курьер и т. д.);

– когда и как вступил в состав организованной группы, каждый из ее членов, о которых известно подозреваемому;

– источники и каналы поставки наркотических средств (страны-поставщики, способы транспортировки, места производства (изготовления, выращивания), места фасовки, точки сбыта);

– поддержание связи с другими участниками преступной группы (контакты, способы коммуникации, особенности контактирования (определенное время, условные сигналы) и т. д.);

– предпринимаемые меры конспирации (использование зашифрованных мессенджеров, подставных лиц, логины и пароли к используемым в преступных целях аккаунтам, данные криптокошельков и банковских карт);

- организация системы сбыта и реализации наркотических средств;
- способ оплаты за осуществляемую преступную деятельность;
- порядок распределения денежных средств, полученных за незаконный сбыт наркотических средств.

Прямого законодательного закрепления понятия организованной группы, объединенной по этническому признаку, не предусмотрено. Можем предположить, что это связано с тем, что такое определение может быть расценено как дискриминирующее и нарушающее принцип равенства перед законом и судом. Думается, что внесение точечных изменений в уголовный закон способно продемонстрировать определенные данные о количестве незаконных сбытов наркотических средств, совершаемых этническими организованными группами, что поспособствует выработке эффективных мер предупреждения таких посягательств, представляющих особую опасность как с точки зрения нарушения общественных отношений, охраняющих здоровье и нравственность (основной объект), так и с точки зрения охраны общественной безопасности (поскольку организованная преступность несет в себе такую угрозу).

На основании вышеизложенного, представляется весьма актуальным дополнить ст. 228.1 УК РФ новым особо квалифицирующим признаком, изложив п. «д» ч. 4 данной статьи следующим образом: «организованной группой, сформированной по этническому признаку». При этом в ст. 228.1 УК РФ следует указать примечание, имеющее следующее содержание: «Под характерным признаком этнической группы в настоящей статье понимается: общность языка, культуры, принадлежность к определенному этносу (идеологии, ценностей, убеждений, мировоззрения) и территории».

Таким образом, допрос подозреваемых в незаконном сбыте наркотических средств, совершаемых этническими организованными группами, требует от следователя высокого профессионализма, знания особенностей этнической преступности, умения устанавливать контакт с подозреваемыми и использовать различные тактические приемы. Успех допроса во многом зависит от тщательной подготовки, учета всех обстоятельств дела и соблюдения законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 14.02.2025).
2. Урда М.Н. Значение незаконной миграции в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ: криминологические и правовые аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4(23).
3. Абызов Р.М., Русанов Н.Ю. Тактические особенности допроса участников уголовного судопроизводства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2(52).
4. Варданян А.В., Ларионов И.А. Правовые и тактико-криминалистические особенности проведения следственных действий с участием мигрантов в контексте проблемы формирования системы полных и непротиворечивых доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2–2.
5. Уголовное дело № 1-252/2025. Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула.
6. Питерцев К.С., Степанов А.А. Тактические приемы допроса: учебное пособие. СПб., 2006.
7. Репин А.В. Тактика преодоления противодействия в ходе допроса по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1(26).
8. Уголовное дело № 1-799/2024. Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

REFERENCES

1. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (date of access: 14.02.2025).
2. Urda M.N. The importance of illegal migration in the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: criminological and legal aspects // Law and order: history, practice. 2019. № 4(23).

3. Abyzov R.M., Rusanov N.Yu. Tactical features of interrogation of participants in criminal proceedings in cases related to illegal drug trafficking // Legal science and law enforcement practice. 2020. № 2(52).
4. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Legal and tactical-forensic features of investigative actions involving migrants in the context of the problem of forming a system of complete and consistent evidence in criminal cases on the organization of illegal migration // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. №. 2–2.
5. Criminal case № 1-252/2025. Archive of the Zheleznodorozhny District Court of Barnaul.
6. Pitertsev K.S., Stepanov A.A. Tactical methods of interrogation. St. Petersburg, 2006.
7. Repin A.V. Tactics of overcoming resistance during interrogation in cases related to illegal drug trafficking // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(26).
8. Criminal case № 1-799/2024. Archive of the Central District Court of Barnaul.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Анастасия Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Точилкина Анастасия Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Туманов Данил Михайлович, старший следователь следственной части. Главное следственное управление Главного управления МВД России по Алтайскому краю. 656015, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-кт Ленина, 74.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondareva Anastasia Anatolyevna, PhD in Law, senior lecturer of the department of criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 49, Chkalov St., Barnaul 656038 Russian Federation

Tochilkina Anastasia Andreevna, PhD in Law, senior lecturer of the department of criminalistics and operational investigative activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Tumanov Danil Mikhailovich, senior investigator of the investigative department. Main Investigative Department of the Main Directorate. Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. 74, Lenin Ave., Barnaul 656015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.97: 343.988

ПОСТОЯННАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ – ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Вакуленко Наталья Алексеевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
foroposha@mail.ru

Пахомов Сергей Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
svrakhomov@inbox.ru

Введение: сексуальная агрессия в отношении несовершеннолетних – свойственное современному обществу негативное явление. За таким поведением по отношению к несовершеннолетним следует формирование циничного и искаженного понимания природы сексуальности, непонимания сексуальных отношений, вспышек беспричинной агрессии, неконтролируемых и часто извращенных сексуальных желаний. Это лишь некоторые из возможных результатов.

Актуальность проблемы роста числа половых преступлений в отношении несовершеннолетних заключается в повышенной латентности таких преступлений, также невозможности их своевременного выявления и пресечения. Этот показатель индекса латентности может быть обусловлен психологическими и физическими особенностями личности жертвы. В частности, может быть скрытое недоверие к правоохранительным органам, в том числе отказ жертвы обратиться в правоохранительные органы из-за стеснения или страха мести со стороны насильника.

Постоянная виктимизация является отличительной чертой сексуального насилия над несовершеннолетними. Преступления на сексуальной почве не только наносят ущерб физическому и психическому здоровью, но также могут изменять социальные и моральные представления и поощрять девиантное поведение.

Материалы и методы: общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, контент-анализ СМИ, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации состоит в возможности выделить и проанализировать репрезентативные общесоциальные и специально-криминологические факторы, детерминирующие совершение половых преступлений в отношении несовершеннолетних, что позволит осуществить методическое обеспечение деятельности, направленной на усовершенствование мер предупреждения данного вида преступности.

Практическая значимость публикации заключается в возможности использования ее результатов в профилактической деятельности в отношении лиц, совершающих половые преступления в отношении несовершеннолетних, а также в виктимологической профилактике, поскольку повышенные показатели интенсивности и структуры отдельных преступных деяний, иные криминологические особенности и параметры данного вида преступности, вопросы детерминации, сложности превенции ввиду масштабности проявлений, снижают индекс ее эффективности.

Выводы и заключения: совокупностью обстоятельств, объективно воздействующих на формирование асоциальной установки лиц, совершающих половые преступления в отношении несовершеннолетних, являются: обострение социально-экономических проблем, утрата современной семьей функций традиционного эффективного института социализации, возрастание негативного влияния на подрастающее поколение ассоциированных субкультур, снижение воспитательного потенциала учреждений, ведущих работу с несовершеннолетними, разобщенность и неадекватность

воспитательных усилий всех социальных институтов, занятых их судьбой, падение уровня дисциплинированности в большинстве сфер жизни общества, усугубление негативного социально-нравственного потенциала населения, отсутствие должного полового просвещения, недостаточность психологической, психопатологической, сексологической и сексопатологической помощи и другие недостатки и дефекты функционирования социальных институтов. Таким образом, становится очевидным, что необходимо усиление по реализации предупредительного воздействия в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подросток, половое преступление, личность преступника, сексуальное насилие, криминогенная активность, детерминация, факторы, информативные характеристики.

Для цитирования: Вакуленко Н. А., Пахомов С. В. Постоянная виктимизация – отличительная черта сексуального насилия над несовершеннолетними / Н. А. Вакуленко, С. В. Пахомов // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 86–93

Original paper

PERSISTENT VICTIMIZATION IS A HALLMARK OF SEXUAL ABUSE OF MINORS

Vakulenko Natalya Alekseevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Pakhomov Sergey Valerievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: sexual aggression against minors is a negative phenomenon characteristic of modern society. This behavior towards minors is followed by the formation of a cynical and distorted understanding of the nature of sexuality, misunderstanding of sexual relations, outbreaks of gratuitous aggression, uncontrolled and often perverted sexual desires. These are just some of the possible outcomes.

The urgency of the problem of the increase in the number of sexual crimes against minors lies in the increased latency of such crimes, as well as the impossibility of their timely detection and suppression. This measure of latency index may be due to the psychological and physical features of the victim's personality. In particular, there may be a latent distrust of law enforcement, including the victim's refusal to contact law enforcement due to embarrassment or fear of retaliation from the rapist.

Persistent victimization is a hallmark of sexual abuse of minors. Sex crimes not only damage physical and mental health, but can also alter social and moral perceptions and encourage deviant behavior.

Materials and methods: general scientific methods of cognition, including objectivity, consistency, induction, deduction, analysis of theoretical and regulatory legal sources, media content analysis, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the theoretical significance of the publication is the ability to identify and analyze representative general social and special criminological factors that determine the commission of sexual crimes against minors, which will make it possible to provide methodological support for activities aimed at improving measures to prevent this type of crime.

The practical significance of the publication lies in the possibility of using its results in preventive activities against persons who commit sexual crimes against minors, as well as in victimological prevention, since increased indicators of the intensity and structure of individual criminal acts, other criminological features and parameters of this type of crime, issues of determination, complexity of prevention due to the scale of manifestations, reduce the index of its effectiveness.

Findings and conclusions: the set of circumstances that objectively affect the formation of the asocial attitude of persons committing sexual crimes against minors are: aggravation of socio-economic problems, loss by the modern family of the functions of the traditional effective institution of socialization, increasing negative impact on the younger generation of associated subcultures, reducing the educational potential of institutions, leading work with minors, disunity and inadequacy of educational efforts of all social institutions, busy with their fate, a drop in the

level of discipline in most areas of society, aggravation of the negative socio-moral potential of the population, lack of proper sexual education, psychological insufficiency, psychopathological, sexological and sexopathological care and other deficiencies and defects in the functioning of social institutions. Thus, it becomes obvious that it is necessary to strengthen the implementation of the preventive effect in this area.

Keywords: minor, teenager, sex crime, identity of the offender, sexual violence, criminogenic activity, determination, factors, informative characteristics.

For citation: Vakulenko N. A., Pakhomov S. V. Persistent victimization is a hallmark of sexual abuse of minors / N. A. Vakulenko, S. V. Pakhomov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 86–93

В последнее время российское общество столкнулось с новыми тревожными вызовами современности, связанными с распространением половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

Проблема половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних являлась актуальной на всех стадиях развития государства. Несмотря на то, что вопросы педофилии не являются новыми, они не получают достаточного внимания от государства, средств массовой информации и общества в целом. Дети и подростки – это группа людей, которые нуждаются в особой заботе и защите, т. к. они наиболее уязвимы в обществе. Действия против них могут причинить им значительный ущерб и отрицательно сказаться на их физическом, эмоциональном и психическом состоянии.

Обеспечение безопасности детей и привлечение виновных к справедливому наказанию являются неотъемлемыми компонентами правовой системы в отношении защиты прав детей. Активное обсуждение и критика таких преступлений помогают распространить информацию о проблеме и создать атмосферу неприемлемости насилия в отношении детей.

«Преступлений против детей и подростков меньше не становится, к сожалению, в том числе тяжких и особо тяжких. И ваша задача – адекватно реагировать на такую ситуацию», – отметил В.В. Путин на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры России [6].

Актуальность проблемы распространения половых преступлений в отношении несовершеннолетних является крайне актуальной в современном обществе и состоит в необходимости защиты прав и интересов детей, профилактике и предотвращении преступлений, судебном преследовании и наказании виновных, а также в общественном осуждении и мобилизации для борьбы с этим явлением.

Эти преступления имеют серьезные последствия для жертв, оказывая негативное влияние на их физическое и психическое здоровье, социальную адаптацию и развитие. Статистика говорит о шокирующем масштабе этой проблемы. Множество детей и подростков становятся жертвами сексуального насилия каждый год, но только о небольшой части случаев сообщается в полицию или привлекается внимание общества. Это может быть связано со страхом, стигмой, недоверием к системе правосудия или даже нежеланием жертвы подвергаться травматическому процессу судебного разбирательства.

Постоянная виктимизация является отличительной чертой сексуального насилия над несовершеннолетними. Преступления на сексуальной почве не только наносят ущерб физическому и психическому здоровью, но также могут изменять социальные и моральные представления и поощрять девиантное поведение. Согласно исследованиям, долгосрочные последствия преступлений для детей могут оставаться с ними на протяжении всей последующей жизни.

Существует несколько форм половых преступлений в отношении несовершеннолетних:

1. Сексуальное насилие: включает в себя принуждение к совершению половых актов или иных сексуальных действий с несовершеннолетними без их согласия или согласия, которое было получено под воздействием физической или психологической силы.

2. Эксплуатация детей: такие преступления включают сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, например, проституцию, порнографию, торговлю детьми или использование детей в порнографических целях.

3. Злоупотребление детьми: это включает в себя сексуальное злоупотребление доверием и властью над детьми, такое как сексуальное домогательство, извращенные действия, незаконные контакты или общение с целью сексуальной эксплуатации.

Сведения о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних [3; 4]

		Количество зарегистрированных преступлений	Количество потерпевших
2020	Россия	15822	11287
	РО	290	251
	ЮФО	1571	1219
2021	Россия	16837	12251
	РО	256	235
	ЮФО	1825	1375
2022	Россия	16458	12552
	РО	285	243
	ЮФО	1792	1380
2023	Россия	16830	12337
	РО	251	206
	ЮФО	1867	1421
2024	Россия	15100	11521
	РО	203	191
	ЮФО	1573	1182

Показатели официальной отчетности демонстрируют стабильно высокие значения, как количества зарегистрированных криминальных деяний данного вида, так и потерпевших от них (см. таблицу)

Половые преступления в отношении несовершеннолетних имеют серьезные физические, эмоциональные и психологические последствия для детей. «Цена» подобных преступлений высока: они нарушают их права на безопасность, достоинство и нормальное развитие. Законодательство многих стран предусматривает строгие меры наказания для лиц, совершающих подобные криминальные деяния. Очень важно обеспечивать безопасность и защиту детей от половых преступлений.

Это включает в себя просвещение о половых преступлениях, создание безопасной среды для детей, поддержку жертв и их семей, а также строгое преследование и наказание лиц, совершающих такие преступления.

Однако категория «преступление» базируется на наличии умысла у совершеннолетнего лица к вовлечению в преступное действие ребенка. Необходимо привлекать к уголовной ответственности взрослое лицо за сделанное подростку предложение в любой форме принять участие в преступном действии. Минимизация конкретных нравственных эталонов в обществе, отсутствие досуговой занятости несовершеннолетних, бесцельное времяпрепровождение в компании сверстников, где зачастую присутствует потребление алкоголя или наркотиков, – факторы, присутствующие в жизни подростка.

Кроме того, те, кто совершает преступные деяния в отношении несовершеннолетних, это, как правило, выходцы из низких слоев населения с незначительным социальным достатком.

Учитывая виктимность детей и несовершеннолетних в целом, отметим, что у малолетних низкий уровень культуры и духовности, а социальные потребности очень примитивны. А вот дети, которые интересуются искусством, занимаются спортом, увлекаются техникой, практически никогда не попадают в поле зрения различного рода преступных элементов.

Подросткам свойственен поиск приключений, но дети из благополучных семей находят их в спорте, путешествиях и других полезных занятиях. Как благополучные, так и не благополучные семьи оказывают влияние на формирование личности подростка. Но, тем не менее, не считается преступлением негативное воспитание в неблагополучных семьях. При этом крайне важно учитывать: безразличное отношение к совершению незаконных или антиобщественных деяний, а также сокрытие следов преступления взрослыми, которые совершаются в отношении несовершеннолетних.

Сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних составляются и разрабатываются специальные планы индивидуальной работы с лицами, состоящими на профилактическом учете. Помимо этого, необходимо проводить профилактические и воспитательные беседы в школе, привлекая сотрудников отделов по делам несовершеннолетних. Цель этих мероприятий – пропаганда законопослушного поведения школьников, предупреждения преступлений и правонарушений в отношении подростков. Вводят комендантские часы, ограничивающие нахождение подростков в ночное время суток, для предупреждения исследуемых нами актов преступных действий в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, необходимо проверять жилищные условия несовершеннолетних из неблагополучных семей. Государство должно обеспечивать защиту детей и проверку условий, в которых они проживают.

Зачастую сигнал о неблагополучии семьи подается классным руководителем либо социальным педагогом, а также инициатором проверки могут стать органы опеки. По окончании проверки составляется акт обследования неблагополучной семьи учащегося.

Важным аспектом видится необходимость проводить регулярные проверки криминальных молодежных групп, включающие в свой состав взрослых лиц, которые являются лидерами данных групп, ведущих противоправный образ жизни, и применять к ним административные и уголовно-правовые меры. У тех, кто совершает преступные деяния в отношении несовершеннолетних, зачастую отсутствует чувство вины, а без этого чувства не может быть нравственности.

Такие преступники не испытывают сострадания к потерпевшим и не сожалеют о случившемся, а, наоборот, чувствуют себя жертвой. Для таких нарушителей закона необходимо предпринимать все воспитательные усилия, чтобы он мог прийти к раскаянию. В нашей стране нужно сделать так, чтобы не было рецидива этих преступлений, совершаемых подобного рода негодяями.

Представляется, что необходимо формировать методы борьбы с подобного рода преступлениями, а для этого важным видится усовершенствование законодательства и правоприменительной работы в стране. И все это будет направлено на улучшение степени культуры общества, формирование определенной четкой концепции, вносящей ясность данного вопроса для граждан РФ. Более того, необходимо классифицировать целостность и совокупность в применении юридических средств и осуществлять постоянный контроль со стороны родителей.

Защита свободы и нравственности несовершеннолетних – одна из основополагающих обязанностей современного общества. Указанная охранительная функция должна проявляться не только в существующих нормах уголовного права, но и путем закрепления у несовершеннолетних адекватной нравственной позиции, правильных этических норм, грамотного сексуального воспитания, в том числе при помощи соответствующих специалистов в области психологии и психиатрии [1, с. 41].

Нельзя не отметить, что совершение исследуемых преступных проявлений обуславливается наивысшей общественной опасностью, т. к. для ребенка, который стал жертвой такого преступного посягательства, неизбежно наступление негативных последствий и различного рода травм, как физиологического, так и психологического характера, которые, несомненно, отразятся на становлении личности у несовершеннолетних.

Совершенно очевидно, что перенесенный в детстве акт сексуального насилия не проходит бесследно, оставляя за собой психологические травмы, которые приводят к нарушению адаптации в обществе.

Зачастую лица, подвергшиеся сексуальному насилию в детстве, становятся склонными к депрессивным расстройствам, расстройствам сексуального поведения, суицидальным действиям, злоупотреблению алкоголем и наркотическими препаратами [5, с. 248–251]. Становясь взрослыми, они могут уже самостоятельно применять сексуальное насилие, в том числе и по отношению к несовершеннолетним.

Наиболее распространенными острыми психическими расстройствами у данной категории лиц являются различного рода фобии, панические расстройства, обсессивные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство, генерализованное тревожное расстройство. Перенесенное в детском и подростковом возрасте сексуальное насилие также является основной причиной диссоциативных расстройств.

Необходимо отметить высокую степень латентности половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, что значительно затрудняет продуктивность и оперативность предупреждения и раскрытия данного вида преступлений. Поэтому как раньше, так и сейчас приоритетной ролью выступает неизбежность уголовного наказания за совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, а также профилактических мероприятий в данной сфере.

Неотъемлемой частью рассматриваемой группы преступлений является насилие, жестокость, причинение телесных повреждений, что в итоге обуславливает конкретное и серьезное порицание общества. Каждое подобное преступление сопряжено с жестокостью, которая, как мы считаем, проявляется гораздо выразительней, так как направлена по отношению ребенка, который в силу возраста и своего развития, не может быть зрелым и состоявшимся членом общества.

Уголовным кодексом Российской Федерации запрещаются отношения сексуального характера с лицами, не достигшими возраста 16 лет, а при исследуемой нами теме это означает, что не может в принципе существовать такого понятия, как сексуальные отношения с индивидом, не достигшим возраста 16 лет по обоюдному согласию, все это будет и в морально-нравственной, и в юридической сфере выглядеть как преступление сексуального характера в отношении ребенка [8, с. 22].

Сдругойстороны, исходя из многочисленных высказываний членов нашего современного общества, можно судить о том, что в настоящее время осведомленность, сексуальное образование и, как следствие, половое созревание нынешних подростков приходится на более ранний период, чем 16 лет. Большое количество разговоров ведется о том, что сейчас подростки выглядят не по годам и тому подобное, а девочки и вовсе сами провоцируют на начало отношений сексуального характера, скрывая при этом свой возраст, а порой и сообщают его недостоверно. Все эти рассуждения обосновывают необходимость применения таких предупредительных мер борьбы с рассматриваемой нами категории преступлений.

Имеющиеся в России на современном этапе социальное неравенство, религиозные и национальные противоречия, попирающие демократических принципов соблюдения прав несовершеннолетнего дают толчок для образования благоприятной почвы для преступности в целом. Неоспоримым является и то, что нравственный кризис российского общества воздействует на совершение противоправных деяний в отношении несовершеннолетних.

Исследуя структуру данных преступных действий, можно сделать вывод о том, что большинство преступлений данной категории, а именно свыше 80 %, совершается в жилых и иных помещениях. Причем зачастую преступник совершает подобные действия в отношении жертвы, с которой уже ранее был знаком либо даже состоял с ней в родственных связях. Если в семье в отношении лица женского пола происходило подобное преступное деяние, и жертва не заявляла об этом в правоохранительные органы, согласно опросам, большинство преступников совершали указанные действия повторно [7, с. 10]. Стоит отметить, что около 80 % подобного рода нарушений закона совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Как указывает Л.М. Иванова: «Наиболее виктимизированной социальной группой являются несовершеннолетние мужского пола, удельный вес которых в общей структуре потерпевших составляет 63,4 %. В возрастной структуре потерпевших пик виктимизации приходится на 14–15 лет (40,1 %). Каждая третья жертва была в возрасте 16–17 лет. Наименее уязвимы малолетние дошкольного и младшего школьного возраста, находящиеся преимущественно в сфере социального контроля: 12–13-летние в структуре потерпевших составляют 15,7 %, дети до 12 лет – 9,9 %» [2].

Анализ официальных статистических данных и исследование криминологических параметров половых преступлений в отношении несовершеннолетних позволяют сделать вывод о том, что насильники все чаще пользуются неспособностью несовершеннолетней жертвы осознавать общественную опасность совершаемого в отношении нее деяния, а также неумением дать верную юридическую оценку происходящему и физический отпор в силу своего возраста. Возрастание остроты проблемы криминальной угрозы в отношении детей и подростков требует совершенствования предупредительной деятельности в данной сфере.

Изучая криминологический портрет личности преступника, совершающего половые преступления в отношении несовершеннолетних, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство сексуальных преступников – это мужчина, средний возраст которого составляет от 20 до 39 лет, имеющий низкий образовательный и культурный уровень развития, безработный или довольствующийся эпизодическим заработком. Также часто сексуальный преступник характеризуется наличием хронического алкоголизма или наркомании, имеет нарушения психосексуального развития, психические аномалии и состоит на учете в психиатрическом, неврологическом или наркологическом диспансере.

В этой связи нам представляется грамотным в создавшихся условиях актуализировать и усовершенствовать именно специально-криминологические меры превенции в отношении данного вида преступности:

– административный надзор за лицами, которые отбыли наказание за подобные преступные деяния;

– учет лиц, от которых вероятнее всего следует ожидать реализацию подобных преступных замыслов;

– половое и, безусловно, нравственное воспитание подрастающего поколения;

– обеспечение общего порядка, предупреждение пьянства и наркотизации населения.

Ведущая роль в профилактике половых преступлений в отношении несовершеннолетних отводится правоохранительным органам. Основными мероприятиями по предупреждению преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, являются: выявление лиц, склонных к совершению сексуальных посягательств, установление за ними контроля, проведение индивидуальной и общей профилактики с несовершеннолетними, их родителями, организация правовых информирований, направленных на обеспечение безопасности несовершеннолетних.

В частности перед подразделением по делам несовершеннолетних стоят следующие задачи, направленные на предупреждение рассматриваемого вида преступлений:

1) выявляют несовершеннолетних лиц с девиантным поведением, склонных к противоправному поведению, информируют о них сотрудников уголовного розыска, службы участковых уполномоченных полиции, также принимают участие в предупреждении преступлений, совершенных данными лицами;

2) посещают несовершеннолетних по месту жительства, учебы, опрашивают соседей, близкий круг общения, с целью получения информации об образе жизни тех или иных подростков;

3) проводят индивидуальные профилактические работы с родителями и несовершеннолетними;

4) устанавливают взаимодействие с образовательными учреждениями, педагогами, психологами, в целях проведения совместных бесед, собраний, классных часов с несовершеннолетними, а также проведение «круглых столов» с родителями и обучающимися, направленных на информирование и обучение основам безопасности жизнедеятельности;

5) систематически проводятся рейды по закреплённой зональной территории, с целью выявления противоправных деяний, при этом, основное внимание уделяется местам, где вероятнее всего скопление групп лиц, характеризующихся девиантным поведением (зброшенны здания);

6) проводят общую профилактическую работу с лицами, проживающими в детских домах, в случаях выявления лиц, склонных к совершению преступных деяний и лиц, наиболее виктимных к совершению в отношении них половых преступлений.

Описывая реальную ситуацию в современном обществе с данным видом преступной активности, отмечаем, что статистика половых преступлений в отношении несовершеннолетних далеко не в полном объеме демонстрирует истинную ситуацию и по той причине, что в рамках данной группы противоправных посягательств имеется высокий уровень латентности, что, в свою очередь, выступает одной из причин распространенности таких преступлений. Каждый незарегистрированный факт сексуального насилия в отношении несовершеннолетних убеждает преступников в собственной безнаказанности, а обычных граждан – в мнимом состоянии безопасного существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шестакович Б.В. Криминальная сексология. М., 1999.
2. Иванова Л.М. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника. URL: https://amgpgu.ru/upload/iblock/c9e/golubnichaya_1_s_kriminologicheskaya_kharakteristika_lichnosti_nesovershennoletnego_prestupnika.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития // Аналитический обзор. М., 2024.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2020–2024 годы // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 14.06.2025).
5. Лев-Старович З. Нетипичный секс. М., 1995.
6. Путин В.В. о преступлениях против детей и подростков. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/15/19973839.shtml> (дата обращения: 01.07.2025).
7. Соловьев В.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по материалам Центрального федерального округа): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2013.
8. Шувалова Т.Г. Насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A., Shestakovich B.V. Criminal sexology/ed. Yu.M. Antonyan. Moscow, 1999.
2. Ivanova L.M. Criminological characteristics of the personality of a minor criminal. URL: https://amgpgu.ru/upload/iblock/c9e/golubnichaya_1_s_kriminologicheskaya_kharakteristika_lichnosti_nesovershennoletnego_prestupnika.pdf (date of access: 10.06.2025).
3. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation at the end of 2023 and the expected trends in its development//Analytical Review, Moscow, 2024.
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for 2020-2024//Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mvd.rf/reports/item/26023627/> (date of access: 14.06.2025).
5. Lev-Starovich Z. Atypical sex. Moscow, 1995.
6. Putin V.V. on crimes against children and adolescents. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/15/19973839.shtml> (date of access: 01.07.2025).
7. Soloviev V.S. Prevention of the involvement of minors in prostitution (based on materials from the Central Federal District): author. dis.... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2013.
8. Shuvalova T.G. Violent crimes of a sexual nature committed against minors and minors: author. dis.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вакуленко Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Пахомов Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vakulenko Natalya Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Pakhomov Sergey Valerievich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of Scientific Work. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.97 : 343.85

К АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
davo-davo23@mail.ru

Кутовой Артем Игоревич

Южно-российский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
akutovoy-22@ranepa.ru

Введение: в последние годы проблематика проявления преступной деятельности в среде мигрантов стала неотъемлемой частью политической и новостной повестки в России. Можно наблюдать поляризацию общества в национальном вопросе, а также прецеденты конфликтов мигрантов и коренного населения, которые широко освещаются в средствах массовой информации. Вместе с тем миграционный поток не только не снижается, но имеет тенденцию увеличиваться, что влечет за собой распространение практик нелегальной миграции, рост преступлений среди мигрантов и конфликтов на национальной почве. Ввоз в страну низкоквалифицированной рабочей силы, не владеющей русским языком и не готовой интегрироваться в общество, принимая нормы и правила поведения несет огромную угрозу национальной безопасности России, создает риски дестабилизации общественной обстановки и межнациональной вражды.

Материалы и методы: в ходе исследования использован системный метод, а также основные логические методы познания, такие как дедукция и индукция. Материальную базу исследования составили статистические данные по проблематике миграционной преступности, а также научные публикации.

Результаты исследования: в статье рассмотрены возможные причины появления миграционной преступности, определены вызовы, которые сопровождает увеличение числа мигрантов, рассмотрены новые концептуальные подходы к решению проблемы миграционной преступности.

Выводы и заключения: решение вопроса миграционной преступности нельзя определить одними лишь запретительными мерами, ужесточением отбора или усложнением получения гражданства. Необходимы комплексные меры, которые будут включать как повышенный контроль за деятельностью мигранта на территории Российской Федерации, так и строительство необходимой инфраструктуры для пребывания мигрантов, меры, направленные на интеграцию в общество, усвоение общественных и правовых норм поведения и ценностей российского общества.

Ключевые слова: миграционная преступность, профилактика преступлений, нелегальная миграция, межнациональный конфликт, трудовая миграция, этническая преступность.

Для цитирования: Григорян Д. К., Кутовой А. И. К актуальным вопросам профилактики преступности среди мигрантов в Российской Федерации / Д. К. Григорян / А. И. Кутовой // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 94–99

Original paper

TOWARDS TOPICAL ISSUES OF CRIME PREVENTION AMONG MIGRANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Grigoryan David Kromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kutovoi Artem Igorevich

South Russian Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in recent years, the problem of criminal activity among migrants has become an integral part of the political and news agenda in Russia. One can observe the polarization of society on the national issue, as well as the precedents of conflicts between migrants and the indigenous population, which are widely covered in the media. At the same time, the migration flow is not

only not decreasing, but tends to increase, which leads to the spread of illegal migration practices, an increase in crimes among migrants and conflicts on national grounds. The importation of low-skilled labor into the country, who does not speak Russian and is not ready to integrate into society, accepting norms and rules of behavior poses a huge threat to Russia's national security, creates risks of destabilization of the social situation and ethnic hostility.

Materials and methods: in the course of the study, the systematic system method was used, as well as basic logical methods of cognition, such as deduction and induction. The material base of the study was made up of statistical data on the problems of migration crime, as well as scientific publications.

Research of the study: the article examines the possible causes of the emergence of migration crime, identifies the challenges that accompany the increase in the number of migrants, and considers new conceptual approaches to solving the problem of migration crime.

Findings and conclusions: the solution to the issue of migration crime cannot be determined solely by prohibitive measures, stricter selection or complication of obtaining citizenship. Comprehensive measures are needed, which will include both increased control over the activities of migrants on the territory of the Russian Federation, and the construction of the necessary infrastructure for migrants to stay, measures aimed at integration into society, assimilation of social and legal norms of behavior and values of Russian society.

Keywords: migration crime, crime prevention, illegal migration, interethnic conflict, labor migration, ethnic crime.

For citation: Grigoryan D. K., Kutovoy A. I. Towards topical issues of crime prevention among migrants in the Russian Federation / D. K. Grigoryan, A. I. Kutovoy // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 94–99

В указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» предусматривается использование недружественными странами социально-экономических проблем для общей дестабилизации государственности в России [1]. Одним из дестабилизирующих социально-экономическую ситуацию факторов является последствия внешней миграции. Последствия миграции включают в себя риски национальной безопасности, связанные с снижением уровня защищенности коренного населения, вытеснения его из традиционных сфер хозяйственной деятельности, изменения на рынке труда, что влечет за собой рост социальной напряженности и межнациональной напряженности. Особенно большую угрозу для национальной безопасности несет нелегальная миграция, которая провоцирует увеличение преступлений коррупционного характера, создает сектор теневой экономики и провоцирует снижение уровня доверия населения к органам государственной власти.

По данным Росстата международный миграционный прирост населения остается достаточно высоким (около 652 тыс. чел в год) [9], при этом статистика не учитывает показатели нелегальной миграции. Исходя из данных, можно установить общий тренд на сохранение стабильно большого прироста мигрантов, однако подобная массовость миграционных потоков по словам С.А. Корягиной вовсе не означает готовности мигрантов к плавной ассимиляции и интеграции в российское общество, скорее наоборот, «содержит в себе риски сегрегации, усугубляя положение распространением среди мигрантов радикальной идеологии, а так же способностью порождать различные виды преступной деятельности» [3, с. 297], которые могут нести в себе угрозу национальной безопасности как на региональном, так и на федеральном уровне. Вместе с тем исследователь отмечает, что доля преступлений, совершаемых мигрантами в общей структуре преступлений по Российской Федерации, составляет 2,1 % от общего числа преступлений, однако делается поправка на только зарегистрированные факты преступной деятельности, в то время как экспертами оценивается как 1:5 (на один зарегистрированный случай приходится пять незарегистрированных). При этом темп прироста преступлений, совершаемых иностранными гражданами, имел положительный темп прироста в 2022 г. + 5,9 %, в 2023 г. +10,25 %. Однако стоит отметить, что за 2024 г. число преступлений, совершаемых мигрантами, по сравнению с 2023 г., сократилось на небольшие 0,9 %. Эти данные, хотя и с небольшим снижением, подтверждают реально существующую угрозу со стороны активной миграции и необходимость контроля и регулирования этой сферы.

Для более объективного рассмотрения проблематики преступлений среди мигрантов считаем необходимым отдельно рассмотреть преступления, связанные с незаконным пересечением государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ), организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), фиктивной регистрацией иностранного гражданина или лица без гражданства в жилом помещении в России (ст. 322.2 УК РФ), фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322.3 УК РФ). Стоит обратить особое внимание на тот факт, что среди этого списка статей мигрант может быть привлечен к ответственности лишь за одну, а именно – ст. 322 УК РФ. В других же преступлениях незаконные действия совершают иные лица, которые занимают организации незаконной миграции. Преступники, организующие поток нелегальных мигрантов или же способствующие организации потока, казалось бы, не наносят прямого вреда безопасности

личности или государства, однако они создают возможность потенциальной угрозы, размер которой невозможно оценить потому, что количество самих нелегальных мигрантов и совершенных ими преступлений крайне сложно корректно внести в статистику. Ввиду отсутствия всякого контроля, до последнего времени, при нелегальной миграции в страну попадали лица, имеющие прямые преступные намерения, в том числе лица имеющие специальную криминальную подготовку с целью дестабилизировать политическую и социальную обстановку в России. Среди наиболее опасных для национальной безопасности намерений можно выделить организацию массовых беспорядков, террористических актов, распространение идеологии экстремизма и терроризма.

Вторую группу преступлений образуют преступные деяния, совершаемые самими мигрантами, при этом не связанные с незаконным перемещением или нахождением на территории страны. Решетняк М.Г. в своей статье пишет: «Сегодня полное или частичное осуществление объективной стороны множества преступлений стало возможным в удаленном доступе посредством использования сети Интернет или иных информационно-телекоммуникационных сетей. Между тем отдельные виды преступлений для своего полного осуществления требуют оказания именно прямого физического воздействия на те или иные предметы либо потерпевших, например, при совершении взрыва, поджога или иных общественно опасных действий, образующих террористический акт» [4, с. 105].

Вместе с тем стоит учесть тот факт, что подобные преступления зачастую подвергаются довольно широкой общественной огласке, что в свою очередь может способствовать большему распространению идеологии экстремизма и терроризма. Так, хотим отметить, что в 2024 г. после террористического акта в «Крокус Сити Холле» 22 марта [11] за полгода произошли еще 4 резонансных преступления: террористический акт в Республике Дагестан 23 июня 2024 г. [12] и два случая захвата заложников в Ростове-на-Дону 16 июня 2024 г. [8] и Суровикино Волгоградской области 23 августа 2024 г. [7], которые имели прямое отношение к террористическим организациям. Помимо вышеперечисленных преступлений ко второй группе преступных деяний могут относиться самые различные проявления преступной деятельности – от причинения вреда здоровью и хищения имущества до убийств и незаконного оборота наркотиков. Но точно установить перечень уголовно наказуемых деяний, совершаемых мигрантами, невозможно ввиду отсутствия в законодательстве специальных признаков субъекта, связанных с гражданством виновных лиц.

Одним из основных государственных органов, обеспокоенных проблемой миграционной преступности, является Следственный Комитет Российской Федерации в лице его руководителя. На оперативном совещании Председатель Следственного Комитета Александр Бастрыкин привел следующие данные по вопросу о преступлениях, совершенных мигрантами: «За 8 месяцев 2024 года иностранцами совершено более 26 тысяч преступлений (по всем правоохранительным органам), при этом по сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечается увеличение на 12 % числа тяжких деяний со стороны мигрантов. Практически втрое увеличилось число преступлений, совершенных «нелегалами»: с 2 880 до 8 059. Также с 5 868 до 9 708 возросло количество преступных посягательств со стороны трудовых мигрантов. Кроме того, с 7 до 11 тысяч увеличилось число преступлений, совершенных бывшими мигрантами, получившими гражданство Российской Федерации менее десяти лет назад» [6] (рис. 1).

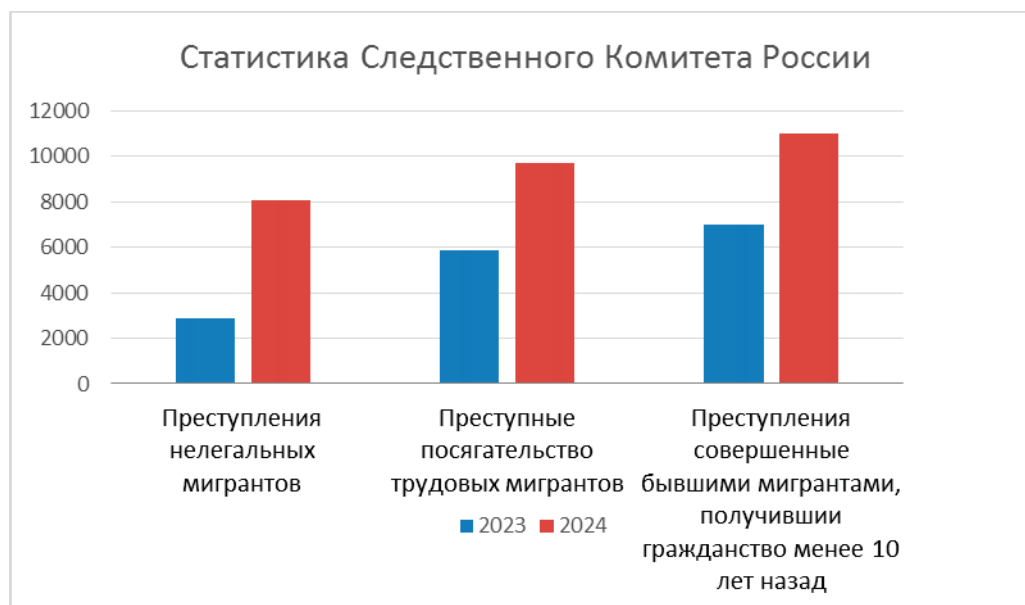

Рис. 1

Стоит выделить факт увеличения количество преступлений, совершенных лицами, получившими гражданство Российской Федерации. Так как они уже являются гражданами Российской Федерации, имеет место рассмотрение совершаемых ими преступлений в рамках этнической преступности. Одним из основных факторов совершения преступлений в этой категории является фактическое отсутствие адаптации мигрантов к правовым и культурным нормам российского общества, об этом говорят материалы исследования Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), которое выявило, что 35 % мигрантов, исповедующих ислам, предпочитают жить по нормам шариата, игнорируя светское российское законодательство [10]. Другой проблемой является доступность получения паспорта гражданина Российской Федерации. Есть случаи, когда гражданство получали лица, совсем не владеющие русским языком. В связи с этим был принят Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», в котором предусматривается лишение приобретенного гражданства за совершение преступлений различного рода. В законе приводится следующий список: изготовление и продажа наркотических веществ, преступления террористической направленности, дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации, а также подделка документов и другие преступления. Принимаются и другие меры, целью которых является снизить количество преступлений среди мигрантов, а также произвести «разрядку» социальной напряженности, которая особо остро чувствуется при обсуждении национального вопроса. В качестве таких мер можно выделить принятие Федерального закона от 08.08.2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает усиление государственного контроля в сфере миграции за счет введения нового понятия «режим высылки», который предполагает комплекс мер по установлению личности мигранта, внесение его данных в государственный реестр и ограничение отдельных прав и свобод, например, невозможность получения водительского удостоверения и управления транспортным средством и другие ограничения. Так же необходимо выделить отстранение коммерческих форм от приема экзамена по русскому языку у мигрантов и обязательное присутствие сотрудников полиции во время проведения экзаменов.

Несмотря на то, что подобные меры призваны усилить контроль за мигрантами и, как следствие, снизить уровень преступности, они пока что не приносят необходимой эффективности в борьбе с проблемой, так как они направлены на борьбу со следствием, а не с ее причиной. Наиболее важным вызовом в этом вопросе является коррумпированность определенной части государственных органов и силовых структур, позволяющим устанавливать поток нелегальной миграции, обходить требования миграционного законодательства, а также в ряде случаев «активно вести полулегальную деятельность, нанося прямой ущерб национальной безопасности государства» [6, с. 4]. Без решения проблемы коррумпированности государственных органов и должностных лиц невозможно решить проблему нелегальной миграции, незаконного получения гражданства и, как следствие, миграционной преступности и социальной турбулентности в связи с актуализацией проблем, связанных с национальным вопросом.

Ситуация социальной нестабильности несет большую опасность для общей государственной стабильности и национальной безопасности. Подобная угроза может проявляться в самых различных видах: поляризация и радикализация общества, проявление межнациональной неприязни и розни, которые становятся причиной для межнациональных конфликтов. Подобные кризисные ситуации могут стать причиной активизации враждебных спецслужб, которые бы послужили драйвером для усугубления социального кризиса, путем транслирования пропагандистских материалов и организации провокаций. Другой немаловажной угрозой является активизация спящих террористических и сепаратистских групп, которые также могут поддерживаться иностранными спецслужбами. Именно поэтому решение вопроса нелегальной миграции и преступлений среди мигрантов являются одной из важнейших угроз, которую предстоит решить российскому государству в ближайшее время.

Для предотвращения кризисных ситуаций требуются системный пересмотр кадровых и институциональных решений, которые бы способствовали ликвидации корня проблемы с использованием научного подхода и привлечением специалистов из разных научных сфер, таких как социология, юриспруденция, политология и ряда других наук. Мы осознаем, что разработка и внедрение подобных крупномасштабных мер требует высокой степени подготовки. Подобное решение предлагает старший научный сотрудник отдела права Института философии и права УрО РАН, кандидат юридических наук К.В. Корсаков [2, с. 220], описывая новую модель профилактики преступности. Исследователь утверждает, что концепция должна быть универсальной и включать в себя не только применение криминологических методов, но и социологические, административные, организационные, экономические меры. Миграция является комплексным и многофакторным феноменом, воздействие на который должно происходить с разных сфер государственной деятельности для профилактики и пресечения возможных вызовов. Но стоит понимать, что перед принятием решений феномен миграции

необходимо изучить, выявить ее масштабы, основные тенденции и динамику, а также ареалы ее распределения и сферы занятости трудовых мигрантов.

Среди предлагаемых аналитиком нововведений можно выделить информационный подход к контролю за проживающими мигрантами. Предложено создание постоянно обновляющихся и актуализирующихся информационных баз, которые будут отражать текущее местоположение, личную информацию и его рабочее место, а также проводить обязательное психологическое тестирование, необходимое для фильтрации потенциально опасных для общества и государства лиц. Однако необходим и контроль за работодателями, которые пользуются трудом мигрантов. Есть случаи, когда работодатель намеренно нанимает нелегальных мигрантов для уменьшения издержек, а после выполненных работ и вовсе обманывает работников, выплачивая зарплату на порядок ниже обещанной, или вообще отказывается платить за труд. Подобные ситуации только сильнее маргинализуют мигрантов, делают их агрессивнее по отношению к местному населению и общественному порядку. Считаем, необходимо вести учет недобросовестных организаций и применять к ним штрафные санкции, ведь нынешнее законодательство предусматривает недостаточно суровое наказание в размере от двухсот пятидесяти до восьмисот тысяч рублей для юридических лиц (согласно ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ).

Другим комплексом мер Корсаков К.В. предлагает интегрировать мигрантов в российское общество путем организации центров психологической поддержки и обязательных образовательных курсов, которые помогут мигранту более эффективно освоить язык, культуру и общественные нормы российского социума. Важно обеспечить достойную инфраструктуру для временного пребывания мигрантов в стране, обязать работодателя создавать и развивать инфраструктуру для иностранной рабочей силы. Некачественное жилье и отсутствие необходимых условий для проживания и работы приводит к появлению гетто на местах проведения работ, что только препятствует процессу интеграции мигрантов в российскую бытность и создает дополнительную криминогенную угрозу, а также появлению и распространению таких социально опасных явлений как алкоголизм и наркомания, которые только способствуют криминализации мигрантов в условиях обособленности в совокупности с унижительными жизненными условиями.

Вышеуказанная концепция является одной из множества предложений по регулированию потоков миграции и их нахождению на территории страны, которая стремится рассмотреть проблему с множества позиций и предлагает с одной стороны жесткий контроль за приезжими, с другой стороны обеспечение их необходимыми условиями жизни и труда, которые призваны снизить риски криминализации мигрантов. Однако узнать жизнеспособность концепции можно только с помощью практического опыта ее внедрения или частичного применения ее элементов, поэтому вопрос профилактики преступности среди мигрантов остается одним из наиболее острых в российской общественной повестке. Решение подобных социальных вопросов сопровождается многими неочевидными рисками, поэтому крайне важно при разработке законопроектов и отдельных политических мер привлекать ученых и экспертов из разных областей социальных наук, это поможет разработать максимально комплексное решение проблемы, минимизировать риски и внедрить его без угроз для общественной стабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.10.2024).
2. Корсаков К.В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. № 489.
3. Корягина С.А. Миграционная преступность в контексте национальной безопасности (региональный аспект) // Baikal Research Journal. 2024. № 1.
4. Решняк М.Г. Миграция как дестабилизирующий фактор национальной и международной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2.
5. Солодских Я.И. Совершенствование регулирования миграционной политики России в аспекте обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука. 2023. № 7.
6. Данные о преступлениях среди мигрантов. Оперативное совещание Следственного Комитета России. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1917930/> (дата обращения: 03.10.2024).
7. Захват заложников в ИК-19 Волгограда. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2024/667a225a9a7947723cc639d2> (дата обращения: 03.10.2024).
8. Захват заложников в СИЗО-1 Ростова-на-Дону. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2024/667a225a9a7947723cc639d2> (дата обращения: 03.10.2024).

9. Международный прирост населения. Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 03.10.2024).
10. Опрос ФАДН. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/20/notwant/> (дата обращения: 03.11.2024).
11. Терактв «Крокус Сити Холле». URL: <https://www.rbc.ru/story/65fdc2679a794730284d89d6> (дата обращения: 03.10.2023).
12. Теракт в Буденновске, Республика Дагестан. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2024/6678605c9a79473e6ab810cd> (дата обращения: 03.10.2024).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation «On the National Security Strategy of the Russian Federation» dated 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 03.10.2024).
2. Korsakov K.V. A new concept of process management in the field of external labor migration in the system of ensuring criminological security of the Russian Federation // Vestn. Volume. State University. 2023. № 489.
3. Koryagina S.A. Migration crime in the context of national security (REGIONAL ASPECT) // Baikal Research Journal. 2024. № 1.
4. Reshnyak M.H. Migration as a destabilizing factor of national and international security // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2.
5. Solodskikh Ya. I. Improving the regulation of russia's migration policy in the aspect of ensuring national security // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 7.
6. Data on crimes among migrants. Operational meeting of the Investigative Committee of Russia. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1917930/> (date of access: 03.10.2024)
7. Hostage-taking in the IK-19 of Volgograd. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2024/667a225a9a7947723cc639d2> (date of access: 03.10.2024)
8. Hostage-taking in the Rostov-on-Don pre-trial detention center-1. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2024/667a225a9a7947723cc639d2> (date of access: 03.10.2024)
9. International population growth. Rosstat data. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (date of access: 03.10.2024).
10. FADN survey. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/20/notwant/> (date of access: 03.11.2024).
11. Terrorist attack in Crocus City Hall. URL: <https://www.rbc.ru/story/65fdc2679a794730284d89d6> (date of access: 03.10.2023).
12. Terrorist attack in Budennovsk, Republic of Dagestan. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2024/6678605c9a79473e6ab810cd> (date of access: 03.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД, кандидат политических наук, доцент. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Кутовой Артем Игоревич, преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-российский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryan David Cromwelovich, Head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs, Candidate of Political Sciences. of Sciences, Associate Professor. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Kutovoi Artem Igorevich, Bachelor of the Faculty of Political Science and Ethnopolitics. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1

КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ К КАТЕГОРИИ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Гриценко Татьяна Викторовна

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
kazmenkova78@mail.ru

Мандрыка Юлия Сергеевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
yuliyammmmm84@mail.ru

Введение: в основе дифференциации уголовного преследования на частное, частно-публичное и публичное, закрепленной в ст. 20 УПК РФ, лежат, как следует из буквального толкования закрепленной в указанной статье нормы, «характер и тяжесть совершенного преступления». Вместе с тем данный критерий не отражает сущности проводимого разграничения видов уголовного преследования. В связи с этим целью настоящего исследования авторы определили выработать критерии отнесения преступлений к категории дел частного обвинения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РФ (действующее и утратившее силу). Использовались следующие методы исследования: сравнительно-правовой, анализ статистических данных и судебной практики, обобщение. Теоретическую основу работы составили основные научные концепции по теме исследования, отраженные в научных трудах российских ученых и практиков.

Результаты исследования: определена сущность частного обвинения и критерии отнесения преступлений к категории дел частного обвинения.

Выводы и заключения: имеющаяся в УПК РФ дифференциация уголовного преследования должна осуществляться на основе научно обоснованных критериев отнесения тех или иных преступлений к категориям частного, частно-публичного и публичного обвинения. Предложена система таких критериев применительно к делам частного обвинения, с учетом сущности данного вида уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование, частное обвинение, частно-публичное обвинение, публичное обвинение, уголовное дело, состав преступления.

Для цитирования: Гриценко Т. В., Мандрыка Ю. С. Критерии отнесения преступлений к категории дел частного обвинения / Т. В. Гриценко, Ю. С. Мандрыка // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 100–107

Original paper

CRITERIA FOR CLASSIFYING CRIMES AS PRIVATE CHARGES

Gritsenko Tatyana Viktorovna

Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Mandryka Yulia Sergeevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the differentiation of criminal prosecution into private, private-public, and public, enshrined in Article 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is based, as follows from the literal interpretation of the norm enshrined in this article, on the «nature and severity of the crime committed». However, this criterion does not reflect the essence of the

distinction between the types of criminal prosecution. Therefore, the purpose of this study is to develop criteria for classifying crimes as private prosecution cases.

Materials and methods: the study was based on the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation (current and repealed). The following research methods were used: comparative legal analysis, statistical data analysis, and judicial practice analysis, as well as generalization. The theoretical basis of the study was formed by the main scientific concepts on the research topic, which are reflected in the scientific works of Russian scientists and practitioners.

Results of the study: the essence of private prosecution and the criteria for classifying crimes as private prosecution cases have been determined.

Findings and conclusions: the differentiation of criminal prosecution in the Russian Criminal Procedure Code should be based on scientifically sound criteria for classifying certain crimes as private, private-public, or public prosecution. A system of such criteria has been proposed for private prosecution cases, taking into account the essence of this type of criminal prosecution.

Keywords: criminal prosecution, private prosecution, private-public prosecution, public prosecution, criminal case, crime.

For citation: Gritsenko T. V., Mandryka Y. S. Criteria for classifying Crimes as private prosecution / T. V. Gritsenko, Y. S. Mandryka // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114).* – Pp. 100–107

К делам частного обвинения (далее – ЧО) законом отнесены три состава преступлений, все они в соответствии с нормами ст. 15 УК РФ отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, однако остается не ясным, почему из гораздо большего по численности массива всех преступлений, которые соответствуют категории «небольшой тяжести», к делам ЧО отнесены именно эти три состава, чем их «тяжесть» отлична от «тяжести» других преступлений одной и той же категории преступлений небольшой тяжести. В числе дел частного-публичного обвинения (далее – ЧПО) – 24 состава преступлений, при этом в данную группу включены как преступления небольшой, так и средней тяжести, и также, как и в отношении дел ЧО, критерий «тяжести преступления» не проясняет сущностно, почему именно данные, а не другие преступления этих же категорий отобраны законодателем в число уголовных дел (далее – УД), по которым обвинение организуется в частно-публичном порядке.

Такой определенный в ст. 20 УПК РФ критерий как «характер совершенного преступления» вызывает еще больше вопросов в деле разграничения видов уголовного преследования (далее – УП). Трудности заключаются, прежде всего, в отсутствии правовой дефиниции данного понятия и отсутствии единства научных взглядов на него. Споры ученых и практиков ведутся в отношении содержания такой категории как «характер общественной опасности преступления». Полагаем, понятия «характер общественной опасности преступления» и «характер преступления» могут оцениваться как синонимичные: любое преступление отличается качеством общественной опасности, и именно характером последней определяется и характер преступления.

Классическим все же для отечественной доктрины является «понимание характера общественной опасности как признака, присущего преступлениям определенного вида» [1, с. 35], группируемым в УК РФ сообразно объекту преступного посягательства: против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы и т. д. Однако имеются и нестандартные подходы. Так, отдельные ученые трактуют «характер общественной опасности преступления» как интегрированные свойства личности, проявленные в допущенных ею преступных деяниях [2], т. е. имеет место перенос оценки характера общественной опасности с деяния на личность.

Из актуальных разъяснений высшей судебной инстанции по рассматриваемому вопросу следует, что «при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь ввиду направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред»¹, т. е. подчеркивается предопределенность характера общественной опасности преступления именно объектом посягательства. Преступления, объединенные в группу, УП по которым осуществляется в порядке ЧО, посягают на такие охраняемые социальные ценности как жизнь и здоровье, свобода, честь и достоинство личности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56, от 18.12.2018 № 43). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 30.06.2025).

Преступления из группы, УП по которым организуется в порядке ЧПО, посягают на жизнь и здоровье, половую неприкосновенность и свободу личности, конституционные права и свободы человека, собственность, нормальное функционирование экономической деятельности, интересы службы в коммерческих и иных организациях. Учитывая, что наряду с этим большая часть преступлений, посягающих, в том числе, на те же объекты уголовно-правовой охраны, отнесены законом в группу дел публичного обвинения (далее – ПО), рассматриваемый критерий «характер совершенного преступления» также бессилён в попытках ответа на вопрос о том, почему по тем или иным составам преступления УП осуществляется в частном, частно-публичном или публичном порядке.

Разрешить его пытаются ученые и практики. При этом исходным постулатом, признаваемым всеми, является то, что уголовный процесс характеризуется преимущественно публичным характером соответствующей деятельности: «В современном уголовном процессе публичная сущность данной отрасли права заключается в открытом заявлении государства о своей исключительной компетенции уголовного преследования...» [3], и в принятии решений, символизирующих как начало, так и окончание деятельности по УД, уполномоченное должностное лицо (орган) не связаны волей пострадавшего. Однако в УД по трем составам преступлений, названных в законе делами ЧО, по двадцати четырем составам, названных делами ЧПО, а также в УД, возбуждаемых по заявлению руководителя коммерческой или иной организации, допускаются отступления от признаваемого в научной среде принципа «публичности уголовного судопроизводства», «суть которого в том, что защита общества и граждан от преступных посягательств является важной и ответственной обязанностью правоохранительных органов, а не делом самих граждан» [4, с. 151].

Объединяет все названные составы-исключения то, что в решении вопроса о возбуждении УД по ним уполномоченное должностное лицо (орган) связаны волей пострадавшего – физического или юридического лица (его руководителя), инициатива которого, облаченная в форму заявления о совершенном преступлении, является единственным и исключительным импульсом к началу уголовно-процессуальной деятельности по изложенным в таком заявлении фактам.

Проанализировав данные составы-исключения, приходим к выводу о том, что обусловлено это тем, что установить признаки состава преступления, как правило, не представляется возможным без выяснения субъективной оценки пострадавшим, во-первых, наличия самого события, во-вторых, оценки его именно как преступного, объективирующейся в выраженном пострадавшим желании восстановить нарушенное право именно уголовно-правовыми средствами.

Например, побои, УП за которые осуществляется в порядке ЧО, могут выразиться в насильственных действиях, причинивших физическую боль. При этом «с точки зрения медицины, – указывает А.Г. Меньшикова, – боль всегда имеет материальную основу, причину, которая носит объективный характер. Но при этом интенсивность, длительность и их оценка зависят от субъективного восприятия» [5, с. 40]. Другими словами, только сам пострадавший может оценить посторонние действия, во-первых, как причинившие ему физическую боль, во-вторых, как совершенные насильственно, т. е. против его воли, в-третьих, как требующие восстановления именно уголовно-правовыми средствами.

Под изнасилованием закон понимает, в том числе «половое сношение с применением насилия», при этом последнее может быть проявлено в нанесении побоев или в иных насильственных действиях, «связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы»². Соответственно, как и для квалификации деяния по ст. 116.1 УК РФ, для квалификации изнасилования первоочередное значение имеют субъективные восприятие и оценка события пострадавшим лицом.

Заявительный или исковой характер инициации уголовно-процессуальной деятельности по рассматриваемым составам-исключениям связан также с тем, что все рассматриваемые преступления нарушают интересы конкретного пострадавшего, фактический вред обществу и государству отсутствует. При этом само качество общественной опасности, свойственное данным деяниям в том числе, обусловлено, во-первых, значимостью объекта преступления, его повышенной ценностью, во-вторых, явственно оно просматривается на массовом уровне в таких отдаленных, как правило, от момента совершения преступления негативных изменениях в общественных отношениях, как то: укоренение в сознании людей допустимости насильственных способов разрешения межличностных конфликтов, пренебрежение такими

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 30.06.2025).

конституционными правами личности как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и др. И именно степень интенсивности этого качества общественной опасности, свойственного тому или иному преступлению, наряду с отнесением последнего к той или иной категории (по степени тяжести), предопределяет вид УП, позволяет относить УД о тех или иных преступлениях к УД ЧО или к УД ЧПО.

Так, преступления, отнесенные к УД ЧО, причиняя вред субъективным, личным правам и интересам конкретного пострадавшего – физического лица, в наименьшей степени в сравнении с преступлениями, отнесенными к УД ЧПО и ПО, причиняют вред интересам всего общества и государства. Именно данная качественная характеристика преступлений предопределила процессуальные различия в порядке осуществления УП по делам ЧО и ЧПО. Заключаются данные различия, во-первых, в наличии / отсутствии стадии предварительного расследования; во-вторых, в осуществлении УП прокурором / потерпевшим; в запрете / допущении потерпевшему отозвать поданное заявление о преступлении и тем самым прекратить УП, примирившись с обвиняемым. В контексте изложенного уместно высказывание М.А. Чельцова о том, что «каждым отдельным посягательством такого рода правопорядок нарушается столь мало, что законодатель передает право преследовать виновного и отказываться от преследования потерпевшему от преступления» [6, с. 186].

Наряду с рассмотренными выше критериями:

– невозможности установления признаков состава преступления без учета мнения пострадавшего (ограничивает дела ЧО и ЧПО от дел ПО);

– причинение вреда субъективным правам пострадавших от преступления физических лиц и отсутствие реального вреда обществу и государству, минимальная общественная опасность преступления наряду с отнесением преступления к категории небольшой тяжести (ограничивает дела ЧО от дел ЧПО и ПО);

– заслуживают интереса также другие выделяемые учеными условия. В их числе, например, называются:

а) «возможность урегулирования возникшего конфликта без вмешательства судебных органов (посредством примирения сторон)» [7, с. 175], нацеленность именно на примирение. Действительно, – в случаях, когда потерпевший не в результате принуждения, а в добровольном порядке примиряется с обвиняемым, не желает уголовного наказания своему «обидчику» за совершение преступления, сам конфликт, порожденный преступным посягательством, разрешается.

Сказанное подтверждают данные статистики, приведенные в таблице.

Таблица

Количество лиц, осужденных, оправданных и в отношении которых уголовное дело частного обвинения прекращено, в 2020–2025 гг. в России³

Годы				Всего лиц (в %)
2020	59 (42 %)	25 (18 %)	57 (40 %)	141 (100 %)
2021	58 (38 %)	24 (16 %)	72 (46 %)	154 (100 %)
2022	64 (43 %)	22 (15 %)	63 (42 %)	149 (100 %)
2023	60 (37 %)	29 (18 %)	74 (45 %)	163 (100 %)
2024	66 (43 %)	27 (18 %)	60 (39 %)	153 (100 %)
Всего	307 (40 %)	127 (17 %)	326 (43 %)	760 (100 %)

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 г. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.07.2025).

Как видим, статистика подтверждает гуманистическое начало ЧО, призванного не «покарать», а «примирить»: в среднем в 2020–2024 гг. судами прекращалось почти каждое второе УД ЧО (42 % от общего количества данных дел), а количество лиц, в отношении которых УД были прекращены, превалирует над количеством осужденных.

Справедливости ради следует отметить, что данные цифры, во-первых, включают количество прекращенных дел по всем основаниям, не только в связи с примирением сторон, во-вторых, приводят отдельных специалистов к вопросу о рациональности самого существования института ЧО. Заместитель председателя Верховного Суда России В. Давыдов, представляя на заседании Пленума Верховного Суда РФ проект поправок в УПК РФ, исключаящих частный порядок УП, например, отметил: «Ситуация, при которой из 100 возбужденных дел 54 прекращаются, сама по себе вызывает ряд вопросов как с точки зрения обоснованности возбуждения и уголовного преследования, так и с точки зрения эффективности защиты прав потерпевших»⁴.

Данный и другие аргументы в пользу отказа от ЧО требуют отдельного более детального изучения. В контексте же рассматриваемого критерия отнесения УД в группу дел ЧО хочется возразить, что продолжение УП, когда потерпевший примиряется с обвиняемым, как верно отмечает П.М. Титов, «выглядит избыточным проявлением уголовно-правовой репрессии, ... вызывает дисбаланс публично-правовых и частно-правовых интересов» [8, с. 28]. Авторы согласны с позицией В.В. Дорошкова о том, что «примирение сторон в случае совершения правонарушения, затрагивающего исключительно частные интересы потерпевшего, – лучший вариант прекращения конфликта в обществе» [9, с. 11]. Специфическая особенность рассматриваемого вида УП заключается в направленности его не на наказание виновного уголовно-правовыми средствами, а на профилактику преступлений [10, с. 16].

При этом сам факт УП, оконченного по инициативе потерпевшего в случае примирения, нередко оказывается для таких обвиняемых достаточным сдерживающим фактором в части совершения новых преступлений – аналогичных или более тяжких, и не влечет такого неблагоприятного последствия как судимость. В этом, безусловно, ярко проявлены тренд на гуманизацию уголовно-процессуального закона, учет мнения потерпевших при разрешении УД, поливариативность способов разрешения уголовных споров, экономия уголовно-правовой репрессии. «И в ретроспективе, и в современных условиях, – отмечают ученые, – миссия института частного обвинения заключается в примирении конфликтующих сторон» [11, с. 233];

б) относительная «процессуальная простота» в доказывании по УД. Во-первых, лицо, предположительно причастное к совершению преступления, должно быть известно предположительно потерпевшему, ввиду чего отсекается необходимость в проведении оперативно-розыскных и иных мер, направленных на его установление (в противном случае УД из частного трансформируется в публичное, механизм такой трансформации заложен в ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Во-вторых, по делам ЧО, при производстве по которым предварительное расследование не проводится, должна отсутствовать необходимость в производстве следственных действий, не свойственных стадии судебного разбирательства, а точнее, одному из ее этапов – судебного следствия;

в) условие совершения преступления в семейно-бытовой и «просто»-бытовой сфере, наличие между обвиняемым и потерпевшим отношений родства, свойства, соседства, служебных, дружеских или личных [12, с. 19].

По данным отдельных исследований потерпевшими по делам ЧО «превентивной направленности»: о побоях и умышленном причинении вреда здоровью, являются: «лица, совместно проживающие и находящиеся в родственных либо в брачных отношениях с виновными (около 50%); лица, являющиеся соседями виновных (более 20 %); лица, являющиеся знакомыми виновных (около 17 %); лица, не знакомые с виновными (около 12 %)» [13, с. 547]. Клевета, запрещенная ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, также нередко осуществляется в рамках так называемого «домашнего психологического насилия»⁵.

Данный критерий, безусловно, ставит вопрос о возможном расширении пределов ЧО в уголовном процессе. Полагаем, целесообразность такого расширения за счет включения в перечень преступлений, относимых к делам ЧО, некоторых других преступлений,

⁴ ВС РФ: Каждый пятый по делам частного обвинения невиновен. 06.04.2021. URL: <https://gkgz.ru/vs-rf-kazhdyy-pyatyy-po-delam-chastnogo-obvinieniya-nevinoven/> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Адвокатам рассказали о практических аспектах защиты жертв домашнего насилия. Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-o-prakticheskikh-aspektakh-zashchity-zhertv-domashnego-nasilija/> (дата обращения: 27.06.2025).

субъектом которых выступает лицо, находящееся в отношениях родства или свойства с потерпевшим, обусловлен благим стремлением не причинения потерпевшему еще большего вреда УП, осуществляемым в публичном порядке, «не причинения еще большего вреда потерпевшему фактом обнародования содеянного» [14, с. 62]. Многими видными учеными отказ государства от УП по делу ЧО верно обосновывался тем, что огласка произошедшего конфликта между членами семьи, вмешательство правоохранительных органов в частную жизнь семьи могут причинить потерпевшему и другим членам семьи – участникам случившегося конфликта – больше вреда, чем безнаказанность преступления.

Само существование ЧО в уголовном судопроизводстве позволяет достичь баланса между частно-правовыми и публично-правовыми интересами: «отказ от уголовного преследования лица нанесет публичным интересам вред несоизмеримо менее значительный, нежели тот, который был бы причинен потерпевшему, если бы, вопреки его воле, уголовное преследование осуществлялось в публичном порядке» [15, с. 103].

Выделение данного условия уходит корнями в историю формирования института ЧО в России, когда первоначально сформировавшееся представление о ЧО в уголовном судопроизводстве было сопряжено, помимо прочих, с таким признаком ряда преступлений, переводящих их в категорию дел ЧО, как отношения родства между обвиняемым и потерпевшим. Так, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г.⁶ к делам частного обвинения, наряду с другими, относил дела о краже, мошенничестве и присвоении чужого имущества, если они совершались между супругами, родителями и детьми.

Примечательно, что период с 1864 г. по 1917 г. ученые называют «периодом законодательного зарождения и расцвета частного обвинения», а сами новаторские идеи, разделяющие обвинение на публичное и частное, получившие детальное закрепление в Уставах 1864 г. в части процедуры частного УП, получили высокую оценку видных ученых того времени: «Этот двойственный характер обвинения составляет отличительную черту нашего законодательства... и представляет огромное преимущество перед французской системой, сосредоточивающей обвинение почти исключительно в руках публичных обвинителей» [16, с. 63].

В советский период развития уголовно-процессуального законодательства произошло сокращение частных начал и расширение публичных, был упразднен институт мировой юстиции, в связи с чем дела ЧО, список которых практически совпадает с современным (за исключением декриминализованного в настоящее время «оскорбления»), рассматривались не мировыми судьями, а иными судами.

В постсоветский и современный период институт «мировой юстиции» был реанимирован и развивается. Вместе с тем, последние годы отмечены рядом законодательных инициатив, последствием реализации которых может стать полный отказ от института ЧО. Изучение данных предложений, в равной мере, как и формируемых в среде ученых и практиков подходов к их оценке, видится актуальным в контексте рассмотрения вопроса о пределах ЧО, в рамках отдельного исследования.

По результатам изучения обозначенных в работе вопросов авторы пришли к следующим выводам.

1. Сущность ЧО, отличающегося сосуществованием в данном виде УП публичных и частных начал, предопределена двуединой характеристикой деяний, УП по которым осуществляется в порядке ЧО: с одной стороны, в силу значимости в системе сформировавшихся в обществе ценностей объекта посягательства, данные деяния отличаются качеством общественной опасности и именно поэтому должны охраняться посредством соответствующего запрета на их совершение в УК РФ; с другой стороны – в силу того, что эти преступные деяния причиняют вред правам и интересам конкретного физического лица и в минимальной степени затрагивают интересы общества и государства, относятся к категории небольшой тяжести, как инициация, так и прекращение УП по делам об этих преступлениях зависит от воли и желания пострадавшего, способного самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

2. Критериями отнесения преступления к делам ЧО являются:

а) невозможность установления признаков состава преступления без учета мнения пострадавшего, субъективной оценки им совершенного посягательства как требующего восстановления нарушенных таким посягательством прав именно уголовно-правовыми средствами (отграничивает дела ЧО и ЧПО от дел ПО);

⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Санкт-Петербург, 1867.

б) причинение вреда субъективным правам пострадавших от преступления физических лиц и отсутствие реального вреда обществу и государству, минимальная общественная опасность преступления наряду с отнесением преступления к категории небольшой тяжести (отграничивает дела ЧО от дел ЧПО и ПО);

в) возможность урегулирования возникшего конфликта примирением сторон, без привлечения лица к уголовной ответственности, нацеленность уголовного судопроизводства преимущественно на примирение (отграничивает дела ЧО от дел ЧПО и ПО);

г) относительная «процессуальная простота» в доказывании по УД (отграничивает дела ЧО от дел ЧПО и ПО);

д) совершение преступления в семейно-бытовой или «просто»-бытовой сфере, наличие между обвиняемым и потерпевшим отношений родства, свойства, соседства, служебных, дружеских или личных (отграничивает дела ЧО от дел ЧПО и ПО).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колосов А.С. Характер и степень общественной опасности преступления как обстоятельства, учитываемые при назначении наказания // Судья. 2023. № 6.

2. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Общественная опасность преступления: генезис понятия и проблема измерения и отграничения от административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 1.

3. Александрова Л.А. Публичность как основа уголовно-процессуального права. М., 2007.

4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989.

5. Меньшикова А.Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. М.А. Чельцова. М., 1969.

7. Степанова В.Г. Назначение института частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству и пределы частного обвинения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2(6).

8. Титов П.М. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2021.

9. Дорошков В.В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 5.

10. Багаудинов Ф.Н. Возбуждение дел частного обвинения // Законность. 2000. № 3.

11. Красильников А.В., Тохирзода О.Т. Примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетная задача производства по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 3.

12. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4.

13. Волнянская Л.Т., Данилова Н.А., Евдокимов С.Г. Руководство для государственного обвинителя: учебное пособие. М., 2019.

14. Степанова В.Г. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

15. Дикарев И.С. Частное обвинение и процессуальные иммунитеты: проблемы совместимости // Журнал рос. права. 2009. № 5(149).

16. Степанова В.Г. Институт частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве по Судебным уставам 1864 года // Глаголь правосудия. 2010. № 1(1).

REFERENCES

1. Kolosov, A.S. The nature and degree of public danger of a crime as circumstances taken into account when imposing punishment // Judge. 2023. № 6.

2. Nechevin D.K., Kolodkin L.M. The Public Danger of a Crime: The Genesis of the Concept and the Problem of Measuring and Distinguishing It from an Administrative Offense // Administrative Law and Procedure. 2020. № 1.

3. Aleksandrova L.A. Publicity as the Basis of Criminal Procedure Law. Moscow, 2007.

4. The Course of the Soviet Criminal Procedure. General Part / edited by A.D. Boykov, I.I. Karpets. Moscow, 1989.

5. Menshikova A.G. Special Cruelty: Medical and Criminal Law Aspects: dis. ... cand. jurid. Sciences. Yekaterinburg, 2015.
6. Criminal Procedure: Textbook for Universities / edited by M.A. Cheltsov. Moscow, 1969.
7. Stepanova V.G. Appointment of the institute of private prosecution under the current criminal procedure legislation and the limits of private prosecution // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2014. № 2(6).
8. Titov P.M. Criminal proceedings in cases of private prosecution: dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2021.
9. Doroshkov V.V. It is time to discuss the position of the victim in the modern criminal process again // The magistrate. 2019. № 5.
10. Bagautdinov F.N. Initiation of private prosecution cases // Legality. 2000. № 3.
11. Krasilnikov A.V.; Tokhizoda O.T. Reconciliation of the Victim with the Accused as a Priority Task in the Proceedings of Criminal Cases of Private Prosecution (According to the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 3. July-September 2022.
12. Yakimovich Yu.K. Participation of the victim in criminal prosecution // Criminal proceedings. 2014. № 4.
13. Volnyanskaya L.T., Danilova N.A., Evdokimov S.G. and others. A guide for the Public Prosecutor: textbook. the manual. Moscow, 2019.
14. Stepanova V.G. Criminal proceedings in cases of private prosecution: dis. ... kand. jurid. sciences'. Irkutsk, 2008.
15. Dikarev I.S. Private prosecution and procedural immunities: compatibility issues // Journal of Russian Law. 2009. № 5(149).
16. Stepanova V.G. The Institute of Private Accusation in Russian Criminal Proceedings under the Judicial Statutes of 1864 // Glagol Justice. 2010. № 1(1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гриценко Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.

Мандрыка Юлия Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gritsenko Tatiana Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Mandryka Yulia Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.31

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ
ГРАЖДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, КАК ПРИОРИТЕТНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Девятковская Светлана Викторовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
sdevyatovskaya@yandex.ru

Клочкова Александра Леонидовна

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
klochkova_alexa86@mail.ru

Подопригора Алексей Алексеевич

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
A2299966@yandex.ru

Введение: в условиях глобализации и расширения международных связей проблема преступности, совершаемой иностранными гражданами (далее – ИГ) и лицами без гражданства (далее – ЛБГ), приобретает особую актуальность для Российской Федерации. Данное явление представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, затрагивая различные сферы жизнедеятельности общества, включая экономическую, социальную и правоохранительную. В связи с этим предупреждение преступлений, совершаемых ИГ и ЛБГ, становится приоритетным направлением деятельности государства, требующим комплексного подхода и разработки эффективных мер противодействия.

Материалы и методы: в качестве эмпирической базы исследования использованы следующие материалы: официальные статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства; аналитические обзоры, доклады и публикации экспертов в области уголовного права, криминологии и миграционной политики, касающиеся вопросов преступности ИГ и ЛБГ; нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы миграции, уголовного права, уголовного процесса, а также международные договоры, участником которых является Российская Федерация, в сфере борьбы с преступностью; материалы научных конференций и семинаров по проблемам преступности и национальной безопасности.

Применены следующие методы: анализ и синтез, системный анализ, сравнительно-правовой метод, статистический метод, метод экспертных оценок, формально-юридический метод.

Результаты исследования: в итоге проведенного исследования были сформулированы следующие основополагающие результаты:

1. Представлена криминологическая характеристика преступности, совершаемой иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации.

2. Выявлены и проанализированы основные факторы, детерминирующие преступность иностранцев и лиц без гражданства в России, включающие социально-экономические, миграционные, культурные, правовые и криминогенные факторы.

3. На основе проведенного анализа разработаны конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию системы предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации. Данные предложения направлены на:

– улучшение взаимодействия между правоохранительными органами и другими государственными структурами, занимающимися вопросами миграции и национальной безопасности;

– разработку и внедрение эффективных мер профилактики преступности ИГ и ЛБГ, учитывающих особенности их социально-культурной адаптации и интеграции в российское общество;

– усиление контроля за соблюдением миграционного законодательства и борьбу с нелегальной миграцией.

Выводы и заключения: реализация предложенных в рамках исследования мер может способствовать снижению уровня преступности, совершаемой иностранными гражданами и лицами без гражданства, повышению уровня общественной безопасности и укреплению национальной безопасности Российской Федерации. Однако достижение поставленных целей возможно только при условии последовательной реализации намеченных планов, постоянного мониторинга эффективности принимаемых мер и учета изменяющейся криминогенной ситуации.

Ключевые слова: предупреждение, пресечение, предотвращение, профилактика, миграция, мигранты, иностранцы, лица без гражданства.

Для цитирования: Девятовская С. В., Клочкова А. Л., Подопригора А. А. Предупреждение преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, как приоритетное направление национальной безопасности Российской Федерации / С. В. Девятовская, А. Л. Клочкова, А. А. Подопригора // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 108–114

Original paper

PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS AND NON-CITIZENS AS A PRIORITY AREA OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Devyatovskaya Svetlana Viktorovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klochkova Alexandra Leonidovna

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Podoprighora Alexey Alekseevich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the context of globalization and the expansion of international relations, the problem of crime committed by foreign citizens (next – IG) and stateless persons (next – LGB) has become particularly relevant for the Russian Federation. This phenomenon poses a serious threat to national security, affecting various aspects of society, including the economic, social, and law enforcement sectors. As a result, preventing crimes committed by foreign citizens and stateless persons has become a priority for the government, requiring a comprehensive approach and the development of effective measures to combat this issue. This article analyzes the characteristics of IG and LGB crime in the Russian Federation, identifies the factors contributing to the commission of crimes by this category of individuals, and identifies priority areas for preventing such crimes in the context of national security.

Materials and methods: the following materials were used as the empirical basis for the study: official statistics from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MVD of Russia) on crimes committed by foreign citizens and stateless persons; analytical reviews, reports, and publications by experts in the fields of criminal law, criminology, and migration policy regarding the issues of crime committed by IG and LGB; regulatory legal acts of the Russian Federation governing migration issues, criminal law, criminal procedure, as well as international treaties to which the Russian Federation is a party in the field of combating crime; materials from scientific conferences and seminars on the issues of crime and national security.

The following methods were used in the research process: analysis and synthesis, system analysis, comparative legal method, statistical method, expert assessment method, and formal legal method.

Results of the study: as a result of the conducted research, the following main results are expected to be obtained:

1. A criminological description of the crime committed by foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation.

2. The main factors that determine the crime committed by foreigners and stateless persons in Russia will be identified and analyzed, including socio-economic, migration, cultural, legal, and criminogenic factors.

3. Based on the analysis, specific proposals and recommendations will be developed to improve the system of preventing crimes committed by foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation. These proposals will be aimed at:

- improving cooperation between law enforcement agencies and other government agencies dealing with migration and national security issues;
- developing and implementing effective measures to prevent crime by IG and LBG, taking into account the specifics of their socio-cultural adaptation and integration into Russian society;
- strengthening control over compliance with migration legislation and combating illegal migration.

Findings and conclusions: preventing crimes committed by IG and LBG is a complex and multifaceted task that requires a comprehensive approach and coordination of efforts from various government agencies and civil society institutions. Implementing the measures proposed in this study will contribute to reducing the level of crime committed by foreign nationals and stateless persons, improving public safety, and strengthening the national security of the Russian Federation. However, achieving these goals is only possible through the consistent implementation of the planned measures, continuous monitoring of their effectiveness, and adaptation to the evolving criminal situation.

Keywords: warning, suppression, prevention, prophylaxis, migration, migrants, foreigners, stateless persons.

For citation: Devyatovskaya S. V., Klochkova A.L., Podoprigora A. A. Prevention of crimes committed by foreign citizens and stateless persons as a priority area of national security of the Russian Federation / S. V. Devyatovskaya, A. L. Klochkova, A. A. Podoprigora // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 108–114

Преступность, совершаемая иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, представляет собой значимую угрозу национальной безопасности, обусловленную комплексом социально-экономических, миграционных и правовых факторов. Эффективное предупреждение данной категории преступлений требует совершенствования нормативно-правового регулирования, оптимизации межведомственного взаимодействия, усиления миграционного контроля и разработки целевых профилактических мер, направленных на социальную адаптацию и интеграцию ИГ и ЛБГ в российское общество.

Согласно данным МВД России, преступность в сфере миграции имеет циклический характер. В 2013 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 44 325 преступлений, что на 11,6 % больше, чем в предыдущем году. Наибольший рост преступности наблюдался в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах. В 2014 г. общее количество преступлений, совершенных иностранцами, снизилось на 5,2 %, составив 42 067. Однако в ряде округов, таких как Северо-Западный и Южный, наблюдался рост преступности. В 2015 г. вновь зафиксирован рост преступности на 8,7 %, а в 2016 и 2017 годах наблюдалось снижение на 8,9 % и 6,6 % соответственно.

В 2025 г. в России зарегистрирован незначительный рост преступности на 0,6 %. При этом отмечено снижение числа преступлений против личности на 7,8 %, включая убийства (на 8,1 %) и тяжкий вред здоровью (на 11,4 %).

Уменьшилось количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (на 22,6 %) и ранее судимыми (на 16,5 %).

Из незаконного оборота изъято более 10,2 тонн наркотических и сильнодействующих веществ. Сократилось число ДТП с участием нетрезвых водителей (на 9,3%), а также количество погибших (на 30 %) и раненых (на 7,5 %) в таких ДТП [1].

Укажем на то, что снижение числа преступлений по некоторым позициям, совершенных мигрантами, обусловлено:

- реализацией положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [2];
- совершенствованием механизмов контроля за пребыванием иностранцев на территории страны (О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный

закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ; О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ; О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ; О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15 янв. 2007 г. № 9 и др.);

– усилением мер ответственности мигрантов и лиц, принимающих российское гражданство, вплоть до отмены таких решений и депортации правонарушителей;

– расширением перечня преступлений, совершение которых влечет прекращение ранее приобретенного российского гражданства [3];

– проведением мероприятий, осуществленных в рамках федеральной комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал–2025». Их цель – стабилизация миграционной ситуации на территории государств – членов ОДКБ, решение практических задач по выявлению и пресечению нелегальной миграции, ликвидации каналов незаконной легализации иностранных граждан на территории Российской Федерации;

– совершенствованием профилактической и оперативной работы, проведением адресных мероприятий в жилом секторе, в местах компактного пребывания граждан зарубежных стран [4], а также во время проведения массовых мероприятий [5];

– осуществлением мер социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, предусмотренных в Методических рекомендациях для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации [6], а также региональными инициативами [7];

– внедрением доступных информационных ресурсов, позволяющих мигрантам получать официальные сведения о пребывании в субъектах Российской Федерации (например, в Республике Дагестан разработано приложение для смартфонов и гаджетов «Daghelpling», республике Татарстан – «M-Help», Республике Саха (Якутия) – «Содружество»).

Миграция имеет как положительные (повышение уровня жизни, сокращение безработицы, культурный обмен), так и отрицательные аспекты (отток ресурсов, снижение платежей в бюджет, демографическая нагрузка, конфликты). Главенствующей проблемой миграции является рост преступности.

Причины миграционной преступности:

1. Экономические: стремление к лучшей жизни из-за нестабильности, безработицы, разницы в зарплатах, что может толкать к преступлениям при недостижении цели.

2. Политические: несогласие с политикой, военные действия, тоталитарные режимы, вынуждающие к миграции и иногда к преступлениям против государства.

3. Социальные: социальное неравенство, различия в статусе, условиях жизни, образовании, усиливающие экономические мотивы преступлений.

4. Культурные (духовные): желание сохранить традиции, религиозная и этническая нетерпимость, духовное разложение, приводящие к экстремистским преступлениям.

5. Криминологические: преступление как цель миграции.

Несмотря на принятые меры, количество привлеченных к уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства остается небольшим. Проводятся мероприятия по профилактике и борьбе с преступлениями в сфере незаконной миграции, например, представления о неразрешении въезда в РФ. Миграционная безопасность является приоритетным направлением. Предлагаются меры: повышение эффективности международного сотрудничества, ужесточение санкций к работодателям, создание информационной системы об иностранных гражданах, совершенствование правовых норм и профилактика нарушений миграционного законодательства.

Резюмируя, в условиях борьбы с незаконной миграцией необходимо ужесточить административное законодательство. Существующие штрафы по ст. 18.15 КоАП РФ за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранцев несоизмеримы вреду и создают условия для преступной деятельности.

Использование административной преюдиции в уголовном законодательстве, когда уголовная ответственность наступает после административного наказания за аналогичное деяние (как в случаях с управлением транспортом в состоянии опьянения и розничной продажей алкоголя несовершеннолетним), является положительной тенденцией.

Предлагается использовать административную преюдицию при конструировании уголовно-правовых норм в сфере миграции. Это позволит воздействовать на работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу нелегально, и предотвратить развитие незаконной миграции.

Реализация предложенного комплекса мер позволит снизить уровень нелегальной миграции, улучшить социальные гарантии для иностранных граждан, пересекающих границу, и стабилизировать криминогенную обстановку в Российской Федерации.

Кроме этого, мы предлагаем следующие предложения и рекомендации по совершенствованию системы предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы:

Разработка и принятие Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Закон должен регламентировать права и обязанности иностранных граждан в процессе адаптации и интеграции, установить требования к программам адаптации и интеграции, определить органы, ответственные за их реализацию, а также предусмотреть меры по стимулированию участия иностранных граждан в этих программах. В законе необходимо закрепить обязательное прохождение иностранными гражданами, прибывающими в Россию на длительный срок (более 90 дней), курсов русского языка, истории и культуры России, а также основ российского законодательства.

Внесение изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части усиления ответственности за нарушение миграционного законодательства. Необходимо ужесточить административные санкции за нарушение правил въезда, пребывания, транзитного проезда и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами. Следует также предусмотреть возможность депортации за повторное нарушение миграционного законодательства. Например, увеличить размеры штрафов за нарушение правил миграционного учета и сроков пребывания в РФ, а также установить запрет на въезд в РФ на срок до 5 лет за повторное совершение данных правонарушений.

2. Улучшение взаимодействия между правоохранительными органами и другими государственными структурами:

Создание межведомственных координационных советов по вопросам профилактики преступности ИГ и ЛБГ на федеральном и региональном уровнях. Советы должны координировать деятельность различных ведомств (МВД, ФСБ, ФМС, органы местного самоуправления и др.) в сфере профилактики преступности ИГ и ЛБГ, разрабатывать и реализовывать совместные планы и программы. В состав советов должны входить представители правоохранительных органов, миграционной службы, органов образования, культуры, социальной защиты, а также представители национальных диаспор и общественных организаций.

Разработка и реализация межведомственных программ по профилактике преступности ИГ и ЛБГ в наиболее криминогенных регионах. Программы должны включать комплекс мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений ИГ и ЛБГ, а также по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в данной сфере. Например, программа может предусматривать усиление контроля за рынками, строительными площадками и другими местами массового пребывания ИГ и ЛБГ, проведение рейдов по выявлению нарушений миграционного законодательства, организацию культурно-просветительских мероприятий для иностранных граждан, а также обучение сотрудников правоохранительных органов особенностям работы с данной категорией лиц.

3. Разработка и внедрение эффективных мер профилактики преступности:

Организация широкой разъяснительной работы среди ИГ и ЛБГ о законодательстве Российской Федерации, их правах и обязанностях, а также об ответственности за совершение преступлений. Необходимо использовать различные каналы коммуникации (СМИ, интернет, информационные стенды, листовки и т.д.) для информирования ИГ и ЛБГ о законодательстве РФ, их правах и обязанностях, а также об ответственности за совершение преступлений. Например, разработка и распространение информационных материалов на разных языках, содержащих информацию о правилах пребывания в РФ, трудоустройства, регистрации, ответственности за нарушение миграционного законодательства и совершение преступлений.

Создание центров социальной адаптации и интеграции для ИГ и ЛБГ, оказывающих помощь в решении проблем, связанных с трудоустройством, жильем, образованием, медицинским обслуживанием и другими вопросами. Центры должны предоставлять комплексные услуги по социальной адаптации и интеграции ИГ и ЛБГ, включая консультации по правовым вопросам, помощь в трудоустройстве и получении образования, организацию курсов русского языка и культуры, а также оказание психологической поддержки. Создание в крупных городах центров, где ИГ и ЛБГ смогут получить консультацию юриста по вопросам миграционного законодательства, узнать о вакансиях, пройти курсы русского языка и получить психологическую помощь.

Активное привлечение представителей национальных диаспор и общественных организаций к профилактике преступности ИГ и ЛБГ. Необходимо наладить конструктивный диалог с национальными диаспорами и общественными организациями, представляющими интересы ИГ и ЛБГ, и привлекать их к участию в реализации программ по профилактике преступности, оказанию помощи в социальной адаптации и интеграции, а также в разрешении конфликтных ситуаций. Совместное проведение с национальными диаспорами культурно-просветительских мероприятий, направленных на укрепление межнациональных отношений, профилактику экстремизма и предупреждение преступлений.

Реализация данных предложений и рекомендаций позволит создать эффективную систему предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, что будет способствовать укреплению национальной безопасности и защите прав и законных интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, С. А. Невский и др. М., 2025.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.04.2025).
3. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в последней редакции) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 18.05.2025).
4. Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию нелегальной миграции. URL: <https://мвд.пф/news/item/42917512/?year=2023&month=11&day=4> (дата обращения: 28.05.2025).
5. В центре Петербурга в новогоднюю ночь полиция задержала 2 тыс. мигрантов. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/16731583> (дата обращения: 02.06.2025).
6. Приказ ФАДН России от 29.12.2022 № 199 (в последней редакции) «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2025).
7. В школах Томской области стартовали спецкурсы для мигрантов и их детей. URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view?id=123973> (дата обращения: 10.06.2025).

REFERENCES

1. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2024 and expected trends in its development: analytical review / M.V. Goncharova, M.M. Babaev, S.A. Nevsky. Moscow, 2025.
2. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018. № 622 // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>. (date of access: 15.04.2025).
3. Federal Law of April 28, 2023 № 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation» (as amended) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>. (date of access: 18.05.2025).

4. Vladimir Kolokoltsev held a meeting of the board of the Russian Ministry of Internal Affairs dedicated to combating illegal migration // URL: <https://MVD.RF/news/item/42917512/?year=2023&month=11&day=4> (date of access: 28.05.2025).

5. In the center of St. Petersburg on New Year's Eve, the police detained 2 thousand migrants. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16731583> (date of access: 02.06.2025).

6. Order of the Federal Agency for Ethnic Affairs of Russia dated 29.12.2022 № 199 (as amended) «On approval of Methodological recommendations for state authorities of constituent entities of the Russian Federation and local governments to improve the efficiency of the implementation of state policy in the field of social and cultural adaptation of foreign citizens in the territory of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 02.06.2025).

7. Special courses for migrants and their children have started in Tomsk Oblast schools. URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view?id=123973> (date of access: 10.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Девятковская Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Клочкова Александра Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344011, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая улица, 69.

Подопригора Алексей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин. Донской государственный технический университет. 344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Devyatovskaya Svetlana Viktorovna, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Klochkova Alexandra Leonidovna, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344011 Russian Federation.

Podoprighora Aleksey Alekseevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines. Don State Technical University. 1, Pl. Gagarina, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Довлатов Александр Николаевич

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар,
Российская Федерация
aleksandr.dovlatov@mail.ru

Введение: статья посвящена современной уголовно-правовой характеристике состава ограничения конкуренции. Ключевыми моментами являются законодательные новшества в этой части, связанные с определением понятия дохода, дифференциацией уголовной ответственности за совершение данного преступления на торгах.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляют методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и др. В качестве материалов исследования выступает отечественное уголовное законодательство об ответственности за ограничение конкуренции, нормы антимонополистического законодательства о запрете картельных соглашений.

Результаты исследования: выявлены закономерности, последовательность и обоснование законодательного закрепления понятия дохода для целей ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации. Определены существенные характеристики деяния в данном составе преступления, сформулированы разъяснения относительно понимания признаков субъекта состава ограничения конкуренции.

Выводы и заключения: законодательное закрепление расширенного понятия дохода в составе ограничения конкуренции является результатом длительных теоретических дискуссий, поэтапного апробирования такого понимания дохода, а также рассмотрения данных вопросов Конституционным Судом Российской Федерации. Однако нормативное установление понимания дохода применительно только к одному составу преступления не отражает требуемый системный подход в этой части. Определена специфика содержания деяния при ограничении конкуренции на торгах. Выделены обязательные признаки субъекта данного преступления.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, уголовный закон, монополизм, конкуренция, ограничение конкуренции.

Для цитирования: Довлатов А. Н. Уголовно-правовая характеристика ограничения конкуренции: актуальные проблемы / А. Н. Довлатов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 115–119

Original paper

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE RESTRICTION OF COMPETITION: ACTUAL PROBLEMS

Dovlatov Alexander Nikolaevich

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the modern criminal law characteristics of the composition of the restriction of competition. The key points are legislative innovations in this part related to the definition of income, differentiation of criminal liability for the commission of this crime at auction.

Materials and methods: the methodological basis of the research consists of methods of analysis and synthesis, comparative law, formal legal methods, etc. The research materials are domestic criminal legislation on liability for restriction of competition, norms of antimonopoly legislation on the prohibition of cartel agreements.

Results of the study: the patterns, sequence and justification of the legislative consolidation of the concept of income for the purposes of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed. The essential characteristics of the act in this composition of the crime are determined, clarifications are formulated regarding the understanding of the signs of the subject of the composition of the restriction of competition.

Findings and conclusions: the legislative consolidation of the expanded concept of income as part of the restriction of competition is the result of lengthy theoretical discussions, step-by-step testing of such an understanding of income, as well as consideration of these issues by the Constitutional Court of the Russian Federation. However, the normative definition of income in relation to only one crime does not reflect the required systematic approach in this part. The specifics of the content of the act in limiting competition at auction are determined. The obligatory signs of the subject of this crime are highlighted.

Keywords: crime, corpus delicti, criminal law, monopolism, competition, restriction of competition.

For citation: Dovlatov A. N. Criminal and legal characteristics of the restriction of competition: actual problems / A. N. Dovlatov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 115–119

Обеспечение свободы конкуренции является одной из фундаментальных основ функционирования современной экономики. И эти вопросы остаются актуальными на протяжении всего периода существования рыночных отношений. При этом в содержательном плане конкурентная среда в сфере экономической деятельности планомерно изменяется вследствие происходящих трансформаций в обществе. На эти процессы особенно влияют интенсивная цифровизация и развитие системы торгов.

Во многом благодаря обозначенным процессам совершенствуется и отечественное уголовное законодательство в этой сфере, где базовым предписанием об ответственности за ограничение конкуренции является ст. 178 УК РФ с одноименным названием. В то же время многочисленные изменения данного уголовно-правового запрета, произошедшие за время его действия, предопределялись не только вопросами преобразования отношений в сфере экономической деятельности, но и технико-юридическими аспектами.

Состав ограничения конкуренции характеризуется основным непосредственным объектом в виде общественных отношений, складывающихся «в урегулированном антимонопольным законодательством порядке осуществления конкуренции, как конституционной ценности»¹. В качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением имущественных интересов государства, организаций и граждан, нарушаемые вследствие ограничения конкуренции. Факультативные объекты ограничения конкуренции имеют место при совершении квалифицированных видов данного преступления – это здоровье при применении насилия, а также собственность при уничтожении или повреждении имущества либо при угрозе этих действий.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 178 УК РФ, характеризуется деянием в виде ограничения конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством РФ. Прямая бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 178 УК РФ предписывает для установления признаков состава данного преступления руководствоваться положениями ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», согласно которым картельные сговоры, т. е. соглашения между конкурирующими компаниями, осуществляющими продажу или покупку товаров на одном и том же рынке, признаются незаконными. Запрещены соглашения, которые приводят или могут привести к: фиксированию или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок; манипулированию ценами на торгах; разделу рынка по территории, объему, ассортименту или составу участников; сокращению производства; отказу от работы с определенными контрагентами².

В последние годы с развитием системы торгов особую актуальность приобрели проблемы ограничения конкуренции в данной сфере. Неслучайно законодатель Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ установил в качестве квалифицированного вида ограничения конкуренции его совершение на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Применительно к картелям, когда конкуренты вступают в сговор на торгах, для квалификации деяния по ст. 178 УК РФ важно учитывать следующие признаки:

¹ Приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

1) минимальный состав сговора: не менее двух участников аукциона должны вступить в сговор против других участников. Соглашение, ограничивающее конкуренцию, может быть заключено между поставщиками, а также между исполнителем и заказчиком;

2) отсутствие реальной конкуренции: участники сговора не соперничают между собой, один может отказаться от участия в пользу другого. Возможны договоренности о минимальном пороге снижения цены;

3) несамостоятельность действий: действия участников картеля predetermined заранее. Например, один участник искусственно занижает цену до нереального уровня, а другой снижает цену незначительно, чтобы создать видимость конкуренции и отсеять добросовестных участников. Затем участник, предложивший самую низкую цену, отказывается от исполнения заказа, а «заранее назначенный» победитель выигрывает торги;

4) влияние на общие условия рынка: участники картельного соглашения могут влиять на условия обращения товаров на рынке. Заказчик может подготовить тендерную документацию, подготовленную под конкретного поставщика или исполнителя, что вынуждает других участников отказаться от участия. Нередко «победители» сами готовят такую документацию под себя и передают ее заказчику для публикации [1, с. 33–38].

Ввиду наличия в административном законодательстве схожих правонарушений законодатель регламентировал применительно к преступному ограничению конкуренции общественно опасные последствия в виде крупного ущерба или дохода в крупном размере.

Следует отметить, что вопрос об обоснованности наличия размерных признаков в конструкциях конкретных составов преступлений в теории уголовного права является дискуссионным [2, с. 78–83]. В числе критикуемых моментов этого законодательного решения является относительная произвольность при установлении размеров и их несогласованность в разных составах преступлений.

Применительно к составу ограничения конкуренции длительное время велись споры по вопросу понимания дохода, извлеченного в результате совершения данного преступления. В частности, одни специалисты считали, что доход образует вся выручка хозяйствующего субъекта, а другие полагали разумным вычитать из нее необходимые расходы, которые сопутствуют таким поступлениям. При этом противоречивые подходы имели место не только в уголовно-правовой науке, но и в судебной практике.

Знаменательным в этом ракурсе выступило постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» ч. 2 ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также п. 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило». Этим постановлением была исключена возможность неоднозначного толкования признака «доход» в преступлении, закрепленном ст. 178 УК РФ.

Суть этого дела, рассмотренного Конституционным Судом РФ, сводилась к следующему. Гражданин С.Ф. Шатило был признан виновным в покушении на ограничение конкуренции (картельный сговор) и приговорен к лишению свободы. Он, будучи директором ООО, вступил в сговор с другими компаниями для обеспечения победы своей организации в электронном аукционе на обслуживание медицинского оборудования. Смысл сговора заключался в отказе одной компании от участия и обжалования, а также формальном участии другой. Суд первой инстанции исходил из того, что планируемый доход от контракта, 768 млн рублей, является особо крупным размером, что позволяет квалифицировать содеянное как преступление. Апелляционный суд изменил приговор, признав наказание условным, и определил незаконным доходом всю выручку, полученную в результате картельного соглашения. Кассационный суд подтвердил законность приговора, согласившись с тем, что весь доход, полученный в результате ограничения конкуренции, является незаконным, так как победа в аукционе стала возможной только благодаря преступным действиям.

Конституционным судом РФ отмечено, что в отсутствие четкого определения понятия «доход» в различных сферах права, его толкование должно учитывать отраслевую принадлежность, системную связь с другими правовыми нормами и цели законодателя. Применительно к ст. 171 УК РФ о незаконном предпринимательстве, отсутствие формального определения «дохода» не означает возможность его произвольного толкования. Органы предварительного расследования и суды должны исходить из текста статьи, других норм уголовного закона и норм, регулирующих предпринимательскую деятельность. Доход определяется как выручка за все время незаконной деятельности без вычета расходов. Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил, что доходом в ст. 171 УК РФ является выручка от реализации товаров, работ, услуг за период незаконной деятельности без вычета расходов.

Статья 178 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение антимонопольного законодательства. Термин «приносящая доход деятельность» должен интерпретироваться аналогично ст. 171 УК РФ. Такое единое понимание не противоречит запрету применения уголовного закона по аналогии. Необоснованно придавать понятию «доход» в ст. 178 УК РФ иное содержание, что подтверждается сопоставлением с понятием «излишний доход» в ст. 185.3 УК РФ, который существенно меньше и равен размерам ущерба и убытков.

Криминообразующие признаки ст. 178 УК РФ должны устанавливаться во взаимосвязи с Общей частью УК РФ, в том числе с нормами об основаниях освобождения от уголовной ответственности. В частности, лицо, впервые совершившее экономическое преступление, может быть освобождено от ответственности при перечислении в бюджет дохода, полученного в результате преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы дохода. Размер дохода должен определяться одинаково как для целей квалификации преступления, так и для целей освобождения от ответственности. Пленум Верховного Суда РФ указал, что доходом для целей денежного возмещения является общая сумма незаконного обогащения (без вычета расходов) в денежной или натуральной форме. Это относится ко всем нормам Особенной части УК РФ, перечисленным в ч. 2 ст. 76.1, включая ст. 171 и 178.

Учет понесенных расходов при определении размера дохода по ст. 178 УК РФ приводил бы к абсурдным последствиям, когда приготовление к преступлению или покушение на преступление влекли бы более тяжкие последствия, чем оконченное преступление. Учет предполагаемых будущих расходов при определении дохода проблематичен из-за рискованного характера предпринимательской деятельности. В случаях покушения на ограничение конкуренции, когда преступная деятельность прервана, учет расходов вообще теряет смысл, поскольку нет фактически понесенных затрат.

Анализ судебной практики показывает, что суды под доходом понимают суммы, полученные по государственным или муниципальным контрактам, а также стоимость (цену) самих контрактов.

Таким образом, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что в контексте ст. 178 УК РФ понятие «доход» означает цену контракта, заключенного в результате ограничивающего конкуренцию соглашения, без учета каких-либо расходов, включая планируемые или произведенные в связи с исполнением контракта, а также обязательные публично-правовые платежи³.

В уголовно-правовой науке указанное постановление Конституционного Суда РФ получило положительные отклики [3, с. 10–17]. Оно исключило возможность противоречивого толкования признаков крупного и особо крупного дохода вследствие ограничения конкуренции.

В развитие данного толкования, данного Конституционным Судом РФ, Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ примечания к ст. 178 УК РФ дополнились новым пунктом 1, которым установлено, что «доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения в результате исполнения такого соглашения, без вычета произведенных или необходимых (планируемых) расходов».

Примечательно, что это решение относительно понимания дохода, как следствия совершения преступления в сфере экономической деятельности, внедрено только в составе ограничения конкуренции. И анализируемое определение распространяет свое действие только на ст. 178 УК РФ, хотя признаки крупного и особо крупного размера дохода присущи и некоторым другим преступлениям (например, ст. 172 УК РФ). Очевидно, что такой подход не отвечает требованиям системности.

Важно подчеркнуть, что действующей редакцией ст. 178 УК РФ дифференцированы крупный размер ущерба и крупный размер дохода от ограничения конкуренции. Первый составляет сумму, превышающую 16 млн руб., а второй – 80 млн руб. Такое различие в суммах объясняется именно тем, что в предложенном варианте толкования термина «доход» он не является чистой прибылью лица, а выступает эквивалентом его выручки. Чистая прибыль будет составлять лишь определенную пропорцию от выручки, что может быть сопоставимо с криминообразующей размерностью крупного ущерба.

В теории уголовного права высказывается точка зрения о том, что вторым последствием преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, помимо крупного ущерба или дохода в крупном размере, выступает непосредственно ограничение конкуренции. Однако, на наш взгляд, такое толкование может быть подвергнуто критике, поскольку в рассматриваемом случае ограничение конкуренции является не последствием заключения картельного соглашения, а самим деянием, совершаемым данным способом. Так же как хищение – это деяние, причинившее ущерб, убийство – это причинение смерти. Процесс достижения результата не следует идентифицировать в качестве следствия преступления.

Важным для наличия рассматриваемого состава преступления является правильное определение признаков субъекта преступления [4, с. 14–24]. Спецификой в исследуемом случае является то, что уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ может подлежать только лицо, которое: 1) является руководителем или

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 и п. "в" ч. 2 ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также п. 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

уполномоченным представителем организации или индивидуального предпринимателя; 2) представляет организацию или индивидуального предпринимателя, являющиеся конкурирующими хозяйствующими субъектами. Как свидетельствуют результаты исследования материалов правоприменительной практики, проблемы зачастую возникают в связи с определением второго обязательного критерия для субъекта анализируемого преступления. Объяснения также находятся в плоскости бланкетности диспозиции состава ограничения конкуренции. И, в частности, в силу ч. 7 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрет на картельные соглашения не применяется к соглашениям внутри одной группы компаний, где одна компания контролирует другую или обе компании находятся под общим контролем. Исключением являются соглашения между компаниями, осуществляющими виды деятельности, которые, согласно российскому законодательству, не могут выполняться одновременно одной компанией.

В современных условиях, когда создаются и функционируют группы компаний, фактически находящиеся под контролем одного лица, возникают квалификационные сложности, predeterminedные установлением юридического факта подконтрольности.

Таким образом, современная уголовно-правовая характеристика состава ограничения конкуренции имеет свои особенности, выражающиеся, прежде всего, в динамично изменяющейся бланкетной составляющей данной уголовно-правовой нормы. И это отражается на правильном понимании существа деяния, состоящего в заключении картельного соглашения, наличии исключений из запретов картелей, связанных с деятельностью подконтрольных структур.

Законодательной новеллой является нормативная дефиниция понятия дохода в составе ограничения конкуренции, признающая таковым полную выручку, полученную в результате соглашения, без вычета каких-либо расходов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева О.Н. Особенности установления факта ограничения конкуренции по признакам цифровых картелей // Безопасность бизнеса. 2023. № 3.
2. Есаков Г.А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1.
3. Сегал (Решетникова) С.Б., Маслов А.О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2.
4. Грибанова Д.В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6.

REFERENCES

1. Vasilyeva O.N. Peculiarities of establishing the fact of restriction of competition on the grounds of digital cartels // Business security. 2023. № 3.
2. Yesakov G.A. Dimensional features in the criminal law: on the question of existence // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. № 1.
3. Segal (Reshetnikova) S.B., Maslov A.O. Antimonopoly legislation in the context of constitutional control: novelties of law enforcement practice // Russian Competition Law and Economics. 2024. № 2.
4. Gribanova D.V. The establishment of a common economic interest in cartel cases and its impact on qualifications // Criminal Law. 2023. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Довлатов Александр Николаевич, аспирант кафедры уголовного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dovlatov Alexander Nikolaevich, postgraduate student of the Department of Criminal Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation

Научная статья
УДК 343.13**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Ендольцева Алла Васильевна

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
allaend2015@mail.ru

Введение: судебная статистика свидетельствует, что количество случаев избрания таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, по сравнению с заключением под стражу, невелико: в 2021 г. судом удовлетворено 7879 ходатайств следователей и дознавателей об избрании домашнего ареста (2 918 – о запрете определенных действий), в 2022 г. – 7 411 ходатайств об избрании домашнего ареста (3085 – о запрете определенных действий), в 2023 г. – 7 500 ходатайств об избрании домашнего ареста (4005 – о запрете определенных действий), в 2024 г. – 7 378 ходатайств об избрании домашнего ареста (4 394 – о запрете определенных действий)¹. Такая ситуация объяснима тем, что домашний арест и запрет определенных действий не всегда позволяют достичь поставленных целей, поскольку болевой точкой является соблюдение обвиняемым или подозреваемым режима применения принуждения и осуществление за этим надлежащего контроля со стороны компетентных органов. А, во-вторых, практика избрания этих мер пресечения довольно противоречива, и одной из причин является неверное понимание сущности домашнего ареста и запрета определенных действий как самостоятельных мер пресечения, позволяющих выделить отличия и на основании этого верно определить характер принудительной меры с учетом необходимости именно таких ограничений. При этом немаловажной задачей является обеспечение прав обвиняемого или подозреваемого, а также других лиц, поскольку они будут затронуты в связи с исполнением решения суда об избрании меры пресечения.

Материалы и методы: материалы исследования представляют собой положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, результаты изучения уголовных дел и опросов следователей, дознавателей органов внутренних дел, научные работы ученых по теме исследования.

Использовались общетеоретические и специальные методы познания, выработанные и апробированные юридической наукой и социологией (диалектический, сравнительно-правовой, метод анализа, синтеза, формально-логический, систематизации судебной практики, опроса экспертов).

Результаты исследования: в статье выделены особенности домашнего ареста и запрета определенных действий как самостоятельной меры пресечения, на основании чего сделан вывод о том, что, если следователю, дознавателю и суду, который в итоге и принимает решение об избрании этих мер пресечения, не удастся обеспечить доброкачественные условия применения домашнего ареста с полной изоляцией обвиняемого или подозреваемого от общества и исполнения им установленных запретов, то его и не нужно избирать, целесообразен здесь будет запрет определенных действий или другая мера принуждения. Результатами проведенного исследования подтверждена гипотеза автора о том, что случаев избрания домашнего ареста и не должно быть много, т. к. создать «идеальные» условия, способствующие эффективности процессуального принуждения, удастся далеко не всегда.

Выводы и заключения: избрание мер пресечения в виде домашнего ареста или запрета достигнет своих целей только тогда, когда будут точно соблюдаться требования норм УПК РФ, регулирующие порядок избрания и применения рассматриваемых мер принуждения. Уже при избрании меры пресечения будут созданы условия, исключающие возможность нарушения режима ее применения. За исполнением обвиняемым (подозреваемым) запретов, установленных в отношении него решением суда, а также за нахождением его в месте применения меры пресечения будет осуществляться надлежащий круглосуточный контроль со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, надлежащим образом обеспеченных современными техническими средствами аудиовизуального, электронного и иного контроля. При этом следователь, дознаватель не будут устраняться от контроля за соблюдением обвиняемым (подозреваемым) режима исполнения рассматриваемых мер пресечения, а при утрате оснований для применения избранной меры пресечения (или утрате необходимости применения какого-либо установленного запрета) в порядке,

¹ Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).

предусмотренном УПК РФ, решит вопрос о ее изменении на более мягкую или ее отмене (либо отмене установленного запрета).

Ключевые слова: мера пресечения, основания и условия избрания мер принуждения, домашний арест, запрет определенных действий, изоляция от общества, контроль за исполнением запретов.

Для цитирования: Ендольцева А. В. Исследование проблемных вопросов избрания мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий / А. В. Ендольцева // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 120–125

Original paper

STUDY OF PROBLEMATIC ISSUES OF SELECTION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF HOUSE ARREST AND PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

Endoltseva Alla Vasilyevna

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: judicial statistics show that the number of cases in which preventive measures such as house arrest and prohibition of certain acts are chosen, compared to imprisonment, small: in 2021, the court granted 7,879 motions of investigators and interrogators on the election of house arrest (2,918 – on the prohibition of certain actions), in 2022 – 7,411 motions on the election of house arrest (3,085 – on the prohibition of certain actions), in 2023 – 7500 motions for the election of a house arrest (4005 – on the prohibition of certain acts), in 2024 – 7378 motions for the election of a house arrest (4394 – on the prohibition of certain acts). This situation is explained by the fact that house arrest and prohibition of certain actions do not always allow to achieve the stated goals, because the sticking point is compliance of the accused or suspected with the regime of coercion and its proper supervision by the competent authorities. Secondly, the practice of selecting these restraining measures is quite controversial and one of the reasons for this is the misunderstanding of the essence of house arrest and the prohibition of certain acts as separate restraining measures, to identify their differences and, on that basis, to determine the nature of an enforcement measure in the light of the need for such restrictions. It is not a minor task to ensure the rights and legitimate interests of the accused or suspect, as well as other persons, since they will be affected in connection with the execution of the court's decision on the selection of preventive measures.

Materials and methods: the materials of the study represent the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the results of the investigation of criminal cases and interviews with investigators, investigators of internal affairs bodies, scientific work of scientists on the topic of research.

General and special methods of cognition developed and tested by the legal science and sociology (dialectical, comparative-legal, method of analysis, synthesis, formal-logical, systematization of judicial practice, survey of experts) were used.

Results of the study: the article highlights the features of house arrest and prohibition of certain acts as an independent preventive measure, on the basis of which it is concluded that if the investigator, the interrogator and the court, who ultimately decides to choose these preventive measures, if it is not possible to provide good conditions for the application of house arrest with complete isolation of the accused or suspect from society and the execution of its established prohibitions, then it is not necessary to choose, it would be appropriate to prohibit certain actions or other coercive measures. The results of the study confirmed the hypothesis of the authors that there should not be many cases of selection of house arrest, since it is not always possible to create «ideal» conditions that promote the effectiveness of procedural coercion.

Findings and conclusions: the selection of preventive measures in the form of house arrest or prohibition will achieve its objectives only when the requirements of the norms of the Code of Criminal Procedure governing the selection and application of the coercive measures in question are accurately observed; already at the election of preventive measures will be created conditions that exclude the possibility of violation of the regime of its application; for the execution by the accused (suspects) of the prohibitions imposed on him by a court decision, as well as for finding it at the place of application of the preventive measure will be carried out adequate round-the-clock control by the officials of penal enforcement inspections, adequately provided with modern technical means of audio-visual, electronic and other control. The investigator, inquirer will not be removed from monitoring the compliance of the accused (suspects) with the enforcement of the preventive measures in question, and when the grounds for applying the selected preventive measure are lost (or no longer necessary to apply any prescribed prohibition) in the manner provided

for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, will decide on the question of its modification to a softer or its abolition (or lifting the established prohibition).

Keywords: restraint measure, house arrest, prohibition of certain actions, grounds and conditions for the selection of measures of restraint, isolation from society, control over the execution of prohibitions.

For citation: Endoltseva A. V. Study of problematic issues of selection of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions /A. B. Endoltseva // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 120–125

Практически ни одно уголовное дело не обходится без применения мер процессуального принуждения, поскольку они выступают средством обеспечения эффективности предварительного расследования преступлений с тем, чтобы не создавалось препятствий расследованию со стороны подозреваемых и обвиняемых. И крайне важным здесь является правильный выбор такой меры.

Домашний арест и запрет определенных действий избираются в досудебном уголовном производстве на основании судебного решения в отношении обвиняемого или подозреваемого в порядке, урегулированном ст. 107 и соответственно ст. 105¹ УПК РФ. В постановлении следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или дознавателя, согласованного с прокурором, о возбуждении перед судом ходатайства об избрании домашнего ареста или запрета определенных действий, излагаются основания, свидетельствующие о необходимости применения меры пресечения, и мотивы относительно ее выбора. При этом основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, как указано в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», должны быть подтверждены конкретными обстоятельствами². Обязательно должно быть отражено, почему в этом конкретном случае избрание более мягкой меры невозможно. В постановлении указывается вид и адрес жилого помещения, определяемого как место исполнения меры пресечения. Но этого недостаточно, должно также обозначаться, что жилое помещение и условия содержания в нем с учетом установленных в отношении обвиняемого или подозреваемого запретов позволят осуществлять за ним контроль со стороны компетентных органов посредством использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств. Такого условия при определении места домашнего ареста ст. 107 УПК РФ не закрепляет, но некоторые авторы предлагают это сделать [1, с. 182]. В постановлении также должно иметься обоснование необходимости применения к обвиняемому (подозреваемому) конкретных запретов.

Учитывая вышеизложенное, следователю/дознанию довольно в короткие сроки необходимо получить, проверить и отразить в материалах уголовного дела сведения, связанные с условиями нахождения обвиняемого (подозреваемого) в месте исполнения домашнего ареста и (или) установленными судом запретами.

При избрании домашнего ареста следует установить:

– имеются ли законные основания для проживания обвиняемого (подозреваемого) в жилом помещении и какие именно (например, он является собственником жилого помещения или родственником собственника; это жилое помещение является местом проживания при миграционном учете, если обвиняемый (подозреваемый) – гражданин другого государства);

– пригодно ли жилое помещение для использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля (имеется ли в нем электрическая сеть, оборудовано ли оно устройствами беспроводной локальной сети для обмена данными между устройствами и пр.). Не выяснение следователем/дознанием таких обстоятельств может привести к отрицательной следственной и судебной практике. Примером этому может быть уголовное дело № 1-42/2019 (архив Свердловского районного суда г. Белгорода), где судебным решением обвиняемому, в отношении которого был избран домашний арест, местом его исполнения был определен дачный домик, который, как оказалось, был не пригоден для установления в нем технических средств контроля;

– кто, кроме обвиняемого (подозреваемого) проживает в этом жилом помещении, каковы основания их проживания в нем, какие отношения у него (у них) с подследственным, не связаны ли они с совершенным им преступлением;

– не затронет ли судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста права и законные интересы других лиц, проживающих в том же жилом помещении, и если да, то согласны ли они на конкретные ограничения, связанные с осуществлением компетентными на то органами контроля за соблюдением обвиняемым

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2025).

(подозреваемым) наложенных на него судом запретов, необходимых для достижения цели избрания меры пресечения;

– имеется ли возможность у родственников обвиняемого (подозреваемого) оказывать ему помощь в бытовых вопросах, если он в жилом помещении будет проживать самостоятельно, отдельно от других лиц;

– имеются ли у обвиняемого (подозреваемого) на иждивении дети или другие лица, с которыми только он проживает, и есть ли возможность передать их на попечение родственникам, проживающим отдельно от обвиняемого (подозреваемого), на период применения меры пресечения;

– имеется ли у обвиняемого (подозреваемого) возможность обучаться (если он учится в образовательной организации среднего или высшего образования) или выполнять трудовые полномочия (если он работает) дистанционно, находясь под домашним арестом. Однако нужно понимать, что если ему это разрешить, то тем самым будут созданы благоприятные для подследственного условия к нарушению им запретов, предусмотренных п. 3 – 5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, если они будут судом установлены;

– каково состояние здоровья обвиняемого (подозреваемого), не нуждается ли он в медицинской помощи, связанной с регулярным посещением медицинских учреждений, что не обеспечит изоляцию его от общества.

Первоначально такая информация может быть получена от обвиняемого (подозреваемого) и его законных представителей (если они таковыми признаны в уголовном деле) в ходе их допросов, выемки или истребования документов, подтверждающих право собственности на жилое помещение или другие законные основания проживания в нем; допросов потерпевшего и свидетелей, которым обвиняемый (подозреваемый) известен настолько, что они могут представить сведения о его личности и о своих отношениях с ним; допросов свидетелей, которые могут подтвердить факт проживания обвиняемого (подозреваемого) в конкретном жилом помещении или при наличии к тому оснований выразить свое согласие на его проживание в предоставленном ими жилом помещении; истребования нотариально заверенного согласия собственников жилого помещения на проживание подозреваемого (обвиняемого) в принадлежащем им помещении, если ввиду объективных причин допрос таких лиц в короткие сроки невозможен.

Если при выяснении этих вопросов будет установлено, что препятствий для избрания в качестве меры пресечения домашнего ареста, чтобы при соблюдении установленного законом порядка была обеспечена эффективность ее применения, не имеется, то соответствующая (обозначенная выше) информация отражается в постановлении следователя/дознателя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании этой меры пресечения, а также в прилагаемых к нему материалах.

Однако, если обозначенные выше препятствия имеются и устранить их не представляется возможным, то вполне можно ожидать ситуацию, когда режим домашнего ареста может быть обвиняемым (подозреваемым) нарушен. Так, 21,7 % опрошенных следователей и дознавателей³ отметили, что домашний арест был изменен на заключение под стражу в виду того, что обвиняемый (подозреваемый) без разрешения покинул место исполнения меры пресечения, 16,9 % респондентов сообщили, что такая замена произошла в связи с тем, что обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого был избран домашний арест, нарушил наложенный на него запрет (запреты), 54,2 % – указали, что избранная мера пресечения в виде домашнего ареста в период предварительного расследования не изменялась, поскольку случаи нарушения его режима не выявлялись.

На аналогичные вопросы в отношении такой меры пресечения, как запрет определенных действий, только 6 % опрошенных следователей и дознавателей сообщили, что они изменяли эту меру на более строгую в связи с тем, что обвиняемый (подозреваемый) нарушил установленный запрет или запреты. Эта и вышеназванная ситуация свидетельствуют, по нашему мнению, более о том, что случаи нарушения установленных на основании решения суда запретов не выявлялись, нежели чем о том, что обвиняемые (подозреваемые) нарушений запретов не допускали.

Что касается проживания обвиняемого (подозреваемого) в жилом помещении совместно с родственниками, полагаем, что это возможно только в том случае, когда при избрании домашнего ареста не устанавливались запреты определенных действий, связанные с общением с определенными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), отправлением или получением почтово-телеграфных отправлений (п. 4 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), использованием средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ). Иной подход вряд ли обеспечит эффективность применения домашнего ареста, поскольку применение ограничений таких же прав лиц, не являющихся

³ В ходе исследования по специально разработанной анкете было опрошено 86 следователей и дознавателей органов внутренних дел, осуществляющих свою деятельность в г. Москве, Брянской, Московской, Рязанской, Смоленской областях.

участниками уголовного процесса, законодательством не предусмотрено. И если даже они выразили согласие на установку в жилом помещении средств аудиовизуального и иного наблюдения за обвиняемым (подозреваемым), проживающим вместе с ними, то никакой их ответственности за оказание содействия в нарушении подследственным наложенных на него судом запретов, законами России не установлено. Исследование данного вопроса показало, что только 8,5 % опрошенных следователей и дознавателей указали, что на обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого домашнему аресту, запреты не возлагались.

На вопрос о том, «как проживал в жилом помещении обвиняемый (подозреваемый), находящийся под домашним арестом, и было ли это отражено в судебном решении», 34,2 % опрошенных следователей и дознавателей отметили, что он проживал самостоятельно, без других лиц; 35,5 % – что факт его проживания в жилом помещении совместно с членами семьи и их согласие на установление технических средств контроля за обвиняемым (подозреваемым) не были отражены в судебном решении об избрании этой меры пресечения; 25 % – что факт его проживания совместно с членами семьи был отражен в судебном решении, их согласие на установление технических средств контроля за обвиняемым (подозреваемым) было получено следователем (дознавателем); 5 % отметили иное (2,3 % – согласие членов семьи получал суд, 2,3 % – согласие получил адвокат-защитник).

Итак, подход судов первой инстанции к данному вопросу не одинаков. Однако решения суда апелляционной инстанции при этом могут быть и таковыми: «Вопреки закону при определении помещения, по адресу которого ФИО надлежит отбывать домашний арест, суд не привлек к участию в судебном заседании собственника жилья. Также суд не выяснил количество лиц, проживающих по адресу избрания ФИО меры пресечения в виде домашнего ареста, и их отношения к избранной последней меры пресечения. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции ввиду допущенных судом первой инстанции нарушений уголовно-процессуального закона не может признать законным и обоснованным решение, принятое судом по результатам рассмотрения вышеуказанного ходатайства следователя, в связи с чем приходит к выводу об отмене состоявшегося в отношении ФИО постановления суда»⁴.

Еще одним проблемным вопросом при избрании домашнего ареста является характер изоляции лица, находящегося под домашним арестом. Критерии такой изоляции некоторые ученые [2, с. 13; 3, с. 1337; 4, с. 150] и практики, в том числе и судьи, рассматривают достаточно широко, полагая, что изоляция может быть не только полной, но и частичной. Так, при проведении опроса следователей и дознавателей, 24,1 % опрошенных указали, что при избрании домашнего ареста устанавливался режим частичной изоляции обвиняемого (подозреваемого) с возможностью его самостоятельного выхода за пределы жилого помещения. При этом в 56,3 % случаев в судебном решении отражалась возможность совершения им прогулок, в 21,9 % случаях – возможность выхода за пределы жилого помещения для осуществления трудовой деятельности по месту работы, в 21,9 % случаях – возможность посещения медицинских учреждений. 65,6 % опрошенных отметили, что в судебном решении отражалось также право следователя самостоятельно определять возможность выхода обвиняемого (подозреваемого) за пределы жилого помещения.

Подход к данному вопросу, обозначенный в перечисленных вариантах ответов последним, в целом разумен, т. к. во время применения домашнего ареста могут объективно возникнуть ситуации, когда обвиняемому (подозреваемому) необходимо выйти за пределы жилого помещения (в аптеку, к стоматологу и пр.), и поскольку такие случаи носят разовый характер, то правильным будет определить возможность должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, дать на то свое согласие. Однако следователь/дознаватель должен понимать, что при этом вся ответственность за то, чтобы подследственный не скрылся, не совершил новое преступление, не нарушил установленные судом запреты, ложится именно на него.

Отметим, что предоставление обвиняемому (подозреваемому) при его домашнем аресте возможности самостоятельно покидать пределы жилого помещения (частичная изоляция) значительно облегчает ему реализацию имеющегося намерения нарушить запреты, установленные судом. Во время прогулок, по месту учебы или работы подследственный имеет возможность увидеться с лицами, на общении с которыми наложен запрет, сможет использовать неконтролируемые средства связи и (или) компьютерную технику, оборудованную выходом в Интернет и пр.

Создание таких благоприятных условий для обвиняемого (подозреваемого) при применении домашнего ареста подрывает эффективность контрольных мер и тем самым непропорционально увеличит риск совершения действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Полностью согласны с авторами, которые считают, что обвиняемый, находясь под домашним арестом, должен пребывать в жилище на постоянной, а не временной основе [5, с. 28; 6, с. 111].

В идеале условия домашнего ареста подразумеваются таковыми: обвиняемый (подозреваемый) проживает в жилом помещении самостоятельно в условиях полной

⁴ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 15.05.2020 г. по делу № 22к-808/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

изоляции, может покидать пределы жилого помещения в случаях, указанных в ч. 12 ст. 107 УПК РФ. Его родственники, проживающие отдельно, оказывают ему помощь в решении бытовых вопросов. Жилое помещение, являющееся местом домашнего ареста, не оборудовано средствами интернет-связи либо она отключена, использование иных средств связи (сотового или стационарного телефона) находится под контролем соответствующих органов. Обвиняемый (подозреваемый) имеет право осуществлять звонки в случаях, установленных ч. 9 ст. 107 УПК РФ; встречаться в месте исполнения меры пресечения с людьми, обозначенными в ч. 13 этой же статьи, о которых (защитник, законный представитель, нотариус) в установленном в порядке извещен следователем/дознавателем контролирующий орган.

Обеспечить такие условия нахождения обвиняемого (подозреваемого) под домашним арестом у следователей, дознавателей и суда получается далеко не всегда, в связи с этим полагаем, что количество случаев избрания этой меры пресечения, чтобы достигнуть ее целей априори не сможет достигнуть цифр, характерных для заключения под стражу (в 2022 г. судом удовлетворено 87 710 ходатайств следователей, дознавателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2023 г. – 82 480, в 2024 г. – 82 514)⁵.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбатов И.М. Домашний арест – альтернатива заключению под стражу: проблемы совершенствования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95).
2. Горбатов И.М. Домашний арест как мера пресечения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.
3. Ильин Д.М. Проблемные аспекты применения домашнего ареста // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45.
4. Костромин Е.А. Домашний арест как мера пресечения. В сборнике: Перспективные исследования и разработки. Новый взгляд. Сборник научных трудов. Новосибирск. 2017.
5. Толкаченко А.А. Некоторые практические вопросы зачета мер пресечения в срок уголовного наказания // Мировой судья. 2019. № 11. С. 26-31.
6. Харьковский Е.Л., Пальчикова Н.В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 4(14).

REFERENCES

1. Gorbatykh I.M. Home arrest – alternative to imprisonment: problems of improvement // Scientific bulletin of the Orlov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V.V. Lukyanova. 2023. № 2(95).
2. Gorbatykh I.M. House arrest as a measure of restraint in the pretrial proceedings: dis. ... kund. lawyer. Sciences. Moscow, 2024.
3. Ilyn D.M. Problematic aspects of the application of house arrest // Innovations. Science. Education. 2021. № 45.
4. Kostromin E.A. Home arrest as a measure of restraint. In the collection: Prospective studies and developments. New perspective. Collection of scientific papers. Novosibirsk. 2017.
5. Tolkachenko A.A. Some practical issues of the inclusion of preventive measures in the sentence // Justice of the Peace. 2019. № 11.
6. Kharkov E.L., Palchikova N.V. On the question of legal regulation of house arrest // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 4(14).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ендольцева Алла Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Endoltseva Alla Vasilievna, Grand PhD in Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of Criminal Procedure. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117485 Russian Federation.

⁵ Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).

Научная статья
УДК 343.985.7

СПЕЦИФИКА НАЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Еремин Сергей Германович
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
sg-eremin@mail.ru

Введение: актуальность статьи в том, что в ней изложены некоторые вопросы, способствующие эффективности назначения и производства важных судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Как известно, судебные экспертизы по уголовным делам могут назначаться не только после их возбуждения, но и на стадии предварительной проверки органами дознания поступивших первичных материалов. В статье изложены сведения о получаемых результатах в ходе экспертных исследований, которые становятся неопровержимыми доказательствами по уголовному делу (лица причастных к преступной деятельности, объектах исследования, способах подготовки, совершения и сокрытия преступления, его следах-признаках, обстановке (времени, месте) преступной деятельности и др. Раскрыт алгоритм действий дознавателей, следователей по выбору компетентных экспертов, сбору объектов исследования, постановке вопросов и др.

Материалы и методы: основными методами исследования в основу положены общенаучные методы синтеза, анализа, что позволило изложить необходимые действия дознавателя, следователя при подготовке к назначению отдельных видов экспертиз, предложить комплекс специфических вопросов, задаваемых экспертам для исследования по рассматриваемой категории уголовных дел.

Результаты исследования: отражены проблемы инициаторов раскрытия и расследования преступлений, возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз по делам рассматриваемой категории, указаны пути эффективности взаимодействия дознавателей, следователей с экспертами. Определены методики исследований, применяемые разными экспертами в процессе их работы, включая формулировки ответов в выводах и заключениях в целом. Результаты исследования предлагается использовать в специализированных учебных заведениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации профессорско-преподавательским составом, адъюнктами, соискателями, курсантами и слушателями при подготовке учебного материала, а также самими обучающимися по следующим дисциплинам: «Оперативно-розыскная деятельность», «Уголовный процесс», «Криминалистика», «Судебная экспертная деятельность. Представляется, что содержание материала, выводы, рекомендации и предложения будут полезны для сотрудников дознания, следствия, экспертов в их практической работе по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности.

Выводы и заключения: автор обозначил проблемы дознавателей, следователей и экспертов в части их затруднений при выборе компетентных экспертов, постановке им вопросов на разрешение, объектов исследования, формированию заключения, получению доказательств и грамотному их использованию в расследовании преступлений.

Ключевые слова: судебный эксперт, подозреваемое (обвиняемое) в преступлении лицо, экспертные методики исследования, доказывание преступления, экономическая деятельность.

Для цитирования: Еремин С. Г. Специфика назначения некоторых судебных экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / С. Г. Еремин // Юрист-Правоведь: науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 126–133

Original paper

SPECIFIC FEATURES OF APPOINTING CERTAIN FORENSIC EXAMINATIONS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES

Eremin Sergey Germanovich
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: this article is relevant because it addresses certain issues that contribute to the effectiveness of appointing and conducting important forensic examinations in criminal cases involving economic crimes. As is known, forensic examinations in criminal cases can be ordered not only after the initiation of the case but also during the preliminary review of the primary materials received by the investigative authorities. The article presents information on the results obtained during expert examinations, which become irrefutable evidence in a criminal case (persons involved in criminal activity, objects of investigation, methods of preparation, commission, and concealment of the crime, its traces and signs, the context (time, place) of the criminal activity, etc.). The algorithm of actions of investigators and inquirers for selecting competent experts, collecting objects of investigation, posing questions, etc.

Materials and methods: the main research methods are based on general scientific methods of synthesis and analysis, which made it possible to outline the necessary actions of the inquirer and investigator in preparing for the appointment of certain types of examinations, and to propose a set of specific questions to be asked of experts for research in the category of criminal cases under consideration.

Results of the study: the problems of initiators of solving and investigating crimes arising when ordering and conducting forensic examinations in cases of the category under consideration are reflected, ways of effectively interacting with investigators and experts are indicated. Research methods used by different experts in their work, including the formulation of answers in conclusions and findings in general. The results of the study are proposed for use in specialized educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by faculty, adjuncts, applicants, cadets, and students in the preparation of educational materials, as well as by the students themselves in the following disciplines: «Operational Investigative Activities», «Criminal Procedure», «Forensic Science», and «Forensic Expertise». It is believed that the content of the material, conclusions, recommendations, and suggestions will be useful for inquiry officers, investigators, and experts in their practical work on solving and investigating economic crimes.

Findings and conclusions: the author identified the problems of inquiry officers, investigators, and experts in terms of their difficulties in selecting competent experts, posing questions for their resolution, identifying research objects, forming conclusions, obtaining evidence, and using it competently in crime investigations.

Keywords: forensic expert, suspect (accused) of a crime, Expert research methods, proving a crime, economic activity.

For citation: Eremin S. G. Specific features of appointing certain forensic examinations in the detection and investigation of economic crimes / S. G. Eremin // *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 126–133

За многолетний период совершенствования юридической науки и практики неоспоримо утвердилось мнение в необходимости использования специальных знаний при раскрытии и расследовании большинства отдельных видов преступлений. Это касается не только профессиональных знаний дознавателей, следователей, экспертов, приобретенных ими в процессе обучения в специальных учебных заведениях системы МВД, ФСБ, прокуратуры и др., но и дальнейшем их практическом применении. Справедливости ради, следует признать, что лишь немногие дознаватели и следователи способны разобраться в тонкостях, в частности, бухгалтерского, налогового законодательства, компьютерных программах, равно как и эксперты в «лабиринтах» административного, уголовного, уголовно-процессуального права.

Анализ следственно-судебной практики свидетельствует, что по делам рассматриваемой нами категории преступлений, наиболее часто дознаватели и следователи назначают такие судебные экспертизы, которые чаще других способствуют формированию неопровержимой доказательственной базы преступлений в сфере экономики. Перечень такого рода экспертиз велик, мы же в этой статье остановимся лишь на двух из них:

1. Техничко-криминалистическая экспертиза документов.
2. Судебно-бухгалтерская экспертиза.

Техничко-криминалистическая экспертиза документов по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности назначается для исследования изъятых в ходе осмотра, обыска или выемки документов в целях установления фактов внесения в них изменений, невидимых записей, тождества материалов, имеющих силу доказательств. Мы не первооткрыватели особенностей данной экспертизы, ее общим и частным проблемам организации назначения,

производства и использования в уголовном судопроизводстве, в том числе с применением компьютерной техники, внимание уделяли многие известные ученые-криминалисты: Россинская Е. Р., В. В. Трухачев, Д. П. Поташник, Н. Н. Шведова, С. М. Колотушкин, Кочубей А. В., А. В. Горбачев, Н. П. Исаченко, А. А. Сафонов и др. [1].

Анализ сущности и содержания механизма технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, – как справедливо отмечает А. Ф. Вольтский, – «... в криминалистической теории и практике учеными-криминалистами должен проводиться с учетом дифференциации процессуальных форм расследования преступлений, органической взаимосвязи различных источников доказательств и средств доказывания» [2].

Большинство вышеназванных ученых считают, что технико-криминалистическая экспертиза документов проводится для выявления и установления способа изготовления документа, установления его подлинности и реквизитов. На наш взгляд, технико-криминалистическая экспертиза документов – это отрасль экспертного знания, основанная на данных криминалистической науки с интеграцией в нее знаний из области естественных и технических наук, в целях обеспечения эффективности процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

При этом предметом технико-криминалистической экспертизы документов экспертизы документов в сфере экономической деятельности выступают обстоятельства уголовного дела, связанные с необходимостью установления: а) способа изготовления документа, факта и способа изменения его содержания; б) слабовидимых и невидимых записей; в) состояния первоначального вида документа, времени его изготовления; г) приемов, средств, принадлежностей и материалов, применявшихся для изготовления либо внесения изменений в содержание исследуемого документа; д) непосредственных исполнителей документов.

Объектами технической экспертизы документов является обширный круг материальных носителей информации, включающий: документы, их материалы и реквизиты; компьютерные средства искусственного интеллекта, вещества (красители, защитные сетки и т. д.), используемые для изготовления документов, внесения в них изменений.

Полагаем, что к числу задач технической экспертизы документов относятся: а) установление факта изменения содержания документов и способов, которыми это изменение произведено; б) восстановление невидимых (зачеркнутых, подчищенных и вытравленных, залитых, вдавленных) записей; в) установление последовательности внесения записей и времени изготовления документа и его частей; г) определение способа изготовления бланков документов, печатей, штампов, печатных форм; д) определение профессиональных навыков исполнителя текстов, изготовителя печатных форм, программ; е) идентификация предметов, материалов и вспомогательных средств, применявшихся для изготовления документов и отдельных его реквизитов (например, печатей, штампов); ж) средства искусственного интеллекта (роботизации, оргтехники – пишущих машинных, кассовых аппаратов, компьютерной и копировально-множительной техники; з) орудия письма – клавиатура компьютера, шариковые ручки, карандаши, фломастеры и пр.

При мошеннических действиях в сфере экономической деятельности с помощью технико-криминалистической экспертизы документов устанавливаются факты замены (переклейки) фотографий, наличие исправлений, дописок, подчисток и травлений, восстанавливается первоначальный текст. В последнее время в рамках данной экспертизы все чаще исследуется контрафактная продукция (аудио, видео товары, компьютерная техника и программы, части, входящие в объекты искусственного интеллекта). Нередко технико-криминалистическая экспертиза документов исследует оформление различных видов упаковок, характеристику их принадлежности, отличительных свойств и признаков (в частности, реквизитов защиты и пр.).

На исследования показали, что дознаватели, следователи и эксперты при работе с объектами экспертизы допускали следующие нарушения: а) в постановлении о назначении экспертизы не указывали место, время, обстоятельства обнаружения, фиксацию и условия хранения документов, подшивали их в материалы дела, а не хранили в отдельных конвертах – в 45,3 % случаев; б) на бланках документов делали пометки, подчеркивания, дополнительные сгибы – в 54,7 % случаев.

Судебно-бухгалтерская экспертиза, как справедливо отмечают Н.К. Болдов, А.А. Голубев и В.И. Гуреев, – это процессуально-правовой вид применения специальных знаний в целях получения источника доказательств по уголовным (арбитражным) делам [3].

По мнению В.А. Прорвича, к числу основных задач, решаемых в ходе проведения судебно-бухгалтерской экспертизы, относятся: выявление фактов (признаков) искажения учетных данных специфическими для бухгалтерского учета приемами; диагностика

обнаруженных искажений, т. е. определение их вида (характера), механизма совершения, степени влияния этих искажений на показатели хозяйственной деятельности, имеющие значение для уголовного дела; определение тождества (различия) «черновых» записей с данными бухгалтерского учета по их смысловому и структурному содержанию [4].

Изучение нами 125 уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности показало, что судебно-бухгалтерская экспертиза назначалась по 67 делам в случаях, когда:

- возникали специфические вопросы, разрешить которые можно было только с помощью эксперта-бухгалтера (например, установить балансовую стоимость имущества и др.);
- методы ревизоров по определению размера материального ущерба, вызывали сомнение в их правильности, (не была обоснована сумма недостат и причины их образования);
- заключения экспертов других специальностей (товароведов, технологов, лаборантов) указывали на необходимость проведения судебно-бухгалтерской экспертизы в целях обоснования выводов для определения суммы ущерба);
- имели место разногласия между проверяемыми лицами и выводами ревизора по поводу документов, не принятых им к зачету в обоснование хозяйственно-финансовых операций);
- подозреваемый и его защитник заявляли мотивированное ходатайство о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы по вопросам, относящимся к компетенции эксперта-бухгалтера;
- ментальной ревизии; между актом ревизии и материалами предварительного расследования (в частности, ревизором не были установлены злоупотребления, выявленные следственным путем).

Напомним, что немотивированное несогласие проверяемого лица с выводами документальной ревизии не является основанием для назначения судебно-бухгалтерской экспертизы. Для назначения указанных экспертиз по уголовным делам дознаватель, следователь, прокурор выносят постановление в соответствии с требованиями ст. ст. 195, 199 УПК России и предоставляют объекты исследования, включая образцы для сравнительного исследования и отдельные материалы уголовного дела. По этому поводу В. В. Шадрин верно указывает, «нецелесообразно направлять эксперту все уголовное дело, т. к. может возникнуть предположение, что заключение дано под влиянием следственных материалов» [5].

С постановлением о назначении судебной экспертизы ее инициатор должен ознакомить подозреваемых (обвиняемых), их защитников, разъяснив им их права, установленные ст. 198 УПК России, о чем составляется протокол, подписываемый дознавателем, следователем и лицами, которые ознакомлены с этим постановлением. Глубокое знание процессуальных норм, профессионализм в области бухгалтерского учета и отчетности, налогообложения обеспечивают реальную эффективность экспертного исследования. Эти два аспекта не просто объединяются между собой в ходе проведения судебно-бухгалтерской экспертизы, а органически переплетаются, взаимно дополняя друг друга.

Исходя из конкретных задач расследования преступлений в сфере экономической деятельности, в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы часто устанавливается:

- соответствие отражения в бухгалтерских документах операций инструкциям и сходство или различие в показаниях проходящих по делу хозяйствующих субъектов данным учета;
- документальная обоснованность оприходования, отпуска, списания материальных ценностей, определяемых с учетом заключений специалистов других областей знаний (экономистов, товароведов и др.);
- соответствие отчетности данным первичного бухгалтерского учета, документальное подтверждение размера занижения налогооблагаемой прибыли или фактов уклонения от уплаты налогов в бюджет;
- размер фактически образовавшихся недостат, излишков материалов, денежных средств и суммы ущерба.

Мы рекомендуем следователю использовать в соответствии с требованиями ст. 58 УПК России помощь специалиста-бухгалтера для определения объектов и постановки вопросов на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы. Консультантом может быть, в частности, и будущий эксперт по делу.

Такого рода непроцессуальная консультация не может быть препятствием к назначению этого специалиста экспертом [6]. По уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы дознавателям, следователям рекомендуется ставить такие вопросы, как:

- правильно ли установлен документальной ревизией окончательный размер материального ущерба;

- в полном ли объеме установлена сумма дохода, полученного хозяйствующим субъектом от реализации продукции;
- достоверно ли определена ревизией сумма излишков, созданная в организации, исходя из данных о поступлениях и отпуске товаров;
- правильно ли оформлены результаты инвентаризации товаров (акт №, число, месяц, год), числящихся за материально ответственным лицом;
- соответствует ли сумма дохода, полученного от хозяйствующим субъектом от реализации товаров (оказания работ, услуг), данным отчетности и объективно ли исчислен налог с прибыли?

Эксперт-бухгалтер может решать также вопросы, связанные с несоблюдением требований бухгалтерского учета и контроля, финансовой, и расчетно-кассовой дисциплины, если для этого необходимо применение его специальных знаний [7]. Указать полный перечень вопросов разрешаемых экспертами-бухгалтерами в рассматриваемой нами сфере деятельности невозможно, поскольку они зависят от конкретных обстоятельств расследуемого события преступления.

Мы вскрыли ряд недостатков следователей при назначении судебных экспертиз, в их числе являются неполнота и недоброкачественность материалов, направляемых для исследования, направление эксперту документов, по которым невозможно решение поставленных вопросов. Немаловажную роль играет несвоевременность назначения экспертиз, необоснованное их проведение, неправильная формулировка вопросов.

В свою очередь, эксперты пожаловались, что при назначении экспертиз зачастую обнаруживаются слабые знания следователями порядка сбора, оформления и закрепления материалов для исследования. Вполне очевидно, что дознавателям, следователям недостаточно хорошо знать материалы уголовного дела, требующего производства экспертизы, следует еще четко представлять себе ее возможности для решения необходимых задач. Не имея правильного представления об объектах судебно-бухгалтерской экспертизы, следователи каждый раз стремятся направить эксперту все материалы дела, в их числе документы, не имеющих отношения к предмету экспертизы. Вместе с тем, нередко отсутствуют или уничтожены важные объекты исследования (регистры, главная книга, баланс и др.), тогда как именно они основные материальные источники информации.

Например, по уголовному делу о мошенничестве главного бухгалтера ООО «Лакомка» следователь назначил судебно-бухгалтерскую экспертизу, но объектов для полноты исследования оказалось недостаточно. В связи с этим, эксперт смог ответить лишь на два вопроса из шести, но после выемки и предоставления недостающих документов в ходе дополнительной экспертизы, были получены исчерпывающие доказательства вины подозреваемых, недостатком явилось увеличение срока следствия и необходимость его продления [8].

Названные недостатки затягивают сроки производства экспертиз, предварительного и судебного следствия, влияют на непроводительную затрату сил и времени по отысканию объектов, влекут их утрату, приводят к неполноте исследований, оспариванию выводов ранее произведенных инвентаризаций, аудиторских проверок, ревизий и т. д. Отсутствие ошибок зависит от своевременной, правильной и полной консультации, полученной следователем от специалиста.

Производство судебно-бухгалтерской экспертизы подразделяется на три этапа: 1 – предварительное ознакомление с документами и материалами уголовного дела; 2 – исследование документов, материалов дела и разрешение вопросов; 3 – составление заключения экспертизы и направление его дознавателю, следователю.

Дознаватели и следователи на первом этапе решают вопрос об отводе эксперта в соответствии со ст. 70 УПК России. Эксперт должен быть компетентным, не заинтересованным в исходе результатов по делу, использовать специальные знания и навыки для установления объективной истины. Судебно-бухгалтерские экспертизы могут проводить как специалисты экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, так и лица, имеющие специальную подготовку, получившие квалификацию эксперта-бухгалтера и работающие на общественных началах не менее 3–5 лет.

При отсутствии оснований к отводу эксперт знакомится с представленными на исследование документами и материалами дела, определяет, достаточен ли их объем для производства экспертизы, устанавливает, не выходят ли специальные бухгалтерские познания за пределы его компетенции.

На втором этапе – эксперт-бухгалтер изучает представленные на исследование документы, материалы уголовного дела.

На третьем этапе – инициаторы экспертизы обязаны создавать эксперту-бухгалтеру надлежащие условия для работы, не должны от нее самоустраняться, вправе ознакомиться с планом работы эксперта [9].

Колесниченко А.Н. указывает на некоторые недостатки дознавателя и следователя: «не выясняют, какие методы исследования эксперт-бухгалтер намерен использовать для разрешения поставленных вопросов; не представляют дополнительный материал, не информируют эксперта о вновь выявленных обстоятельствах, имеющих значение для экспертизы; не знакомятся с фактами, установленными экспертом-бухгалтером, не ставят ему дополнительные вопросы; не согласовывают те, вопросы, которые подлежат первоочередному изучению, не оговаривают сроки производства судебно-бухгалтерской экспертизы» [10].

В соответствии со ст. 198 УПК России дознаватель, следователь вправе присутствовать при производстве экспертизы, разъяснять эксперту существо уголовного дела, что поможет ему полно и всесторонне исследовать материалы, определить пути решения поставленных вопросов, необходимых для объективной оценки доказательств.

Выдающийся криминалист Белкин Р.С. точно определил, что «заключение эксперта – это мотивированный ответ на поставленные вопросы, основанный на специальных знаниях в процессе научного и объективного исследования представленных следователем или судом материалов» [11].

Заключение эксперта-бухгалтера относится к доказательствам, а ими, по справедливому мнению М.К. Треушникова, являются «фактические данные (сведения), обладающие свойством относимости и допустимости способные прямо или косвенно подтвердить имеющие значение для правильного разрешения судебного дела факты, выраженные в предусмотренной законом процессуальной форме (средствах доказывания), полученные и исследованные в строго установленном процессуальным законом порядке» [12].

Следователь должен оценить полноту исследования эксперта, достоверность и допустимость выводов в качестве доказательств, их значимость для уголовного дела. Так, Т.В. Каткова и Г.К. Кожевников конечно же правы, когда повторяют аксиому «более слабым заключением эксперта является то, в котором он делает вероятностные выводы» [13].

Выводы должны быть категоричными, без оговорок, подтверждаться иными доказательствами. Юридически заключение эксперта-бухгалтера не обладает заведомо установленной силой и преимуществом над другими доказательствами, но фактически для следователя, не имеющего в большинстве случаев фундаментальных экономических знаний, оно становится определяющим.

Практика расследования преступлений в сфере экономической деятельности, по делам о которых назначается судебно-бухгалтерская экспертиза, показывает, что порой результаты исследования обладают большей доказательственной силой и значимостью, нежели показания лиц.

Мы согласны с мнением Ю.К. Орлова о том, что «заключение судебного эксперта не имеет какого-либо преимущества перед другими доказательствами, но оно обладает по сравнению с ними, весьма существенной спецификой доказательства, поскольку представляет собой вывод, умозаключение, сделанное на основе исследования, проведенного с использованием специальных знаний» [14].

При недостаточной ясности и полноте заключения эксперта, следователь может назначить в соответствии со ст. 207 УПК России как дополнительную, так и повторную судебно-бухгалтерские экспертизы. Дополнительные вопросы могут быть поставлены эксперту в случае, когда обоснования в заключении, выводы или описание произведенных исследований не позволяют следователю всесторонне оценить эти выводы, когда сужен объем вопросов или объектов исследования. Колесниченко А.Н., прав, когда утверждает «такой недостаток может быть восполнен или проведением дополнительных исследований либо допросом эксперта» [15].

После ознакомления с экспертным заключением у дознавателя, следователя, иных участников уголовного судопроизводства может возникнуть необходимость дополнить или разъяснить выводы эксперта, пояснить значение специальных терминов и формулировок, объяснить кажущиеся или действительные расхождения между выводами и исследовательской частью заключения.

В случае, когда для разъяснения или дополнения ранее данного письменного заключения не требуется производство новых исследований, дознаватель, следователь вправе допросить эксперта. Если эксперт сможет вразумительно устранить недостаточную ясность или

полноту заключения, не прибегая к новым исследованиям, он может ответить на вопросы дознавателя, следователя при допросе.

Если эксперту необходимо провести дополнительные исследования для ответа на возникшие вопросы, необходимо назначить и провести дополнительную экспертизу. При этом вызывает сомнение А. Ю. Краснобаевой утверждающей, что «вопрос, является ли правильным заключение первоначальной экспертизы, ставиться не должен» [16].

По нашим данным, повторная судебно-бухгалтерская экспертиза по делам о рассматриваемых нами преступлениях, явление далеко не редкое в ситуациях, когда:

- заключения эксперта были необоснованными или вызвали сомнения в их правильности;
- заключения эксперта противоречили другим доказательствам, имеющимся в уголовном деле;
- выяснялась профессиональная некомпетентность ранее назначенного эксперта-бухгалтера;
- экспертом-бухгалтером (в основном из неэкспертных учреждений) нарушался процессуальный порядок производства экспертизы;
- выяснялись обстоятельства, указывающие на заинтересованность эксперта в исходе дела с подтасовкой фактов;
- использовались средства и методы, не отвечающие современному уровню данной отрасли знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе 2-е изд., перераб. и дополн.. М., 2008.
2. Трухачев В.В. Техническое обеспечение проведения экспертизы подлинности документов как один из аспектов экономической безопасности // «Специальная Техника». 2001 г. № 5.
3. Поташник Д.П. Техничко-криминалистическая экспертиза документов и ее роль в судебном доказывании. М., 2005.
4. Шведова Н.Н. Применение компьютерных технологий в технико-криминалистических исследованиях документов: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999.
5. Горбачев А.В., Колотушкин С.М., Кочубей А.В. Налоговые преступления: основы технико-криминалистического обеспечения. Волгоград, 2005.
6. Сафонов А.А., Колотушкин С.М., Кочубей А.В. Компьютерные технологии в криминалистической фотографии: теоретические и прикладные вопросы : учеб. пособие. Волгоград, 2005.
7. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: курс лекций / под ред. Смагоринского Б.П. Волгоград, 1996.
8. Волынский А.Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : проблемы и пути их решения // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : матер. науч.- практ. конф. М., 1994.
9. Судебно-бухгалтерская экспертиза : справочник / под ред. Н.К. Болдова, А.А. Голубева, В.И. Гуреева и др. М., 1993.
10. Прорвич В.А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы. М. 2009.
11. Шадрин В.В. Применение судебно-бухгалтерской экспертизы в уголовном процессе. М., 2003.
12. Кравец Г. Полнее использовать возможности бухгалтерской экспертизы // Соц. законность 1974, №1.
13. Правовая бухгалтерия / под ред. Чаадаева С.Г. М., 2001.
14. Арх. городского суда г. Санкт-Петербурга : уголовное дело № 2/2009.
15. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учеб. пособие / Под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. М., 2006.
16. Колесниченко А.Н. Недостатки судебно-бухгалтерских экспертиз // Соц. законность. 1969. № 5.
17. Белкин Р.С. Экспертизы на предварительном следствии. Екатеринбург, 2000.
18. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004.
19. Каткова Т.В., Кожевников Г.К. Судебные экспертизы. Харьков, 2003.
20. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): М., 1995.

21. Колесниченко А.Н. Указ. раб.
22. Краснобаева А.Ю. Экспертные ошибки: причины, последствия, профилактика // Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Procedure. 2nd revised and supplemented edition. Moscow, 2008;
2. Trukhachev V.V. Technical Support for Conducting Document Authentication as One of the Aspects of Economic Security // Special Equipment. 2001, № 5;
3. Potashnik D.P. Forensic Examination of Documents and Its Role in Judicial Evidence. Moscow, 2005;
4. Shvedova N.N. Application of Computer Technologies in Forensic Document Research: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd, 1999;
5. Gorbachev A.V., Kolotushkin S.M., Kochubey A.V. Tax Crimes: Fundamentals of Technical and Forensic Support: Monograph. Volgograd, 2005.
6. Safonov A.A., Kolotushkin S.M., Kochubey A.V. Computer Technologies in Forensic Photography: Theoretical and Applied Issues: Textbook. Volgograd, 2005.
7. Technical and Forensic Examination of Documents: Lecture Course / Ed. by Smagorinsky B.P. Volgograd, 1996.
8. Volynsky A.F. Technical and Forensic Support for Detecting and Investigating Crimes: Problems and Their Solutions // Problems of Technical and Forensic Support for Detecting and Investigating Crimes: Proc. of the Scientific and Practical Conf. Moscow, 1994.
9. Forensic Accounting Expertise: Handbook / Ed. by N.K. Boldov, A.A. Golubeva, V.I. Gureeva, et al. Moscow, 1993.
10. Prorvich V.A. Forensic Valuation Expertise. Legal, Organizational, and Scientific-Methodological Foundations. Moscow, 2009.
11. Shadrin V.V. Application of Forensic Accounting Expertise in Criminal Proceedings. Moscow, 2003.
12. Kravets G. Making Better Use of Forensic Accounting Expertise // Social Legality 1974, № 1.
13. Legal Accounting / Ed. by Chaadaev S.G. Moscow, 2001.
14. Archives of the City Court of St. Petersburg: Criminal Case № 2/2009.
15. Forensic Accounting Expertise: Textbook / Ed. by E.R. Rossinskaya, N.D. Eriashvili. Moscow, 2006.
16. Kolesnichenko A.N. Shortcomings of Forensic Accounting Expertise // Social Legality. 1969. № 5.
17. Belkin R.S. Expertise during Preliminary Investigation. Ekaterinburg, 2000.
18. Treushnikov M.K. Forensic Evidence. Moscow, 2004.
19. Katkova T.V., Kozhevnikov G.K. Forensic Expertise. Kharkov, 2003.
20. Orlov Yu.K. Expert Opinion and Its Evaluation (in Criminal Cases): Moscow, 1995.
21. Kolesnichenko A.N. Op. Work.
22. Krasnobaeva A.Yu. Expert Errors: Causes, Consequences, Prevention // Abstract of PhD in Law Dissertation. Volgograd, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Еремин Сергей Германович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eremin Sergey Germanovich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Criminal Code of the Russian Federation in the Internal Affairs Bodies. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ КРИПТОВАЛЮТ

Карпика Анатолий Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
akaripika@yandex.ru

Введение: криптовалютная экосистема, обещающая финансовые инновации, непреднамеренно стала благодатной почвой для преступной деятельности. Децентрализованный характер в сочетании с псевдонимным характером транзакций создал уникальные проблемы для сотрудников правоохранительных органов и специалистов в области безопасности.

Первоначально криптопреступность была в первую очередь связана с кражей, такими как кража активов с бирж или отдельных кошельков. Тем не менее, ландшафт значительно изменился, и преступники приняли более сложную тактику. Появление децентрализованных финансов со своими новыми протоколами и смарт-контрактами привело к появлению новых векторов атак. Одновременно их распространение предложило преступникам повышенную анонимность, что затрудняет отслеживание потока незаконных средств.

Согласно отчету Европола об оценке организованной преступности, опубликованному в июле 2024 г., финансовые преступления, в частности, инвестиционное мошенничество и отмывание денег, по-прежнему являются основными причинами преступной деятельности, связанной с криптовалютой. Биткойн, когда-то доминировавший игрок, теперь присоединяется к множеству альткоинов и стейблкоинов в криминальном инструменте.

Стейблкоины, такие как Tether (USDT), стоимость которых привязана к курсу фиатных денег, получили распространение благодаря своей ценовой стабильности, что делает их привлекательными для отмывания денег. Низкие транзакционные сборы в таких сетях, как Tron, способствовали популярности USDT в преступной деятельности. Кроме того, появление альткоинов с их сложными структурами и быстрым распространением предоставило преступникам дополнительные инструменты для запутывания следствия.

Материалы и методы: из ряда доступных источников, на первом этапе были отобраны те, которые позволили сравнить по ряду параметров (скорость обмена и конфиденциальность), фиатные деньги и криптовалюту. На последующих этапах анализировались существующие методы раскрытия участников преступных криптовалютных схем.

Результаты исследования: проведен анализ проблем, связанных с деанонимизацией преступного оборота криптовалют, предложены подходы, направленные на повышение эффективности противодействия незаконному обороту криптовалют.

Выводы и заключения: проблему противодействия незаконному обороту криптовалют необходимо решать методами, лежащими на стыке права и технологий, для чего целесообразно, помимо мер принуждения, использовать методы информирования широкой общественности обо всех значимых случаях раскрытия преступлений, в которых использовались криптовалютные операции и вынесенные судебные решения по связанным с ними уголовным делам, выбирая интересные формальные и неформальные интернет-площадки.

Интервьюирование осужденных в совершении преступлений с использованием криптовалют с целью демонстрации сомнительности полной анонимности участников позволит сформировать социально правильное отношение к использованию этого инструмента в противозаконных целях.

Внедрение инструментов аналитики блокчейна, как важнейшего компонента в арсенале борьбы с незаконной деятельностью в области оборота криптовалют, несомненно, повысит результативность работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: киберпреступление, блокчейн, аналитика блокчейна, противодействие киберпреступникам, криптовалюта, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Карпика А. Г. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту криптовалют / А.Г. Карпика // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 134–138

Original paper

CURRENT ISSUES OF COUNTERING THE ILLICIT TRAFFICKING OF CRYPTOCURRENCIES

Karpika Anatoly Grigorievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the cryptocurrency ecosystem, promising financial innovation, has inadvertently become a fertile ground for criminal activity. The decentralized nature, combined with the pseudonymous nature of transactions, has created unique challenges for law enforcement and security professionals.

Initially, cryptocrime was primarily related to theft, such as the theft of assets from exchanges or individual wallets. However, the landscape has changed significantly, and criminals have adopted more sophisticated tactics. The emergence of decentralized finance with its new protocols and smart contracts has led to the emergence of new attack vectors. At the same time, their distribution has offered criminals increased anonymity, making it difficult to track the flow of illicit funds.

According to the Europol Organized Crime Assessment report published in July 2024, financial crimes, in particular investment fraud and money laundering, are still the main causes of criminal activity related to cryptocurrency. Bitcoin, once the dominant player, is now joining the multitude of altcoins and stablecoins in the criminal tool. Stablecoins such as Tether (USDT), whose value is linked to the exchange rate of fiat money, have become widespread due to their price stability, which makes them attractive for money laundering. Low transaction fees on networks like Tron have contributed to the popularity of USDT in criminal activity. In addition, the emergence of altcoins with their complex structures and rapid spread has provided criminals with additional tools to confuse the investigation.

Materials and methods: from a number of available sources, at the first stage, those were selected that made it possible to compare a number of parameters (exchange rate and privacy), fiat money and cryptocurrency. In the subsequent stages, the existing methods of disclosure of participants in criminal cryptocurrency schemes were analyzed.

Results of the study: an analysis of the problems associated with the deanonymization of the criminal turnover of cryptocurrencies has been carried out, and approaches aimed at improving the effectiveness of countering illicit trafficking in cryptocurrencies have been proposed.

Findings and conclusions: the problem of countering illicit trafficking in cryptocurrencies must be solved using methods that lie at the intersection of law and technology, for which it is advisable, in addition to coercive measures, to use methods to inform the general public about all significant cases of crime involving cryptocurrency transactions and court decisions in related criminal cases, choosing interesting formal and informal Internet sites.

Interviewing those convicted of crimes involving cryptocurrencies in order to demonstrate the dubiousness of the complete anonymity of the participants will allow to form a socially correct attitude towards the use of this tool for illegal purposes.

The introduction of blockchain analytics tools, as an essential component in the arsenal of combating illegal activities in the field of cryptocurrency turnover, will undoubtedly increase the effectiveness of law enforcement agencies.

Keywords: cybercrime, blockchain, blockchain analytics, countering cybercriminals, cryptocurrency, law enforcement.

For citation: Karpika A. G. Current issues of countering illicit trafficking of cryptocurrencies / A. G. Karpika // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 134–138

Мировая экономика активно использует современные технологии для ускорения и облегчения проведения многих операций. Инновационные технологии в платежных системах, расчетах, применение блокчейна и криптовалюты становятся все более привлекательными для использования, получают хорошие инвестиции. Электронная бухгалтерская книга, всевозможные операции – это лишь одна сторона прогресса. Существует и другая, выраженная в форме проблемы, связанной с киберпреступностью. Преступники получили в руки современные технологии, а значит, и новые возможности, которые позволяют им совершать атаки на финансовые организации, личные счета граждан, совершать мошеннические действия, в результате чего незаконным путем им удается добыть достаточно крупные суммы денег. В мире дорожают и растут в популярности криптовалюты, однако они могут создавать угрозу национальной безопасности государств. В Российской Федерации имеется национальная стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг., в которой одной из основных целей выделено повышение цифровой грамотности отдельных лиц и организаций, защита цифрового пространства.

Если рассмотреть эволюцию финансовых средств, начать можно с металла. Его ценность для человека прослеживается вплоть до того, как мы вышли из каменного века. Чеканка монет началась за несколько сотен лет до нашей эры (63 г. до н.э.) и была создана задолго до появления популярных изображений его использования в Древней Греции или Римской империи. Бумажные деньги также использовались в течение длительного времени – с VII в. в Китае, а в Европе, впервые были выпущены Банком Англии в конце XVII в. Только в XX в. мы стали свидетелями значительных изменений привычных механизмов оборота денежных средств: появились кредитные и дебетовые карты, а также автоматизированные электронные платежи. Аналогичные изменения произошли с появлением Интернета и последующим бумом электронной коммерции.

Появление мобильной связи и мобильного Интернета стимулировало технологические достижения, связанные с платежами и переводами денежных средств. Мобильные телефоны с установленными банковскими и другими приложениями есть у большинства людей. По прогнозам, к 2026 г. 71 % населения земного шара или 6 млрд человек будут абонентами мобильной связи, а к 2030 г. число подключений 5G в мире достигнет примерно 6,3 млрд, что составит 67 % от общего количества подключений в сегменте мобильной связи. Прогнозируется, что число абонентов 5G SA составит около 3,6 млрд. Ожидается, что к концу 2030 г. на долю сетей 5G будет приходиться 80 % всего мобильного трафика данных¹. На этом фоне данные показывают рост количества киберпреступлений в России за минувшие пять лет с 294 тыс. в 2019 г. до 677 тыс. в 2024 г. [1, с. 111].

Необходимо понимать текущую финансовую систему, ее ограничения и отношение к ней, если мы хотим критически проанализировать, какое место занимают криптовалюты и почему. На более высоких уровнях существуют разногласия по поводу механизмов международных финансов, а на более низких уровнях наблюдается тенденция к использованию цифровых транзакций. Несмотря на это, наличные деньги играют главную роль в широком спектре преступной деятельности, включая незаконный оборот наркотиков, рэкет, вымогательство, подкуп государственных служащих, торговлю людьми и, конечно же, отмывание денег.

Деньги, во всех их формах, выполняют три общепринятые функции: средство обмена (на товары, а не бартер), средство сохранения ценности (чтобы вы могли купить товары позже) и расчетная единица (для определения цены товаров, чтобы их можно было сравнить). Однако наличные деньги обладают некоторыми дополнительными свойствами. Во-первых, они анонимны (за исключением серийных номеров). Во-вторых, это документ на предъявителя, что означает, что владельцем денег является тот, у кого они находятся, и нет никакой информации о том, кому они принадлежат. В-третьих, в самих денежных средствах нет механизма, который бы фиксировал транзакции, т. е. любая запись, которая происходит, является результатом применения других протоколов, правил и законов. Здесь стоит отметить, что использование наличных является основной причиной сообщений о подозрительной деятельности в мире вообще и в Российской Федерации в частности. И, наконец, расчет при использовании наличных происходит мгновенно – когда вы даете кому-то наличные за товар, сделка совершается; когда два человека совершают сделку на улице, посредник отсутствует, и нет механизма, позволяющего отменить транзакцию. Именно «анонимный и неотслеживаемый характер наличных денег» делает их таким удобным инструментом для совершения преступлений. Например, это хорошо для отмывания денег, поскольку, по сравнению с электронными транзакциями, трудно установить источник наличных денег и невозможно узнать предполагаемого бенефициара.

Если рассмотреть с этой позиции криптовалюты, то можно отметить что они имитируют вышеупомянутые свойства, хотя и с некоторыми тонкими, но важными отличиями. Несмотря на то, что криптовалюта стала революционной финансовой технологией, позволяющей осуществлять одноранговые транзакции без посредников. По мере роста ее популярности растут и опасения по поводу ее влияния на финансовую стабильность, защиту прав потребителей и незаконную деятельность [2, с. 143]. Как и в случае с наличными, после совершения транзакции с криптовалютой обмен является окончательным, и нет возможности отменить транзакцию, и нет третьей стороны, такой как банк, к которой можно обратиться. Но криптовалюты различаются по двум важным параметрам. Для такой валюты, как биткойн, система является псевдонимной, а не анонимной. Можно увидеть адреса, с которых приходили и на которые отправлялись транзакции, но с этими адресами не привязаны никакие данные. Однако в Privacy coins используются другие криптографические методы для преодоления псевдонимности и обеспечения анонимности, что еще более усложняет задачу идентификации. Другим большим отличием от физических наличных денег является то, что все биткойн-транзакции записываются в общедоступный блокчейн.

По данным блокчейн-платформы для обработки данных Chainalysis в 2024 г. стало известно по меньшей мере о 40,9 млрд долларов, полученных с незаконных адресов криптокошельков, причем некоторые аналитики говорят, что общая сумма может быть ближе к 51 млрд долларов, что составляет примерно 0,14 % от общего объема транзакций в сети. Оценки активности незаконных транзакций включали средства, отправленные на адреса, которые были определены как незаконные, и средства, украденные в результате взломов криптовалют.

Определение того, совершает ли субъект операции с криптовалютой в связи с преступной схемой, часто производится на стадии расследования путем изучения финансовых отчетов субъекта. Анализ финансовых отчетов может выявить транзакции с поставщиками криптовалютных услуг, такими как обменники, платежные системы и поставщики кошельков.

¹ Развитие сетей 5G в мире. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статья: Развитие сетей 5G в мире (дата обращения: 22.05.2025).

Как только конкретные поставщики криптовалютных услуг будут идентифицированы, они могут быть вызваны в суд для получения записей об учетных записях клиентов, что может помочь идентифицировать подозрительные криптовалютные транзакции с участием субъекта. Природа блокчейн-транзакций с открытым исходным кодом, как ни странно, может облегчить следователю определение того, совершал ли преступный субъект транзакции с использованием криптовалюты.

Несмотря на кажущуюся сложность идентификации контрагентов криптовалютных операций, можно предложить следующий механизм, повышения эффективности исследования и деанонимизации преступных операций. Существуют различные онлайн-инструменты, называемые «исследователями блоков», которые можно найти в открытом доступе. Эти инструменты позволяют выполнять поиск данных, содержащихся в блокчейне. Таким образом, например, если известен биткойн адрес, связанный с определенной схемой, то можно выполнить поиск по этому адресу с помощью обозревателя и найти возможные биткойн-транзакции с его использованием. Поиск в обозревателе блоков может выявить следующую информацию: идентификатор биткойн транзакции и отметка даты/времени (в формате Всемирного координированного времени/UTC), количество совершенных транзакций в биткойнах (BTC), открытый ключ отправителя, или биткойн адрес, а также открытый ключ или биткойн адрес получателя.

Информация об IP-адресах также может быть раскрыта, но эти IP-адреса могут не соответствовать истинному местоположению отправителей и получателей биткойнов, поскольку многие обменники и поставщики кошельков могут использовать прокси-адреса или IP-адреса, которые не соответствуют истинному местоположению компьютера или устройства, используемого для доступа к сети Bitcoin, для осуществления транзакции. При этом, если следователю известен конкретный IP-адрес, используемый субъектом, он может использовать этот IP-адрес для выполнения поиска с помощью онлайн-инструмента block explorer («исследователь блоков»), чтобы идентифицировать любые транзакции с криптовалютой, выполненные с использованием этого IP-адреса.

Как только будет выявлена подозрительная криптовалютная транзакция и если будет установлено, что транзакция была осуществлена с помощью конкретного обработчика платежей в криптовалюте, ему может быть выдана повестка в суд с запросом, среди прочего, любого адреса кошелька, связанного с транзакцией, любого номера банковского счета, зарегистрированного на пользователя, и любой личной информации, связанной с учетной записью пользователя (например, имени, электронной почты, адреса, номер телефона, IP-адреса и данные кредитной карты).

Выданные судом ордера на поиск содержимого электронной почты и текстовых сообщений, хранящихся у сторонних поставщиков электронных услуг, также могут дать информацию, связанную с участием субъекта в криптовалюте операции. Такие записи могут свидетельствовать о связях с криптовалютными биржами, поставщиками услуг кошельков, частными лицами, желающими участвовать в криптовалютных транзакциях, и другими доказательствами использования криптовалюты. Проверка правоохранительными органами сообщений о незаконном обороте на рынках или веб-сайтах Даркнета также может дать ценную информацию об использовании криптовалюты субъектом, поскольку криптовалюта, как правило, является предпочтительной валютой для преступников в Даркнете.

Отмывание криптовалюты часто включает в себя сложные схемы. Обмен между различными криптовалютами, включая использование монет конфиденциальности, является распространенной тактикой. Кроме того, интеграция криптофондов в традиционную финансовую систему через денежные мулов, подпольный банкинг или контрабанду наличных денег остается распространенной.

Платформы для обмена зашифрованными сообщениями стали предпочтительными каналами для лиц, стремящихся обменять криптовалюту на наличные деньги, минуя традиционные финансовые системы и регулирующий надзор. Этот сдвиг совпал с ростом подпольных банковских сетей и других незаконных финансовых услуг, предназначенных для отмывания криптоактивов. Кроме того, возрождение криптовалютных дебетовых карт способствовало быстрой конвертации цифровых валют в физические наличные деньги с более легкими выбросами.

Форумы Darknet остаются основной рекламной платформой для незаконных рынков, хотя некоторые поставщики также начали отражать свои операции на поверхности. Чтобы избежать обнаружения правоохранительных органов, эти рынки часто работают с ограниченной продолжительностью жизни и возможностями.

Анонимный характер криптовалют в сочетании с трансграничным характером этих преступлений представляет значительные проблемы для правоохранительных органов. Однако расширение сотрудничества между правоохранительными органами и разработка передовых средств судебной экспертизы имеют решающее значение для борьбы с этой растущей угрозой.

Расследование и судебное преследование преступлений, связанных с криптовалютами, также представляет проблемы для правоохранительных органов. В качестве наиболее перспективного пути развития средств экспертизы видится совершенствование и широкое внедрение в деятельность правоохранительных органов инструментов аналитики блокчейна, как важнейшего компонента в арсенале борьбы с незаконной деятельностью в области оборота криптовалют. Анализируя сложные модели транзакций и выявляя подозрительное поведение, эти инструменты дают бесценную информацию о преступной деятельности, связанной с криптовалютами. Существующие платформы блокчейн-аналитики используют алгоритмы и машинное обучение для извлечения значимой информации из обширного и сложного ландшафта блокчейна. Основные функциональные возможности включают в себя:

- картирование транзакций, позволяющее визуализировать сложные пути криптовалютных транзакций, выявлять связи между кошельками, биржами и другими организациями;
- кластеризацию кошельков, позволяющую выявлять криптокошельки, контролируемые преступниками, или преступными организациями, что несомненно оказывает помощь в выявлении преступных организаций;
- обнаружение аномалий, состоящее в выявлении необычных моделей транзакций, указывающих на преступное поведение, такие как крупные внезапные переводы или сложные схемы смешивания криптовалют;
- сетевой анализ, целью которого является раскрытие структуры преступных сетей путем анализа отношений между кошельками и организациями;
- анализ атрибуции – привязка конкретных криптовалют к преступным субъектам или организациям посредством подробного отслеживания транзакций;
- перекрестный анализ – отслеживание движения средств через различные блокчейны для выявления сложных схем отмывания денег.

Реконструкция временной шкалы, позволяющая строить хронологическое повествование о преступной деятельности путем анализа временных меток транзакций и связанных с ними событий.

Несмотря на расширяющийся ландшафт финансовых инструментов, использующихся в незаконной деятельности, с уверенностью можно констатировать, что основными инструментами внутри государств либо между государствами с прозрачными границами будут выступать наличные деньги, обладающие высокой степенью анонимности транзакций, и криптовалюта, обладающая свойством мгновенного средства трансграничного платежа, но имеющая тенденцию к деанонимизации владельцев криптокошельков посредством исследования транзакций, в связи с чем наиболее целесообразно активно внедрять в деятельность правоохранительных органов инструменты аналитики блокчейна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпика А.Г., Лемайкина С.В. Актуальные вопросы профессиональной подготовки сотрудников полиции в современных условиях // XII Балтийский юридический форум «закон и правопорядок в Третьем тысячелетии»: Калининград, 2024.
2. Лемайкина С.В. Актуальные вопросы правового регулирования криптовалюты // Философия права. 2025. № 1(112).

REFERENCES

1. Karpika A.G., Lemaikina S.V. Actual issues of professional training of police officers in modern conditions // XII Baltic Legal Forum «Law and order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2024.
2. Lemaikina S.V. Actual issues of legal regulation of cryptocurrencies // Philosophy of Law. 2025. № 1(112).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпика Анатолий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpika Anatoly Grigorievich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.34 : 004(343.91 053.6)

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Коваленко Вера Ивановна

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
veraifem@yandex.ru

Введение: в статье обоснована актуальность изучения тенденций преступности, связанной с вовлечением несовершеннолетних в совершение общественно опасных посягательств, раскрыт масштаб вовлечения несовершеннолетних в киберпреступность, определены причинный комплекс и меры предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с использованием ИКТ-технологий.

Материалы и методы: в работе применены общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и системный подход к оценке факторов, формирующих мотивацию и поведение преступников. Эмпирическую базу образуют материалы судебной статистики по преступлениям в киберсреде.

Результаты исследования: установлено, что по данным МВД России в настоящее время динамика преступлений террористической и экстремистской направленности демонстрирует тенденцию роста, как и число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации с вовлечением несовершеннолетних. Необходимо осуществить реализацию комплексной системы профилактики киберпреступности с созданием единой координирующей государственной структуры (ведомства) по обеспечению цифровой безопасности в РФ.

Выводы и заключения: мультивариативность и вирусный характер распространения в киберпространстве новых видов преступных посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предопределяет комплексный характер их предупреждения. Особенностью вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность посредством онлайн-технологий стало формирование современной онлайн-формы посягательства где «жертва-преступник»: подвергаясь массивному, психологически грамотному давлению (угрозам, шантажу, кибербуллингу, финансовому террору) несовершеннолетние сначала сами становятся жертвами преступлений, а в дальнейшем под руководством онлайн-кураторов совершают общественно опасные посягательства.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, кибербезопасность, информационно-телекоммуникационные технологии, терроризм, экстремизм.

Для цитирования: Коваленко В. И. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: правовые и криминологические аспекты противодействия / В. И. Коваленко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 139–145

Original paper

INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL ACTIVITIES USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES: LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION

Kovalenko Vera Ivanovna

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper substantiates the relevance of studying the trends of crime related to

the involvement of minors in committing socially dangerous offenses, reveals the extent of the involvement of minors in cybercrime, and identifies the causal complex and measures to prevent the involvement of minors in criminal activities using ICT technologies.

Materials and methods: the study used general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, and a systematic approach to assessing the factors that shape the motivation and behavior of criminals. The empirical base is formed by materials from judicial statistics on crimes in the cyber environment.

Results of the study: it has been established that, according to the Russian Ministry of Internal Affairs, the dynamics of terrorist and extremist crimes are currently showing an upward trend, as is the number of registered crimes committed using ICT or in the field of computer information, involving minors. It is necessary to implement a comprehensive system for preventing cybercrime, with the creation of a unified coordinating state structure (agency) for ensuring digital security in the Russian Federation.

Findings and conclusions: the multivariability and viral nature of the spread of new types of criminal offenses in cyberspace, related to the involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies, determine the comprehensive nature of their prevention. A distinctive feature of the involvement of minors in criminal activities through online technologies is the formation of a modernized online form of encroachment, where the “victim-criminal” relationship is established. Under massive, psychologically competent pressure (threats, blackmail, cyberbullying, and financial terror), minors first become victims of crimes themselves, and then, under the guidance of online curators, commit socially dangerous encroachments.

Keywords: involvement of minors, cybersecurity, information and telecommunication technologies, terrorism, extremism.

For citation: Kovalenko V. I. Involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies: legal and criminological aspects of counteraction / V. I. Kovalenko // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 139–145

Глобальной тенденцией во всем мире, в том числе и в России, является масштабная трансформация и «цифровизация» преступной деятельности. Это связано с вовлечением уязвимых категорий граждан, прежде всего несовершеннолетних и молодежи, в совершение наиболее опасных видов преступных посягательств, включая терроризм и экстремизм, кибермошенничество, выступающего в качестве инструмента финансирования терроризма, которые характеризуется преимущественным переходом ее организационных и подготовительных стадий в киберсферу, включая вербовку потенциальных исполнителей террористических атак, диверсий, экстремистских акций и кибермошенничества.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 28 декабря 2024 г. № 1124, определены основные цели, задачи и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз [1].

В число профилируемых лиц, с которыми, в соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. предусмотрена профилактическая работа по привитию (разъяснению) традиционных российских духовно-нравственных ценностей, включены также представители молодежи, прежде всего, разделяющие идеи террористических, экстремистских, националистических и неонацистских организаций, различных деструктивных движений (субкультур) – мигранты, прибывшие в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности или обучения, члены их семей [2].

В России принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., нацеленная на гармоничную, благоприятную среду при использовании информационно-телекоммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности государства [3], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [4] и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [5], иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных и коммуникационных технологий в Российской Федерации.

В Уголовном кодексе Российской Федерации также предусмотрена уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 280, ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ) [6], а также за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ст. 150 УК РФ), совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение

действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ).

На регуляторной основе Росфинмониторинг публично информирует о лицах и организациях, причастных к экстремистской и террористической деятельности. Так, 10 июня 2025 г. Росфинмониторинг на своем официальном сайте опубликовал Выпуск очередной редакции перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму от 10 июня 2025 г. [7], в котором внесены изменения в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Это только часть концептуальных документов, нормативных и правовых регуляторов, свидетельствующих, с одной стороны, о высокой степени обеспокоенности общества масштабом киберугроз, с другой, – уровне готовности государства, как минимум, в стратегическом, концептуальном и правовом плане оперативно отражать и предупреждать посягательства в этой сфере.

Целевая аудитория кибервербовки и вовлечение в преступную деятельность – уязвимые категории граждан, прежде всего, несовершеннолетние и молодежь, люди пенсионного возраста и мигранты.

По данным МВД России, в январе–апреле 2025 г. зарегистрировано почти 2 тысячи (1996) преступлений террористического характера (динамика составила +94,0 %) и 741 преступление экстремистской направленности (+36,2 %). Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 627 (+71,3 %) преступлений совершены в текущем году, в том числе: – пресечено на стадии приготовления и покушения – 96 (+15,7 %) [8].

Кроме того, за январь–апрель текущего года, как информирует МВД России, на 2,6 % увеличилось число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации: всего зарегистрировано 247,2 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации. По сравнению с прошлым годом в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес в январе–апреле 2025 г. увеличился до 39,1 % (в 2024 г. – 38,2 %). Каждое второе преступление (51,5 %) из них относятся категории тяжких и особо тяжких [8].

Экспертами признается, что большая часть полученных денежных средств идут на обеспечение преступной деятельности, включая дальнейшее финансирование террористической и экстремистской деятельности украинских неонацистов и ВСУ Украины.

Не останавливаясь на перечислении всего многообразия преступных форм, используемых преступниками, специалистам они хорошо известны, хотелось бы обратить внимание на степень профессиональной специальной подготовки преступников, психологически грамотно вербующих в свои ряды потенциальных террористов и экстремистов.

По данным МИД России, участие в составе кибергрупп принимают также специалисты из США и Западной Европы, например, в рамках программы «Охота на передовых рубежах» киберкомандования ВС США в апреле 2023 г. направило на Украину 43 специалиста из числа действующих и находящихся в отставке военнослужащих и сотрудников силовых и разведывательных структур западных стран в целях организации и совершения диверсионных акций и террористических атак в России [9]. А это значит, что в абсолютном большинстве случаев при подготовке и совершении терактов и экстремистских акций организаторами наиболее опасных посягательств являются не доморощенные, а высокопрофессиональные преступники.

Кроме того, командование специальных операций США непосредственно курирует работу подразделений Центра информационно-психологических операций ВСУ (ЦИПСО). В свою очередь, киберкомандование Пентагона и Агентство по национальной безопасности осуществляют планирование и координируют кибератаки под флагом Украины на критическую информационную инфраструктуру России.

Созданные в 2022 г. под патронажем западной и украинской разведывательных служб и ВСУ подразделения так называемой IT-армии Украины, фокусируется не только на DDoS-атаках, но и активной вербовке через соцсети потенциальных террористов и экстремистов.

На заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) в феврале 2024 г. директор ФСБ России озвучил данные, свидетельствующие о вовлечении украинскими центрами информационно-психологических операций под кураторством западных спецслужб наших граждан в диверсионно-террористическую деятельность. С начала СВО к 2024 г. российскими спецслужбами и правоохранительными органами предотвращено 419 террористических преступлений, в Интернете выявлено и удалено более 360 тыс. экстремистских материалов, заблокирован доступ к 70 тыс. страницам [10].

Одним из приоритетных направлений деятельности ЦИПСО является активное вовлечение в преступную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных технологий (социальных сетей и мессенджеров) – несовершеннолетних и молодежи. По данным экспертов (Тг-канал А. Кашеваровой), 60 тысяч несовершеннолетних в России вовлечены в преступную деятельность украинских кибертеррористов и кибермошенников [11].

Преступники предлагают подросткам быстрый заработок, вовлекая их в самый широкий круг преступных деяний за вознаграждение или путем запугивания и шантажа:

- аренда номеров и аккаунтов подростков для совершения мошеннических действий и киберхищений;

- использование сим-карт и банковских карт родителей, одноклассников, знакомых (дропперство) для вывода и легализации (обналичивания) крупных денежных средств;

- фотографирование и передача скринов геолокационных данных мест стратегически важных объектов (здания госучреждений, силовых ведомств, жд-вокзалы, крупные торговые центры, военные госпитали, места дислокации силовых структур и др.);

- непосредственно совершение террористического акта или диверсионной акции (поджог военкоматов и автомобилей военнослужащих, порча релейных шкафов на железнодорожных перегонах и т. п.). Причем за подготовку взрывного устройства и его перемещение к месту преступления и совершение теракта в публичных местах с целью огромного общественного резонанса – посредством веерной рассылки несовершеннолетним предлагают значительные денежные суммы – до нескольких миллионов рублей.

Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность посредством онлайн-технологий в определенной степени породило новую осовремененную онлайн-форму посягательства, подтвердив хорошо известный криминологический феномен «жертва-преступник»: подвергаясь массивному, психологически грамотному давлению (угрозам, шантажу, кибербуллингу, финансовому террору) несовершеннолетние сначала сами становятся жертвами преступлений, а в дальнейшем под руководством онлайн-кураторов совершают общественно опасные посягательства.

На проведенном в марте этого года заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ Генеральный прокурор России И.В. Краснов обратил внимание на том, что преступность в киберсреде создала ранее неизвестные формы психологического и финансового террора. Под угрозой потери имущества и денег обманутые люди совершают поджоги, подрывы административных и жилых зданий, объектов транспортной инфраструктуры. Необходимо приговоры по таким делам сообщать общественности, чтобы граждане четко понимали, что совершение преступления не вернет похищенного, а строгое наказание за терроризм и диверсию неизбежно последует [12].

На прошедшем в мае 2025 г. Петербургском международном юридическом форуме сессии «Актуальные проблемы борьбы с международной киберпреступностью» ее модераторы – Ю.Н. Жданов и С.К. Кузнецов подчеркнули высокий уровень угроз кибербезопасности. По их данным, только службой кибербезопасности Сбербанка России были обнаружены 84 организованные преступные кибергруппы (ОПГ), которые профессионально нацелены на детей, зафиксирован 40 %-й рост случаев совершения противоправных действий в отношении детей за год [13].

Мигранты, находящиеся на территории России, также являются мишенью для вербовки в террористические группы и экстремистские сообщества.

По данным МВД России, за январь–апрель 2025 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 15,7 тыс. преступлений, что на 11,6 % больше, чем за январь–апрель 2024 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 13,5 тыс. преступлений (+15,4 %), их удельный вес составил 85,8 % [8].

Подчеркнем, что многолетнее сотрудничество генеральных прокуратур государств-участников СНГ в рамках реализации межгосударственных программ борьбы с организованной преступностью, ее наиболее опасными видами – терроризмом и экстремизмом, показало, что так называемый «национальный вопрос» является наиболее чувствительным в публичном информационном поле и является объектом повышенного внимания правоохранительных структур, генеральных прокуратур стран Содружества.

Необходимо отметить единую позицию непримиримости к террористической и экстремистской деятельности, радикализации молодежи политических лидеров наших стран Содружества в этой сфере: удастся найти разумный баланс между национальными интересами государственной безопасности и защитой законных прав иностранных граждан государств СНГ.

Масштаб, мультивариативность и молниеносный, вирусный характер распространения в киберпространстве новых видов преступных посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предопределяет комплексный характер их предупреждения, причем не просто разработки, но и незамедлительной реализации мер предупреждения, которые в целом хорошо известны специалистам, однако, к сожалению, зачастую затруднены в реализации.

В одних случаях, в связи с недостаточным уровнем технологического обеспечения цифровой безопасности при опережающем использовании преступниками новых ИКТ-инструментов и онлайн-схем совершения преступлений, которые весьма чувствительно влияют на оперативное противодействие наиболее опасным видам террористических и экстремистских угроз;

– в других – инерционностью законодательной сферы, обусловленной технически долгой процедурой обсуждения и принятия актуальной законодательной инициативы;

– в-третьих, – недостаточным уровнем профессиональной подготовки («кадровый голод» специалистов);

– в-четвертых, существующими проблемами межведомственного взаимодействия, замедляющими комплексное оперативное реагирование, отсутствием единого координирующего ведомства (министерства), который бы координировал задачи и функциональную согласованность оперативных и специальных служб по своевременному пресечению и предупреждению сетевых угроз.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации предусмотрены субъекты противодействия экстремизма, которые нацелены на предупреждение и пресечение посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием, информационно-телекоммуникационных технологий.

Ранее автор выделял перспективные направления противодействия указанным посягательствам, которые остаются актуальными и сегодня, в их числе: выявление и устранение пробелов правового просвещения в системе информационной безопасности детей и молодежи, предиктивный анализ противоправных посягательств в отношении несовершеннолетних, использование превентивного потенциала передовых технологий – искусственного интеллекта (ИИ), больших данных (BD), касающихся деанонимизации лиц в онлайн-сфере, сбора, хранения и обработки персональных данных лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную деятельность, а также разработки автоматизированных алгоритмов пресечения и оперативной блокировки опасного и пограничного контента с одновременным созданием альтернативных, социально ориентированных программ, онлайн-игр для несовершеннолетних с целью снижения рисков их участия в противоправном контенте и др. [14].

Вопросы противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступность с использованием информационно-коммуникационных технологий продолжают оставаться одной из центральных тем научных исследований ученых [15; 16; 17].

С учетом непропорционального противостояния с одной стороны – массивного потенциала многомиллионной армии «онлайн-гуру», фактически безграничного масштаба информационного ресурса и шквального давления киберсреды, оказываемого на несовершеннолетних, и с другой стороны «информационной кибербаррикады», – в целом скромных возможностей обычной семьи, обусловленных различным уровнем правовой грамотности и возможностей родительского контроля, представляется, что правовое просвещение и семейное воспитание в части безопасной коммуникации несовершеннолетнего в киберсреде – должны стать одной из государственной задач, быть под патронажем государства. Это включает и возраст ребенка, и количество времени его нахождения в сети, контроль и «прозрачность» информационного контента, с которым соприкасается несовершеннолетний. Иными словами, правила цифровой безопасности несовершеннолетнего должны быть включены как в государственные программы по профилактике киберугроз для детей и подростков, так и «прошиты» в программных документах, техноалгоритмах и протоколах государственных организаций и частных компаний.

Конечно, возникает вопрос, кто будет реализовывать все эти направления деятельности – субъекты определены в стратегических документах, и они разделены по разным сферам деятельности, что обоснованно. Однако представляется, что в этой хорошо продуманной схеме профилактики и пресечения противоправной деятельности, предполагающей предиктивный анализ с использованием ИИ, социальной инженерии и оперативное предупреждение и пресечение необходим главный координирующий

государственный центр, например, Министерство цифровой безопасности в Российской Федерации (Министерство кибербезопасности).

В заключение подчеркнем, что в ходе прошедшего в мае этого года Петербургского международного юридического форума на сессии «Актуальные проблемы борьбы с международной киберпреступностью» один из ее модераторов – ведущий специалист в сфере обеспечения кибербезопасности, исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ Юрий Николаевич Жданов совместно с представителем Сбербанка Станиславом Константиновичем Кузнецовым провели онлайн-опрос среди участников форума, (подчеркнем, что в аудитории собрались лучшие российские и зарубежные специалисты в этой сфере). Участникам дискуссии было предложено выбрать, что нужно сделать в первую очередь, чтобы повысить эффективность борьбы с киберпреступностью. С большим отрывом победил вариант «Повышать киберграмотность населения», который набрал более 50 % голосов. На втором месте – предложение назначить единого координатора по кибербезопасности [13].

Представляется целесообразным поддержать эту точку зрения уважаемых экспертов и высказать предложение о необходимости создания в России единой государственной структуры (министерства, ведомства), функционально нацеленного на комплексное обеспечение кибербезопасности в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 28 декабря 2024 г. № 1124). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 01.06.2025).

2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/?ysclid=mcx1yjdz5y200988446> (дата обращения: 20.06.2025).

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.06.2025).

4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.06.2025).

5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/153bf8398847dd94582d6967deabbe9ddef7c3f/ (дата обращения: 10.06.2025).

7. Росфинмониторинг: офиц. Сайт. URL: <https://fedsfm.ru/news/8836> (дата обращения: 10.06.2025).

8. МВД России – офиц. Сайт. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_uayv_apr25.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

9. МИД России – офиц. Сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/1895553/> (дата обращения: 02.06.2025)

10. С начала СВО в РФ предотвратили 419 террористических преступлений: ТАСС.ru. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19969353> (дата обращения: 12.06.2025).

11. Tg-канал А. Кашеваровой. URL: <https://t.me/akashevarova/7976?single> (дата обращения: 10.06.2025).

12. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ. 19 марта 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76484> (дата обращения: 29.05.2025)

13. Петербургский международный юридический форум: Сессия «Актуальные проблемы борьбы с международной киберпреступностью». URL: <https://justicemag.ru/tpost/rxalcb0unl-pmyuf-2025-borba-smezhdunarodnoi-kiberpr?ysclid=mcx27egvj217071047> (дата обращения: 01.06.2025).

14. Коваленко В.И. Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2020. № 3(51).

15. Антонов И.А., Кульпин А.А. Влияние информационно-коммуникационных технологий на преступность несовершеннолетних и проблемы получения доказательственной информации в ходе их допроса // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1.

16. Бошаева Л.Л. Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государств: теория и практика. 2022. № 4 (208).
17. Бошаева Л.Л. Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2025.

REFERENCES

1. Strategy of countering extremism in the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation on December 28, 2024 No. 1124). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (date of access: 01.06.2025).
2. Comprehensive plan for countering the ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/?ysclid=mcx1yjdz5y200988446> (date of access: 20.06.2025).
3. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 № 203). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (date of access: 10.06.2025).
4. National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400): URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 05.06.2025).
5. The Information Security Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (date of access: 10.06.2025).
6. Criminal Code of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/153bf8398847dd94582d6967deabbeb9ddef7c3f/ (date of access: 10.06.2025).
7. Rosfinmonitoring: official website. Website. URL: <https://fedsfm.ru/news/8836> (date of access: 10.06.2025).
8. The Ministry of Internal Affairs of Russia – official. Website. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_yanv_apr25.pdf (date of access: 30.05.2025).
9. Russian Ministry of Foreign Affairs – official Website. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/1895553/> (date of access: 02.06.2025).
10. Since the beginning of the special military operation, 419 terrorist crimes have been prevented in the Russian Federation: TASS.ru. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19969353> (date of access: 12.06.2025).
11. Tg channel of A. Kashevarova. URL: <https://t.me/akashevarova/7976?single> (date of access: 10.06.2025).
12. Extended meeting of the Collegium of the Russian Prosecutor General's Office. March 19, 2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76484> (date of access: 29.05.2025)
13. St. Petersburg International Legal Forum: Session «Current Issues in Combating International Cybercrime». URL: <https://justicemag.ru/tpost/rxalcb0un1-pmyuf-2025-borba-smezhdunarodnoi-kiberpr?ysclid=mcx27egvj217071047> (date of access: 01.06.2025).
14. Kovalenko V.I. Prevention of Risks and Threats to Children's Life and Health Associated with the Influence of the Internet // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3(51).
15. Antonov I.A., Kulpin A.A. The Influence of Information and Communication Technologies on Juvenile Delinquency and the Problems of Obtaining Evidential Information During Their Interrogation // Bulletin of Economic Security. 2025. № 1.
16. Boshayeva L.L. Internet Technologies as a Means of Involving a Minor in Criminal Activity // Law and State: Theory and Practice. 2022. № 4(208).
17. Boshayeva L.L. Prevention of Cybercrime against Minors: Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Law. Moscow, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Вера Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российской государственной социальной университет. 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kovalenko Vera Ivanovna, Grand PhD of Law, Associate Professor deputy Head of the Department of International Law at the Russian State Social University. 4, Wilhelm Pika St., Building 1, Moscow 129226 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.9

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОЗНАНИЯ

Комаров Игорь Михайлович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
mgu.ikomarov@mail.ru

Игнатъев Михаил Евгеньевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
m89166810785@gmail.com

Перепечина Ирина Олеговна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
smi-100@mail.ru

Введение: качественное и оперативное расследование преступлений против семьи и несовершеннолетних является одной из важнейших государственных задач, поскольку первая является системообразующим элементом российского общества, а несовершеннолетние граждане представляют собой его настоящее, а главное – будущее. Важнейшей задачей расследования преступлений вообще и рассмотренных в настоящей статье, в частности, является не только установление виновных лиц, но и предотвращение подобных преступлений. По этим причинам разработки соответствующих методик расследования следует считать приоритетной криминалистической задачей.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, ориентированных на выявление и разрешение проблем, связанных с установлением актуальных преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних, что позволит правильно определить систему и структуру методик их расследования. В ходе исследования применены методы: сравнительно-правовой, описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и др.

Результаты исследования: позволили выявить объективные проблемы, связанные с пониманием семьи, как объекта криминалистического исследования и познания, и соответствующим образом аргументировать данное понятие. Сформулированы определенные выводы, направленные на разрешение указанной проблемы, актуальные как для науки криминалистики, так и практики правоприменительной деятельности.

Выводы и заключения: проведенное исследование понятия – семья как объект криминалистического исследования и познания позволяет прийти к заключению о том, что такой объект актуален для указанных современных исследований и это позволяет криминалистам проводить научно-практические исследования с целью формирования методик расследования преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ.

Ключевые слова: криминалистические методики, семья, несовершеннолетние.

Для цитирования: Комаров И. М., Игнатъев М. Е., Перепечина И. О. Семья как объект криминалистического исследования и познания / И. М. Комаров, М. Е. Игнатъев, И. О. Перепечина // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 146–150

Original paper

FAMILY AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH AND COGNITION

Komarov Igor Mikhailovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ignatiev Mikhail Evgenievich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Perepechina Irina Olegovna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: high-quality and prompt investigation of crimes against the family and minors is one of the most important state tasks, since the former is a system-forming element of Russian society, and underage citizens represent its present and, most importantly, its future. The most important task of investigating crimes in general and those discussed in this article, in particular, is not only to identify the perpetrators, but also to prevent such crimes. For these reasons, the development of appropriate investigative techniques should be considered a priority criminalistic task.

Materials and methods: they are determined by the range of scientific tasks to be solved, focused on identifying and resolving problems related to the establishment of actual crimes against the family and minors, which will make it possible to correctly determine the system and structure of methods for their investigation. The research uses the following methods: comparative law, descriptive, analysis and synthesis, classification, etc. The materials of scientific research reflected in dissertations, monographs, scientific articles, etc. were studied.

Results of the study: made it possible to identify objective problems related to understanding the family as an object of forensic research and cognition, and to explain this concept accordingly. Certain conclusions have been formulated aimed at solving this problem, which are relevant both for the science of criminology and the practice of law enforcement.

Findings and conclusions: the conducted study of the concept of family as an object of forensic research and cognition allows us to conclude that such an object is relevant for these modern studies and this allows criminologists to conduct scientific and practical research in order to form methods of investigating crimes provided for in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: forensic techniques, family, minors.

For citation: Komarov I. M., Ignatiev M. E., Perepechina I. O. Family as an object of criminalistic research and cognition / I. M. Komarov, M. E. Ignatiev, I. O. Perepechina // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 146–150

Понятие «объект» как и любое другое понятие в науке имеет различные определения и может формулироваться как в широком, так и в узком смысле этого слова.

В широком смысле это понятие следует рассматривать в качестве философской категории, которая выражает направление практической и теоретической деятельности исследователя. В системе категорий диалектического метода познания данное понятие относится к категории «общее», если рассматривать эту систему как «общее – особенное – единичное».

Объект исследования в науке представляется основным полем деятельности приложения сил исследователя в определенной сфере науки. Для криминалистики, как науки, разрабатывающей приемы и средства техники, тактики и методики расследования, таким объектом следует считать правонарушения (в широком смысле), т. е. преступления и различные проступки (гражданские, административные и т. п.). В связи с категориями диалектического метода познания этот объект мы рассматриваем в качестве категории «особенного».

В соответствии с приведенными выше тезисами можно предположить (выдвинуть гипотезу), что разрабатываемые в криминалистике технические, тактические и методические рекомендации, направленные на расследование, нарушенных преступлением (проступком) определенных общественных отношений, являются объектом криминалистического исследования и познания, т. е. «единичным», если следовать логике категорий диалектического метода познания.

Также в качестве гипотезы можно рассматривать и, собственно, название нашей публикации – семья (сфера общественных отношений – И.М.), как объект криминалистического исследования и познания.

Доказывание этих гипотез позволит резюмировать тот факт, что в системе криминалистики (в соответствии с накопленными научно-практическими знаниями) возможна разработка предметных технических и тактических рекомендаций, а на их основе и методических рекомендаций, направленных на расследование преступлений, связанных с общественными отношениями внутри семьи и против несовершеннолетних.

Сразу возникает вопрос, что, собственно, представляет собой семья?

Одним из фундаментальных исследований, связанных с понятием «семья», является работа Фридриха Энгельса «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), где автор называл семью институтом общества и государства, которые неразрывно связаны между собой.

Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) в статье 16 определяет тот факт, что семья является естественной и основной ячейкой общества, имеет право на защиту со стороны общества и государства.

В российской науке «семья» как социальное понятие исследовано достаточно хорошо в различных ее аспектах.

Так, советский исследователь А.Г. Харчев, рассматривая семью с социологической точки зрения, писал, что ее следует воспринимать как историко-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малую социальную

группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [1, с. 75].

В связи с тем, что понятие «семья» имеет множество существенных признаков, которые составляют содержание этого понятия, ее унифицированное определение до настоящего времени не сформулировано. Отсутствует оно и в юридических науках.

В зависимости от определения предмета исследования авторы при определении понятия «семья» выделяют различные его существенные признаки.

Так, В.А. Рясенцев считает, что для этого понятия важны «права и обязанности, вытекающие из брака» [2, с. 42-43], солидарен с ним и А.М. Нечаев [3, с. 8].

В своих работах И.М. Кузнецова актуализирует социальные, а не правовые признаки семьи, но в то же время рассматривает семью в юридическом смысле как «круг лиц, связанных личными имущественными и неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления и иной формы принятия детей на воспитание в семью» [4, с. 10].

Интересна позиция А.Н. Ильяшенко, который обосновано полагает, что в понятие семьи следует также включить лиц, которые находятся во взаимоотношениях в результате осуществления фактического воспитания и содержания несовершеннолетних детей, а также иных лиц, нашедших приют у других лиц и попавших в материальную, психологическую или иную зависимость от них вследствие неспособности обеспечить уход за собой, самостоятельно защитить свои права из-за несовершеннолетия или по иным причинам (например, нетрудоспособный иждивенец) [5, с. 42].

По указанной выше причине определение понятия «семья» отсутствует и в Семейном кодексе РФ (1995 г. и современная редакция). Однако этот кодифицированный нормативно-правовой акт дает некоторые признаки семьи, среди которых: наличие взаимных прав и обязанностей, совместное проживание членов семьи и их (членов семьи – И.М.) определение.

Фактически семью, в современном ее понимании, можно считать частью микросоциума, т. е. ближайшего социального окружения человека в его пространственно-временном континууме, которое самым непосредственным образом влияет на его, человека, развитие – эмоциональный мир, нравственные устои и элементы самосознания, а в конечном итоге – существование.

Этот тезис указывает на важнейшую социальную функцию семьи – воспитание детей, которое является частью такого сложного понятия как родительское правоотношение, объединяющее как права родителей, так и их обязанности в отношении детей. Родительское правоотношение здесь следует рассматривать не только как внутрисемейное отношение, это понятие значительно шире.

Последние десятилетия стали испытанием для российской семьи по причинам как объективного, так и субъективного характера, что породило для нее ряд негативных тенденций, в первую очередь связанных с ростом числа так называемых неблагополучных семей, а как следствие, процессами криминализации семейных отношений.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что ежегодно российские суды рассматривают более 50 тыс. дел по заявлениям о лишении родительских прав, растет численность приемных семей, с которыми досрочно расторгнуты договоры по причине возникновения неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования ребенка [6, с. 62].

Наблюдается высокий уровень и рост правонарушений среди несовершеннолетних, что также указывает на серьезные недостатки в сфере воспитания детей. В целом отмечен значительный рост преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам дать более подробный правовой анализ состояния преступности, связанной с семьей и несовершеннолетними, однако даже беглый взгляд на проблему свидетельствует о тревожной ситуации, которая требует внимания со стороны государства, в первую очередь связанного с уголовно-правовой защитой института семьи.

Безусловно, важным средством реализации этой правовой защиты является глава 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», где отражены основные правовые нормы направленные на защиту семьи и несовершеннолетних.

Вместе с тем эта правовая защита, и этот очевидный факт, не может быть эффективно реализована субъектами правоохранительной деятельности без научно-обоснованных криминалистических рекомендаций для расследования как преступлений определенных указанной выше главой УК РФ, так и преступлений, которые могут иметь факультативное (опосредованное) значение в аспекте посягательств на семью и несовершеннолетних, например, ст. 131 – 133, 135; 127.1 УК РФ и т. п.

В основе этих рекомендаций должны лежать, в первую очередь, данные анализа судебно-следственной практики, а также современные научно-теоретические технические и тактические криминалистические разработки, что позволит разработать соответствующие различные типовые методики расследования преступлений, связанных с семьей и несовершеннолетними.

Причем в основе этих методик должны быть не только рекомендации, непосредственно связанные с выявлением, раскрытием, расследованием и судебным рассмотрением

данных преступлений, но и рекомендации профилактического характера, обусловленные установлением в процессе предварительного расследования причин и условий способствовавших совершению преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних.

По нашему мнению, в современной криминалистике уделяется еще недостаточно внимания проблемам, связанным с исследованием преступлений против семьи и несовершеннолетних, их выявлению, раскрытию, расследованию, судебному рассмотрению и предотвращению. Еще имеется достаточно неизученных вопросов, связанных с тактикой и методикой расследования, которые требуют своего криминалистического разрешения, что, в свою очередь, при реализации в правоприменительной деятельности позволит улучшить криминальную ситуацию в сторону отрицательной динамики числа совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Очевидно, что в отдельно взятой публикации не представляется возможным детально рассмотреть такой сложный вопрос как: семья – объект криминалистического исследования и познания.

Однако даже такое тезисное его обоснование позволяет нам сделать вывод о том, что разрабатываемые в криминалистике технические, тактические и методические рекомендации, направленные на расследование, в такой сфере общественных отношений как преступления в сфере семьи и несовершеннолетних, являются объектом криминалистического исследования и познания, а также «единичным», с позиции методики расследования, если следовать логике категорий диалектического метода познания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
2. Советское семейное право / под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982.
3. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. М., 2002.
4. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.М. Кузнецова. М., 1996.
5. Ильяшенко А.Н. Борьба с насильственной преступностью в семье. М., 2003.
6. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук., проф., засл. юриста РФ В.Д. Зеленского. М., 2018.

REFERENCES

1. Kharchev A.G. Marriage and family in the USSR. Moscow, 1979.
2. Soviet family law / edited by V.A. Ryasentsev. Moscow, 1982.
3. Nechaeva A.M. Family law: a course of lectures. Moscow, 2002.
4. Commentary to the Family Code of the Russian Federation / ed ed. by I.M. Kuznetsov. Moscow, 1996.
5. Ilyashenko A.N. The fight against violent crime in the family. Moscow, 2003.
6. Kuemzhieva S.A. Methods of investigating crimes against the family and minors: monograph / under the scientific editorship of the doctor. jurid. Sciences, Prof., merit. Lawyer of the Russian Federation V.D. Zelensky. Moscow, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1/13.

Игнатъев Михаил Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1/13.

Перепечина Ирина Олеговна, доктор медицинских наук, академик РАЕН, профессор кафедры криминалистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1/13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komarov Igor Mikhailovich, Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminology. Lomonosov Moscow State University. 1/13, Leninskie gory, GSP-1, Moscow 119991 Russian Federation.

Ignatiev Mikhail Evgenievich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology. Lomonosov Moscow State University. 1/13, Leninskie gory, GSP-1, Moscow 119991 Russian Federation.

Perepechina Irina Olegovna, Grand PhD in Medical Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Criminology. Lomonosov Moscow State University. 1/13, Leninskie gory, GSP-1, Moscow 119991 Russian Federation.

Научная статья
УДК 34.038

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лемайкина Светлана Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
slemaikina2@mvd.ru

Введение: последние несколько лет цифровые активы и криптовалюта приобретают большую популярность среди инструментов цифровой экономики. Тема нормативного регулирования цифровых активов приобретает все большее значение с ростом их применения в различных сферах экономики и финансов. В современных условиях правильное правовое обеспечение цифровых активов не только способствует их развитию, но и играет ключевую роль в профилактике преступлений, связанных с отмыванием денег, финансированием терроризма, мошенничеством и другими киберпреступлениями.

Материалы и методы: в данной статье проведен анализ механизмов профилактики преступлений через нормативное регулирование цифровых активов, как в рамках действующего отечественного законодательства, так и в международной практике.

Результаты исследования: результаты исследования показали, что в России и других странах мира существует множество различных подходов к правовому регулированию оборота цифровых финансовых активов и криптовалют. В частности, в некоторых юрисдикциях криптовалюты рассматриваются как товар, в то время как в других странах их классифицируют как финансовые инструменты. Это разнообразие подходов создает сложности в координации правовых мер между различными странами.

Выводы и заключения: в ходе проведенного исследования установлено, что большинство стран активно работают над разработкой различных механизмов правового регулирования, направленных на создание более безопасной и предсказуемой среды для оборота цифровых финансовых активов. Тем не менее, необходимо отметить, что правовая природа криптовалют и цифровых активов остается неопределенной во многих юрисдикциях, что создает дополнительные риски для участников рынка. Будущая задача законодательных органов – развитие и совершенствование нормативных актов, способных адаптироваться к быстрому технологическому прогрессу, при этом обеспечивая высокий уровень безопасности и прозрачности операций с цифровыми активами.

Ключевые слова: криптовалюта, криптобиржа, ценные бумаги, токены, цифровой актив, цифровая валюта, криптоактив, майнинг.

Для цитирования: Лемайкина С. В. Нормативное регулирование цифровых активов как инструмент профилактики преступлений / С. В. Лемайкина // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 150–154

Original paper

REGULATORY REGULATION OF DIGITAL ASSETS AS A CRIME PREVENTION TOOL

Lemaikina Svetlana Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the past few years, digital assets and cryptocurrency have become increasingly popular among the tools of the digital economy. The topic of regulatory regulation of digital assets is becoming increasingly important with the growth of their use in various areas of the economy and finance. In modern conditions, proper legal support for digital assets not only contributes to their development, but also plays a key role in the prevention of crimes related to money laundering, terrorist financing, fraud and other cybercrimes.

Materials and methods: this article analyzes the mechanisms of crime prevention through regulatory regulation of digital assets both within the framework of the current domestic legislation and in international practice.

Results of the study: the research results showed that in Russia and other countries of the world there are many different approaches to the legal regulation of the turnover of digital financial assets and cryptocurrencies. In particular, in some jurisdictions cryptocurrencies are considered as a commodity, while in other countries they are classified as financial instruments. This diversity of approaches creates difficulties in coordinating legal measures between different countries.

Findings and conclusions: the study found that most countries are actively working on developing various legal regulation mechanisms aimed at creating a safer and more predictable environment for the turnover of digital financial assets. However, it should be noted that the legal nature of cryptocurrencies and digital assets remains uncertain in many jurisdictions, which creates additional risks for market participants. The future task of legislative bodies is to develop and improve regulations that can adapt to rapid technological progress, while ensuring a high level of security and transparency of transactions with digital assets.

Keywords: cryptocurrency, crypto exchange, securities, tokens, digital asset, digital currency, crypto asset, mining.

For citation: Lemaikina S. V. Regulatory regulation of digital assets as a crime prevention tool / S. V. Lemaikina // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 150–154

Благодаря развитию цифровых технологий кардинально меняется привычный образ экономических отношений. Перечень возможностей применения таких технологий в современном мире стремительно расширяется. На этом фоне активно развиваются виртуальные экономические отношения, электронные платежные сервисы, виртуальные криптобиржи, краудфандинг, что способствует активному развитию электронных денег и цифровых валют [1]. Постоянное развитие денежного рынка приводит к появлению новых финансовых инструментов, денежных суррогатов, товаров и продуктов, одним из которых является криптовалюта. Названные процессы увеличили количество преступных проявлений, произошла модернизация преступности, появились ее новые виды, а также новые предметы, способы и средства совершения преступлений. Возникновение нового финансового инструмента влечет за собой необходимость определения законодательного регулирования данного явления и выработки его правового статуса. Регулирование оборота цифровых активов, включая криптовалюты и токены, в различных странах мира является важным аспектом финансовой политики и профилактики преступлений. Этот процесс включает разработку нормативных правовых актов, направленных на обеспечение защиты инвесторов, борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма.

В юридической литературе и международных документах криптовалюта часто описывается как «цифровой актив», «виртуальная валюта», «криптовалюта», «электронная валюта», «виртуальные деньги» – терминология варьируется в зависимости от страны и сферы применения. Свою позицию по отношению к криптовалютам пытается сформировать не только каждое государство, но и надгосударственные международные органы. Опыт правового регулирования криптовалют в зарубежных странах говорит о наличии определенных положительных тенденций, так в Соединенных Штатах Америки основными регуляторами являются: комиссия по ценным бумагам и биржам (далее – SEC). SEC классифицирует некоторые криптовалюты и токены как ценные бумаги, что влечет за собой применение к ним соответствующих правил и требований по раскрытию информации и регистрации. Комиссия по торговле товарными фьючерсами (далее – CFTC), регулирует криптовалюты как товары, а Федеральная торговая комиссия (далее – FTC) защищает права потребителей. Все торговые площадки с криптовалютами, торгующие ценными бумагами или токенами, должны регистрироваться и подчиняться регулированию SEC. Комиссия внимательно следит за их деятельностью, включая операционные процессы и меры по борьбе с мошенничеством. SEC сотрудничает с другими регуляторами, отслеживая подозрительные операции на крипторынке, которые могут быть связаны с незаконной деятельностью. Это позволяет предотвратить использование криптовалют для криминальных целей¹. В США не существует единого федерального закона, регулирующего криптовалюты. Вместо этого применяется сочетание различных законов, таких как Закон о секьюритизации (Securities Act), применяется к криптовалютам и токенам, которые признаются ценными бумагами. Секьюритизация криптоактивов подпадает под общие правила выпуска

¹ URL: <https://ibmm.ru/что-такое-sec/> / Что такое SEC? Как они влияют на криптовалюту (дата обращения: 22.05.2025).

и обращения ценных бумаг, включая раскрытие информации и регистрацию в SEC. Закон о борьбе с отмыванием денег (далее – AML), который включает обязательность регистрации платежных предприятий (денежных сервисов) и раскрытия информации о подозрительных операциях. В настоящее время обсуждаются новые федеральные законопроекты (например, GENIUS Act, проекты структуры рынка, которые призваны обеспечить нормативную ясность и разделить юрисдикции между SEC и CFTC².

Одним из передовиков законодательства в области регулирования указанного актива становится Европейский союз (далее – ЕС). Регламентация цифровых активов в ЕС осуществляется через регламент «Рынки криптоактив», сокращенно MiCA[2]. Этот регламент устанавливает гармонизированные правила для рынка криптоактивов на всей территории ЕС, обеспечивая прозрачность, защиту потребителей и инвесторов, а также стабильность финансовой системы. MiCA был принят 20 апреля 2023 г. и полностью вступил в силу в декабре 2024 г., заменив предыдущие фрагментарные правила на единый регуляторный подход. MiCA оказывает влияние не только на европейский рынок, но и на мировой уровень, поскольку устанавливает новый стандарт регулирования цифровых активов. Это направлено на обеспечение прозрачности, снижение рисков и повышение доверия к криптовалютам³.

В Сингапуре регулирование криптовалюты осуществляется через Закон о платежных услугах (далее – PSA). Закон объединяет регулирование различных платежных услуг, включая фиатные и криптооперации, в единую систему. Введена обязанность по проведению процедур «Знай своего клиента», сокращенно KYC (KYC – процесс, в рамках которого финансовые учреждения и другие организации, работающие с деньгами клиентов, обязаны идентифицировать и проверить личность своих контрагентов перед началом с ними сотрудничества) и противодействия отмыванию денег, сокращенно AML (AML – это методика борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма). Согласно PSA, все поставщики услуг, связанных с криптовалютами – криптобиржи, платформы обмена, кошельки и другие операторы – должны получить соответствующую лицензию от денежно-кредитного управления Сингапура (Monetary Authority of Singapore, далее – MAS). Лицензия MAS на криптовалютную деятельность обязательна для всех операторов, ведущих бизнес с цифровыми токенами в Сингапуре⁴.

Япония стала одной из первых стран, официально признавших криптовалюты, как законное средство платежа. С 1 апреля 2017 г. Япония приравнивала биткойны и другие криптовалюты к обычным деньгам, признав их законным платежным средством наравне с национальной валютой – иеной. Закон о платежных услугах был пересмотрен для включения криптовалют в качестве законного платежного средства. Данный Закон требует от криптобирж регистрации и соблюдения определенных требований, таких как AML и KYC⁵. В Японии контроль и надзор за криптовалютными операциями осуществляет Агентство финансовых услуг (Financial Services Agency, далее – FSA). FSA отвечает за лицензирование криптовалютных бирж и компаний, контролирует соблюдение законодательства, в том числе требований по борьбе с отмыванием денег и идентификации клиентов, а также защищает интересы инвесторов в криптосекторе. FSA имеет полномочия проводить регулярные аудиты, анализировать подозрительные операции, налагать штрафы и отзываться лицензии в случае нарушений⁶.

Китай принял строгие меры по ограничению и запрету операций с криптовалютами. Эти меры начались примерно с 2013 г., когда финансовым учреждениям Китая запретили участвовать в торговле биткойнами. В 2017 г. Китай запретил первичные размещения токенов (далее – ICO) и закрыл внутренние криптовалютные биржи. В 2021 г. правительство объявило о запрете всех связанных с криптовалютами операций, что включает в себя закрытие бирж и запрет на ICO. Вместо этого Китай активно развивает свою цифровую валюту центрального банка, что демонстрирует подход к цифровым активам, отличающийся от других стран. Это не просто оцифрованные деньги, а высокотехнологичная государственная платформа,

² URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/682c51729a794710284e70a8> / Что такое GENIUS Act. Какие законы о криптовалютах приняли в США : РБК.Крипто (дата обращения: 22.05.2025).

³ URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/eu-crypto-regulation-mica-fully-into-force/> EU crypto regulation MiCA comes fully into force (дата обращения: 22.05.2025).

⁴ URL: <https://tkdeal.com/licenses/kriptovalutnaa-licenzia-v-singapore-trebovania-i-osobnosti> Криптовалютная лицензия в Сингапуре: требования и особенности | TKDeal (дата обращения: 22.05.2025).

⁵ URL: <https://www.ixbt.com/live/crypto/pravovoy-rezhim-kriptovalyut-yaponiya.html>. Правовой режим криптовалют: Япония / Финансы и криптовалюты / iXBT Live (дата обращения: 22.05.2025).

⁶ URL: <https://ybcase.com/fintech/oformit-kriptovalutnuu-licenzii-v-aponii>. Оформить криптовалютную лицензию в Японии – YB Case 2025 (дата обращения: 22.05.2025).

в которой используются смарт-контракты, оффлайн-платежи через NFC и Bluetooth, биометрическая идентификация и интеграция с электронными удостоверениями личности⁷. Все операции с цифровым юанем полностью контролируются государством, что отличает его от децентрализованных криптовалют.

Регулирование оборота цифровых активов в России представляет собой важную задачу, учитывая растущую популярность криптовалют и других цифровых активов. В последние годы в стране было разработано несколько ключевых нормативно-правовых актов, направленных на создание правовой основы для функционирования этого рынка. Федеральный Закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу 1 января 2021 года. Определяет ключевые термины, такие как «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта», «майнинг». Данный закон устанавливает кандидатуры правовых норм для акций и облигаций, а также правила обращения цифровых финансовых активов на организованных и неорганизованных рынках⁸.

На данный момент разрабатывается отдельный законопроект, касающийся регулирования криптовалют, как платежного средства так и правового статуса. В нем рассматриваются вопросы легитимности использования криптовалют в качестве средства платежа и возможности их обращения.⁹ Основной акцент делается на том, что криптовалюта не может использоваться как средство платежа внутри России, использование цифровых валют возможна в международной торговле. Компании, работающие с криптовалютами и токенами, должны соблюдать действующее законодательство о правовой природе и регистрации цифровых активов. Центральный банк Российской Федерации (далее – ЦБ) играет ведущую роль в регулировании цифровых финансовых активов. ЦБ издает рекомендации по обращению с криптовалютами и цифровыми активами и занимается защитой прав инвесторов¹⁰. Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) участвует в сборе и обработке данных о налогах на цифровые активы, а также следит за соблюдением законодательства о налогах на прибыль и НДС для транзакций с цифровыми валютами¹¹. Федеральная служба по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) следит за соблюдением законодательства по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма в сфере цифровых активов¹². Текущее законодательство России четко определяет, что цифровые активы не являются денежными средствами, а рассматриваются как имущество. Это имеет важные юридические последствия для прав и обязательств, связанных с ними. Для эффективной борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма важно применение строгого контроля над источниками средств. Один из ключевых инструментов – лицензирование криптовалютных бирж, которое позволяет властям систематически отслеживать денежные потоки и выявлять недобросовестную финансовую активность [3]. Компании, выпускающие или торгующие цифровыми активами, должны быть зарегистрированы в соответствии с законодательством о ценных бумагах и пройти процедуру лицензирования. Законодательство включает положения о защите прав инвесторов и требования по раскрытию информации для участников рынка, что направлено на минимизацию рисков.

Глобальная регуляторная среда в отношении цифровых активов характеризуется значительным разнообразием подходов, что порождает существенные риски и неопределенности для инвесторов и компаний, осуществляющих свою деятельность на международном уровне. Отсутствие унифицированных стандартов и согласованных правовых норм создает сложные препятствия для трансграничных операций и затрудняет прогнозирование последствий принимаемых решений. Каждая юрисдикция, стремясь

⁷ URL: <https://banks.kg/news/digital-yuan-changes-global-financial-architecture> Цифровой юань набирает обороты: Китай меняет глобальную финансовую архитектуру: Банки Кыргызстана (дата обращения: 22.05.2025).

⁸ Федеральный Закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 11 ноября 2024). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

⁹ URL: <https://news.ru/dengi/nabiullina-poshla-v-ataku-na-kriptovalyutu-za-chto-budut-shtrafovat-rossiyan> Набиуллина пошла в атаку на криптовалюту: за что будут штрафовать россиян (дата обращения: 22.05.2025).

¹⁰ URL: <https://refinanc.ru/journal/tsfa-dlya-novichkov-chto-takoe-tsifrovye-finansovye-aktivy-i-chto-govorit-o-nikh-zakon/> ЦФА для новичков: что такое цифровые финансовые активы и что говорит о них закон (дата обращения: 22.05.2025).

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/67472a379a7947a180d07508> Путин подписал закон о налогах на криптовалюты и майнинг. Что изменится: РБК.Крипто (дата обращения: 22.05.2025).

¹² URL: <https://kurs.alfabank.ru/vocabulary/rosfinmonitoring/> Что такое Росфинмониторинг – образовательная платформа «Курс» от Альфа-Банка (дата обращения: 22.05.2025).

обеспечить защиту прав инвесторов и предотвратить злоупотребления, разрабатывает собственный уникальный механизм регулирования, основанный на ее специфических экономических, политических и социальных условиях.

Сложность задачи регулирования цифровых активов усугубляется их децентрализованной природой и трансграничным характером операций. Проблема отслеживания и предотвращения использования криптовалюты в незаконных целях, таких как отмывание денег или финансирование терроризма, приобретает глобальное значение. Эффективное международное сотрудничество правоохранительных органов и регуляторов становится абсолютно необходимым для противодействия подобным угрозам. Без координации действий на международном уровне, регуляторы отдельных стран будут вынуждены действовать в условиях информационного вакуума, что существенно снижает эффективность мер по контролю и надзору. Только комплексный подход позволит обеспечить стабильность и предсказуемость рынка, привлечь инвестиции и минимизировать риски для всех участников этой динамично развивающейся отрасли. Дальнейшая работа над совершенствованием регуляторной базы должна быть основана на глубоком анализе международного опыта и учете специфики национальных рынков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) / Т.В. Пинкевич // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4(66).
2. Иванов И.С. Особенности правового регулирования криптовалют в европейском союзе на примере стейблкоина eur coinvertible // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. М., 2025.
3. Мальцев В.А., Коновалова А.Б. Проблемы правового регулирования криптовалюты в контексте противодействия преступлениям в сфере экономики // Актуальные вопросы современной науки и образования. Киров, 2024.

REFERENCES

1. Pinkevich T.V. Prevention of Crimes Committed in the Sphere of Digital Currency (Cryptocurrency) Circulation // The Rule of Law: Theory and Practice. 2021. № 4 (66).
2. Ivanov I.S. Features of Legal Regulation of Cryptocurrencies in the European Union Using the Example of the EUR Coinvertible Stablecoin // Actual Problems of Comparative Law and Legal Linguistics. Moscow, 2025.
3. Maltsev V.A., Konvalova A.B. Problems of legal regulation of cryptocurrency in the context of combating crimes in the economic sphere // Actual issues of modern science and education. Kirov, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лемайкина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения ОВД, Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lemaikina Svetlana Vladimirovna, Senior lecturer of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.97

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКСТРЕМИСТОВ И ТЕРРОРИСТОВ

Лозинский Олег Иванович

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
oleg.lozz@yandex.ru

Введение: в статье (применительно к сфере компетенции криминалистики) анализируются основные положения, характеризующие такие негативные тенденции современного мира, как экстремизм и терроризм (понятия, виды, структура и иные составляющие профильных угроз; классификация террористов и др.), а также пути, способы и алгоритмы противодействия экстремизму и терроризму.

Материалы и методы: определены кругом решаемых научных задач, которые были ориентированы на проведение анализа и определение профильных характеристик по наиболее значимым направлениям деятельности правоохранительных органов и специализированных государственных структур по борьбе с экстремизмом и терроризмом. При подготовке статьи применялся общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы.

Результаты исследования: автором, как в общетеоретическом, так и в эмпирическом плане, рассмотрены наиболее значимые и показательные примеры экстремистских и террористических проявлений, их взаимосвязь с социально-политической, духовной (в т. ч. религиозной, национально-этнической), экономической и другими значимыми сферами жизни общества и государства. Проведен анализ профильного российского законодательства, правоприменительной практики, научных трудов и исследований.

Выводы и заключения: выработаны авторские предложения в области криминалистики по совершенствованию методов и средств профилактики, раскрытия и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, национальная безопасность, радикализм, ксенофобия, феномен женского терроризма, шахиды.

Для цитирования: Лозинский О. И. Экстремизм и терроризм: криминологическая характеристика, классификация экстремистов и террористов / О. И. Лозинский // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 155–161

Original paper

EXTREMISM AND TERRORISM: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS, CLASSIFICATION OF EXTREMISTS AND TERRORISTS

Lozinsky Oleg Ivanovich

South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy National Economy of Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the main provisions characterizing such negative trends in the modern world as extremism and terrorism (concepts, types, structure and other components of profile threats; classification of terrorists, etc.), as well as ways, methods and algorithms for countering extremism and terrorism.

Materials and methods: the range of scientific tasks to be solved was determined, which were focused on analyzing and defining profile characteristics in the most significant areas of activity of law enforcement agencies and specialized government agencies to combat extremism and terrorism. The general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, induction, analysis, cognitive and comparative legal methods were used in the preparation of the article.

Results of the study: the author, both theoretically and empirically, examines the most significant and illustrative examples of extremist and terrorist manifestations, their interrelation with socio-political, spiritual (including religious, national-ethnic), economic and other significant spheres of society and the state. The analysis of relevant Russian legislation, law enforcement practice, scientific works and research is carried out.

Findings and conclusions: based on the results of the conducted research, the author's proposals in the field of criminology have been developed to improve methods and means of prevention, disclosure and investigation of crimes of extremist and terrorist orientation.

Keywords: extremism, terrorism, national security, radicalism, xenophobia, phenomenon of female terrorism, martyrs.

For citation: Lozinsky O. I. Extremism and terrorism: criminological characteristics, classification of extremists and terrorists / O. I. Lozinsky // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 155–161

На современном этапе мирового общественного развития вопросы, связанные с проявлениями религиозного и политического экстремизма, выходят на первое место в системе мировой общественной безопасности, в общем, и национальной безопасности, в частности.

Согласно положениям международного права (Шанхайская конвенция), под экстремизмом понимается деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства или насильственное посягательство на общественную безопасность, в т. ч. организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них [5, с. 192].

Мотивация на участие в экстремисткой деятельности может быть различной (ненависть, вражда): политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная, в отношении какой-либо социальной группы и др.

Экстремизм относится к явлениям, имеющим социально-политические предпосылки, к которым можно отнести: наличие и расширение (углубление) политических кризисов; низкий материальный уровень жизни (обнищание населения, безработица и т. п.); недоверие (имевшееся, возникшее на определенном этапе) к власти; внешнее вмешательство (косвенное, опосредованное, но целенаправленное и хорошо финансируемое) определенных государств во внутреннюю политическую ситуацию в стране; пропаганда, манипуляции социальным сознанием (как непосредственно, в процессе живого общения, так и опосредованно, через средства информационной коммуникации, с учетом их современных, практически неограниченных возможностей); подстегивание и нарастание протестных настроений (обеспечение масс лидерами, формулировка целей и задач, финансовое стимулирование мотивации и т. п.); формирование активистских центров, проведение актов неповиновения властям и др. [1, с. 96].

Вопрос состояния внутреннего национального социально-политического баланса отдельных стран (в определенных ситуациях) (при всем уважении к понятию государственного суверенитета) нередко выходит на уровень международных отношений и геополитики. Примером указанного может служить ситуация со странами Ближнего Востока, где в результате событий, так называемой «арабской весны», в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, Ливия, Ливан, Сирия и др., в процессе внутренних политических конфликтов образовались экстремистские центры, а затем на их основе были созданы и окрепли террористические группировки. При этом ряд стран, в т. ч. и из числа так называемых «развитых», активно материально-финансово, организационно-консультативно, а иногда и военно-технически, способствовали названным процессам (естественно, в собственных интересах).

Указанное на современном этапе породило глобальные проблемы, т. к. набравшие силу и ставшие в названных странах практически легальными, террористические организации активно вовлекают в свои ряды сотни тысяч человек, проникли своими «филиалами» в десятки стран и все чаще и чаще проявляют себя в многочисленных терактах, вооруженных нападениях, проявлениях «информационной войны» и прочих дестабилизирующих мировую безопасность действиях.

Также следует признать, что политический экстремизм в мусульманских странах имеет четкую религиозную окраску, превращаясь в религиозно-политический экстремизм. При этом умеренный ислам не нарушает своих постулатов: «не проливай невинной крови», «не причиняй бед и страданий ближнему», «не обнажай меча ради ложного дела» [5, с. 197].

Однако это не мешает тому, что идеология ваххабизма стала основой известных международных террористических организаций, таких как «Братья мусульмане», «Джамаат ислами», «Хезб ут Тахрир». Названные организации пытаются активно развивать свою деятельность на территории России, в т. ч. и через международные миссионерские и религиозные организации ваххабитского толка, такие как, например, Международная ассамблея мусульманской молодежи, Всемирная исламская лига, Исламская конференция и др.). При этом названному направлению ислама присуща логика, оправдывающая убийство иноверца или просто оппонента.

В концептуальном плане суть современного экстремизма (фундаментализма) ваххабитского толка как религиозно-политического учения сводится к: неотделимости религии и общества друг от друга; возрождению ислама в первоначальном виде, его очищению от нововведений; приоритету идеологии и духа пан-исламизма; возрождению халифата; утверждению во всех мусульманских странах исламского правления. Окончательная цель ваххабизма заключается в создании всемирного исламского государства [1, с. 97].

В Российской Федерации разработано и принято национальное законодательство по противодействию экстремизму. Нашей страной ратифицировано большинство международно-правовых актов в данной сфере. Однако на текущий момент проблема экстремизма требует еще более повышенного внимания со стороны общества и государства (в т. ч. и с учетом многонациональности и многоконфессиональности нашей страны, а также проблемных вопросов в сфере миграции).

При этом необходимо констатировать, что терроризм и экстремизм – явления взаимообусловленные: терроризм органически порождается экстремизмом, а экстремизм усиливается (подпитывается) терроризмом.

Согласно нормам действующего отечественного законодательства, терроризм, это идеология насилия и практика воздействия на принятие решений руководящими органами международных организаций, государственной власти, местного самоуправления, связанные с актами устрашения населения или другими формами противоправных насильственных действий, носящими названную направленность и имеющими преимущественно открыто-демонстративный, показательный характер. Понятие террористического акта закреплено в ст. 205 УК РФ [1, с. 95].

Террористические организации на современном этапе прошли большую «эволюцию», и на текущий момент представляют собой мощные, устоявшиеся структуры, соизмеримые по численности и уровню организации, даже с соответствующими государственными ведомствами стран, где они в основном дислоцируются.

По своей структуре и организационным принципам данные организации схожи с государственными воинскими формированиями: основаны на единоначалии, имеют четкую властную вертикаль, включают в своем составе хорошо вооруженные и обученные боевые, аналитические и разведывательные подразделения (нередко десятки тысяч боевиков), практически легально комплекуются за счет вербовки и рекрутинга новых членов, имеют штабы, современно оборудованные лагеря для подготовки боевиков, склады оружия, боеприпасов, военной техники и др.

Кроме того, исследуемые организации имеют: достаточные для их функционирования финансовые возможности; связи и лобби в сферах государственного управления, местного самоуправления, в правоохранительных органах, в армии и других госструктурах; значимое идеологическое и политическое влияние в странах и регионах по месту их создания и нахождения.

Названные организации пытаются оказывать влияние на мировые процессы и активно действовать на местном и региональном уровне, а также и на международной арене.

Как правило, террористическая организация зарождается и начинает формироваться с момента появления ее потенциального руководителя (идеологического лидера), который в дальнейшем лишь подбирает и «создает» подчиненных сообщников (для групп на временной или постоянной основе). Со временем, вокруг лидера образуется преступное сообщество, состоящее из его единомышленников и привлеченных для террористической деятельности лиц (в т. ч. и на основе найма).

Для реализации программных целей, обозначенных лидером, преступное сообщество начинает формировать «боевые ячейки» террористов-исполнителей (в т. ч. террористов-смертников), а затем и более глобальные вооруженные формирования (в связи с расширением масштаба целей и задач).

Организация, имеющая возможность действовать полуполюгально (легально), нуждается в постоянном пополнении и расширении ее рядов, что и происходит за счет вербовки, рекрутинга и найма новых членов, преимущественно, боевиков-исполнителей (в подавляющем большинстве, это люди из низших слоев общества – малоимущие, необразованные, с узким кругозором, без четких целей в жизни, из которых достаточно легко воспитывать религиозно-националистических фанатиков, или мотивировать их на соответствующую деятельность достаточно скромным материальным вознаграждением). Для обучения и «воспитания» «новобранцев» организуются соответствующие лагеря (центры) подготовки.

Указанная деятельность требует значительных материальных затрат, в связи с чем организуется финансирование и материально-техническое обеспечение всех названных процессов (пожертвования, наркоторговля, торговля оружием и людьми, контрабанда, а иногда и вполне реальный бизнес (нередко в сырьевой области) – драгоценные камни, металлы, нефть и др.).

При этом террористические организации внимание уделяют информационному сопровождению своей деятельности и пропаганде ее идей, целей и задач (например, идеология «священной войны»), а также получению связей и лобби в структурах государственной власти, в правоохранительных органах, в армии и др. [4, с. 218].

В дальнейшем (если ее своевременно не «остановят») террористическая организация первоначально выходит на местный, затем на региональный, а затем и на мировой уровень, о чем и «заявляет» посредством террористических актов, акций устрашения населения и т. п.

Проявления террористической активности довольно многообразны (не редко ограничиваются только «фантазией» ее организаторов): захват заложников; подрыв объектов (в т. ч. и имеющих культурную и религиозную ценность); использование террористов-смертников; убийство политических, государственных, религиозных и т. п. деятелей; вооруженное нападение; организация взрывов транспортных средств, в местах большого скопления людей; захват и угроза уничтожения объектов повышенной опасности (плотины ГЭС; атомные электростанции, химические заводы, военные арсеналы и т. п.); использование компьютерно-информационных технологий для реализации форм «информационной войны; и др. [3, с. 193–194].

На текущий момент террористические организации в своей преступной деятельности широко используют научно-технические достижения, что существенно расширяет спектр возможностей реализации террористических угроз, позволяет воздействовать на объекты террора бесконтактно (дистанционно), оставаясь вне досягаемости профильных государственных структур.

Интерес вызывают характеристики личностей террористов, которые предлагается рассмотреть более подробно.

По мнению автора, лиц, организующих и реализующих террористическую деятельность, можно классифицировать (по отношению к этой деятельности и их мотивации):

- террористы-идеологи – лица, имеющие основным мотивом для деятельности идею (религиозную, национальную, политическую и др.), с верой в нее вплоть до фанатизма; ярким примером является Усама бен Ладен (Усама бен Мухаммед бен Авад бен Ладен – международный террорист, основатель и первый эмир международной исламистской террористической организации «Аль-Каида»);

- профессиональные террористы – лица, у которых явно выраженные идеологические пристрастия отсутствуют; цель деятельности – дестабилизация нормальных процессов жизнедеятельности общества и государства за денежное вознаграждение (основа деятельности – наемничество; профессиональные, дисциплинированные, расчетливые, уверенные в себе, умеющие четко ставить задачи и эффективно их реализовывать); примером может служить Шамиль Басаева (Шамиль Салманович Басаев, он же Абдаллах Шамиль Абу-Идрис – чеченский полевой командир);

- смертники-шахиды – лица (фанатики), (основная мотивация – «все шахиды, умершие за веру, попадают в рай»);

- меркантильные террористы – лица, у которых цель деятельности – получение материальной выгоды (вознаграждения) за выполнение определенного террористического действия;

- насильственные террористы – лица, при реализации террористической деятельности склонные к применению различного рода насилия в отношении оказавшихся в их власти лиц (преимущественно, для удовлетворения собственного «эго»);

- террористы-поджигатели – лица, желающие, посредством реализации терактов, привлечь к себе внимание общественности, органов власти;

– террористы-манипуляторы – лица (преимущественно террористы – исполнители), старающиеся в ходе террористической деятельности выделиться посредством различного рода манипуляций на фоне других террористов-исполнителей, получив при этом максимально возможное материальное вознаграждение за совершаемую преступную деятельность;

– террористы-шантажисты – лица, стремящиеся получить в результате террористической деятельности, как материальную выгоду, так и известность (например, путем захвата заложников и публичного предъявления требований);

– апокалипсические террористы – лица, недавно (либо вообще впервые, разово) ставшие на путь совершения террористического акта и считающие себя «посланниками Бога» или лицом «находящимся в своем праве из соображений высшей справедливости или просто исходя из того, что может себе это позволить, освободившись от социальных и морально-нравственных «цепей» (месть своим обидчикам, как непосредственным, так и гипотетическим; искоренение «общего зла»; «наказание всех за все» и т. п.).

Продолжая настоящее исследование, с учетом особенностей стиля поведения, приоритетной индивидуальной мотивации, психологических наклонностей, можно выделить следующие конкретные типы личностей – террористов, например: «миссионеры-фанатики», «лидеры-повелители», «мстители», «сценаристы-режиссеры»; «техники-специалисты» и др.

Большинство нижестоящих и среднеуровневых типов террористов фактически «выращивается в недрах» самих организаций, куда они вербуются (рекрутируются) из «внешней среды» и где проходят идеологическую, теоретическую и практическую подготовку. В ходе указанного также происходит определенная «фильтрация» их руководством организации на предмет наличия у них организаторских и руководящих способностей. Лица, у которых эти способности есть, пополняют ряды полевых командиров первичного звена и руководителей «боевых ячеек».

Наибольший интерес относительно рядовых членов террористических организаций представляет криминалистическая характеристика террористов-смертников (шахидов): в настоящее время преимущественно (65 %) женщины в возрасте 18–27 лет (93 %) [2, с. 110–112].

Результаты проведенного исследования показывают, что в большинстве случаев в основе мотивационного механизма шахидок, при всем их «зомбировании» руководством террористических организаций, чаще всего лежат «земные мотивы» – попытка отмщения за погибших или пропавших без вести в ходе боевых действий мужей, сыновей, братьев (боевиков-террористов) (поэтому в СМИ их нередко называют «черными вдовами»).

Шамиль Басаев считал «черных вдов» значимой частью своих сил террористов-смертников, называемых Бригадой мучеников Риядус-Салихийн (первой «черной вдовой» считается 17-летняя Хава Бараева – племянница Арби Бараева, чеченского полевого командира). В дальнейшем использование в «священной войне» террористок-смертниц и вообще террористок-женщин, фактически «встало на конвейер» (в теракте «на Дубровке» (г. Москва) их было 20 из 40 членов группы боевиков, при этом только две из них являлись «классическими» «черными вдовами») [2, с. 110].

Террористическая угроза, реализуемая террористами-женщинами, актуальна и на текущий момент. Одним из наиболее «свежих» примеров является террористический акт, совершенный Дарьей Треповой. По данным следствия, Трепова с соучастниками, действуя за денежное вознаграждение, под руководством кураторов из Украины, готовились к совершению теракта с октября 2022 г. При этом Трепова для того чтобы ее «лицо примелькалось» и она не вызывала никаких негативных подозрений, используя поддельный студенческий билет (удостоверение) студентки академии художеств, неоднократно посещала мероприятия, проводимые военным корреспондентом Максимом Фоминым, который в СМИ был известен как «Владлен Татарский». В связи с этим среди постоянных участников названных мероприятий уже считалась практически «своей». Действуя по ранее намеченному плану, на очередном мероприятии 2 апреля 2023 г. в кафе в центре г. Санкт-Петербурга, Трепова, имея умысел на его убийство, вручила Владлену Татарскому статуэтку, начиненную взрывчатым веществом. В результате взрыва военный корреспондент погиб, а 52 человека, из числа находившихся в кафе, получили ранения (при этом сама Трепова не пострадала) [2, с. 113–114].

Продолжая дальнейшую классификацию, необходимо отметить, что среднее руководящее звено террористических организаций (бригадиры, старшие), нередко гораздо более образовано, чем рядовые их члены. При этом их мотивация по активному участию в деятельности исследуемых организаций во многом продиктована религиозными убеждениями или корыстными побуждениями.

Террористы-идеологи и практические руководители террористических организаций – лица, пользующиеся практически непререкаемым авторитетом в среде террористов, обладающие «даром убеждения», но при этом жесткие по характеру, эгоцентричные и авторитарные. Нередко они являются религиозными и националистическими фанатиками, имеют большой организаторский, политический, военный и криминальный опыт, а также опыт изыскания возможностей (легальных, криминальных) финансирования и материально-технического обеспечения крупных организаций.

По мнению автора, одной из основных проблем противодействия террористической деятельности является то, что управленческие структуры, материальные и финансовые ресурсы и места сосредоточения и подготовки боевиков, которые устраивают террористические акты на территории нашей страны, находятся за ее пределами (преимущественно), вне досягаемости правоохранительных органов и в ограниченной досягаемости других специализированных государственных структур.

Кроме того, террористическая идеология «священной войны», преимущественно основанная на религиозно-националистических идеях, является предпосылкой к «брожению в умах», способствует социальной напряженности, ведет к духовному, религиозному и национально-этническому разобщению нашего многонационального и многоконфессионального народа. Усиление внутренней нестабильности всегда нагнеталось и использовалось для ослабления государства и общества перед внешними угрозами, что мы наглядно, в режиме реального времени и видим в период текущей «новейшей истории».

Представляется, что любая глобальная проблема легче поддается разрешению и устранению, если разделить ее на несколько составляющих и постараться разрешить каждую из этих проблемных составляющих по отдельности.

Несмотря на ранее уже обозначенные проблемы противодействия терроризму, связанные сегомеждународностью иэкстритерриториальностью, для государственных правоохранительных структур и профильных специализированных структур, даже в рамках территории нашей страны, по мнению автора, есть широчайшее поле для деятельности: устранение террористических ячеек; противодействие вербовке и рекрутингу в террористические организации; борьба с информационной и пропагандистской составляющей исследуемой деятельности; противодействие сбору средств на названные преступные цели; устранение лобби названных организаций в управленческих структурах и правоохранительных органах «национальных республик» – субъектов РФ; «работа» с национальными диаспорами бывших республик СССР (а сейчас членов СНГ); борьба с эмиссарами и агентами международных террористических организаций, ведущих профильную деятельность на территории РФ; безусловное оперативное уголовно-процессуальное реагирование на все противоправные действия, подпадающие под соответствующие составы УК РФ; проведение активной контрпропаганды данной деструктивной деятельности и многое другое, в т. ч. и в рамках компетенции в сферах оперативно-розыскной деятельности (ФСБ РФ, МВД РФ и др.), внешней разведки и даже, в ряде случаев, в рамках компетенции МО РФ.

Подводя итоги настоящего исследования, приходим к обоснованному выводу о том, что в своей части решения названной глобальной задачи по противодействию экстремисткой и террористической угрозам (во всем многообразии их проявлений), совершенствование методов и средств профилактики и расследования преступлений названной направленности, относится к основным задачам современной криминалистики, на эффективное разрешение которой, с учетом осознания ее приоритетности, направляются все имеющиеся, и динамично возникающие в ходе научно-технической деятельности, ресурсы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов А.В., Дорожко Ф.Л., Хазов Е.Н. Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика // Вестник экономической безопасности МВД России. 2023. № 6.
2. Дудниченко А.Н., Григорян Д.К. О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64).
3. Мироненко А.Р. Криминалистическая характеристика экстремизма и терроризма // Международное периодическое научное издание «Взгляд в будущее». 2024. № 6.
4. Повстяной Д.Ю. Пропаганда идеологии экстремистско-террористической направленности среди молодежи как угроза национальной безопасности России // Научный журнал «Юридический факт». 2024. № 2.

5. Тимошенко О.А. Проблемы противодействия преступлениям, связанным с религиозным и политическим экстремизмом // Известия высших учебных заведений. Приволжский регион. Общественные науки (Пензенский государственный университет). 2023. № 3 (67).

6. Макоев И.В. Криминалистическая характеристика личности в молодежном экстремизме // Форум молодых ученых. 2023. № 3.

REFERENCES

1. Bogdanov A.V., Dorozhko F.L., Khazov E.N. Threats and challenges of extremism and terrorism in the modern world: operational and investigative characteristics // Bulletin of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 6.

2. Dudnichenko A.N., Grigoryan D.K. On some aspects of the recruitment of women by terrorist organizations via the Internet // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4(64).

3. Mironenko A.R. Criminalistic characteristics of extremism and terrorism // The international scientific periodical «A Look into the Future». 2024. № 6.

4. Povstyan D.Y. Propaganda of extremist-terrorist ideology among young people as a threat to Russia's national security // Scientific journal «Legal Fact». 2024. № 2.

5. Timoshenko O.A. Problems of countering crimes related to religious and political extremism // Izvestia of Higher educational institutions. The Volga region. Social Sciences (Penza State University). 2023. № 3 (67).

6. Makoev I.V. Criminalistic characterization of personality in youth extremism // Forum of Young Scientists. 2023. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозинский Олег Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lozinsky Oleg Ivanovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.745.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ, СВЯЗАННЫМ С ПОВРЕЖДЕНИЕМ УСТРОЙСТВ СИГНАЛИЗАЦИИ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И БЛОКИРОВКИ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Мангасаров Руслан Анатольевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
Mangasarov-pro@mail.ru

Бурцев Антон Олегович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
burcev_anton@bk.ru

Введение: в условиях сложной обстановки, связанной с проведением специальной военной операции, в Российской Федерации возросли угрозы диверсионно-террористического характера на объектах железнодорожного транспорта. За последнее время отмечается существенный рост посягательств в виде повреждений или уничтожения устройств сигнализации, централизации и блокировки. В этой связи правоохранительным органам необходимо своевременно принимать меры, направленные на поиск и адаптацию к современным вызовам методик противодействия рассматриваемым преступным деяниям.

Материалы и методы: открытые российские источники (научные статьи, монографии, доклады и т. д.); контент-анализ документов, анализ, синтез, описание, сравнение.

Результаты исследования: в статье в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел на транспорте рассмотрена характеристика противоправных деяний, связанных с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта, отражено современное состояние противодействия посягательствам, связанным с повреждением указанных устройств, проведен контент-анализ научной литературы и иных источников по теме исследования, а также приведены предложения, направленные на совершенствование деятельности органов внутренних дел на транспорте по противодействию повреждению и уничтожению устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта.

Выводы и заключения: результаты проведенного исследования свидетельствуют о неоспоримой стратегической значимости транспортной безопасности для развития всех сфер жизнедеятельности общества и государства. При этом важным направлением обеспечения транспортной безопасности является противодействие преступным посягательствам, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта. Данное научное направление, в условиях проведения специальной военной операции является одним из приоритетных для Российской Федерации.

Ключевые слова: противодействие преступлениям, диверсия, специальная военная операция, повреждение и уничтожение устройств сигнализации, централизации и блокировки, железнодорожный релейный шкаф, объекты железнодорожного транспорта.

Для цитирования: Мангасаров Р. А., Бурцев А. О. Противодействие преступным посягательствам, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта / Р. А. Мангасаров, А. О. Бурцев // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 162–169

Original paper

COUNTERING CRIMINAL ATTACKS INVOLVING DAMAGE TO ALARM, CENTRALIZATION, AND LOCKING DEVICES AT RAILWAY TRANSPORT FACILITIES

Mangasarov Ruslan Anatolyevich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Burtsev Anton Olegovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the context of the complex situation associated with the special military operation, the Russian Federation has faced increased threats of sabotage and terrorism at railway transport facilities. Recently, there has been a significant increase in attacks involving damage or destruction of signaling, centralization, and blocking devices. As a result, law enforcement agencies need to take timely measures to identify and adapt counter-measures to these criminal activities.

Materials and methods: open Russian sources (scientific articles, monographs, reports, etc.); content analysis of documents, analysis, synthesis, description, and comparison.

Results of the study: in order to improve the activities of internal affairs bodies in the field of transport, the article examines the characteristics of illegal acts related to the damage of signaling, centralization, and blocking devices at railway transport facilities. The article reflects the current state of countering attacks related to the damage of these devices, conducts a content analysis of scientific literature and other sources on the subject of research, and provides suggestions aimed at improving the activities of internal affairs bodies in the field of transport to counteract the damage and destruction of signaling, centralization, and blocking devices at railway transport facilities.

Findings and conclusions: the results of the study indicate the undeniable strategic importance of transport security for the development of all areas of society and the state. At the same time, an important aspect of ensuring transport security is countering criminal acts related to the damage of signaling, centralization, and blocking devices at railway transport facilities. This scientific area is a priority for the Russian Federation in the context of the ongoing special military operation.

Keywords: countering crimes; sabotage; special military operation; damage and destruction of signaling, centralization, and blocking devices; railway relay cabinet, railway transport facilities.

For citation: Mangasarov R. A., Burtsev A. O. Countering Criminal encroachments related to damage to alarm, centralization and blocking devices at railway transport facilities / R. A. Mangasarov, A. O. Burtsev // Jurist-Pravoved : Scientific-Theoretical and Informative.- methodical. journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 162–169

В современных условиях, характеризующихся проведением специальной военной операции, на территории Российской Федерации наблюдается обострение угроз диверсионно-террористической деятельности, в том числе в отношении объектов железнодорожной инфраструктуры. Особую обеспокоенность вызывает увеличение числа преднамеренных повреждений и актов вандализма, направленных на устройства сигнализации, централизации и блокировки (далее – СЦБ), включая железнодорожные релейные шкафы (далее – ЖДРШ).

ЖДРШ представляют собой критически важные элементы системы обеспечения безопасности движения поездов. Они выполняют ключевые функции в управлении световой и звуковой сигнализацией на перегонах, железнодорожных переездах, а также в местах пересечения с автомобильными дорогами. Помимо этого, данные устройства предотвращают риск схода подвижного состава с рельсов, исключают возможность столкновения поездов, обеспечивают автоматизированное распределение составов по участкам пути и управляют работой переездного оборудования. Нарушение их работоспособности способно привести к масштабным сбоям в движении поездов и создать угрозу жизни пассажиров и сохранности грузов.

В связи с этим актуальной задачей является разработка и внедрение эффективных мер по противодействию преступным посягательствам на объекты транспортной инфраструктуры и их защиты, в частности ЖДРШ от несанкционированного доступа и диверсионных воздействий, что позволит минимизировать риски аварийных ситуаций и обеспечить бесперебойное функционирование железнодорожного транспорта.

Проведенный анализ правоприменительной практики выявил отсутствие системного подхода к уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с повреждением устройств СЦБ на объектах железнодорожного транспорта. Данная правовая неопределенность создает предпосылки для возможных ошибок в процессуальных решениях и требует тщательного научного осмысления.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым осуществить детальный анализ юридической природы рассматриваемых противоправных деяний, что позволит выработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики в данной сфере.

Анализ судебно-следственной практики показывает существенную проблему дифференциации уголовно-правовой квалификации однородных противоправных деяний.

Несмотря на сходный характер преступных посягательств, правоприменительные органы осуществляют их квалификацию по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в частности по ст. 167 УК РФ – преступления против собственности, ст. 267 УК РФ – преступления в сфере безопасности транспортной инфраструктуры и ст. 281 УК РФ – преступления против государственной безопасности [1].

Подобная вариативность правовой оценки обусловлена необходимостью комплексного учета юридически значимых факторов, включающих: специфику предмета преступного посягательства; особенности объекта уголовно-правовой охраны; мотивационную составляющую противоправного деяния; характер и степень общественной опасности совершенного деяния.

Данный подход отражает необходимость индивидуализации уголовной ответственности с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного преступного акта.

Вместе с тем предмет преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ, характеризуется следующими признаками:

1) содержание уголовно-правовой нормы предполагает четко детерминированную функциональную спецификацию – гарантирование безопасности процессов эксплуатации и перемещения транспортных средств. Пикуров Н.И. обоснованно отмечает, что «деяние представляет противоправное нарушение технологической системы, обеспечивающей функционирование транспортных средств, которое создает непосредственную возможность аварии, крушения, катастрофы, наступления тяжких последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевших, гибели людей либо причинения тяжкого ущерба» [2]. Близкое по сути утверждение высказано в работе А.И. Коробеева «Транспортные преступления и транспортная преступность» [3];

2) функциональная исправность предполагает использование объекта в соответствии с его целевым назначением. Выведенные из строя элементы транспортной инфраструктуры не могут рассматриваться в качестве предмета преступления;

3) нормативная регламентация функционирования. Деятельность указанных объектов должна осуществляться в строгом соответствии с действующими отраслевыми нормативно-правовыми актами, регулирующими работу транспортного комплекса. Данный критерий подчеркивает формально-юридическую определенность предмета преступного посягательства [4].

В диспозиции ст. 267 Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствует прямое указание на релейные шкафы в качестве самостоятельного предмета преступления. Данная законодательная техника представляется обоснованной, поскольку норма использует родовые признаки объектов преступного посягательства, к которым относятся: транспортные средства, пути сообщения, средства сигнализации и связи, а также иное транспортное оборудование.

Как следует из положений Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [5], инфраструктура железнодорожного транспорта представляет собой комплекс технологических систем, включающий: устройства энергоснабжения; телекоммуникационные сети, системы СЦБ, информационно-управляющие комплексы, автоматизированные системы управления движением.

РЖДШ входят в систему СЦБ и являются элементом указанной инфраструктуры, что позволяет рассматривать их в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ.

При квалификации актов повреждения или уничтожения ЖДРШ по ст. 267 УК РФ необходимо учитывать, что данная норма охватывает три самостоятельных преступных деяния, а именно: разрушение, повреждение или иное приведение в негодное состояние элементов транспортной инфраструктуры. Ряд исследователей рассматривают указанные термины как характеристику способа совершения преступления, основываясь на текстуальном анализе нормы. Ряд авторов [6] интерпретируют их как описание преступных последствий, связывая с конкретными действиями (поджогами, взрывами и т. д.). Однако последняя позиция представляется спорной, поскольку законодатель отдельно предусматривает последствия в диспозиции статьи. Преобладающей в научной литературе является точка зрения, согласно которой рассматриваемые признаки характеризуют именно деяние, что соответствует юридической природе данного преступления. Альтернативный подход приводит к логическому противоречию, когда разрушение как последствие влечет угрозу разрушения.

Как отмечалось ранее, противоправные действия в отношении ЖДРШ могут подпадать под действие ст. 167 УК РФ. Критериями отграничения данного состава от преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ, выступают объект и предмет преступного посягательства. Следует подчеркнуть, что предмет преступления в уголовно-правовой доктрине зачастую выполняет функцию материального выражения охраняемых законом общественных отношений, что делает его ключевым элементом при разграничении смежных составов.

В контексте ст. 167 УК РФ предмет преступления определяется как чужое имущество, обладающее тремя обязательными характеристиками: материальной субстанцией, экономической ценностью и правовым статусом. Отсутствие любой из указанных характеристик исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по данной статье. Принципиальное значение имеет тот факт, что хотя такое имущество может быть связано с транспортной сферой, оно не выполняет функций обеспечения безопасности транспортного процесса (например, релейные шкафы на недействующих железнодорожных путях). Таким образом, рассматриваемый состав преступления посягает на отношения собственности, а его предметом выступает имущество, не включенное в систему транспортной инфраструктуры, обеспечивающую безопасность эксплуатации. Для правильной квалификации в каждом конкретном случае необходимо устанавливать функциональное значение поврежденной или уничтоженной системы железных дорог, поскольку игнорирование данного аспекта может привести к судебным ошибкам.

Альтернативно, повреждение или уничтожение ЖДРШ может квалифицироваться по ст. 281 УК РФ (диверсия). Особенностью данного состава является прямое указание в диспозиции на способы совершения преступления: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение объектов транспортной инфраструктуры».

В отличие от других составов преступлений, диверсия (ст. 281 УК РФ) имеет особый объект посягательства – экономическая безопасность и обороноспособность государства. В правовой доктрине экономическая безопасность трактуется как устойчивое состояние национальной экономики, обеспечивающее стабильное социально-политическое развитие страны, необходимый уровень оборонного потенциала, защищенность стратегических экономических интересов от внутренних и внешних угроз. Понятие обороноспособности включает комплекс показателей, характеризующих готовность государства к защите конституционного строя, территориальной целостности и национальных интересов в условиях потенциальных военных угроз. Таким образом, специфика диверсии как особо опасного преступления заключается в посягательстве на фундаментальные основы национальной безопасности, что отличает ее от других преступлений против транспортной инфраструктуры.

Законодательное выделение объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в качестве особо охраняемых объектов обусловлено их стратегическим значением для обеспечения национальной безопасности. Особую значимость бесперебойное функционирование железнодорожного транспорта приобретает в современных условиях проведения специальной военной операции, когда устойчивость транспортной системы становится критически важным фактором обороноспособности государства.

Железнодорожный транспорт как потенциальный объект диверсионных актов обладает двумя ключевыми характеристиками: высокой экономической значимостью [7] и повышенной уязвимостью к диверсионным воздействиям. Эти факторы обуславливают исключительную общественную опасность данного вида преступлений.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие отличительные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, в сравнении со ст. 167 и 267 УК РФ:

- 1) формальный состав – преступление считается оконченным с момента совершения действий, направленных на повреждение или уничтожение объектов транспортной инфраструктуры;
- 2) отсутствие необходимости фактического наступления последствий в виде приведения объектов в негодное состояние;
- 3) ключевое значение имеет целенаправленный характер действий (установленный законодателем термин «направленные» подразумевает целевую устремленность и сосредоточенность в определенном направлении).

Субъективная сторона диверсии характеризуется прямым умыслом и специальной целью, а именно подрывом экономической безопасности и/или обороноспособности Российской Федерации.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 281 УК РФ, отличается от смежных составов по следующим критериям:

- 1) объекту посяательства (экономическая безопасность и обороноспособность государства);
- 2) субъективной стороне (наличие специальной цели).

Статистические данные свидетельствуют о значительной динамике правонарушений, связанных с повреждением ЖДРШ, с момента начала специальной военной операции. До 2022 г. было зарегистрировано относительно небольшое количество подобных инцидентов, однако уже с февраля 2022 г. наблюдается резкий рост преступной активности.

Анализ сезонных колебаний показывает устойчивое снижение количества правонарушений в зимний период, что объясняется комплексом объективных факторов:

- 1) техническими сложностями совершения противоправных действий в условиях низких температур (ограниченная подвижность в зимней одежде, необходимость использования специального инструмента);
- 2) затрудненным доступом к объектам инфраструктуры из-за снежных заносов;
- 3) повышенными рисками идентификации преступников благодаря хорошо сохраняющимся на снегу следам.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте современной геополитической ситуации и стремительного развития технических средств, что потенциально может привести к существенному увеличению масштабов и тяжести последствий подобных противоправных действий [8]. В связи с этим требуется разработка комплексных мер по усилению защиты объектов железнодорожной инфраструктуры с учетом выявленных закономерностей и потенциальных угроз.

Стоит также отметить, что количество раскрытых случаев повреждения или уничтожения ЖДРШ не превышает 30 %, и во всех случаях наказание получают только исполнители диверсий, а анонимные заказчики могут продолжать планировать и организовывать диверсионные акты» [9].

Указанные факты стали следствием звучащих призывов в социальных сетях, различных мессенджерах, специально созданных группах на интернет-ресурсах, деятельность которых полностью контролируется иностранными спецслужбами. Иностранцам нет необходимости проникать на территорию страны. Все факты преступных деяний были совершены нашими соотечественниками достаточно юного возраста, которые попались в сети подстрекателей, в теневом сегменте Интернета и «купились» на обещанное денежное вознаграждение.

Враждебность к нашей стране со стороны недружественных государств продиктована отстаиванием Российской Федерацией своих интересов на мировом уровне, проявлением своей самостоятельности в вопросах обеспечения безопасности государства.

Внутри страны вопросы государственной безопасности правоохранные структуры решают в рамках действующего законодательства, путем применения норм уголовного права по указанным составам преступлений.

В частности, согласно действующему законодательству, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, данное положение зафиксировано в ч. 1 ст. 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность». В части 2 данной статьи перечислены более 29 уголовных норм, наказание за которые предусматривается с 14 лет.

За умышленное повреждение имущества железных дорог в соответствии с уголовным законом может быть назначен срок лишения свободы до 5 лет. Данная норма закреплена в ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества». По всем таким фактам правоохранными органами проводится проверка, лица совершившие преступления устанавливаются и привлекаются к уголовной ответственности. Примером может служить случай, произошедший в Ивановской области.

17 декабря 2022 г. в 3 ч 31 мин. на пульте-табло дежурной по ст. Иваново сработал сигнал ложной занятости перегона Иваново-Текстильный. Вышедшим на перегон электромехаником ИЧ Иваново в 4 ч 20 мин. на 315 км. пикет 6 перегона Иваново-Текстильный обнаружено возгорание релейного шкафа и задымление батарейного шкафа. Причиненный ущерб ОАО «РЖД», как собственнику поврежденного оборудования, составил более 360 тыс. рублей.

В результате профессиональных действий сотрудников правоохранительных органов, лица осуществившие поджог установлены.

Кроме того, стоит отдельно выделить, проблему преступности несовершеннолетних, которая является одной из существенных социально-правовых проблем, а сам факт совершения противоправных деяний требует повышенного внимания. Так, согласно данным ГИАЦ МВД

РФ в 2021 г. было выявлено 37 771 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (каждое двадцать седьмое – 3,7 %), в 2022 г. – 31 865 (каждое тридцать второе – 3,1 %), в 2023 г. – 26 305 (каждое тридцать четвертое – 2,9 %), в 2024 г. – 27 325 (каждое тридцать седьмое – 2,7 %). Практически половина несовершеннолетних действовали в группе [10].

В конце декабря 2022 г. Правительством РФ приняты изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми все хулиганские действия на объектах железнодорожного транспорта будут рассматриваться правоохранительными органами через призму преступлений против государственной власти. Все преступления данной категории относятся к категории тяжких и особо тяжких, по которым уголовная ответственность наступает с 14 лет.

В Уголовном кодексе Российской Федерации содержится ряд статей, предусматривающих наказание за такие деяния, в том числе:

– террористический акт (ст. 205 УК РФ) – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет. При наличии квалифицирующих признаков (группа лиц, причинение значительного ущерба, наступление последствий в виде смерти потерпевших) до двадцати лет.

– диверсия (ст. 281 УК РФ) – совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, предусматривает лишение свободы:

Наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет. При наличии квалифицирующих признаков (совершенные организованной группой, причинение значительного ущерба, наступление последствий в виде смерти потерпевших) до пожизненного лишения свободы.

Существенное различие между анализируемыми категориями преступлений проявляется в контексте их временной и ситуационной обусловленности. Террористические акты преимущественно реализуются в условиях мирного времени как элемент дестабилизации обычного течения общественной жизни. В отличие от них, диверсионные акты носят выраженный военно-стратегический характер и, как правило, совершаются в периоды действия особых правовых режимов: военного или чрезвычайного положения, вооруженных конфликтов, специальных военных операций. В данном аспекте диверсия представляет собой специфическую форму вооруженного противостояния между конфликтующими сторонами [11], что подчеркивает ее принадлежность к средствам ведения вооруженной борьбы, а не просто к методам устрашения гражданского населения.

Криминологический анализ выявляет существенные различия между террористическим актом (ст. 205 УК РФ) и диверсией (ст. 281 УК РФ) по нескольким ключевым параметрам. В аспекте предмета преступления террористический акт характеризуется неопределенностью объекта посягательства – диспозиция статьи не конкретизирует, на какие именно объекты могут быть направлены взрывы, поджоги или иные действия. При этом диверсия предполагает исчерпывающий перечень объектов, в частности: промышленные предприятия, транспортная инфраструктура, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, что подчеркивает их стратегическое значение для экономики и обороноспособности страны.

Стоит отметить, что цель диверсии специальная и заключается в подрыве экономической безопасности и обороноспособности государства, при этом в случае с террористическим актом, цель направлена на дестабилизацию деятельности органов власти, международных организаций, либо оказание влияния на принимаемые ими решения, при этом разрушение материальных объектов служит средством создания атмосферы страха.

Квалифицированные составы обоих преступлений имеют значительное сходство, включая совершение деяния организованной группой, причинение значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий, а также умышленное причинение

смерти. Однако состав террористического акта отличается более широким перечнем квалифицирующих признаков, охватывающим смерть по неосторожности, а также посягательства на объекты атомной энергетики и использование различных видов опасных веществ (ядерных материалов, радиоактивных, токсичных или биологических веществ) [12]. Эти особенности подчеркивают повышенную общественную опасность террористического акта в сравнении с диверсией.

Как уже отмечалось ранее, особую озабоченность вызывает факт участия в повреждениях или уничтожении имущества ОАО «Российские железные дороги» граждан молодого поколения, в том числе школьников в возрасте от 13 до 18 лет, которые соблазняются возможностью получить «легкие» деньги, не задумываясь о тех последствиях, которые могут наступить. Средний размер «вознаграждения» составляет от 5 тыс. рублей, при этом причиненный ущерб исчисляется сотнями тысяч, а в отдельных случаях и миллионами рублей. Причиненный ущерб в соответствии положениями закона возмещается за счет родителей несовершеннолетних в рамках предъявленных исков о возмещении ущерба. Последствия от совершенных злодеяний могут привести к сходу пассажирских поездов, что в свою очередь приведет к гибели людей, к возникновению дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах с тяжкими последствиями.

Для противодействия преступным посягательствам на устройства СЦБ железнодорожного транспорта необходима реализация комплекса мер, включающего: модернизацию физической защиты объектов (установку антивандальных конструкций, систем видеонаблюдения и охранной сигнализации); внедрение технических средств мониторинга состояния оборудования в реальном времени; совершенствование нормативно-правовой базы с ужесточением ответственности за подобные преступления; организацию межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и транспортных служб; проведение регулярных профилактических мероприятий по выявлению и устранению уязвимостей инфраструктуры. Особое значение приобретает разработка и внедрение интеллектуальных систем раннего обнаружения несанкционированного вмешательства с использованием технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чучаев А.И. Поджог железнодорожных релейных шкафов: юридическая оценка деяния // Уголовное право. 2023. № 12(160).
2. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. М., 2011.
3. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность. М., 2015.
4. Касынюк В.И. Уголовная ответственность за повреждение путей сообщения и транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1977.
5. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.06.2025).
6. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г.». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Ахмедзянов Г.Г. Анализ вмешательства в работу железнодорожных релейных шкафов // Инновационные исследования в современном мире. СПб., 2024.
9. Ахмедзянов Г.Г. Проблемы защиты железнодорожных релейных шкафов от постороннего проникновения // Образовательный научный форум «Вратами учености». СПб., 2024.
10. Милованова М.М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2(76).
11. Корякин В.М. Противодействие диверсионной деятельности на объектах транспортной инфраструктуры как составная часть обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2(46).
12. Тутуков А.Ю., Татаров Л.А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6.

REFERENCES

1. Chuchaev A.I. Arson of railway relay cabinets: a legal assessment of the act // Criminal law. 2023. № 12(160).
2. Pikurov N.I. Qualification of transport crimes. Moscow, 2011.
3. Korobeev A.I. Transport crimes and transport crime. Moscow, 2015.
4. Kasynyuk V.I. Criminal liability for damage to communication routes and vehicles: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Kharkiv, 1977.
5. Federal Law № 17-FZ of January 10, 2003 «On Railway Transport in the Russian Federation». URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 25.06.2025).
6. Tyazhkova I.M. Reckless crimes involving sources of increased danger. St. Petersburg, 2002.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2021 № 3363-r «On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035». URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 25.06.2025).
8. Akhmedzyanov G.G. Analysis of interference in the operation of railway relay cabinets // Innovative research in the modern world. St. Petersburg, 2024.
9. Akhmedzyanov G.G. Problems of protection of railway relay cabinets from outside intrusion // Educational scientific forum «Gates of scholarship». St. Petersburg, 2024.
10. Milovanova M.M. Peculiarities of establishing circumstances to be proved during the investigation of sabotage at railway facilities committed by minors // The Rule of law: theory and practice. 2024. № 2(76).
11. Koryakin V.M. Countering sabotage activities at transport infrastructure facilities as an integral part of ensuring transport security. Transport Law and Security. 2023. № 2(46).
12. Tutukov A.Yu., Tatarov L.A. The correct qualification of a terrorist act and its separation from sabotage // Gaps in Russian legislation. 2018. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мангасаров Руслан Анатольевич, кандидат юридических наук, начальник отделения научно-исследовательского центра. Академия управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Бурцев Антон Олегович, кандидат психологических наук, начальник отдела научно-исследовательского центра. Академия управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mangasarov Ruslan Anatolyevich, PhD in Law, Head of the Department of the Research Center. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 8, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Burtsev Anton Olegovich, PhD in Psychology, Head of the Department of the Research Center. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 8, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.31

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полянская Елена Валерьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
epol1980@mail.ru

Серогодская Елена Сергеевна

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ser.elenka@mail.ru

Введение: проблема незаконного оборота наркотиков является одной из наиболее острых и социально значимых в современной России. Рост масштабов наркопреступности оказывает разрушительное воздействие на общественное здоровье, экономику и безопасность государства, способствуя распространению преступности и дестабилизации социальной обстановки. В условиях динамично меняющейся криминогенной обстановки и появления новых форм и методов совершения наркопреступлений особую актуальность приобретает эффективная система предупреждения данных преступлений.

Научное и практическое значение предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, обусловлено необходимостью разработки комплексных мер, направленных на снижение уровня наркопреступности, обеспечение правопорядка и защиту прав и свобод граждан. Важным аспектом является совершенствование нормативно-правовой базы, повышение эффективности правоохранительной деятельности, а также внедрение превентивных технологий и социальных программ, направленных на профилактику наркомании и преступлений в данной сфере.

Целью настоящей статьи является анализ современных подходов к предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации, выявление проблемных аспектов и разработка рекомендаций по их совершенствованию. В работе рассматриваются теоретические основы предупреждения наркопреступлений, а также перспективы развития данной области в условиях современных вызовов и угроз.

Материалы и методы: в исследовании использованы материалы отечественной и зарубежной научной литературы, нормативно-правовые акты Российской Федерации, статистические данные правоохранительных органов, а также результаты эмпирических исследований в области предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-правовой и аналитический методы, позволяющие всесторонне рассмотреть проблему предупреждения наркопреступлений с учётом правовых, социальных и криминологических аспектов. Применен также метод контент-анализа нормативных документов и официальных отчетов, что обеспечило выявление ключевых тенденций и проблем в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Для оценки эффективности превентивных мер использованы статистические методы обработки данных, что позволило определить динамику изменения уровня наркопреступности и оценить влияние различных факторов на предупреждение преступлений. Комплексный подход к исследованию обеспечил системное понимание проблемы и выработку практических рекомендаций по совершенствованию мер предупреждения наркопреступлений в Российской Федерации.

Результаты исследования: в ходе анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации выявлена значительная динамика совершенствования законодательства, направленного на предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В частности, отмечается усиление ответственности за данные преступления, расширение полномочий правоохранительных органов и внедрение новых профилактических механизмов. Вместе с

тем выявлены пробелы и противоречия в правоприменительной практике, ограничивающие эффективность существующих мер.

Эмпирические исследования, проведенные в рамках работы, выявили недостаточную информированность населения о рисках, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также ограниченную доступность социальных и реабилитационных программ для лиц, склонных к наркопреступлениям. Это указывает на необходимость интеграции превентивных мер с социальными инициативами и расширения межведомственного взаимодействия.

Выводы и заключения: в результате проведенного исследования установлено, что предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, требует комплексного и системного подхода, объединяющего законодательные, правоохранительные и социально-превентивные меры. Совершенствование нормативно-правовой базы способствует повышению эффективности борьбы с наркопреступностью, однако выявленные пробелы в правоприменении ограничивают достижение максимальных результатов.

Вместе с тем сохраняющаяся концентрация наркопреступности в крупных городах и приграничных зонах требует адаптации стратегий с учётом региональных особенностей.

Эмпирические данные указывают на необходимость повышения информированности населения о рисках незаконного оборота наркотиков и расширения доступа к социальным и реабилитационным программам. Интеграция превентивных мер с социальными инициативами и межведомственное взаимодействие являются ключевыми факторами повышения эффективности предупреждения наркопреступлений.

В целом, результаты исследования подтверждают, что для успешного предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходима скоординированная работа всех заинтересованных структур, направленная на создание комплексной системы профилактики, учитывающей правовые, социальные и криминологические аспекты. Рекомендации, выработанные в ходе исследования, могут быть использованы для совершенствования государственной политики и практики в данной области.

Ключевые слова: предупреждение, пресечение, предотвращение, профилактика, наркотики, незаконный оборот наркотиков, наркопреступления.

Для цитирования: Полянская Е. В., Серогодская Е. С. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации / Е. В. Полянская, Е. С. Серогодская // Юристъ-Правоведъ : Юристъ-Правоведъ : науч.- теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 170–176

Original paper

PREVENTION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL NARCOTICS TRAFFICKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Polyanskaya Elena Valerievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Serogodskaya Elena Sergeevna

Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the problem of drug trafficking is one of the most pressing and socially significant issues in modern Russia. The growing scale of drug-related crime has a devastating impact on public health, the economy, and national security, contributing to the spread of crime and destabilizing the social environment. In the context of a rapidly changing criminal situation and the emergence of new forms and methods of drug-related crime, an effective system for preventing these crimes becomes increasingly important.

The scientific and practical significance of preventing crimes related to drug trafficking is determined by the need to develop comprehensive measures aimed at reducing the level of drug-related crime, ensuring law and order, and protecting the rights and freedoms of citizens. An important aspect is the improvement of the legal framework, the enhancement of law enforcement activities, and the implementation of preventive technologies and social programs aimed at preventing drug addiction and crimes in this area.

The purpose of this article is to analyze current approaches to preventing crimes related to drug trafficking in the Russian Federation, identify problematic aspects, and develop recommendations for their improvement. The paper examines the theoretical foundations of drug crime prevention, as well as the prospects for developing this area in the face of modern challenges and threats.

Materials and methods: the study uses materials from domestic and foreign scientific literature, legal acts of the Russian Federation, statistical data from law enforcement agencies, and the results of empirical research on the prevention of crimes related to drug trafficking.

The study is based on a systematic, comparative legal, and analytical approach, which allows for a comprehensive examination of the issue of drug crime prevention from a legal, social, and criminological perspective. The study also employs content analysis of legal documents and official reports, which helps identify key trends and challenges in the field of drug trafficking prevention.

Statistical data processing methods were used to assess the effectiveness of preventive measures, which allowed us to determine the dynamics of changes in the level of drug-related crime and evaluate the impact of various factors on crime prevention. The comprehensive approach to the study provided a systematic understanding of the problem and the development of practical recommendations for improving measures to prevent drug-related crimes in the Russian Federation.

Results of the study: an analysis of the legal framework of the Russian Federation revealed significant improvements in legislation aimed at preventing crimes related to drug trafficking. In particular, there has been an increase in accountability for these crimes, an expansion of the powers of law enforcement agencies, and the introduction of new preventive measures. However, there are also gaps and contradictions in law enforcement practices that limit the effectiveness of existing measures.

Empirical studies conducted as part of the work have revealed a lack of public awareness about the risks associated with drug trafficking, as well as limited access to social and rehabilitation programs for individuals prone to drug-related crimes. This highlights the need for integrating preventive measures with social initiatives and enhancing interagency collaboration.

Findings and conclusions: the study found that preventing drug-related crimes requires a comprehensive and systematic approach that combines legislative, law enforcement, and social prevention measures. Improving the legal framework enhances the effectiveness of drug crime prevention, but identified gaps in law enforcement limit the achievement of maximum results.

However, the continued concentration of drug-related crimes in major cities and border areas requires the adaptation of strategies to regional specificities.

Empirical evidence indicates the need to raise public awareness about the risks of drug trafficking and to expand access to social and rehabilitation programs. Integrating preventive measures with social initiatives and fostering interagency collaboration are key factors in improving the effectiveness of drug crime prevention.

Overall, the study findings highlight the importance of coordinated efforts by all relevant stakeholders to create a comprehensive prevention system that addresses legal, social, and criminological aspects. The recommendations developed during the study can be used to improve public policy and practice in this area.

Keywords: prevention, suppression, prevention, prevention, drugs, drug trafficking, drug crimes.

For citation: Polyanskaya E. V., Serogodskaya E. S. Prevention of Crimes related to illegal narcotics trafficking in the Russian Federation / E. V. Polyanskaya, E. S. Serogodskaya // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 170–176

Проблема незаконного оборота наркотиков и связанных с ним преступлений является одной из наиболее острых и социально значимых в современном обществе. В Российской Федерации, учитывая геополитическое положение, масштаб территории и особенности социально-экономического развития регионов, эта проблема приобретает особую актуальность. Нарушение законодательства в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ оказывает разрушительное воздействие на здоровье населения, социальную стабильность и экономику страны, а также способствует росту уровня преступности и снижению качества жизни граждан.

В последние десятилетия наблюдается активизация усилий государственных органов и правоохранительных структур, направленных на предупреждение и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В частности, совершенствование нормативно-правовой базы, развитие профилактических программ, повышение квалификации специалистов

и внедрение современных технологий в оперативно-розыскную деятельность способствуют формированию комплексной системы противодействия наркопреступности. Вместе с тем сохраняются значительные вызовы, связанные с адаптацией, мер к быстро меняющейся криминогенной обстановке, региональными особенностями и социальными факторами, влияющими на распространение наркопреступлений.

Стоит отметить, что в последние годы наблюдается незначительный рост числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) – зарегистрировано 198 043 преступлений (+ 3,7 %).

На фоне снижения общего числа зарегистрированных преступлений доля преступлений в сфере НОН в общей структуре преступности также постепенно увеличивается (в 2020 г. – 7,8 %, в 2021 г. – 7,5 %, в 2022 г. – 7,5 %, в 2023 г. – 8,2 %, в 2024 г. – 10,4 %).

Кроме этого, продолжилась тенденция роста числа групповых наркопреступлений. Так, несмотря на снижение темпов прироста, в 2024 г. рост показателя наблюдался по всем категориям – число преступлений, совершенных:

- в группах по предварительному сговору, выросло на 8,1 % (в 2023 г. – 32 478, в 2024 г. – 35 110);
- организованными группами – на 10,9 % (в 2023 г. – 11 712, в 2024 г. – 12 986);
- преступными сообществами – на 53,7 % [1, с. 48].

Учитывая, что формирование преступного сообщества занимает значительное время, можно сделать вывод – рост данного показателя в 2024 г. связан не столько с увеличением числа таких групп и совершаемых ими преступлений, сколько с более активной работой по выявлению противодействия преступным организациям.

При этом необходимо принять во внимание, что противодействие наркопреступности в последние годы происходит на фоне продолжающейся СВО, что в определенной мере объясняет рост показателей НОН. Согласно докладу директора ФСБ России Бортникова А.В. на совещании руководителей органов безопасности и разведывательных служб стран СНГ, «украинская оргпреступность контролирует значительную часть наркопроизводств, и сейчас этот фактор используется в рамках гибридной войны против России» [2]. Рост числа выявленных преступлений в сфере НОН, особенно групповых, выступает следствием постоянной активной борьбы с указанными преступлениями.

Продолжается тенденция увеличения числа особо тяжких преступлений в сфере НОН. Их число выросло на 10,1 % и составило 61,9 % от общего числа рассматриваемых преступлений. При этом суммарно тяжкие и особо тяжкие преступления в данной сфере составляют 80,5 %.

Кроме этого, продолжается тенденция увеличения уровня преступности в сфере НОН (количество преступлений на 100 тыс. населения). В среднем по России данный показатель составил 135,5 (в 2023 г. – 130,4) [1, с. 49].

В 2024 г. фиксировались новые способы распространения наркотиков. Так, в Москве сотрудники полиции обнаружили, что неизвестные создали наркошоп у памятника Иосифу Кобзону, где находятся 12 мемориальных табличек с QR-кодами, которые по задумке должны вести на сайты с песнями артиста. Однако, как оказалось, при наведении смартфона на данные коды открывались сайты по продаже наркотических веществ [3].

В структуре наркопреступлений продолжают доминировать преступления, предусмотренные ст. 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (135 740; 68,5 %), при сохранении тенденции увеличения их числа (+ 7,0 %), а также ст. 228 УК РФ (53 930; 27, 23 %). Их число уменьшилось на 5,7 % [1, с. 50].

Важно отметить, что количество расследованных наркопреступлений незначительно сократилось, а также продолжается тенденция снижения числа лиц, выявленных за совершение преступлений, связанных с НОН (–9,6 %; всего: 69 682) [1, с. 50].

Возрастная структура осталась практически неизменной: наибольшей криминальной активностью обладают возрастные группы: от 18 до 29 (32,4 %) и от 30 до 39 (37,8 %) лет. Женщины составляют 13,2 % [1, с. 52].

Сохранялась тенденция увеличения объемов, изъятых из обращения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Общее число изъятых наркотических средств выросло на 15,6 % [1, с. 52], являясь рекордным за прошедшие 10 лет.

Наблюдалось увеличение объемов изъятия всех видов наркотических средств, за исключением каннабисной группы. Это может быть обусловлено легализацией в 2024 г. на территории Украины медицинского каннабиса (марихуаны), и произошедшими в связи с этим изменениями маршрутов наркотрафика [4].

Более чем четырехкратный рост изъятых наркотических средств опийной группы может быть связан со следующими факторами:

– по оценкам экспертов, в страны Центральной Азии в 2024 г. поступило много наркотиков афганского происхождения из «старых запасов». При этом из стран Центральной Азии по так называемому северному маршруту они через Россию экспортируются в Европу, что объясняет нахождение на территории Российской Федерации больших объемов запрещенных к распространению веществ [5];

– согласно данным ООН, производство опиатов в Афганистане в 2024 г. в сравнении с 2023 г. увеличилось на 19 %, а «северный маршрут» – основной канал для транзита афганских наркотиков [6].

Мьянма активно наращивает производство опиатов и в 2023 г. произвела его рекордное количество за последние 20 лет [7]. Можно предположить, что в 2024 г. эта особенность международного НОН проявляется в виде увеличения поставок на территорию России.

Увеличение более чем в два раза количества изъятого кокаина эксперты связывают с изменениями маршрута его наркотрафика – до начала СВО запрещенные вещества возили через порт Одессы, теперь – через Россию [8].

Усиление борьбы с организованной наркопреступностью позволило изъять крупные партии наркотиков, перевозимых через территорию России транзитом. Так, в ноябре 2024 г. был пресечен канал поставки латиноамериканского кокаина в государства Европейского союза транзитом через территорию России. Общая масса изъятого кокаина составила более 1 тонны [9]. В декабре при очередной попытке провезти в государства Европейского союза через территорию России особо крупную партию латиноамериканских наркотиков с поличным задержаны члены колумбийского картеля «Кали», у которых было изъято 570 кг кокаина [10]. Это пятая часть всего кокаина, изъятого в 2024 г.

Основными тенденциями незаконного оборота наркотиков в 2024 г. время выступают:

– сохранение основных тенденций 2023 г. (увеличение числа особо тяжких наркопреступлений; увеличение доли производимых внутри Российской Федерации синтетических наркотиков; уменьшение количества посредников в международных цепочках; появление новых поставщиков наркотиков, маскирующихся под предпринимателей, действующих в условиях обхода санкций);

– увеличение поставок опиоидов по «северному маршруту»;

– продолжающееся в условиях проведения СВО увеличение импорта кокаина из Латинской Америки;

– использование наркотрафика в качестве элемента гибридной войны;

– постоянная модификация способов распространения наркотиков.

Исходя из вышеизложенного, для эффективного совершенствования системы предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации, следует реализовать комплекс взаимосвязанных мер, направленных на правовое, организационное, социальное и профилактическое укрепление борьбы с данной проблемой.

По нашему мнению, следует рассмотреть следующие основополагающие направления по предупреждению наркопреступлений в Российской Федерации:

1. Усиление законодательной базы и правоприменительной практики. Необходимо продолжить совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Это включает ужесточение ответственности за производство, сбыт и хранение наркотических средств, а также расширение полномочий правоохранительных органов в части оперативного реагирования и профилактики. Важно внедрять механизмы, позволяющие более эффективно пресекать деятельность организованных преступных группировок, занимающихся наркобизнесом, и обеспечивать справедливое и своевременное уголовное преследование.

2. Повышение профессиональной подготовки и технического оснащения правоохранительных органов. Ключевым фактором является постоянное повышение квалификации сотрудников правоохранительных структур, включая обучение современным методам расследования, криминалистике и использованию цифровых технологий. Внедрение систем аналитики больших данных, мониторинга интернет-пространства и специализированных технических средств позволит оперативно выявлять и пресекать каналы распространения наркотиков.

3. Развитие профилактических программ и просветительской деятельности. Особое внимание следует уделить профилактике наркомании среди молодёжи и социально уязвимых групп населения. Программы должны строиться на основе научно обоснованных методик, включать образовательные кампании, формирование здорового образа жизни, развитие навыков критического мышления и устойчивости к социальным рискам. Важно вовлекать

образовательные учреждения, семьи и общественные организации в системную работу по профилактике.

4. Межведомственное и межрегиональное взаимодействие. Для комплексного решения проблемы необходимо активизировать координацию между правоохранительными органами, медицинскими учреждениями, образовательными и социальными службами. Создание единых информационных платформ и рабочих групп позволит обмениваться оперативной информацией, проводить совместные мероприятия по выявлению и реабилитации лиц, вовлечённых в наркопреступления. Учитывая региональные особенности распространения наркотиков, целесообразно разрабатывать адаптированные программы с учётом социально-экономического контекста каждого субъекта РФ.

5. Реабилитация и социальная адаптация наркозависимых лиц. Эффективная борьба с наркопреступностью невозможна без развития системы реабилитации и социальной поддержки наркозависимых. Необходимо расширять сеть специализированных учреждений, внедрять индивидуальные программы лечения и реабилитации, обеспечивать сопровождение и поддержку в процессе социальной интеграции, что снизит риск рецидивов и повторного вовлечения в преступную деятельность.

6. Мониторинг и аналитика криминогенной ситуации. Создание и развитие системы мониторинга позволит своевременно выявлять новые тенденции и угрозы, анализировать эффективность принимаемых мер и оперативно корректировать стратегии предупреждения. Использование современных информационных технологий и аналитических инструментов повысит качество прогнозирования и планирования профилактической работы.

7. Повышение общественной активности и информированности. Важным элементом является вовлечение гражданского общества в борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Организация волонтерских движений, проведение информационных кампаний, создание общественных советов при органах власти и правоохранительных структурах способствует формированию негативного общественного мнения в отношении наркопреступности и поддержке профилактических инициатив.

Таким образом, комплексный и системный подход, включающий совершенствование законодательства, повышение профессионализма правоохранителей, развитие профилактических и реабилитационных программ, активизацию межведомственного взаимодействия и общественной активности, позволит существенно повысить эффективность предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, С.А. Невский и др. М., 2025.

2. Киев использует наркотрафик в гибридной войне против России, заявили в ФСБ. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241126/ukraina-1985729731.html> (дата обращения: 17.03.2025).

3. Неизвестные устроили наркошоп на мемориале Кобзону в Москве. URL: <http://regnum.news/incidents/3889229> (дата обращения: 18.04.2025).

4. Президент Украины подписал закон о легализации марихуаны. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19999099> (дата обращения: 10.05.2025).

5. Патрушев заявил об изменениях в наркотрафике на афганском направлении. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240216/patrushev-1927732239.html> (дата обращения: 17.05.2025).

6. ООН: рост производства опиума в Афганистане вопреки запрету талибов говорит о тяжелом положении фермеров. Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458076> (дата обращения: 27.05.2025).

7. Myanmar Remains World's Leading Source of Illegal Opium Cultivation (Мьянма остается ведущим в мире источником незаконного выращивания опиоидного мака). The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/12/myanmar-remains-worlds-leading-source-of-illegal-opium-cultivation/> (дата обращения: 17.05.2025).

8. В ООН назвали крупнейшего производителя опиума в 2023 году. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231212/myanma-1915286543.html> (дата обращения: 17.05.2025).

9. В ФТС раскрыли количество изъятого за 2024 год кокаина Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/20/v-fts-raskryli-kolichestvo-iz-yatogo-za-2024-god-kokaina/> (дата обращения: 10.06.2025).

10. ФСБ России пресечен канал поставки латиноамериканского кокаина в Евросоюз. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440120%40fsbMessage.html> (дата обращения: 19.06.2025).

11. ФСБ России задержали крупную партию латиноамериканских наркотиков. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440137%40fsbMessage.html> (дата обращения: 21.06.2025).

REFERENCES

1. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation in 2024 and expected trends in its development: analytical review / M.V. Goncharova, M.M. Babaev, S.A. Nevsky, R.V. Cherkasov, E.M. Timoshina, G.E. Bitsadze, K.S. Nasuev, G.F. Koimshidi, and V.G. Smirnov. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6054674> (date of access: 17.03.2025).

2. Kiev is using drug trafficking in a hybrid war against Russia, according to the FSB. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20241126/ukraina-1985729731.html> (date of access: 17.03.2025).

3. Unknown people set up a drug shop at the Kobzon Memorial in Moscow. URL: <http://regnum.news/incidents/3889229> (date of access: 18.03.2025).

4. The President of Ukraine signed a law on the legalization of marijuana. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19999099> (date of access: 10.05.2025).

5. Patrushev announced changes in drug trafficking in Afghanistan. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20240216/patrushev-1927732239.html> (date of access: 17.05.2025).

6. UN: Increase in opium production in Afghanistan despite Taliban ban indicates dire situation for farmers. UN News. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458076> (date of access: 17.05.2025).

7. Myanmar Remains World's Leading Source of Illegal Opium Cultivation (Myanmar remains the world's leading source of illegal opium cultivation). The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/12/myanmar-remains-worlds-leading-source-of-illegal-opium-cultivation/>; The UN has named the largest opium producer in 2023. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20231212/myanma-1915286543.html> (date of access: 17.05.2025).

8. The FCS disclosed the amount of cocaine seized in 2024 Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/20/v-fts-raskryli-kolichestvo-iz-yatogo-za-2024-god-kokaina/> (date of access: 10.06.2025).

9. The Russian Federal Security Service has intercepted a channel for the supply of Latin American cocaine to the European Union. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440120%40fsbMessage.html> (date of access: 19.06.2025).

10. The Russian Federal Security Service has seized a large batch of Latin American drugs. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440137%40fsbMessage.html> (date of access: 21.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полянская Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Серогодская Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры уголовного права. Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polyanskaya Elena Valerievna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Serogodskaya Elena Sergeevna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law. Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 66, Lenin Avenue, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.91

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ВОВЛЕКАЮЩЕГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пушкова Надежда Владимировна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
nadezhda_pushkova@mail.ru

Введение: зачастую экстремистская деятельность реализуется путем вовлечения в нее несовершеннолетних лиц, что влечет за собой нарушение их нормального физического и психического развития, деформацию личности и деградацию подрастающего поколения. Статья посвящена типизации личности преступника, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также выявлению присущих различным типам собственных причин, механизмов и способов указанного вовлечения, с целью облегчения процесса выявления лиц, которые потенциально могут вовлечь несовершеннолетних, а также планирования и осуществления в отношении них эффективных предупредительных мер.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили работы отечественных криминологов и психологов, материалы уголовных дел и приговоров судов по ст. 280-280.4, 282-282.4 УК РФ. Методологическую основу исследования составили такие методы познания, как анализ, синтез, индукция, формально-логический и системный методы, метод обобщения данных, статистический.

Результаты исследования: в статье осуществлена типологизация лица, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, в зависимости от социально-психологических особенностей преступника и вида экстремистской деятельности, которая позволила выделить наиболее распространенные типы: идейный, корыстный, религиозный (фанатичный), криминальный и развратный.

Выводы и заключения: результаты проведенного исследования создают предпосылки для дальнейшего развития теоретических положений криминологической и виктимологической наук в сфере предупреждения вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также позволят ориентировать правоохранительные органы на выявление объекта превентивного воздействия и обеспечить дифференциацию предупредительных мер.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, экстремистская деятельность, личность преступника, типология, социально-психологические особенности.

Для цитирования: Пушкова Н. В. Типология личности преступника, вовлекающего несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность / Н. В. Пушкова // Юрист-Правовед : Юрист-Правовед : науч.- теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 177–182

Original paper

TYPOLOGY OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO INVOLVES A MINOR IN EXTREMIST ACTIVITIES

Pushkova Nadezhda Vladimirovna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: extremist activity is often carried out by involving minors in it, which entails a violation of their normal physical and mental development, deformation of personality and degradation of the younger generation. The article is devoted to the typification of the personality of a criminal who involves minors in extremist activity, as well as to the identification of the reasons, mechanisms and methods of such involvement inherent in different types, in order to facilitate the process of identifying persons who can potentially involve minors, as well as planning and implementing effective preventive measures against them.

Materials and methods: the material base of the study consisted of the works of domestic criminologists and psychologists, materials of criminal cases and court sentences under Articles 280-280.4, 282-282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The methodological basis of the study was formed by such methods of cognition as analysis, synthesis, induction, formal-logical and system methods, the method of data generalization, statistical.

Results of the study: the article carried out a typology of a criminal involving minors in extremist activity, depending on the socio-psychological characteristics of the offender and the type of extremist activity, which made it possible to identify the most common types: ideological, selfish, religious (fanatical), criminal and depraved.

Findings and conclusions: the results of the study create the prerequisites for the further development of theoretical provisions of criminological and victimological sciences in the field of preventing the involvement of minors in extremist activity, and will allow orienting law enforcement agencies to identify the object of preventive action and ensure the differentiation of preventive measures.

Keywords: involvement of minors, extremist activity, personality of the criminal, typology, socio-psychological characteristics.

For citation: Pushkova N. V. Typology of the personality of a criminal who involves a minor in extremist activities / N. V. Pushkova // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 177–182

Изучение личности преступника подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью [1, с. 274]. Обобщение данных о лицах, совершающих преступления, типизация этих лиц позволяют точнее прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы [2, с. 248].

Под типологией преступников понимают совокупность типичных для всех или определенных категорий социально-психологических и криминологических особенностей [3, с. 3]. Она фиксирует закономерности, являющиеся логическим итогом социального развития личности [4]. При этом типология не предусматривает такой жесткой дифференциации как, например, классификация. При ее построении отмечаются определенные признаки, но при этом происходит выявление наиболее вероятных для той или иной группы преступников свойств личности [5, с. 630].

Проведенное исследование теоретического и эмпирического материала, полученного путем анализа уголовных дел по составам преступлений, предусмотренным ст. ст. 280–280.4, 282–282.4 УК РФ, позволило установить взаимосвязь между социально-психологическими особенностями [6] (включая мотивационную сферу) преступника и видом экстремистской деятельности, и, взяв за основу данные критерии, также выделить типы личности преступника, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность:

1. Идейный тип. Согласно проведенному исследованию, к данному типу относятся 30,4 % преступников, вовлекающих несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Согласно словарю С.И. Ожегова, идеология – система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество [7]. Все известные идеологические концепции обязательно дают целостную картину окружающей реальности, которая посредством интериоризации определяет поведение людей. При этом любая идеология двойственна – с одной стороны она носит рефлексивно-рациональный характер, а с другой – ее отличает иррациональность представления действительности. Она способна разделить общество на группы, устанавливая и идентифицируя (маркируя) социальное положение индивида или социальных групп. Кроме того, идеология активизирует и направляет человеческое поведение, вызывая активные действия больших масс людей [8].

Идеология экстремизма продуцируется объективно проблемными вопросами социально-экономической жизни и стремлением реализовать те или иные идеологические проекты, и выполняет как внутренние, так и внешние функции: консолидация участников экстремистских структур, обеспечение внешнего влияния на интересующие группы населения с одновременным вовлечением новых членов и так далее [9, с. 54]. При этом существует множество видов экстремистской идеологии: политическая, националистическая, религиозная, криминальная, ЛГБТ-идеология и др. Именно она выступает базовым элементом преступной деятельности, поскольку мотивирует ее и является основой сплочения и деятельности экстремистской организации.

Идейный тип преступника, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, преследует цель изменения мира на основе своего субъективного восприятия (создание всемирного «халифата», доминирование определенной нации над другими, пропаганда толерантности к представителям ЛГБТ-сообщества, следование «воровским понятиям» и так далее), выполняя некую миссию. При этом несовершеннолетние рассматриваются как один из способов достижения цели, поскольку идеологическое воздействие на них представляется наименее затруднительным. Деятельность пропагандистов-распространителей нацелена на формирование у несовершеннолетних «эмоционального котла» [10] – ситуации, когда, с одной стороны, жертва вовлечения чувствует «эмоциональную поддержку» со стороны членов экстремистской организации, при этом испытывая страх и необходимость подчинения, а с другой – ненависть, желание

предпринять жестокие действия по отношению к «врагам», т. к. только насильственными мерами возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации и критического положения, в которых оказалась данная социальная группа.

К данному типу личности преступника в основном относятся лица как мужского, так и женского пола в возрасте 30–49 лет и старше, трудоспособные без постоянного источника дохода, не состоящие в браке и являющиеся гражданами РФ. К рассматриваемому типу личности преступника так же относятся иностранные граждане. Для вовлекающих лиц идейного типа характерен рецидив преступлений, при этом ранее совершенные преступления имеют либо экстремистскую направленность, что свидетельствует о том, что преступники не отказываются от своих противоправных убеждений, либо насильственную, что говорит о насильственной направленности личности. Преступники указанного типа руководствуется идеологическим мотивом и мотивом изменения мира. Они отличаются повышенной раздражительностью, конфликтностью, несдержанностью, жестокостью, вспыльчивостью, поверхностностью и облегченностью суждений, а также увлеченностью и стремлением к преодолению стоящих на пути к реализации своих намерений препятствий, смелостью, самостоятельностью и наличием лидерских качеств.

2. Корыстный тип. Согласно проведенному исследованию, к данному типу относятся 16,1 % преступников.

По мнению Ю.М. Антоняна, совершая преступления по корыстным мотивам, некоторые преступники преследуют не только цели обогащения, но и удовлетворения своих потребностей в острых ощущениях, риске и эмоционально возбуждающих ситуациях [11, с. 127]. Для лиц такого качества не имеют существенного значения установки изменения общества и государства. На первом месте здесь находится борьба за контроль над материальными ресурсами и участие в изменении сфер влияния [12, с. 156].

Преступники-экстремисты источником дохода видят:

– получение денежных средств от вовлеченных в экстремистское сообщество/организацию лиц;

– получение денежных средств от лиц и организаций, которые заинтересованы в предотвращении проявлений экстремистской деятельности и, как следствие, негативных последствий (характерно в основном для «околоспортивного» экстремизма, что выражается в «вымогательстве» со стороны «околоспортивных» болельщиков у команд, поскольку именно они несут дисциплинарную ответственность за поведение своих болельщиков);

– получение денежных средств от «заказчиков», например, от экстремистских сообществ/организаций, недружественных иностранных государств, а также транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, осуществляющих внешнеполитическое воздействие с целью подрыва конституционного строя и дестабилизации общественно-политической ситуации и национальной безопасности Российской Федерации. В данном случае экстремистские объединения подобно легальной фирме-франшизодателю получают возможность расширить географию собственной деятельности [13] путем задействования местных граждан.

Корыстный тип личности преступника, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, является одним из наиболее опасных, поскольку рассматривает экстремистскую деятельность как способ обогащения и удовлетворения своих материальных потребностей, а значит, что он способен на осуществление любой экстремистской деятельности, в том числе ее крайней формы проявления – терроризма.

Данный тип личности преступника отличается сравнительно молодым возрастом – это лица мужского пола 18–29 лет и старше, трудоспособные без постоянного источника дохода, рабочие, либо учащиеся и студенты, состоящие в браке и имеющие детей, а также являющиеся гражданами РФ. К рассматриваемому типу личности преступника также относятся иностранные граждане. Для вовлекающих лиц корыстного типа характерно как наличие рецидива (при этом ранее совершенные преступления имеют общеуголовную направленность), так и его отсутствие, что свидетельствует о нежелании вовлечателей привлекать к себе внимание. Такие лица руководствуются меркантильным мотивом. Они отличаются высокой волевой активностью, стрессоустойчивостью, смелостью, наличием лидерских качеств и жадой «легких денег».

3. Религиозный (фанатичный) тип. Согласно проведенному исследованию, к данному типу относятся 28,4 % преступников.

Религиозный тип личности преступника, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, так же представляет наибольшую общественную опасность, так как зачастую экстремистская деятельность религиозного характера приводит к террористической деятельности.

Основной целью экстремистов-вовлечателей является признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий. Наиболее ярые экстремисты стремятся создать отдельное государство, правовые нормы которого будут заменены нормами одной общей для всего населения религии. Лица, не согласные с их действиями и страдающие от их ложных ориентиров, рассматриваются экстремистами как отступники и враги религии [14].

Вовлекающие несовершеннолетних в экстремистскую деятельность религиозного характера лица стремятся к контролю их поведения, дискриминации их прав и свобод и формированию чувства покорности и готовности выполнить любой приказ вплоть до пожертвования собой. Для решения этих задач экстремистская религиозная идеология использует приемы тотального воздействия на несовершеннолетнего, с целью того, чтобы он психологически и поведенчески идентифицировал себя с организацией, разделял всех на «своих» и «чужих», постоянно испытывал чувство вины и жил в изоляции (например, в арендованных конспиративных квартирах (так называемых «домашних медресе»), соблюдая строгие правила ложно интерпретированного религиозного учения под наблюдением старшего («имамы»)), что неизбежно приводит к стремительному изменению его самосознания.

К данному типу личности преступника в основном относятся лица мужского пола в возрасте 30–49 лет. Однако зачастую вовлечение несовершеннолетних происходит со стороны друзей и родственников – в таком случае возраст преступника приходится на 18–24 года. Вовлекатели религиозного типа трудоспособны, при этом постоянный источник дохода отсутствует; они состоят в браке и имеют детей, а также являются гражданами РФ. Для религиозного типа личности преступника не характерно наличие рецидива, либо характерно, но в случае совершения аналогичного преступления. Такие лица руководствуются идеологическим мотивом. Они отличаются поверхностностью и облегченностью суждений, пониженным фоном настроения, эмоциональной лабильностью в сочетании с элементами установочного поведения, высокой волевой активностью, стрессоустойчивостью, увлеченностью и стремлением к преодолению стоящих на пути к реализации своих намерений препятствий, решительностью, смелостью, самостоятельностью и лидерскими качествами.

4. Криминальный тип. Согласно проведенному исследованию, к данному типу относятся 24,5 % преступников.

Пирожков В.Ф. считает, что тяга несовершеннолетних к криминальной субкультуре всегда была и будет, и обуславливается наличием в криминальной среде широких возможностей для самоутверждения за счет силы и появлением возможности компенсировать пережитые неудачи, склонностью некоторых из подростков к риску и экстремальностью условий преступной деятельности, переживанием ложного чувства романтики, таинственности и необычности, отсутствием каких-либо моральных ограничений и обретением в криминальной группе чувства защищенности [15, с. 112].

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних криминальным типом преступника построено на принципе эмоциональной привлекательности – деятельность такой экстремистской организации характерна изобилием различных ритуалов, среди которых можно выделить «испытание и прием новичка», «отмечание успешного завершения преступления», «разборки и наказание виновных» и так далее [16, с. 118].

Попавшему под влияние экстремистской организации криминального характера несовершеннолетнему оказывается не по силам противостоять «криминальным авторитетам». От него требуют строгого исполнения «воровского закона», за нарушение которого несовершеннолетнего «наказывают» – материально или физически. Известны случаи суицида подростков, которые не смогли справиться с пагубным влиянием экстремистского объединения криминальной направленности.

Лица, придерживающиеся идеологии насилия в отношении сотрудников силовых структур, нигилизма, отрицания общественной морали и отвержения механизмов государственного управления, вовлекают несовершеннолетних лиц (в основном находящихся в условиях дефицита положительных ролевых моделей) в экстремистскую деятельность криминального характера с целью сбора средств для оказания материальной поддержки представителям криминального мира, находящимся в местах лишения свободы, а также совершения «чужими руками» преступлений и приискания и вовлечения в экстремистскую организацию новых лиц.

К данному типу личности преступника в основном относятся лица мужского пола старше 30 лет, трудоспособные без постоянного источника дохода, не состоящие в браке, а также являющиеся гражданами РФ. Для вовлекающих лиц криминального типа характерно наличие рецидива. Рассматриваемая категория лиц руководствуется меркантильным мотивом, мотивом утверждения и самоутверждения, мотивами игры и мести. Они отличаются жестокостью, вспыльчивостью, склонностью к открытым агрессивным действиям и истерическим формам реагирования в субъективно трудных для преступника ситуациях, поверхностностью и облегченностью суждений, эмоциональной лабильностью в сочетании с элементами установочного поведения, высокой волевой активностью, смелостью и наличием лидерских качеств.

5. Развратный тип. Согласно проведенному исследованию, к данному типу относятся 0,3 % преступников.

Деятельность объединений, основанных на ЛГБТ-идеологии, является деструктивным идеологическим механизмом воздействия на российское общество в целом, и на его несовершеннолетних представителей в частности. Целями деятельности таких объединений являются саморазрушение общества, ослабление семейных связей,

нанесение нравственного вреда здоровью несовершеннолетним как будущему страны, навязывание социальных установок, отличных от общепринятых в российском обществе, и уничтожение фундаментальных российских духовно-нравственных ценностей. Члены движения ЛГБТ, вовлекающие несовершеннолетних в свои ряды, имеют масштабную материальную поддержку из иностранных правительственных и неправительственных фондов, некоммерческих организаций, получают на постоянной основе гранты, дотации и добровольные пожертвования.

Ярким примером реализации экстремистской деятельности по вовлечению в нее несовершеннолетних лиц является оправдание вступления в половую связь взрослых лиц с несовершеннолетними, в том числе малолетними (идеология педофилии). В рамках указанного идеологического течения криминальной направленности возможность таких действий обосновывается посредством различных философских, научных, религиозных доктрин и концепций, а также исторических фактов, имевших место или своеобразно толкуемых «сообществом педофилов» в интересах идеологического течения [17]. ЛГБТ-проявления представляются вовлекателями в качестве «нормального» исторически сложившегося явления, разрушает границы половой неприкосновенности детей и оказывает влияние на повышение их виктимности.

Развратный тип личности преступника для вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность использует такие каналы распространения ЛГБТ-идеологии, как интернет-ресурсы и ЛГБТ-литература.

К данному типу личности преступника относятся лица как мужского, так и женского пола в возрасте 18–49 лет, трудоустроенные различного рода занятий, как состоящие, так и не состоящие в браке, являющиеся гражданами РФ или иностранными гражданами. Для развратного типа личности преступника наличие рецидива не характерно. Они руководствуются идеологическим мотивом, меркантильным мотивом, мотивом утверждения и самоутверждения и мотивом игры. Они отличаются конфликтностью, несдержанностью, склонностью к истерическим формам реагирования в субъективно трудных для преступника ситуациях, поверхностностью и облегченностью суждений, пониженным фоном настроения, эмоциональной лабильностью в сочетании с элементами установочного поведения, увлеченностью и стремлением к преодолению стоящих на пути к реализации своих намерений препятствий.

Таким образом, осуществленная в зависимости от социально-психологических особенностей преступника и вида экстремистской деятельности типологизация лица, вовлекающего несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, позволила выделить следующие ее типы: идейный, корыстный, религиозный (фанатичный), криминальный и развратный. Данная типология имеет, с одной стороны, теоретическую значимость, так как может способствовать систематизации уже имеющихся знаний, а также проведению дальнейших научных исследований в данной отрасли, а с другой стороны практическую, так как выделенные типы обладают присущими им собственными причинами, механизмами и способами указанного вовлечения, что позволит выявлять лиц, которые потенциально могут вовлечь несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также намечать и осуществлять в отношении них дифференцированные эффективные предупредительные меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология / под общей ред. проф. А.И. Долговой. М., 1997.
2. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985.
3. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28.
4. Привалов А.В. Типология личности преступника члена молодежного объединения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
5. Васильев А.М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4.
6. Сухов А.Н. Социально-психологическая структура личности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. № 1(24).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997.
8. Козырев М.С. Свойства и функции идеологии // Социальная политика и социология. 2013. № 4–2(97).
9. Гаужаева В.А. Понятие идеологии экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2.
10. Инсарова Н.Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. Том 6.

11. Антонян Ю.М. Бессознательное в корыстном преступном поведении // Общество и право. 2015. № 2(52).
12. Ившин В.Г., Кондаков А.С. Криминологическая характеристика личности преступника-экстремиста // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 1.
13. Ростокинский А.В., Данелян С.В. Террор по франшизе, или отделение имен от тел // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 4.
14. Василенко В.И., Малышев В.В. Религиозный экстремизм и терроризм // Социология власти. 2012. № 3.
15. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 2007.
16. Рожков А.А. Социально-психологические факторы вовлечения несовершеннолетних в организации, разделяющие идеологию АУЕ // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10.
17. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

REFERENCES

1. Criminology / edited by prof. A.I. Dolgova. Moscow, 1997.
2. Course of soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its Causes. Criminal. Moscow, 1985.
3. Issues of combating crime. Moscow, 1978.
4. Privalov A.V. Typology of the personality of a criminal member of a youth association // Gaps in Russian Legislation. 2008. № 2.
5. Vasiliev A.M. Typology and features of criminological characteristics of the personality of a criminal who committed a crime involving the disappearance of a person // Criminological journal of the Baikal state university of economics and law. 2015. № 4. Vol. 9.
6. Sukhov A.N. Social and psychological structure of personality // Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2019. № 1 (24).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., M., 1997.
8. Kozyrev M.S. Properties and functions of ideology // Social policy and sociology. 2013. № 4-2(97).
9. Gauzhaeva V.A. The concept of the ideology of extremism // Gaps in Russian legislation. 2016. № 2.
10. Insarova N.G. Personality and environmental factors in the formation of extremist attitudes among young people // Psychological science and education PSYEDU.ru. 2014. № 1. Vol. 6.
11. Antonyan Yu.M. The unconscious in selfish criminal behavior // Society and Law. 2015. № 2 (52).
12. Ivshin V.G., Kondakov A.S. Criminological characteristics of the personality of an extremist criminal // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». 2014. № 1.
13. Rostokinsky A.V., Danelyan S.V. Terror by franchise, or separation of names from bodies // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2021. № 4.
14. Vasilenko V.I., Malyshev V.V. Religious extremism and terrorism // Sociology of power. 2012. № 3.
15. Pirozhkov V.F. Criminal psychology. Moscow, 2007.
16. Rozhkov A.A. Social and psychological factors of involving minors in organizations sharing the ideology of AUE // Legal science: history and modernity. 2020. № 10.
17. Il'nitskiy A.S. Counteracting criminal ideology on the Internet: dissertation of candidate of legal sciences. Krasnodar, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкова Надежда Владимировна, адъюнкт 3 курса ЗФО кафедры уголовного права и криминологии. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pushkova Nadezhda Vladimirovna, adjunct 3rd year of part-time studies of the Department of Criminal Law and Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaia St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98.068

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Рясов Александр Алексеевич

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Михайловск,
Российская Федерация
identifiks@mail.ru

Пономарева Анна Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ann.ponomarewa@mail.ru

Введение: статья посвящена проблемам расследования легализации преступных доходов – одного из наиболее сложных и опасных видов экономических преступлений. В ней анализируются типовые следственные ситуации, возникающие на начальном этапе расследования, включая выявление фактов отмыывания через предикатные преступления, оперативно-розыскные данные и материалы контролирующих органов. Особое внимание уделено процессу доказывания, включающему установление преступного происхождения средств, умысла виновных лиц и конкретных механизмов легализации.

Материалы и методы: в ходе исследования использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частно-научный метод исследования: изучения правоприменительной практики.

Результаты исследования: в статье подчеркивается важность использования цифровых доказательств – анализа электронной переписки, банковских транзакций и данных из мессенджеров. Рассматриваются современные методы расследования: финансовый мониторинг, контроль коммуникаций, привлечение IT-экспертов.

Выводы: в статье делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего традиционные следственные действия с новейшими технологиями и межведомственным взаимодействием для эффективного противодействия отмыыванию преступных доходов.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, отмыывание денег, экономические преступления, расследование, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, доказывание.

Для цитирования: Рясов А. А., Пономарева А. В. Особенности расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыыванием) денежных средств, полученных преступным путем / А. А. Рясов, А. В. Пономарева // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 183–189

Original paper

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINALLY OBTAINED FUNDS

Ryasov Alexander Alekseevich

Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Mikhailovsk, Russian Federation

Ponomareva Anna Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the problems of investigating the legalization of criminal proceeds, one of the most complex and dangerous types of economic crimes. It analyzes typical

investigative situations that arise at the initial stage of the investigation, including the identification of laundering through predicate crimes, operational and investigative data, and materials from regulatory bodies. Special attention is paid to the process of proof, which includes establishing the criminal origin of funds, the intent of the perpetrators, and specific mechanisms of legalization.

Materials and methods: the study used the universal dialectical method of scientific cognition, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization, and the specific scientific method of research: studying law enforcement practice.

Results of the study: the article emphasizes the importance of using digital evidence, such as analyzing email correspondence, bank transactions, and data from messaging apps. It also discusses modern investigative methods, including financial monitoring, communication control, and the involvement of IT experts.

Findings and conclusions: the article concludes that a comprehensive approach is necessary, combining traditional investigative actions with the latest technologies and interagency cooperation, in order to effectively combat money laundering.

Keywords: money laundering, money laundering, economic crimes, investigation, investigative actions, operational search measures, proving.

For citation: Ryasov A. A., Ponomareva A. V. Features of the investigation of crimes related to the legalization (laundering) of criminally obtained funds / A. A. Ryasov, A. V. Ponomareva // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 183–189*

Легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, представляет собой одну из наиболее серьезных угроз экономической безопасности любого государства. Данное преступление характеризуется сложной структурой, высоким уровнем организованности и широким использованием современных информационных технологий, что значительно осложняет деятельность правоохранительных органов по раскрытию и пресечению подобных деяний.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена несколькими факторами. Во-первых, преступления, связанные с легализацией незаконно полученных доходов, наносят значительный ущерб экономике страны, способствуют росту коррупции и препятствуют нормальному функционированию финансовой системы. Во-вторых, постоянное совершенствование методов сокрытия преступных доходов требует от правоохранительных органов адекватных мер реагирования и оперативного внедрения новых подходов к расследованию.

Расследуя уголовные дела, касающиеся легализации средств, нажитых преступным способом, крайне важно проводить глубокое и детальное изучение информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий. Игнорирование значимости такой деятельности способно повлечь серьезные правовые последствия, вплоть до невозможности инициирования уголовного преследования, вследствие чего виновные лица останутся безнаказанными.

Следует согласиться с мнением М.Д. Постникова о том, что первоначальный этап расследования подобных преступлений традиционно сопровождается рядом стандартных сценариев развития событий [1, с. 63–66].

При первом сценарии обстоятельства легализации становятся очевидными уже в процессе расследования сопутствующего (предикатного) преступления. В данном сценарии известны личности предполагаемых участников, а также определена общая сумма средств, вовлеченных в схему отмывания.

Во-втором случае факты легализации устанавливаются параллельно с выявлением самого первоначального преступного эпизода. Подобная ситуация также предполагает наличие достаточной информации относительно фигурантов дела и объема нелегальных финансов.

В третьей ситуации сведения о фактах легализации могут появиться в результате успешно проведенных оперативно-розыскных мероприятий. В таком варианте схема отмывания либо уже реализована, либо продолжает находиться в стадии активной реализации.

Наконец, в четвертом случае, основания для подозрения в легализации иногда возникают благодаря материалам, поступающим от государственных надзорных инстанций и иных уполномоченных органов контроля.

В зависимости от возникшей следственной ситуации, следователю необходимо проверить как уже установленные обстоятельства, так и установить еще неизвестные обстоятельства.

Каждая следственная ситуация на первоначальном этапе расследования влечет за собой типичные версии, которые выдвигаются на протяжении всего процесса расследования уголовного дела. После построения следственных версий при складывающейся следственной ситуации важно на основании имеющейся информации четко спланировать проведение следственных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Обычно стартовым импульсом для начала уголовного преследования становится официальное сообщение, оформленное в соответствии со ст. 143 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, фиксирующее выявленные признаки противоправных действий. Решение о запуске соответствующего юридического процесса основывается либо на материалах, обособленно выделенных из предыдущего уголовного дела, связанного с основным составом преступления, либо на результатах оперативно-розыскных мероприятий, располагающих достаточными сведениями, указывающими на признаки легализации доходов, полученных преступным путем.

В процессе расследования по каждому конкретному уголовному делу следователю следует оперативно выработать стратегию проведения процессуальных действий, определив их перечень и последовательность выполнения. Особое внимание необходимо уделить своевременному установлению роли подозреваемого в инкриминируемом преступлении и сбору неопровержимых доказательств, подтверждающих факт отмыwania денежных средств. Для достижения поставленных целей необходим комплексный подход, предусматривающий реализацию целого ряда следственных мероприятий. В первую очередь, это тщательный осмотр места происшествия с последующим документированием всех выявленных обстоятельств. Далее следует акцентированное изъятие финансовой и учетной документации, способной пролить свет на механизм совершения преступления. Параллельно проводятся профессионально организованные допросы всех участников процесса, направленные на получение развернутых и достоверных показаний. Наконец, осуществляются масштабные обыски, охватывающие жилые, рабочие и иные помещения, где предположительно могут находиться материальные объекты и документы, имеющие принципиальную значимость для установления факта легализации преступных доходов.

В уголовном процессе ключевое значение имеет точное определение предмета доказывания – системы юридически значимых обстоятельств, которые необходимо установить и подтвердить на всех стадиях производства по делу. Этот элемент выполняет роль своеобразного навигатора, задающего направление и пределы доказательственной деятельности. При расследовании легализации преступных доходов возникает специфическая сложность – требуется доказывание не только самого факта отмыwania денег, но и обстоятельств предикатного преступления, ставшего источником этих средств. Фактически следователь сталкивается с необходимостью расследования двух взаимосвязанных составов: первоначального преступления (например, мошенничества или коррупции) и последующих финансовых операций по приданию незаконным доходам видимости законности. Такой двойной предмет доказывания требует особого подхода к сбору и оценке доказательств, где каждая улика должна работать одновременно на оба состава преступления. При этом установление предикатного характера доходов часто становится самым сложным элементом доказывания, особенно когда преступники используют сложные схемы с участием номинальных лиц и фиктивных хозяйственных операций. Примером предикатных преступлений выступают хищения чужого имущества, незаконный оборот наркотиков, торговля оружием, операции с драгоценными металлами и камнями, получение выгоды от коррупционной деятельности и аналогичные общественно опасные деяния.

Такая тесная взаимосвязь объясняется сущностной природой легализации, которая, по сути, является продолжением и логическим следствием ранее совершенного преступления. Следовательно, полноценное расследование и успешное судебное преследование лиц, осуществляющих легализацию преступных доходов, невозможны без одновременного установления факта и обстоятельств совершения исходного преступления, породившего объект дальнейшего незаконного оборота.

На начальном этапе расследования уголовных дел, касающихся легализации денежных средств, полученных преступным путем, ключевым моментом становится глубокая аналитическая работа следователя по оценке имеющихся сведений и поиску недостающей информации. От точности и своевременности предпринятых действий зависит успех всего расследования, ведь промедление может позволить виновным лицам скрыть улики, усилить меры конспирации и минимизировать следы преступной активности, что серьезно осложнит дальнейшее разбирательство и даже приведет к закрытию дела.

Следователь обязан действовать гибко и адаптивно, выстраивая линию расследования в зависимости от конкретной следственной ситуации. Важно не только зафиксировать уже известные обстоятельства, но и выявить скрытые элементы, способные повлиять на итоговую оценку произошедшего. Понимание специфики ситуации позволяет грамотно планировать последующие мероприятия, определять круг необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих полноту и достоверность собранных доказательств.

Наиболее распространенным основанием для инициации уголовного дела является официальный рапорт сотрудника правоохранительных органов, зафиксировавший признаки преступной деятельности в установленном законом порядке (ст. 143 УПК РФ). Такое основание подкрепляется материалами, извлеченными из расследований смежных преступлений или результатами оперативно-розыскных мероприятий, содержащими весомые свидетельства, однозначно указывающие на признаки легализации доходов, изначально полученных преступным путем.

Следует отметить, что методика расследования таких преступлений существенно варьируется в зависимости от сферы происхождения преступных доходов. Так, случаи, связанные с легальной экономикой, отличаются от эпизодов, имеющих корни в откровенно незаконной деятельности, например, наркоторговле или контрабанде. Подобные различия диктуют необходимость индивидуального подхода и учета специфики каждой отдельной ситуации.

Центральным направлением расследования остается детализированное подтверждение способа легализации, т. е. фиксация конкретных финансовых операций и сделок, произведенных с преступными активами в четко определенном временном промежутке и с участием конкретных объектов инфраструктуры финансового рынка или иных институтов. Следствию предстоит не только установить сам факт подобных операций, но и проследить всю цепь транзакций, последовательно документируя каждое звено, чтобы обеспечить надежность и убедительность собранных доказательств.

Идентификация точной территориальной принадлежности преступления, связанного с легализацией незаконно полученных денежных средств, выходит далеко за рамки традиционного понимания географического положения. Она охватывает целую сеть пространственных объектов и зон, играющих ключевую роль в реализации преступных замыслов. Помимо известных финансовых и нефинансовых институций, задействованных в проведении сомнительных операций и сделок, сюда включаются жилища самих нарушителей закона, а также коммерческие площади, арендуемые фиктивными компаниями исключительно для подготовки и осуществления мнимых финансовых процессов. Особым вниманием заслуживают локальные пункты размещения технических средств и каналов коммуникации, используемых для передачи информации, непосредственно связанной с организацией и проведением легализационных мероприятий.

Временной фактор установления момента совершения преступления в контексте легализации преступных капиталов характеризуется не столько жесткой привязкой к отдельным датам, сколько необходимостью выявления протяженных временных интервалов, в рамках которых последовательно осуществлялись отдельные финансовые маневры и сделки. Это обусловлено самой сущностью рассматриваемых преступлений, проявляющейся в длительном и поэтапном исполнении задуманных преступных схем.

Важнейшим компонентом познавательной-исследовательской деятельности следователя при рассмотрении дел о легализации преступных доходов является доказывание умышленности действий субъекта преступления. Согласно требованиям п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обязательным элементом доказывания является установление прямого умысла правонарушителя, направленного на создание видимости законности происхождения преступных доходов. Сбор доказательств намеренности преступных действий осуществляется посредством комплексного анализа показаний допрашиваемых лиц, сопоставления результатов очных ставок, а также тщательного изучения вещественных доказательств, документации, компьютерных устройств и прочих предметов, изъятых в ходе осмотров, обысков и выемок. Полученная информация служит надежным индикатором осведомленности фигурантов о преступном происхождении доходов и сознательном намерении придать им видимость законности.

Таким образом, успешное раскрытие преступлений в сфере отмывания доходов невозможно без комплексного анализа всех аспектов противоправной деятельности,

включая точное установление пространственно-временных характеристик преступления и тщательное исследование субъективной стороны деяния.

Для достижения справедливого наказания лиц, замешанных в легализации денежных средств, полученных преступным путем, сотрудникам правоохранительных органов необходимо собрать исчерпывающую доказательственную базу, подтверждающую целый ряд важных обстоятельств:

1. Преступное происхождение имущества. Прежде всего, необходимо бесспорно доказать, что денежные средства или другое имущество, ставшие объектом легализации, были первоначально получены в результате противозаконной деятельности.

2. Прямая связь с предикатным преступлением. Следует установить непосредственную связь между объектами легализации и конкретным преступлением-предшественником, служащим источником поступления этих средств.

3. Осознанность совершения преступления. Обязательное условие привлечения к ответственности – осознание лицом, участвовавшим в легализации, того факта, что имущество было приобретено преступным путем.

4. Конкретизация действий по легализации. Требуется четко зафиксировать и задокументировать конкретные действия, осуществляемые преступником с целью придания имуществу внешнего вида законно приобретенной собственности, включая проведение финансовых операций и иных сделок.

Учитывая высокую степень сложности и специфичность дел подобной категории, особое значение приобретают профессионализм и внимательность следователя при осуществлении следственных мероприятий. Любое упущение или поверхностное отношение к сбору и оформлению доказательств может оказать негативное влияние на перспективы успешного завершения расследования.

Помимо классических методов расследования, таких как допросы, обыски и выемки, современная практика настоятельно рекомендует широкое применение инновационных технологических приемов, включая глубокий анализ больших массивов данных и постоянный мониторинг финансовых потоков. Одним из важнейших направлений работы является взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу, чьи ресурсы способны существенно облегчить выявление и документирование фактов легализации преступных доходов.

Сегодня ключевой задачей расследования становится качественный финансовый анализ, позволяющий обнаружить подозрительные банковские операции, выявить отклонения в финансовых показателях компаний от среднеотраслевой динамики, а также проследить путь перемещения денежных средств от источника их незаконного происхождения до конечного этапа легализации. Такой подход создает надежную основу для формирования полноценной доказательственной базы и способствует достижению положительных результатов в борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

В условиях динамично развивающегося информационного общества технические средства стали незаменимым инструментом в арсенале правоохранительных органов. Контроль и запись переговоров занимают особое место среди следственных действий, позволяя фиксировать и документировать сведения, имеющие существенное значение для раскрытия преступлений. Речь идет о перехвате информации, передаваемой по каналам телефонной связи, что дает возможность получить уникальные данные о планах преступников, их сообщниках, распределении ролей и координациях совместных действий. Такие сведения обладают не только доказательственным потенциалом, но и выполняют важные ориентирующие и розыскные функции, помогая разоблачить ложные утверждения подозреваемых.

Отдельного внимания заслуживают электронные цифровые доказательства, представляющие собой информацию, сохраненную в электронной форме и способную служить подтверждением фактов и обстоятельств, имеющих прямое отношение к делу. Среди таких доказательств выделяют:

- электронные документы и файлы различного формата;
- сообщения электронной почты;
- данные из корпоративных и публичных баз данных;
- аудиозаписи, фотоснимки, видеоролики и графические материалы;
- информацию, размещенную в облачных сервисах хранения данных;
- социальные сети и онлайн-сообщества.

Следует согласиться с мнением М. Д. Постникова [2, с. 369–376] о том, что особую значимость в этом ряду занимает смартфон подозреваемого. Современные смартфоны содержат огромное

количество ценной информации, способствующей раскрытию преступлений. Использование популярных мессенджеров (Telegram, WhatsApp и др.) дает возможность быстрого обмена информацией, включая текстовые сообщения, аудио и видеозаписи. Помимо этого, память смартфона может хранить контактные данные, личные заметки, фотоматериалы и видео-контент, имеющий прямую связь с преступной деятельностью. Анализ содержания смартфонов позволяет установить каналы коммуникации между участниками преступных группировок, выявить структуру распределения обязанностей, раскрыть схемы отмывания денежных средств, а также получить сведения о конкретных финансовых операциях и объемах легализованных сумм.

Именно поэтому чрезвычайно важно осуществлять выемку, тщательные осмотры и экспертизу всех найденных в ходе расследования мобильных устройств, компьютеров и внешних накопителей, фиксируя и сохраняя получаемую информацию надлежащим образом.

В условиях стремительного технологического прогресса особое значение приобретает использование современных технических средств в уголовном производстве. Мониторинг и протоколирование голосовых коммуникаций, осуществляемый посредством перехвата сигналов телефонных линий, превратился в мощный инструмент, позволяющий правоохранительным структурам фиксировать и документировать информацию, потенциально являющуюся доказательством совершения противоправных деяний. Этот метод реализуется преимущественно силами оперативных подразделений, специализирующихся на контроле телефонных переговоров. Запись разговоров зачастую содержит сведения о замыслах преступников, идентификации их сообщников, согласовании планов, распределении ролей и координации преступных действий. Получаемая информация может использоваться не только в качестве прямых доказательств, но и оказывать содействие в поиске и ориентации расследования.

Значимой составляющей доказательной базы по делам о легализации преступных доходов стала цифровая документация, хранимая в электронном формате и способная удостоверить факты и обстоятельства, имеющие отношение к расследуемым событиям. Сюда относятся всевозможные электронные документы, корреспонденция, мультимедийные материалы (графические, звуковые, визуальные файлы), данные, находящиеся в облачных хранилищах и социальных сетях.

Важным аспектом расследования рассматриваемых преступлений является работа со свидетелями, в частности, представителями банковских и финансовых учреждений, а также государственными служащими, ответственными за регистрацию имущества. Их показания могут сыграть решающую роль в подтверждении фактов совершения финансовых операций и сделок, направленных на легализацию преступных доходов. Вместе с тем особое внимание следует уделять документам, которые зачастую содержат прямые указания на источник происхождения денежных средств и схемы их последующего обращения.

В условиях стремительного развития технологий и появления новых способов легализации, таких как использование криптовалют, возрастает необходимость привлечения специалистов с особыми знаниями в области финансов, бухгалтерского учета и информационных технологий. Проведение различных видов экспертиз, включая финансово-бухгалтерские и компьютерно-технические, позволяет установить факты совершения финансовых махинаций и выявить скрытые механизмы отмывания денег.

Важно подчеркнуть, что успех расследования напрямую зависит от способности следователя своевременно реагировать на угрозы уничтожения доказательств, принимая оперативные меры по их обнаружению, изъятию и обеспечению сохранности. В конечном итоге, эффективное противодействие легализации преступных доходов возможно лишь при сочетании перечисленных факторов, что требует от правоохранительных органов постоянной готовности к применению инновационных методов и тесного взаимодействия с экспертным сообществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗРФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.

2. Постников М.Д. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Иркутск, 2024.

3. Постников М.Д. Некоторые особенности тактики получения доказательств при расследовании дел о легализации (отмывании) денежных средств, полученных преступным путем // Криминалистические чтения на Байкале. Иркутск, 2024.

REFERENCES

1. Federal Law № 115-FZ dated 07.08.2001 «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism» // NWRF. 2001. № 33 (Part I). Article 3418.

2. Postnikov M.D. Investigative Situations Arising at the Initial Stage of the Investigation of Crimes Related to the Legalization (Laundering) of Criminal Income // Actual Problems of Criminalistics and Forensic Expertise. Irkutsk, 2024.

3. Postnikov M.D. Some Features of the Tactics of Obtaining Evidence in the Investigation of Cases of Legalization (Money Laundering) of Funds Obtained by Criminal Means // Criminalistic Readings on Lake Baikal. Irkutsk, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рясов Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 356242, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Михайловск, ул. Чкалова, 38.

Пономарева Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ryasov Alexander Alekseevich, PhD in Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 38, Chkalova St., Mikhailovsk, Stavropol Territory 356242 Russian Federation.

Ponomareva Anna Vladimirovna, Senior lecturer of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2.7

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ МЕР ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Семенцова Ирина Анатольевна

Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал), Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация
irina_semen@inbox.ru

Цыкора Анна Владимировна

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ttanneta@mail.ru

Малявина Анна Борисовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vicktoria22@mail.ru

Введение: интернет-пространство формирует новую сферу для жизни и взаимодействия современного общества. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций и Интернета (РАЭК), в 2020 г. число россиян, пользующихся Интернетом, превысило 95 млн человек, а на начало 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, что составляет около 88,2 % населения страны. В 2024 г. житель России проводил в Интернете в среднем 8 часов 21 минуту в день. В связи с этим количество преступных деяний в сети Интернет значительно повышается с каждым годом, а уровень раскрываемости киберпреступлений, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, составляет 4,4 % [1]. Таким образом, одной из важных задач отечественного уголовного законодательства на данном этапе является создание механизма для эффективного пресечения и предупреждения уже существующих киберпреступлений, а также разработка мер по противодействию и контролю новых видов преступлений в рамках киберпространства, такие как преступления с использованием нейронных технологий и искусственного интеллекта.

Материалы и методы: исследование базируется на данных из научных публикаций, официальной государственной статистики, а также материалов судебных и следственных дел. В методологическом плане работа опирается на стандартные научные методы, что позволило использовать системный, функциональный и междисциплинарный подходы для анализа рассматриваемой проблемы. При этом активно применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция.

В целом, описание методологии указывает на комплексный и всесторонний подход к исследованию, основанный на надежных данных и проверенных методах.

Результаты исследования: проанализированы основные нормативные акты, регулирующие вопросы национальной безопасности современной России в области противодействия киберугрозам. На основе этого анализа разработаны предложения по дальнейшему совершенствованию государственно-правовых мер, направленных на реализацию государственной политики в области национальной безопасности Российской Федерации, с учетом международной обстановки и изменений в правовом поле.

Выводы и заключения: проведенное исследование нормативно-правовых актов, регулирующих национальную безопасность России в области киберугроз, позволило выявить направления для улучшения государственной политики. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию правовых инструментов, необходимых для эффективного обеспечения национальной безопасности в условиях меняющегося мира.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровые технологии, виктимологическая профилактика, жертва, последствия преступлений, стратегия, кибербезопасность, киберпространство, нейронные технологии, искусственный интеллект.

Для цитирования: Семенцова И. А., Цыкора А. В., Малявина А. Б. К вопросу о необходимости разработки стратегии мер виктимологической профилактики киберпреступности / И. А. Семенцова, А. В. Цыкора, А. Б. Малявина // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 190–194

Original paper

ON THE NECESSITY OF DEVELOPING A VICTIMOLOGICAL PREVENTION STRATEGY FOR CYBERCRIME

Sementsova Irina Anatolyevna

S.Yu. Witte Moscow University (branch), Rostov-on-Don, Russian Federation;
Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

Tsikora Anna Vladimirovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyavina Anna Borisovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the Internet space is forming a new sphere for the life and interaction of modern society. According to the Russian Association of Electronic Communications and the Internet (RAEC), in 2020, the number of Russians using the Internet exceeded 95 million, and as of the beginning of 2023, there were 127.6 million Internet users in the Russian Federation, which is about 88.2% of the country's population. In 2024, the average Russian spends 8 hours and 21 minutes per day on the Internet. In this regard, the number of criminal acts on the Internet is increasing significantly every year, and the level of detection of cybercrimes, according to the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, is 4.4% [3]. Thus, one of the important tasks of the domestic criminal legislation at this stage is to create a mechanism for effectively suppressing and preventing existing cybercrimes, as well as developing measures to counter and control new types of crimes within the framework of cyber education.

Materials and methods: the study is based on data from scientific publications, official government statistics, and court and investigative case materials. Methodologically, the work relies on standard scientific methods, which allowed for the use of a systematic, functional, and interdisciplinary approach to analyze the problem at hand. General scientific methods such as analysis and synthesis, induction, and deduction were actively employed. Overall, the description of the methodology indicates a comprehensive and well-rounded approach to the study, based on reliable data and proven methods.

Results of the study: the main regulatory acts governing the national security issues of modern Russia in the field of countering cyber threats were analyzed. Based on this analysis, proposals were developed for further improvement of state and legal measures aimed at implementing the state policy in the field of national security of the Russian Federation, taking into account the international situation and changes in the legal field.

Findings and conclusions: the conducted research of the regulatory acts governing the national security of Russia in the field of cyber threats allowed to identify directions for improving the state policy in this area. Specific proposals have been formulated to improve the legal instruments necessary for effectively ensuring national security in a changing world.

Keywords: cybercrime; digital technologies; victimological prevention; victim; consequences of crimes; strategy; cybersecurity; cyberspace; neural technologies; artificial intelligence.

For citation: Semyontsova I. A., Tsykora A. V., Malyavina A. B. On the Need to Develop a Strategy for Victimological Prevention of Cybercrime / I. A. Semyontsova, A. V. Tsykora, A. B. Malyavina // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 190–194

Статистика киберпреступлений и кибербезопасности подтверждает общую тенденцию, что люди в Интернете чувствуют себя слишком защищенными, а хакеры систематически доказывают им обратное [2]. Граждане, продолжая использование множества современных

технологичных устройств дома и в других местах, зачастую не соблюдают элементарные правила информационной безопасности и становятся жертвами таких преступлений.

Разработка материалов по кибербезопасности осложнена новизной вида преступления и его высокой латентностью, которая только способствует широкому расширению преступных интересов в этой сфере. Такая тенденция коррелируется с некоторыми зарубежными исследованиями, где отмечается, что преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, отличаются высокой латентностью и составляют от 80 до 85 % [3].

За последние несколько лет в нашей стране были приняты инициативы, которые должны способствовать снижению киберпреступности. Среди них – разработка обширного законодательства по защите критической информационной инфраструктуры, внедрение Национальной системы обнаружения и ликвидации компьютерных атак, создание Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки (ФинЦЕРТ), а также Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) [5, с. 851–855]. Однако предстоит еще долгий путь по формированию мер профилактики новейших преступлений – киберпреступлений. В том числе и потому, что особенностью киберпреступлений является их транснациональный характер – в рамках полномасштабной борьбы с ней просто необходимо международное сотрудничество [4].

Многие научные деятели, такие как А.И. Бастрыкин, Е.А. Родина, С.М. Миронова, Симонова С.С., С.А. Стяжкина, А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова, Б.А. Спасенников и другие ученые в работах подчеркивают важность виктимологической профилактики как одного из важнейших элементов в рамках стратегии борьбы с киберпреступностью. На социальном уровне целью становится снижение показателей причин виктимизации граждан и распространения необходимых профилактических сведений среди населения с помощью различных сфер общественной жизни – информационной, правовой, политической, этической, экономической и др.

Профилактика киберпреступности должна учитывать отличительные черты этого вида общественно-опасного деяния, а именно: быть направленной на неограниченную аудиторию, которая потенциально может стать жертвой киберпреступлений, носить никак не разовый, а постоянный и последовательный характер, оказывать комплексное, а не частичное воздействие на все сферы общественной жизни.

В законодательном направлении следует разрабатывать нормативные правовые акты, не только освещающие и регулирующие явление киберпреступности, но и обозначить подход к ее профилактике.

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», которая была утверждена указом Президента Российской Федерации, поднимаются вопросы угрозы информационной безопасности Российской Федерации и указывается их понятие как «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере»¹. Проблему информационных угроз также вместе с задачами по обеспечению безопасности выделяют в «стратегии национальной безопасности Российской Федерации»². В этом указе Президента Российской Федерации информационной безопасности посвящен подраздел, где уже подчеркивается вероятность увеличения информационных угроз из-за расширения использования данной сферы для вмешательства во внутренние дела государства, было отмечено про увеличение количества киберпреступлений и проводимых с территориях других государств кибератак на российские ресурсы. Необходимо поднимать важность проблемы виктимизации в том числе и на уровне существующих стратегий, а также разрабатывать новые. В настоящее время законодательное регулирование, как правило, не охватывает весь спектр современных компьютерных правонарушений, таких как майнинг, атаки на сервера, грабёж игровых товаров и т. д. Решение этих проблем значительно повысит эффективность защиты жертв киберпреступлений.

Для успешной интеграции в закон новел по борьбе с киберпреступностью, требуется расширять академическое направление, на уровне которого подготавливаются виктимологические исследования. В рамках этого начинания поддерживается скоординированная активизация исследовательских инициатив в научных институтах

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

и среди независимых ученых, которые получают соответствующее финансирование в виде грантов. Особое внимание должно уделяться эффективному и более широкому пониманию виктимологических аспектов киберпреступности, активизированных по целому ряду положений.

Необходимо будет разрабатывать теоретические рамки, методологии идентификации, обнаружения и предотвращения угроз, проявляющихся в киберпространстве и выделять сами эти угрозы, провести анализ социальных и индивидуальных предпосылок и причин кибервиктимизации, профилей жертв киберпреступлений, сформировать основы для построения прогностических моделей с целью понимания степени рисков для жертвы киберпреступности.

В начинаниях по отражению реального спектра киберугроз и в разработке специальных превентивных мер способен помочь искусственный интеллект. На его основе возможно создать структуру сведений, используя которые возможно будет эффективно справляться с проблемами и потенциально неблагоприятными вопросами про современные киберугрозы. Также она может быть предназначена для решения не только проблем сегодняшнего дня, но и спрогнозировать потенциальных жертв будущего.

Поэтому необходимо дальнейшее развитие и технической составляющей. Для предотвращения киберпреступлений просто необходимо использовать передовые технологии. Например, чтобы защитить потенциальных жертв, следует своевременно устранять уязвимости в программном обеспечении. Значение для технической безопасности имеют аутентификация пользователей и устройств, дополнительная программная защита цифровых носителей, антивирусные меры, предотвращение атак на устройства, сохранение целостности и доступности информационных систем, безопасность виртуализации и коммуникационных технологий. Отечественные IT-продукты должны также достигнуть самодостаточности в области информационной безопасности.

Для правильной работы системы предупреждения киберпреступности необходимо будет сформировать специальные организации или структуры, обеспечивающие постоянный мониторинг инцидентов цифровой виктимизации. Например, на базе Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) может функционировать Единый центр кибервиктимизации и защиты жертв киберпреступлений (ЕЦК), целью которого может стать систематический учет жертв, оценка их состояния и оказание им необходимой правовой поддержки. Изучение доступности информации о способах совершения киберпреступлений.

Такие меры необходимы, т. к. профилактическая работа в этом направлении должна быть построена на основе созданных и внедренных систем реагирования как раз на различных сведениях, включающих жалобы, возбужденные уголовные дела и обратной связью с жертвами. На основе этих сведений возможна разработка механизмов защиты кибержертв. Например, создание образовательных программ, нацеленных на предотвращение ситуаций, связанных с преступлениями в информационной среде, и уроков на основе этих программ, обучающих безопасному поведению в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Необходимо также вырабатывать у граждан «систему идей и взглядов, в которых осознается важность виктимологической профилактики, места и роли жертвы в контроле над киберпреступностью. Для этого необходимо отношение к пользователю как субъекту, наделенному цифровыми свободами и неприкосновенностью частной жизни в киберсреде, поддержка и продвижение международных стандартов виктимологической безопасности, расширение международного сотрудничества при безусловном приоритете национальных цифровых решений, укрепление нравственных устоев общества и интернета как его производной» [6].

Таким образом, профилактика требует выработки целостной стратегии, включающей и борьбу с киберпреступностью. Для уменьшения количества жертв преступлений, учитывая сложность и новизну этих проблем, необходимо совершенствовать законодательство, укреплять международное сотрудничество, так как проблема носит международный характер, повышать осведомленность граждан и внедрять передовые технологии для повышения уровня их кибербезопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/> (дата обращения: 25.05.2025)

2. Гладков Д.В., Щербакова И.В. Киберпреступность как угроза глобальной безопасности человечества: актуальные вопросы профилактики // Закон и право. 2022. № 6.
3. Жмуров Д.В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4(60).
4. Ивасюк О.Н. Современные проблемы противодействия киберпреступности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6.
5. Кузнецов Н.В., Раков А.В. Управление в территориальных органах МВД России на районном уровне как основном звене системы МВД России // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 5.
6. Никульченкова Е.В. Проблемы противодействия киберпреступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 3(94).

REFERENCES

1. On Crimes Committed Using Modern Information and Communication Technologies // Official Website of the General Prosecutor's Office. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/> (date of access: 25.05.2025).
2. Gladkov D.V., Shcherbakova I.V. Cybercrime as a Threat to Global Human Security: Current Issues of Prevention // Law and Law. 2022. № 6.
3. Zhmurov D.V. General Victimological Prevention of Cybercrime // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4(60).
4. Ivasyuk O.N. Modern Problems of Countering Cybercrime // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 6.
5. Kuznetsov N. V., Rakov A.V. Management in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the District Level as the Main Link of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Udmurt University. 2021. № 5.
6. Nikulchenkova E.V. Problems of Countering Cybercrime in Russia // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2023. № 3(94).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса. Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, 78;
доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26.

Цыкора Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая безопасность, учет и право» Донского государственного технического университета. 344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Малявина Анна Борисовна, кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sementsova Irina Anatolyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don. 78, Nefyodova St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation;
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation). 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation .

Tsikora Anna Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Security, Accounting, and Law at the Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

Malyavina Anna Borisovna, Candidate of Political Sciences, Researcher at the Research and Editorial Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98.062

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУКОПИСНЫХ ЗАПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗРЕНИЯ

Серета Юлия Сергеевна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
julia2412@gmail.ru

Скороходова Виктория Андреевна

ЭКЦ УМВД России по г. Севастополю, Севастополь, Российская Федерация
viktories070400@yandex.ru

Введение: на текущем этапе развития судебных экспертиз почерковедческое исследование является одним из наиболее часто применяемых методов экспертной диагностики, что и определяется ее востребованностью при рассмотрении гражданских, административных и уголовных дел.

Важнейшая роль диагностических исследований рукописных текстов заключается в возможности выявления необычных условий их выполнения, таких как установление конкретного факта измененного письма или необычного психофизиологического состояния писавшего лица (болезнь, опьянение, усталость и др.), непривычные внешние условия (поза письма, письмо без очков, письмо в темноте и т. д.).

Результативность решения диагностических задач зависит от характера и пределов устойчивости, изменчивости признаков почерка и от различных состояний, свойств и качеств лица выполнявшего рукописный текст.

Материалы и методы исследования: в ходе исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез и обобщение теоретического материала, эксперимент).

Эмпирической основой исследования является экспертно-криминалистическая практика и проведенный эксперимент с использованием экспериментальных образцов почерка лиц с ограниченными возможностями зрения.

Результаты исследования: выявлены признаки позволяющие решить диагностические задачи в рамках выполнения рукописного текста лицами, имеющими ограниченные возможности зрения.

Выводы и заключения: в данной статье рассматривается и дополняется существующая методика, направленная на выявление симптоматического комплекса признаков, характерных для рукописных текстов, выполненных без использования очков, а также лицами с ограниченными зрительными возможностями. Предлагаемый подход позволяет идентифицировать признаки необычного выполнения, обусловленные нарушениями зрительного восприятия. Полученные результаты могут быть применены в процессе обучения и повышения квалификации экспертов в области почерковедческой экспертизы.

Ключевые слова: индивидуальность почерка, сбивающие факторы, почерковедческое исследование, диагностическое исследование, заключение эксперта, ограниченные возможности зрения, зрительные способности, степень выработанности почерка, зрительный контроль, измененные условия письма.

Для цитирования: Серета Ю. С., Скороходова В. А. Особенности криминалистического исследования рукописных записей, выполненных лицами, имеющими ограниченные возможности зрения / Ю. С. Серета, В. А. Скороходова // Юрист-Правоведъ : Юрист-Правоведъ : науч.- теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 195–201

Original paper

FEATURES OF FORENSIC EXAMINATION OF HANDWRITTEN NOTES MADE BY VISUALLY IMPAIRED PERSONS

Sereda Yulia Sergeevna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Skorokhodova Victoria Andreevna

ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: at the current stage of development of forensic examinations, handwriting analysis is one of the most frequently used methods of expert diagnostics, which is determined by its demand in the consideration of civil, administrative and criminal cases.

The most important role of diagnostic studies of handwritten texts is the possibility of identifying unusual conditions of their execution, such as establishing a specific fact of altered writing or an unusual psychophysiological state of the person writing (illness, intoxication, fatigue, etc.), unusual external conditions (writing position, writing without glasses, writing in the dark, etc.).

The effectiveness of solving diagnostic problems depends on the nature and limits of stability, variability of handwriting characteristics and on various phenomena, properties and qualities of the person who wrote the handwritten text.

Materials and methods: general scientific methods (analysis, synthesis and generalization of theoretical material, experiment) were used in the course of the study.

The empirical study is an expert-forensic practice and is conducted using experimental samples of handwriting of visually impaired persons.

Results of the study: signs were identified that make it possible to solve diagnostic problems in the context of handwriting by people with limited vision.

Findings and conclusions: this article examines and supplements the existing methodology aimed at identifying a symptomatic complex of features characteristic of handwritten texts made without the use of glasses, as well as by persons with visual impairments. The proposed approach allows identifying signs of unusual performance caused by visual perception disorders. The results obtained can be used in the process of training and improving the qualifications of experts in the field of handwriting examination.

Keywords: individuality of handwriting, confounding factors, handwriting examination, diagnostic examination, expert opinion, limited vision, visual abilities, degree of handwriting development, visual control, altered writing conditions.

For citation: Sereda Yu.S., Skorokhodova V. A. Features of forensic examination of handwritten notes made by persons with limited vision / Yu. S. Sereda, V. A. Skorokhodova // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 190–201

Несмотря на значительный объем теоретических исследований в области почерковедческой диагностики, остается актуальной проблема недостаточной разработанности методической базы для проведения диагностических и ситуационных исследований. В частности, это касается задач установления тождества исполнителя рукописи, выполненной под воздействием сбивающих факторов, таких как, механические ограничения (например, использование наручников); пространственные ограничения (ограниченная плоскость для письма); физиологические помехи (письмо без средств оптической коррекции) и других аналогичных условий, влияющих на процесс письма.

Таким образом, существует необходимость в дальнейшей разработке специализированных методик, позволяющих минимизировать погрешности при идентификации исполнителя рукописи в условиях действия дестабилизирующих факторов [1, с. 6]

Особого внимания заслуживает экспертное исследование рукописных текстов, выполненных лицами с ограниченными возможностями зрения.

Влияние использования средств оптической коррекции зрения (либо их отсутствия) на индивидуальные характеристики почерка при выполнении рукописных текстов в привычных для писавшего условиях представляет собой малоизученную проблему в области судебного почерковедения.

Согласно данным научных исследований, зрительная система является доминирующим каналом восприятия информации. К сожалению, орган зрения человека подвержен различным

негативным воздействиям: заболевания, травмы, возрастные изменения и т. д. О степени нарушения зрительной функции можно судить по снижению остроты зрения, т. е. способности глаза видеть 2 светящиеся точки при минимальном расстоянии между ними. Острота зрения, равная 1.0, считается соответствующей норме и устанавливается в офтальмологическом кабинете в способности различать буквы или знаки десятой строки специальной таблицы с расстояния 5 м [2].

Почерк формируется под влиянием не только двигательных навыков, но и зрительного восприятия. Любые отклонения зрения от нормы, требующие коррекции очками или линзами, неизбежно отражаются на характеристиках письма. Например, при близорукости наблюдается увеличение размера букв, неравномерность пробелов между словами, изменение толщины линий и нарушение прямолинейности строки. Однако это лишь часть возможных изменений.

Если человек, привыкший писать в очках, оказывается без них, он испытывает дискомфорт и волнение, что сказывается на почерке. В таких случаях могут проявляться необычные признаки:

- нетипичное использование заглавных букв и знаков препинания;
- изменение наклона и расположения письменных знаков;
- извилистость или ломаность элементов букв.

Важную роль играет степень выработанности почерка. Люди с высоковыработанным почерком легче адаптируются к изменению условий, тогда как маловыработанный почерк подвергается более заметным изменениям. Чаще всего нарушения проявляются в разгибательных движениях: слева направо и снизу вверх.

Механизм письма зависит от сочетания внутренних (субъективных) и внешних (объективных) факторов. К внутренним – относятся индивидуальные особенности зрительного восприятия, а к внешним – отсутствие очков или недостаточное освещение. Эти условия приводят к появлению симптоматических признаков, указывающих на необычность письма. Отдельного внимания заслуживает возрастная изменчивость почерка. Снижение зрения у пожилых людей, особенно при вынужденном отсутствии очков, существенно влияет на процесс письма. Таким образом, нарушения зрения оказывают значительное воздействие на почерк, что необходимо учитывать в судебном почерковедении. Данная проблема требует дальнейшего изучения, поскольку изменения почерка, связанные со зрительными патологиями, могут быть ошибочно интерпретированы как умышленное искажение.

Научно доказано, что процесс выполнения рукописи в непривычной внешней обстановке требует значительной перестройки механизма письма, приспособления к задаче сохранения зрительно-двигательного образа письменного знака. Отсутствие зрительного контроля при письме характеризуется симптоматическим комплексом диагностических задач, что влечет за собой сбивающее воздействие на деятельность показателя пространственного поля, который делает возможным работу зрительно-двигательной функции, способствуя ровному положению строк на бумаге, геометрическим особенностям почерка и др.

Кроме того, отсутствие зрительного контроля влияет на наложение письменных знаков, наблюдается примыкание букв, что является следствием смещения строк по вертикали, для горизонтали такие проявления встречаются реже.

Для рукописи, выполненной в отсутствие зрительного контроля характерно изменение признаков пространственной ориентации движений:

- исчезновение правого поля;
- резко извилистая ломаная и ступенчатая комбинация линии левого поля;
- максимально неустойчивая форма и направление линии письма;
- неравномерность размера интервалов между строками и словами, но встречаются фрагменты с относительной устойчивостью интервала;
- не параллельность строк при преобладающем опускании строк;
- преобладает ступенчатая форма линий;
- неравномерный размер интервалов между знаками препинания и словами.

Интересными для исследования представляются случаи с выполнением рукописного текста лицами, имеющими проблемы со зрением, и здесь стоит более обстоятельно говорить о воздействии «сбивающего» фактора, имеющего временный характер. В данном случае решаются ситуационно-диагностические задачи, связанные с установлением специфики внешней обстановки письма.

Очевидно, что выполнение рукописных текстов лицами, имеющими ограниченное зрение, и вынужденными в отдельных случаях писать без очков, фактически относится к письму в измененных внешних условиях, когда исполнитель приспосабливается к его

механизму, перестраивая его, исходя из создавшихся условий [3]. При этом автоматизм движений снижается, а доля зрительного контроля усиливается, что в свою очередь нарушает координацию движений и их согласованность.

Научно доказано, что люди с высоковыработанным почерком имеют приспособительные возможности достаточно высокие, поэтому проследить изменения в почерке у них значительно сложнее. И, напротив, в случаях с маловыработанным почерком «сбивающие» факторы вызывают значительные изменения, проявляющиеся в основном в разгибательных движениях: снизу вверх, слева направо [4, с. 89].

Таким образом, главной возможностью диагностического исследования рукописей, выполненных в отсутствие зрительного контроля, является выявление изменения признаков пространственной ориентации, нарушения координации движений, направления и формы линий, протяженности движений и т. д.

Стабильность почерка в течение всей жизни порой отличает некоторых людей, но определенные изменения могут свидетельствовать и о наличии каких-либо заболеваний, в том числе и органов зрения. К патологическим процессам, которые влияют на структуру почерка, относятся зрительные нарушения.

Среди таких нарушений следует отметить особенности зрения такие как: конвергенция – сведение осей глаз для улучшения восприятия предметов; аккомодация – способность глаза одновременно четко наблюдать находящиеся на разном расстоянии объекты; адаптация – возможность четкого восприятия формы и цвета, различно освещенных предметов; бинокулярность – свойство зрения, позволяющее определять расстояние между наблюдаемыми объектами и их взаиморасположение и т. д.).

Логично обратить внимание на признаки, обладающие наиболее высокой устойчивостью и зависящие от состояния зрения, так как в рассматриваемой теме речь идет о рукописных текстах, выполненных лицами с ограниченными возможностями зрения, в частности упор делается на зависимость от очков при письме. К факторам, подтверждающим проблемы с органом зрения, относятся близорукость, дальновзоркость, повреждения глаз, слепота одного глаза, астигматизм. Естественно, такие нарушения зрения, как близорукость, дальновзоркость, астигматизм вызывают необходимость пользоваться очками или корригирующими линзами для нормальной жизнедеятельности.

Среди распространенных особенностей почерка существуют некоторые, связанные с таким отклонением в зрении от нормы, как аметропия глаз – близорукость и дальновзоркость. Человек с близорукими глазами обладает более узким полем зрения в отличие от людей, у которых эмитропические глаза (т. е. норма). Но, тем не менее, лицо способно охватить своим взором строку на большом протяжении и может писать почерком разных размеров букв. Если человек с близорукостью, не пользуясь очками, вынужден писать письменный текст, то возникает обстоятельство, когда ему необходимо принимать такую позу, которая осложняет движения руки пишущего, т. е. располагать рукопись на близком расстоянии от глаз, поэтому почерку будет свойственна некоторая нестройность. Размещение строк, расстояние между словами, напряжение почерка тоже будут видоизменены, но в меньшей степени, чем у лиц со слепотой одного глаза.

Интересным оказывается случай с дальновзоркостью, так как у человека с дальновзоркими глазами имеется способность охвата строки значительной длины. Но в силу значительного увеличения поля зрения пишущее лицо затрудняется рассчитать участки строки, расстояния между словами, и способно писать почерком крупных размеров, по возможности округляя буквы. Давая характеристику почерку дальновзорких лиц, следует обратить внимание на его растянутость. Определенно следует сказать о позе письма дальновзорких лиц без очков, т. е. писать в измененных условиях. При дальновзоркости человек, лишившись привычного письма в очках, вынужден располагать свою рукопись на значительном расстоянии от глаз, поэтому рука лишается опоры, что в итоге влияет на согласованность почерка.

Таким образом, перечисленные особенности почерка, проявляющиеся на фоне близорукости и дальновзоркости, несколько меняются с использованием очков или корригирующих линз, но не устраняются полностью. Кроме того, дополняют перечень устойчивых признаков почерка еще и те, которые находятся в зависимости от состояния нервной системы пишущего лица.

Для подтверждения выше сказанного нами проводился эксперимент, в котором принимали участие 35 респондентов, имеющие ограниченные возможности по зрению и пользующиеся очками (по разным медицинским показаниям). В эксперименте принимали участие лица мужского и женского полов, разного возраста. Одинаковый текст выполнялся ими в привычных (в очках) и измененных (без очков) условиях (см. рисунок № 1–4).

Эксперимент подтвердил определенный набор общих признаков изменения внешней обстановки письма:

- снижение темпа движений;
- нарушение координации движений в виде неустойчивости наклона, протяженности по вертикали и горизонтали;
- заметно изменился размер интервалов между строками;
- значительно изменились направление и форма линии письма;
- нет четкой линии полей.

Безусловно, стоит обратить внимание на исследования письменного текста, выполненного пожилыми людьми, участвовавшими в эксперименте, так как эта категория граждан, в общей массе пользуется очками и чаще всего связана с оформлением завещаний, случаями подделок, судебными разбирательствами и т. д.

Для исследования этих признаков применяются различные методы, такие как сравнительный анализ почерка людей с ограниченными возможностями зрения и без ограничений, экспериментальные методики с использованием различных условий письма, а также инструментальные методы, например, графические планшеты для регистрации динамики нажима и скорости письма.

Практическое значение такого исследования заключается в возможности идентификации автора анонимных записок, разработке адаптивных методик обучения письму для людей с нарушениями зрения и оценке динамики моторных навыков в процессе реабилитации.

При исследовании почерка пожилых людей без зрительного контроля установлены типичные признаки, свойственные при письме (см. рисунок № 5–6):

- необоснованные остановки во время письма;
- обводка элементов или букв;
- исправления в тексте;
- неустойчивость в наклоне и разгоне почерка.

На наш взгляд о частичной потере зрения респондентов свидетельствуют следующие комплексы признаков при письме без очков, которые можно объяснить внутренними (субъективными) и внешними (объективными) факторами:

- отклонение в письме от привычного размера букв (подтверждают рукописи участников с дальновзоркостью и близорукостью);
- отклонения в конфигурации букв, проявляющиеся в удлинненности или округлости (в зависимости от степени потери зрения);
- разброс в размере букв по ходу письма, нестройность;
- появление внутреннего волнения, напряженности, головной боли.

Оценивая результаты проведенного эксперимента можно прийти к выводу, о том, что главной возможностью диагностического исследования рукописей, выполненных в отсутствие зрительного контроля, является выявление изменения признаков пространственной ориентации, нарушения координации движений, направления и формы линий, протяженности движений и т. д.

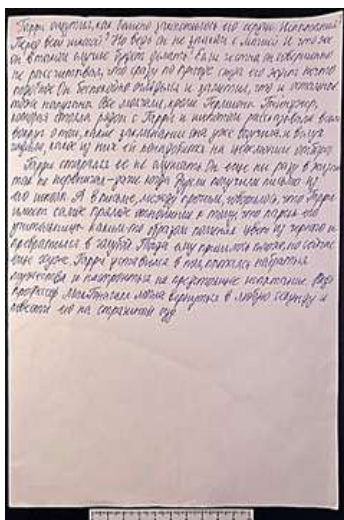

Рис 1. Рукописный текст, выполненный испытуемым № 1 с близорукостью в очках

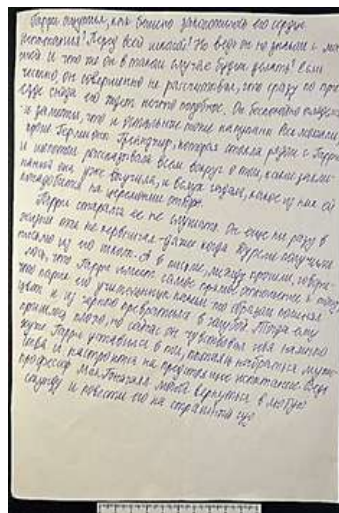

Рис 2. Рукописный текст, выполненный испытуемым № 1 с близорукостью без очков

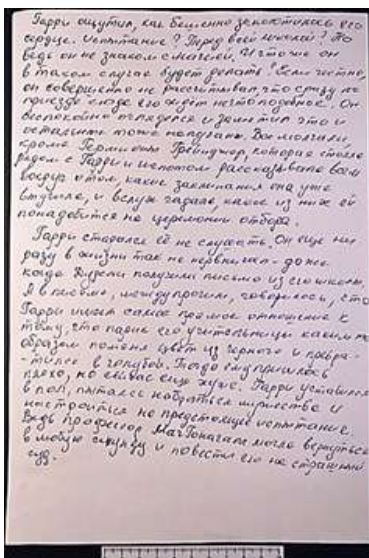

Рис. 3. Рукописный текст, выполненный испытуемым с дальновзоркостью в очках

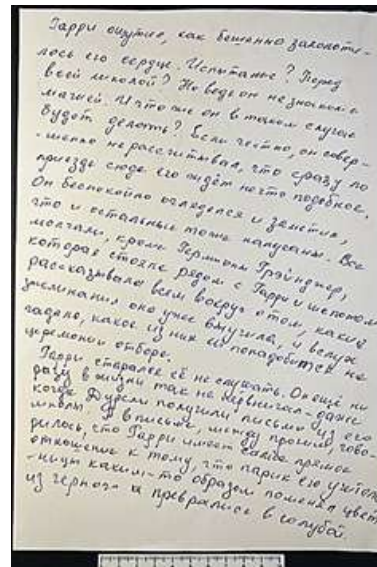

Рис. 4. Рукописный текст, выполненный испытуемым с дальновзоркостью без очков

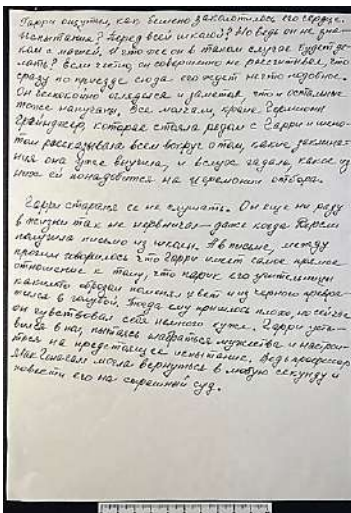

Рис. 5. Рукописный текст, выполненный испытуемым пожилого возраста с близорукостью в очках

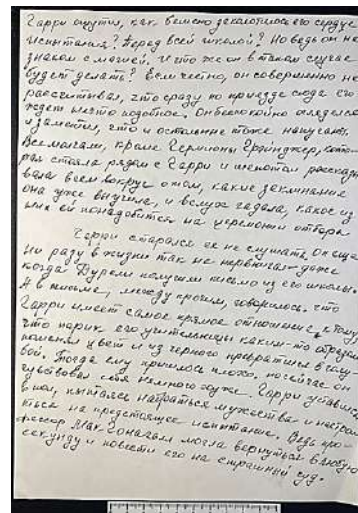

Рис. 6. Рукописный текст, выполненный испытуемым пожилого возраста с близорукостью без очков

Подводя итог, можно утверждать, что вывод о конкретизации группы сбивающих факторов при отсутствии зрительного контроля в письме, выполненном в естественно-измененных условиях, позволяет сформировать понимание комплекса признаков, который можно использовать для решения диагностических задач, в рамках установления конкретного сбивающего фактора, но для большей конкретизации требуется более углубленное изучение данных признаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Медицина и здоровье. Зрительная система человека: smekni.com. URL: <https://smekni.com/a/146776/zritel'naya-sistema-cheloveka> (дата обращения: 01.03.2025.)
3. Чернов Ю.Г. Применение анализа почерка в медицине // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2020. Т. 12. № 6(65). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М., 1974.

REFERENCES

1. Orlova V.F. Forensic handwriting examination: General part: theoretical and methodological foundations 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2006.
2. Medicine and health. The human visual system: smekni.com. URL: <https://smekni.com/a/146776/zritel'naya-sistema-cheloveka> (date of access: 01.03. 2025.)
3. Chernov Yu.G. Application of handwriting analysis in medicine // Medical psychology in Russia: electronic. scientific journal. 2020. V. 12. № 6(65). URL: <http://mprj.ru> (date of access: 01.03.2025)
4. Tomilin V.V. Fundamentals of forensic medical examination of writing. Moscow, 1974.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Серда Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Скороходова Виктория Андреевна, эксперт. ЭКЦ УМВД России по г. Севастополю. 299055, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Хрусталева, д.42 А.

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Sereda Yulia Sergeevna, Senior lecturer of the Department of Fundamentals of Expert-Criminalistic Activities of the Educational and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Skorokhodova Victoria Andreevna, ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Sevastopol. 42 A, Khrustaleva St., Sevastopol 299055 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985.7

СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сычева Анна Викторовна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
anna002@yandex.ru

Введение: в методике расследования дистанционного мошенничества, совершенного в отношении социально незащищенных категорий лиц, значение имеют сведения о криминалистической характеристике преступления, одним из важнейших элементов которой является способ совершения преступления. В статье рассмотрены наиболее актуальные способы совершения дистанционного мошенничества в отношении социально незащищенных лиц. Автором проанализированы проблемы, возникающие при расследовании указанной категории преступлений. Изучены меры, принимаемые на государственном уровне для защиты социально уязвимых слоев населения от мошенничества. При рассмотрении способов совершения дистанционного мошенничества приведены примеры из судебно-следственной практики.

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы, описания, наблюдения, обобщения, сравнения и анализа. Эмпирическую базу исследования составили данные судебно-следственной практики расследования дистанционных мошенничеств в отношении социально незащищенных категорий граждан.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило выявить корреляционные связи между всеми криминалистически значимыми сведениями о мошенничестве, совершенном в отношении социально незащищенных лиц, что, безусловно, может оказать помощь следователю в выборе средств и методов расследования, выдвижении следственных версий, установлении личности преступника и его розыска.

Выводы и заключения: автором рассмотрены такие элементы криминалистической характеристики дистанционного мошенничества, совершенного в отношении социально незащищенных категорий граждан, как способ совершения преступления, проанализированы наиболее актуальные способы обмана граждан в современных условиях; изучены особенности личности жертвы дистанционного мошенничества и проблемы, возникающие при расследовании указанной категории преступлений. Автором проанализированы изменения в законодательстве в части, касающейся борьбы с дистанционным мошенничеством, совершаемым в том числе и в отношении социально уязвимых лиц. Проведенный анализ судебно-следственной практики может оказать помощь субъекту расследования в выдвижении следственных версий, определении направления расследования в целях полного, объективного, всестороннего расследования дистанционного мошенничества, совершенного в отношении социально незащищенных категорий граждан.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, социально незащищенные лица, способ совершения преступления, личность потерпевшего, кибермошенничество, пожилые люди.

Для цитирования: Сычева А. В. Специфика расследования дистанционных мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных лиц в современных условиях / А. В. Сычева // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 202–207

Original paper

THE SPECIFICS OF THE INVESTIGATION OF REMOTE FRAUDS COMMITTED AGAINST SOCIALLY VULNERABLE PERSONS IN MODERN CONDITIONS

Sycheva Anna Viktorovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the methodology of investigating remote fraud committed against socially vulnerable categories of persons, information about the criminalistic characteristics of the crime is important, one of the most important elements of which is the method of committing the crime. The article considers the most relevant ways of committing remote fraud against socially vulnerable persons. The author analyzes the problems that arise during the investigation of this category of crimes. The measures taken at the state level to protect socially vulnerable segments of the population from fraud have been studied. When considering the methods of remote fraud, examples from judicial and investigative practice are given.

Materials and methods: the research is based on the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, and departmental regulatory legal acts. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, as well as cognitive methods of description, observation, generalization, comparison and analysis. The empirical basis of the study was made up of data from the judicial and investigative practice of investigating remote fraud in relation to socially vulnerable categories of citizens.

Results of the study: the conducted research revealed correlations between all criminalistically significant information about fraud committed against socially vulnerable persons, which, of course, can assist the investigator in choosing the means and methods of investigation, putting forward investigative versions, identifying the perpetrator and searching for him.

Findings and conclusions: the author considers such elements of the criminalistic characteristics of remote fraud committed against socially vulnerable categories of citizens as a method of committing a crime, analyzes the most relevant ways of deceiving citizens in modern conditions; examines the personality characteristics of the victim of remote fraud and the problems that arise during the investigation of this category of crimes. The author analyzes the changes in legislation regarding the fight against remote fraud, committed, among other things, against socially vulnerable persons. The conducted analysis of judicial and investigative practice can assist the subject of the investigation in putting forward investigative versions, determining the direction of the investigation in order to fully, objectively, comprehensively investigate remote fraud committed against socially vulnerable categories of citizens.

Keywords: remote fraud, socially vulnerable persons, method of committing a crime, identity of the victim, cyberbullying, elderly people.

For citation: Sycheva A.V. Specifics of the investigation of remote frauds committed against socially vulnerable persons in modern conditions / A.V. Sycheva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 202–207

В последние годы Россия столкнулась с мощной волной дистанционного мошенничества. Согласно данным статистики, за 2024 г. было зарегистрировано 445 690 уголовных дел по фактам мошенничества, что на 2,8 % больше, чем за 2023 г. При этом 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Особую общественную опасность вызывают мошенничества, которые совершаются в отношении наиболее уязвимой части населения нашей страны – пожилых людей, инвалидов, несовершеннолетних, которые относятся к социально незащищенным категориям граждан и не могут самостоятельно защитить свои права [1, с. 86].

Президент России В. Путин 5 марта 2025 г. в ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России назвал масштабы интернет-мошенничества в России недопустимыми. Он подчеркнул, что почти четверть жертв таких атак – пенсионеры. При этом уточнил, что раскрываемость таких преступлений, к сожалению, тоже снизилась и составила порядка 23 % и призвал искать новые методы для противодействия угрозам в сфере кибербезопасности².

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.пф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 08.04.2025).

² Путин назвал масштабы интернет-мошенничества в России недопустимыми. URL: <https://regnum.ru/news/3951453> (дата обращения: 08.04.2025).

Преступники на постоянной основе изобретают все более изощренные способы обмана пожилых людей, используют методы социальной инженерии, на которые попадают социально незащищенные категории граждан. Будучи излишне доверчивыми, эмоциональными, недостаточно осведомленными они верят мошенникам, перечисляя им все свои сбережения, отдавая единственное жилье, оформляя миллионные кредиты и т. д.

Раскрытие и расследование мошенничества, совершенного в отношении социально незащищенных лиц, может быть осложнено ввиду следующих обстоятельств:

- зачастую пожилые люди не сразу понимают, что стали жертвами мошенничества; длительный промежуток времени, прошедший с момента совершения преступления до обращения в правоохранительные органы, ведет к утрате доказательственной информации;

- пожилые люди не обращаются в правоохранительные органы ввиду стеснения и страха быть осужденными;

- возрастные особенности личности потерпевшего. Так, допрошенная в качестве потерпевшей 82-летняя Р. пояснила, что после телефонного разговора с якобы сотрудником прокуратуры Москвы, она сняла со счета все свои денежные средства, сложила их в конверт и передала курьеру для сохранности. При составлении словесного портрета курьера возникли сложности ввиду возрастных особенностей потерпевшей, в частности, проблем со слухом, зрением, памятью;

- минимальная следовая картина (мошенники научились не оставлять цифровых следов своей преступной деятельности).

Анализируя способ совершения дистанционных мошенничеств, совершаемых в отношении социально незащищенных лиц, необходимо отметить, что данные сведения являются важнейшим элементом криминалистической характеристики указанной категории преступлений. Ермолович В.Ф. справедливо отмечает, что присущие преступнику знания и умения, которые он использует при совершении преступления, оказывают влияние на содержание способа совершения преступления [2, с. 50]. Применительно рассматриваемой категории мошенничеств, к знаниям и умениям мошенника можно добавить навыки и привычки, которые придают способу совершения преступления определенную индивидуальность.

Рассмотрим основные способы совершения дистанционного мошенничества в современных условиях:

1. С апреля 2025 г. мошенники стали привлекать к совершению преступлений несовершеннолетних, обманывая которых, получают денежные средства со счетов их родителей. Так, несовершеннолетнему поступает звонок в мессенджере «WhatsApp», где неизвестная женщина под видом сотрудника колледжа сообщает, что необходимо привязать номер телефона собеседника к его электронному дневнику и для этого необходимо продиктовать код из СМС-сообщения. Несовершеннолетний диктует код, и мошенники получают доступ к его аккаунту на портале «Госуслуги». Далее подростку поступает телефонный звонок от неизвестного лица, которое представляется сотрудником портала «Госуслуги» и сообщает о подозрительной активности личного кабинета несовершеннолетнего и скачивании документов. После этого преступники связывают жертву с якобы сотрудником «Росфинмониторинга» для устранения указанной проблемы. Сотрудник данного ведомства сообщает, что со счета несовершеннолетнего неизвестные лица пытаются перевести денежные средства на Украину и поэтому с ним свяжутся сотрудники полиции. После общения с якобы сотрудником полиции жертве необходимо перезвонить якобы сотруднику «Росфинмониторинга» по указанному номеру телефона в мессенджере «Телеграмм». Мошенник от имени сотрудника полиции в указанном мессенджере сообщает, что несовершеннолетнему необходимо составить декларацию совместно с якобы сотрудником «Росфинмониторинга». Последний дает указания жертве сделать декларацию счетов родителей, узнать коды от личных кабинетов банков, зайти в приложение банков родителей, сделать фотографию и отправить ее мошенникам. Данные действия выполняются при звонке по видеосвязи. Далее несовершеннолетний по указанию неизвестного лица закрывает счета, вклады и ему поступает QR-код в приложении банка, принадлежащего родителю подростка, который необходимо отсканировать и перевести в денежные средства. В случае каких-либо отказов и невозможности перевести деньги, необходимо оформить кредит. Во время разговора мошенники указывают жертве о том, что все действия необходимо выполнять во время сна родителей, чтобы они не знали, что ребенок пользуется их смартфоном или банковскими приложениями.

2. Не менее уязвимой частью населения нашей страны являются пожилые люди. С учетом их доверчивости, простодушия, незнания основ работы в сети Интернет, мошенники обманом получают их денежные средства. Так, мошенники подыскивают потенциальных жертв из числа пенсионеров, которые редко пользуются приложением «Госуслуги» и используют схему обмана с самозапретом на кредиты. Преступник представляется сотрудником многофункционального центра или портала «Госуслуги» и заявляет потенциальной жертве, что у нее «неверно настроен самозапрет», предлагает оказать помощь с исправлением ошибки, а для этого просит назвать код СМС-сообщения или перейти по указанной мошенником ссылке.

Кроме того, преступники могут настаивать на отмене самозапрета на оформление кредитов или предложить свою помощь в установке самозапрета.

3. Мошенники представляются сотрудниками Роскомнадзора и пытаются убедить потенциальную жертву, что аккаунт последней на портале «Госуслуги» был взломан. Для разблокировки аккаунта необходимы данные СНИЛС³. Как правило, такие звонки поступают посредством мессенджера «WhatsApp» и не принадлежат сотрудникам указанного ведомства.

4. В последнее время мошенники начали использовать такой способ совершения мошенничества, как замена кодов номеров стационарных телефонов. Данный способ совершения преступления направлен исключительно на пожилых людей, т. к. в большинстве случаев именно данная категория граждан до сих пор использует стационарные телефоны в своих квартирах. Так, мошенники позвонили 82-летнему пенсионеру и убедили его в том, что на территории Москвы сейчас меняют коды городских телефонов с «499» на «495». Они предложили установить жертве необходимое для этого оборудование со скидкой для пенсионеров. Для этого преступники путем обмана получили паспортные данные жертвы под предлогом проверки возраста последней. Далее мошенники попросили жертву произнести своим голосом фразу следующего содержания «Не возражаю против замены номера» и положили трубку. На следующий день преступники позвонили указанному пенсионеру под видом сотрудников службы безопасности банка, которые сообщили потерпевшему, что последний якобы пытался осуществить незаконный перевод, который был заблокирован. Потерпевшего попросили оказать помощь в поиске недобросовестных служащих банка. По указанию мошенников пенсионер снял денежные средства со своего счета (более 1 млн рублей), упаковал их в бумажный конверт и передал курьеру, который взамен передал потерпевшему фальшивые банковские документы⁴.

5. Мошенники стали использовать алгоритм с несуществующими задолженностями за коммунальные услуги. Для оплаты долгов они предлагают поддельные QR-коды. Преступники распространяют по почтовым ящикам квитанции, в которых говорится, что у абонента имеется задолженность по платежам за коммунальные услуги. При оплате квитанции по указанному QR-коду денежные средства попадают на счет мошенников. Кроме того, такой QR-код может направлять на фишинговую ссылку, при переходе по которой мошенники получают доступ к личным данным жертвы.

Если до недавнего времени мошенники просили назвать код из СМС-сообщения, то теперь жертве приходит СМС-сообщение или письмо на электронную почту, в котором утверждается, что в аккаунт потенциальной жертвы на госсервисе, в банке или ином приложении попытались войти неизвестные лица с незнакомого устройства, в связи с чем предлагается позвонить по определенному номеру или сменить пароль по ссылке.

Мошенники также могут убедить жертву установить приложение под видом Центрального Банка России и для защиты денежных средств направить жертву к банкомату. После прикладывания смартфона к считывателю NFC⁵, жертва проводит зачисление денежных средств на банковскую карту мошенников.

6. В марте 2025 г. широкое распространение получил такой способ совершения мошенничества, как усовершенствованная модель NFC-клонами карт⁶, когда преступники

³ СНИЛС – уникальный номер застрахованного лица в системе обязательного пенсионного страхования России.

⁴ Прокуратура рассказала о новой схеме мошенничества с домашними телефонами. URL: https://dzen.ru/a/Z_KQUFuQXHe1HFxQ (дата обращения: 07.04.2025).

⁵ Near Field Communication (NFC) – это технология беспроводной передачи данных малого радиуса действия. С помощью нее можно обмениваться данными между устройствами, находящимися на расстоянии около 10 см. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6148a1459a79479f4328c2f8?from=copy> (дата обращения: 10.04.2025).

⁶ Модель с NFC-клонами карт – это мошенническая схема, в которой злоумышленники просят перевести деньги на «безопасный счёт», а на деле – на свой NFC-клон. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1453285-nfc-klony-karta-moshenniki> (дата обращения: 08.04.2025).

просят потенциальных жертв перевести денежные средства на безопасный счет, а на самом деле переводят на свой NFC-клон. Данный способ совершения мошенничества комбинирует в себе две стратегии: социальную инженерию и доработанные шпионские программы, а также позволяет мошенникам не оставлять цифровых следов преступления, что, безусловно, создает дополнительные трудности при расследовании преступления. Мошенники представляются сотрудниками кредитной организации, сотового оператора или другой крупной компании и под разными предлогами просят установить на свой смартфон вредоносное программное обеспечение. Далее преступники убеждают жертву перевести принадлежащие ей денежные средства на якобы безопасный счет. При внесении средств через банкомат происходит их зачисление на клон карты мошенника. Данный способ совершения мошенничества в значительной степени усложняет идентификацию совершенных платежей, что также затрудняет раскрытие и расследование преступления.

7. В последнее время преступники стали применять новый способ совершения мошенничества, убеждая потенциальных жертв перевести денежные средства на криптокошельки и с помощью демонстрации экрана получать доступ к их данным. Данная схема обмана граждан основана на всем известной социальной инженерии.

Так, в Москве мошенник позвонил потерпевшей С., под видом оператора сотовой связи заблокировал аккаунт последней на портале «Госуслуг». Далее преступники под видом сотрудников техподдержки и департамента по борьбе с мошенниками убедили С. в целях сохранения принадлежащих ей денежных средств, перевести все имеющиеся у нее на счете деньги в криптовалюту. При этом для снижения бдительности жертвы мошенники не просили никуда переводить денежные средства и рассказывали о безопасности криптокошельков и надежной защите сид-фразой⁷. Мошенники убедили девушку при регистрации электронного кошелька в организации, занимающейся обменом криптовалюты, включить демонстрацию экрана на ее смартфоне. Таким образом, преступники смогли получить доступ к ее денежным средствам [3].

8. Мошенники стали использовать систему умного дома для создания единой сети, зараженной вирусным программным обеспечением, чтобы добывать криптовалюту. Преступники создают на устройствах так называемый ботнет – зараженную вредоносным программным обеспечением единую сеть. Так мошенники делают систему «умный дом» базой для DDoS-атак⁸ или добычи криптовалюты. Преступники также с помощью указанной схемы могут следить за хозяевами системы, в том числе через умные зубные щетки или датчики температуры понять, находится ли кто-либо в доме.

Перечисленные способы совершения дистанционного мошенничества в отношении социально незащищенных лиц, безусловно, не являются исчерпывающими. Мошенники постоянно отслеживают новостные ленты, следят за экономической ситуацией в стране и придумывают новые способы обмана граждан.

В целях борьбы с дистанционным мошенничеством на государственном уровне предпринимаются все возможные меры для защиты граждан России. Так, по итогам совещания с членами Правительства РФ 5 марта 2025 г. Президент России В. Путин поручил Правительству России разработать единый системный подход к организации противодействия таким преступлениям; внести изменения в законодательство в части, касающиеся блокировки поступающих гражданам России телефонных вызовов, совершаемых в целях осуществления мошеннических действий, предусмотрев в т. ч. использование антифрод-платформы (государственной информационной системы, предназначенной для противодействия правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий), при условии предварительного получения согласия граждан.

Президентом подписан Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], согласно которому будет введен:

- самозапрет на заключение договоров об оказании услуг связи без личного присутствия;
- запрет на передачу SIM-карт третьим лицам (кроме близких родственников);

⁷ Сид-фраза (или seed-фраза) – это последовательность из 12, 18 или 24 слов, которая служит главным инструментом для восстановления доступа к криптовалютному кошельку. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675735349a794738ecd55c20> (дата обращения: 27.03.2025).

⁸ DDoS-атака (Distributed Denial of Service) – это онлайн-атака на системы компании, при которой злоумышленники посылают огромное число запросов. Это делается, чтобы загрузить серверы, используя уязвимости в системе безопасности. Они могут быть направлены как на крупные компании, так и на небольшие организации и частных лиц.

- самозапрет на международные звонки, спам-обзвоны и рассылки;
- обязательная маркировка всех исходящих телефонных вызовов от организаций.

С учетом того, что мошенники зачастую звонят потенциальным жертвам посредством иностранных мессенджеров, вышеуказанный федеральный закон запрещает сотрудникам госорганов, банков, операторов связи, цифровых экосистем общаться с гражданами через иностранные мессенджеры.

Кроме того, вышеуказанным нормативным актом устанавливается обязанность кредитной организации по ограничению выдачи наличных денежных средств с использованием банкоматов на сумму до 100 тыс. рублей в месяц, если в соответствующей базе данных есть информация о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента.

Следователю важно знать современные способы совершения дистанционного мошенничества в отношении социально незащищенных лиц, так как данные сведения могут помочь в выдвижении и проверке следственных версий, планировании расследования, установлении личности преступника и раскрытия преступления в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сычева А.В. Криминалистическая характеристика мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2(25).
2. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 2001.
3. В МВД предупредили о новой схеме мошенников с криптовалютой. URL:https://admolga.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-ireportazhi/novosti_330.html (дата обращения: 10.04.2025).
4. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504010010> (дата обращения: 10.04.2025).

REFERENCES

1. Sycheva A.V. Criminalistic characteristics of frauds committed against socially vulnerable categories of citizens // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 2(25).
2. Ermolovich V.F. Criminalistic characteristics of crimes. Moscow, 2001.
3. The Ministry of Internal Affairs warned about a new scheme of fraudsters with cryptocurrency. URL: https://admolga.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-ireportazhi/novosti_330.html (date of access: 10.04.2025).
4. Federal Law № 41-FZ dated 01.04.2025 «On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504010010> (date of access: 10.04.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сычева Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики учебно-научного-комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

ORCID: 0000-0003-2438-4486

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sycheva Anna Viktorovna, PhD in Law Associate Professor of the Department of Criminology of the educational and Scientific complex for preliminary investigation in the internal Affairs bodies, Candidate of Legal Sciences. FGKOU HE «Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
НА ЭТАПЕ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ****Тепленко Александр Николаевич**Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень,
Российская Федерация
teplenkouly2014@mail.ru

Введение: статья посвящена проблемам участия иностранного гражданина на этапе приема и регистрации заявления о преступлении в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Отмечается, что особенности участия иностранного гражданина в качестве заявителя о преступлении не в полной мере учитываются в УПК РФ, что может привести к нарушениям прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались диалектический метод познания, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод уголовно-процессуального моделирования.

Результаты исследования: проведен сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих участие заявителя о преступлении и его представителя на этапе приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении. В нормах УПК РФ выявлен ряд существенных проблем в части надлежащего обеспечения иностранным гражданам доступа к правосудию на данном этапе уголовного судопроизводства. В целях устранения выявленных пробелов в нормах уголовно-процессуального закона сформулированы и предложены меры по оптимизации положений УПК РФ.

Выводы и заключения: исследование особенностей участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве в качестве заявителя о преступлении на этапе приема и регистрации заявления о преступлении указывает на следующее:

– положения УПК РФ, регламентирующие порядок приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, не учитывают особенности участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве, что существенно ограничивает доступ последних к правосудию;

– иностранный гражданин, являясь заявителем о преступлении, в процессе приема и регистрации заявления о преступлении нуждается в дополнительной защите своих прав и законных интересов, одним из действенных способов обеспечить такую защиту является право (закрепленное в положениях УПК РФ) иметь представителя на данном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: представительство, представитель, представитель иностранного гражданина, представительство иностранных граждан, заявитель о преступлении, прием заявления, доступ к правосудию.

Для цитирования: Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении / А. Н. Тепленко // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 208–214

Original paper

**FEATURES OF REPRESENTATION OF FOREIGN CITIZENS AT THE STAGE
OF RECEIVING AND REGISTRATING A CRIME REPORT****Teplenko Alexander Nikolaevich**Tyumen Institute of Advanced Training for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Tyumen, Russia Federation

Introduction: the study focuses on the problems of a foreign citizen's participation at the stage of receiving and registering a criminal complaint in the criminal proceedings of the Russian Federation. It is noted that the features of a foreign citizen's participation as a criminal complainant are not fully taken into account in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which may lead to violations of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Materials and methods: the study used the dialectical method of cognition, the formal-legal method, the comparative-legal method, and the method of criminal procedural modeling.

Results of the study: a comparative analysis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and other regulatory legal acts regulating the participation of the applicant for a crime and his representative at the stage of reception, registration and resolution of a crime report has been conducted. As a result of the conducted research, a number of significant problems have been identified in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of providing foreign citizens with proper access to justice at this stage of criminal proceedings. In order to eliminate the identified gaps in the norms of the criminal procedure law, measures have been formulated and proposed to optimize the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Findings and conclusions: the study of the features of a foreign citizen's participation in criminal proceedings as a crime complainant at the stage of receiving and registering a crime complaint, indicates the following:

– the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure for receiving, registering, and resolving crime reports do not take into account the specific features of a foreign citizen's participation in criminal proceedings, which significantly limits their access to justice;

– a foreign citizen, as a crime victim, needs additional protection of their rights and legitimate interests during the process of receiving and registering a crime report. One effective way to ensure such protection is the right (enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) to have a representative at this stage of criminal proceedings.

Keywords: representation, representative, representative of a foreign citizen, representation of foreign citizens, crime complainant, acceptance of a complaint, access to justice.

For citation: Teplenko A. N. Features of representation of foreign citizens at the stage of receiving and registering a crime report / A. N. Teplenko // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 208–214

Важным этапом в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, связанным с приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлениях, является этап регистрации принятого заявления о преступлении, поданного в уполномоченный государственный орган¹. Этап регистрации заявления о преступлении завершает предшествующий этап приема сообщения о преступлении, подводя итог собранной и проверенной информации при приеме поступившего сообщения о преступлении в уполномоченный государственный орган². Именно на данном этапе уполномоченным должностным лицом, осуществлявшим прием поступивших сообщений о преступлениях, принимается решение об отнесении поступившего сообщения к заявлению о преступлении, либо к иным видам сообщений (административному правонарушению, происшествию или обращению).

Факт регистрации заявления о преступлении, поступившего в уполномоченный государственный орган, является началом проведения уголовно-процессуальной проверки по данному заявлению согласно ч. 1 ст. 141 УПК РФ. Именно с момента официальной регистрации поступившего заявления о преступлении начинают исчисляться процессуальные сроки по данному заявлению. Точное определение начала исчисления процессуальных сроков по поступившему заявлению о преступлении является ключевым моментом в уголовном судопроизводстве. Нарушения, допускаемые при исчислении процессуальных сроков, могут привести к нарушению прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства либо к принятию незаконных или необоснованных процессуальных решений³.

Вместе с тем начало исчисления процессуальных сроков по зарегистрированному заявлению о преступлении регламентирует дальнейшая деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (к примеру, следователь обязан принять, проверить сообщение о преступлении и не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения принять по нему процессуальное решение согласно ч.1 ст. 141 УПК РФ).

¹ «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»). Приказ СК России от 11.10.2012 № 72 (Зарегистрирован в Минюсте России 25.02.2013 № 27314). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143040/d7d5284126e53b6b17a6312efa1c4785ce8b710e/ (дата обращения: 10.07.2025).

² «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» Приказ МВД России от 29.08.2014 №736 (ред. от 09.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 10.07.2025).

³ Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2014 № АПЛ14-151; «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 11.07.2025).

Процесс регистрации уполномоченным должностным лицом принятого заявления о преступлении, поданного иностранным гражданином в уполномоченный государственный орган, можно разделить на ряд отдельных этапов:

- регистрация (внесение) сведений, содержащихся в заявлении о преступлении, и иной необходимой информации уполномоченным должностным лицом в документацию уполномоченного государственного органа о поступающих сообщениях о преступлениях (присвоение номера, внесение в книгу регистрации сообщений о преступлении соответствующей информации)⁴;

- выдача уполномоченным должностным лицом заявителю документа, подтверждающего факт принятия и регистрации сообщения о преступлении в уполномоченном государственном органе (выдача талона-уведомления заявителю в соответствии с ч. 4 ст. 141 УПК РФ);

- отказ уполномоченного должностного лица в принятии и регистрации заявления о преступлении, поданного иностранным гражданином в уполномоченный государственный орган⁵.

Исследование данных этапов уголовного судопроизводства выявило ряд проблем, возникающих в процессе приема и регистрации заявлений о преступлениях, поданных иностранным гражданином. Рассмотрим данные этапы применительно к особенностям участия иностранного гражданина в качестве заявителя о преступлении и его представителя.

Так, иностранный гражданин в процессе приема и регистрации заявления о преступлении может столкнуться с рядом трудностей, обусловленных особенностями участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России [4, с. 414]. Указанные особенности не позволят иностранному гражданину самостоятельно и полноценно реализовать имеющиеся права, обязанности и законные интересы на данном этапе уголовного судопроизводства. Вместе с тем участие представителя иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении, позволит устранить возникающие трудности на этапе подачи и регистрации сообщения о преступлении [2, с. 40].

В случае невладения иностранным гражданином языком уголовного судопроизводства на этапе регистрации заявления о преступлении, у должностного лица могут возникнуть трудности, связанные с исполнением своих обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Так, положениями УПК РФ не урегулировано участие переводчика на стадии подачи, регистрации и разрешения заявления о преступлении. Данный недостаток является значимой проблемой как для иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении, так и для должностного лица, осуществляющего прием и регистрацию заявления о преступлении.

Во-первых, заявление о преступлении после его принятия должно быть зарегистрировано в книге регистрации сообщений о преступлениях соответствующего уполномоченного государственного органа⁶. В процессе регистрации в книгу вносятся необходимые сведения, содержащиеся в заявлении (сведения о заявителе, краткое изложение сообщения, дата и время регистрации сообщения, сведения о должностном лице, принявшем сообщение и иные сведения). В случае подачи заявления о преступлении иностранным гражданином, не владеющим языком уголовного судопроизводства, должностное лицо разъясняет ему право бесплатно пользоваться помощью переводчика (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). В некоторых случаях осуществить в короткие сроки поиск и привлечение к участию переводчика владеющего, знаниями необходимого для перевода языка, бывает невозможным, что может привести к нарушению прав иностранного гражданина на доступ к правосудию.

Решить указанную проблему в некоторых случаях возможно при участии представителя иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении (оказание помощи в поиске нужного переводчика из числа лиц, знакомых представителю и имеющих знание необходимого для осуществления перевода языка).

Во-вторых, у должностного лица в процессе приема и регистрации заявления о преступлении может возникнуть проблема, связанная с необходимостью осуществления письменного перевода процессуальных и иных документов. Так, согласно положениям УПК РФ и иных

⁴ «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 10.07.2025).

⁵ «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации») Приказ СК России от 11.10.2012 № 7 2 (Зарегистрирован в Минюсте России 25.02.2013 № 27314). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143040/d7d5284126e53b6b17a6312efa1c4785ce8b710e/ (дата обращения: 10.07.2025).

⁶ «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 10.07.2025).

нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих порядок регистрации заявления о преступлении, в качестве одной из гарантий получения доступа к правосудию выступает процесс вручения уполномоченным должностным лицом заявителю документа о принятии сообщения о преступлении в соответствии с ч. 4 ст. 141 УПК РФ. Однако, согласно положениям, предусмотренным ч. 3 ст. 18 УПК РФ, уголовно-процессуальные документы, обязательные для вручения участникам уголовного судопроизводства, не владеющим языком уголовного судопроизводства, должны быть переведены на родной язык или на язык, которым владеет участник уголовного судопроизводства.

Таким образом, исходя из положений, предусмотренных ч. 4 ст. 141 УПК РФ, поскольку документ (талон-уведомление) о принятии сообщения о преступлении выдается заявителю, то он должен быть переведен на язык, которым владеет заявитель о преступлении в соответствии с ч. 3 ст. 18 УПК РФ. В таком случае должностное лицо должно обеспечить письменный перевод данного документа при помощи привлечения к участию переводчика, владеющего нужным языком. В некоторых случаях осуществить быстрый поиск переводчика, обладающего нужными знаниями языка, может быть затруднительно или невозможно, что приведет к нарушению прав иностранного гражданина [1, с. 199].

Как показывает судебная практика, перевод документов с юридическими и специальными терминами должен быть осуществлен без искажений, в целях предотвращения их неоднозначного толкования и понимания иностранным гражданином. При указанных обстоятельствах участие представителя иностранного гражданина поможет разрешить данную проблему путем осуществления перевода либо оказания помощи в понимании содержания соответствующих документов с разъяснением необходимых юридических терминов.

Кроме того, неточности в формулировках ч. 4 ст. 141 УПК РФ могут привести к различному их толкованию, что может повлечь нарушение прав иностранного гражданина в соответствии с положениями ч. 3 ст. 18 УПК РФ. Так, ч. 3 ст. 18 УПК РФ предусматривает перевод лишь тех следственных и судебных документов, которые подлежат обязательному вручению участникам уголовного судопроизводства, тогда как формулировка ч. 4 ст. 141 УПК РФ указывает на то, что заявителю выдается, а не вручается, документ о принятии сообщения о преступлении.

По нашему мнению, несоответствие указанных положений в нормах УПК РФ является поводом для вариативного толкования положений ч. 3 ст. 18 УПК РФ, что может привести к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также существенно ограничить доступ иностранного гражданина к правосудию. В целях устранения данных неточностей предлагаем внести изменения в положения ч. 4 ст. 141 УПК РФ, заменив слова: «Заявителю выдается документ» на слова: «Заявителю вручается документ о принятии сообщения о преступлении».

Процесс вручения документа о принятии сообщения о преступлении заявителю о преступлении также предусматривает осуществление процедуры подписания этого документа заявителем. Данное обстоятельство также может выступать определенной трудностью для иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении. В тех случаях, когда иностранный гражданин не имеет возможности лично удостоверить своей подписью документы о получении талона-уведомления, участие его представителя могло бы решить данное затруднение (например: по причине отсутствия возможности въезда на территорию России; в связи с кратковременностью пребывания на территории России; в случае транзита через территорию России). По нашему мнению, кратковременность пребывания иностранного лица на территории Российской Федерации является существенным фактором, влияющим на процесс расследования, что также отмечают С. А. Хмелев [6, с. 116], А. И. Земскова [3, с. 93], Т. Ю. Филиппова [5, с. 60].

Вместе с тем иностранный гражданин при подаче заявления о преступлении может получить отказ от должностного лица в осуществлении приема и регистрации поданного им заявления о преступлении в уполномоченный государственный орган.⁷ Отказ в приеме и регистрации может быть вызван объективными и субъективными причинами. Объективными причинами отказа в приеме и регистрации заявления о преступлении, поданного иностранным гражданином, могут быть следующие:

– государственный орган, в который обращается иностранный гражданин с заявлением о преступлении, не уполномочен осуществлять прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях;

⁷ Решение Верховного Суда РФ от 13.01.2010 № ГКПИ09-1542 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании пункта 2.4. Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации, утв. Приказом Генпрокуратуры РФ от 17.12.2007 № 200, и абзаца 4 п. 33 Инструкции о едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, утв. Приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 07.09.2007 № 14.». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83846/ (дата обращения: 11.07.2025).

– должностное лицо, к которому обращается иностранный гражданин с заявлением о преступлении, не правомочен или не уполномочен осуществлять прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях;

– заявление, с которым обращается иностранный гражданин в уполномоченный государственный орган, не содержит информации о готовящемся или совершенном преступлении⁸;

– заявление, поданное иностранным гражданином в уполномоченный государственный орган, не отвечает требованиям, предусмотренным ст. 141 УПК РФ⁹.

К субъективным причинам отказа в приеме и регистрации заявления о преступлении, поданного иностранным гражданином, можно отнести нарушения в деятельности уполномоченных должностных лиц, осуществляющих прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, по причине имеющихся особенностей участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России (например: необходимость в срочном поиске переводчика; необходимость установления информации об иммунитете и его объемах, которыми обладает иностранный гражданин; по причине ограниченности нахождения иностранных граждан на территории России; по причине высокой нагрузки и большего некомплекта в подразделении уполномоченного государственного органа; по причине территориальной удаленности от места нахождения заявителя).

В случае отказа в приеме и регистрации заявления о преступлении иностранный гражданин в силу незнания языка уголовного судопроизводства, отсутствия правовой грамотности может быть не осведомлен, что данное решение должностного лица может быть обжаловано им в установленном законом порядке согласно ч. 5 ст. 141 УПК РФ¹⁰. Кроме того, иностранному гражданину, сообщившему о совершении преступления, при отказе в принятии и регистрации заявления должно быть разъяснено право обжаловать данное решение согласно ч. 5 ст. 141 УПК РФ.

Также в случае отказа в принятии и регистрации заявления о преступлении, иностранный гражданин может столкнуться с рядом трудностей, возникающих в процессе обжалования действий и решений уполномоченных должностных лиц, по следующим причинам:

– отсутствие знаний об имеющемся праве обжаловать действия (бездействия) и решения должностных лиц (например, согласно положениям ч. 1.1. ст. 141 УПК РФ, положениям ч. 5 ст. 141 УПК РФ, положениям ст. 19 УПК РФ, положениям ст. 123 УПК РФ);

– отсутствие знаний об особенностях процесса обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц (положения ст. 124-125 УПК РФ);

– отсутствие возможности осуществить обжалование действий (бездействий) и решений должностных лиц (по причине отсутствия на территории России; по причине отсутствия возможности въезда на территорию России);

– отсутствие возможности составить необходимые документы для обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц (по причине безграмотности; по причине отсутствия правовой грамотности; по причине физических и психических недостатков);

– отсутствие возможности лично участвовать в процедуре обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц (при отсутствии иностранного гражданина на территории России);

– отсутствие возможности своевременно (незамедлительно) получать необходимые уведомления о принятых решениях, затрагивающих его интересы как участника уголовного судопроизводства (в соответствии с ч. 3 ст. 124 УПК РФ или в соответствии с ч. 1 ст. 124 УПК РФ);

– отсутствие возможности своевременно получать необходимые документы о принятых должностными лицами решениях и иметь возможность дальнейшего обжалования действий (бездействий) и таких решений (в соответствии с ч. 6 ст. 125 УПК РФ или в соответствии с ч. 3 ст. 124 УПК РФ).

Обжалование иностранным гражданином решения должностных лиц может происходить иным путем, например, посредством обращения к руководителю уполномоченного государственного органа в рамках осуществления последним личного приема граждан,

⁸ «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 10.02.2014 № АКПИ13-1285, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим абзацев первого и второго пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утв. Приказом СК России от 11.10.2012 № 72». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160153/ (дата обращения: 11.07.2025).

⁹ «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420843/ (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20; «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам» Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2022 № 22. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420843/ (дата обращения: 11.07.2025).

в ходе которого иностранный гражданин может подать жалобу на решение должностного лица об отказе в приеме и регистрации заявления о преступлении¹¹. Однако, как представляется, указанные действия иностранного гражданина без участия представителя или переводчика будут весьма затруднены.

Перечисленные выше трудности, которые могут возникнуть у иностранного гражданина, выступающего в качестве заявителя о преступлении, в связи с необходимостью обжалования решений должностных лиц об отказе в принятии и регистрации заявления о преступлении, могут привести к нарушениям прав и законных интересов иностранного гражданина.¹²

Не допустить нарушения прав заявителя, являющегося иностранным гражданином, на данном этапе уголовного судопроизводства возможно путем привлечения к участию представителя [2, с. 41].

Участие представителя заявителя о преступлении, являющегося иностранным гражданином, при обжаловании действий (бездействий) и решений должностных лиц позволит:

- своевременно и грамотно разъяснить право о возможности обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц;
- оказать консультационную и представительскую помощь в процессе обжалования действий (бездействий) и решений должностных лиц;
- обеспечит подготовку, составление и направление необходимых жалоб, отвечающих требованиям УПК РФ, а также окажет помощь в сборе необходимых документов для подготовки жалобы и участия в судебном заседании;
- путем личного участия обеспечит представление законных интересов заявителя в случае отсутствия возможности у иностранного гражданина лично участвовать в процессе обжалования (при подаче жалобы; при рассмотрении жалобы в судебном заседании; при получении необходимых документов и в иных случаях);
- обеспечит соблюдение процессуальных сроков в ходе обжалования (своевременное получение уведомлений, процессуальных решений, предоставление документов);
- обеспечит представление интересов лица при возникновении необходимости в дальнейшем обжаловании действий (бездействий) и решений должностных лиц;
- окажет помощь во взаимодействии с должностными лицами и иными участниками уголовного судопроизводства в процессе обжалования.

Однако, анализируя положения ч. 3 ст. 125 УПК РФ, следует заметить, что данные нормы не в полной мере учитывают особенности участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России, в частности на стадии приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Так исходя из формулировки положений ч. 3 ст. 125 УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении жалобы, поданной одним из участников уголовного судопроизводства на проверку законности и обоснованности действий (бездействия) и решения должностных лиц, предусмотрено участие представителя заявителя лишь в рамках возбужденного уголовного дела. Данная формулировка ч.3 ст. 125 УПК РФ, исключает возможность участия в судебном заседании представителя иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении, при обжаловании действий должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ на стадии приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Указанные неточности, содержащиеся в положениях ч. 3 ст. 125 УПК РФ, существенно ограничивают права иностранного гражданина на доступ к правосудию.

В целях устранения приведенных неточностей в положениях УПК РФ предлагаем внести изменения в содержание ч. 3 ст. 125 УПК РФ, заменив слова «если они участвуют в уголовном деле» на слова «если они участвуют в уголовном судопроизводстве». Данные изменения в содержании ч. 3 ст. 125 УПК РФ позволят предусмотреть участие представителя иностранного гражданина в судебном заседании при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, участие представителя иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении, выступает необходимой мерой по обеспечению защиты прав, свобод и законных интересов иностранных граждан в процессе приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. В целях недопущения нарушений прав, свобод и законных интересов иностранного гражданина, а также для обеспечения полноценной возможности в реализации прав, обязанностей и ответственности иностранного гражданина, являющегося заявителем о преступлении, на этапе приема и регистрации сообщений о преступлениях необходимо в нормах УПК РФ предусмотреть возможность участия представителя заявителя путем внесения следующих изменений и дополнений в положения УПК РФ:

¹¹ «Об организации работы с обращениями граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» Приказ МВД России от 27.11.2024 № 808. URL: <https://a.mvd.pf/document/6445479> (дата обращения: 11.07.2025).

¹² Определение Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022); «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 11.07.2025).

- положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ после слов «пользоваться услугами адвоката» дополнить словами «иметь представителя»;
- в содержании ч. 4 ст. 144 УПК РФ изменить слова «Заявителю выдается документ» на слова «Заявителю вручается документ»;
- в содержании ч. 3 ст. 125 УПК РФ изменить слова «если они участвуют в уголовном деле» на «если они участвуют в уголовном судопроизводстве».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беспаятов Р.В. Особенности приема и регистрации сообщения о преступлении, совершенном иностранным гражданином и в отношении него // Государственная служба и кадры. 2023. № 4.
2. Воскобойник И.О. Уголовно-процессуальный статус представителей заявителя о совершенном или готовящемся преступлении // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. Теория и практика правоохранительной деятельности. 2012. № 4 (30).
3. Земскова А.И. К вопросу об особенностях участия иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации в качестве свидетелей и потерпевших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3.
4. Тепленко А.Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе подачи заявления о преступлении // В сборнике: Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Всероссийская конференция: сборник научных трудов. Рязань, 2020.
5. Филиппова Т.Ю. Учет психологических особенностей личности иностранных граждан при производстве по уголовным делам // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3.
6. Хмелев С.А. Особенности расследования преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

REFERENCES

1. Bespyat'yatov R.V. Features of Receiving and Registering a Report of a Crime Committed by a Foreign Citizen and Against Them // State Service and Personnel. 2023. No. 4.
2. Voskoboynik I.O. The Criminal Procedure Status of Representatives of an Applicant for a Committed or Planned Crime // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Theory and Practice of Law Enforcement. 2012. No. 4 (30).
3. Zemskova A.I. On the issue of the participation of foreign citizens in the criminal process of the Russian Federation as witnesses and victims // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3.
4. Teplenko A.N. Features of the representation of foreign citizens at the stage of filing a criminal complaint // In the collection: Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses. All-Russian Conference: Collection of Scientific Papers. Ryazan, 2020.
5. Filippova T.Y. Consideration of the psychological characteristics of the personality of foreign citizens in criminal proceedings // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2013. No. 3.
6. Khmelev S.A. Features of the investigation of crimes committed against foreign citizens: dis. ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тепленко Александр Николаевич, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел. Тюменский институт повышения квалификации МВД России. 625049, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Teplenko Alexander Nikolaevich, Head of the Department of Operational Investigative Activities and Operational and Technical Measures of Internal Affairs Bodies, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 75, Amurskaya St., Tyumen 625049 Russia Federation.

Научная статья
УДК 34.07

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Трусов Александр Игоревич

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь,
Российская Федерация
kandidat26@rambler.ru

Введение: необходимость реформирования возможности применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования привлекает внимание многих отечественных ученых-процессуалистов, которые предлагают различные пути решения возникающих проблем с учетом зарубежного опыта и складывающихся в правоприменительной практике ситуаций.

Материалы и методы: в качестве фактологической основы для статьи явились материалы ранее проведенных научных исследований по данной проблематике, а также статистические данные, материалы правоприменительной и судебной практики, посвященные теме исследования. Методологическую основу исследования составили методы диалектики, абстрагирования, анализа, синтеза, дедукции, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что уровень внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство зарубежных государств не позволяет говорить о полном замещении традиционных способов проведения следственных действий цифровыми аналогами.

Выводы и заключения: на международном уровне в настоящее время не выработано единой универсальной позиции относительно использования видео-конференц-связи на досудебных стадиях, что отражается введением разнообразных правил отдельными государствами.

Ключевые слова: следственные действия, телекоммуникационные технологии, видео-конференц-связь, веб-конференция, аудиоконференция, досудебная стадия, зарубежный опыт.

Для цитирования: Трусов А. И. Международный опыт применения телекоммуникационных технологий в уголовном процессе / А. И. Трусов // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 215–220

Original paper

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN USING TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Trusov Alexander Igorevich

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russian Federation

Introduction: the need to reform the possibility of using video conferencing in the production of investigative actions at the stage of preliminary investigation attracts the attention of many domestic scientists-proceduralists, who propose various ways to solve emerging problems, taking into account foreign experience and situations developing in law enforcement practice.

Materials and methods: the factual basis for the article was the materials of previously conducted scientific research on this issue, as well as statistical data, materials of law enforcement and judicial practice, devoted to the topic of the study. The methodological basis of the study was the methods of dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of inter-branch legal research.

Results of the study: the author concludes that the level of implementation of digital technologies in criminal proceedings in foreign countries does not allow us to talk about the complete replacement of traditional methods of conducting investigative actions with digital analogues.

Findings and conclusions: at the international level, there is currently no single universal position regarding the use of video conferencing at pre-trial stages, which is reflected in the introduction of various rules by individual states.

Keywords: investigative actions, telecommunication technologies, video conferencing, web conferencing, audio conferencing, pre-trial stage, foreign experience.

For citation: Trusov A. I. International experience of using telecommunication technologies in criminal proceedings / A. I. Trusov // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 215–220

В ряде зарубежных государств просматривается тенденция законодательно регламентировать производство отдельных следственных действий в дистанционном формате с использованием современных технологий, таких, как видео-конференц-связь (далее – ВКС), и других электронных систем. Дистанционное расследование не требует перемещения его участников, что способствует экономии бюджетных денежных средств и повышает качество сбора доказательственной базы, поскольку полученные материалы в дальнейшем могут быть проанализированы, проверены и оценены повторно соответствующими компетентными лицами. Однако по мнению отдельных ученых указанные преимущества не всегда позволяют повысить эффективность расследования [1]. Ряд ученых считает, что проникновение современных технологий в уголовное судопроизводство призвано помочь в достижении стоящих перед ним задач [2, с. 241–246].

Для успешного внедрения цифровых технологий в законодательство нашей страны необходимо обратиться к опыту зарубежных государств, где использование технологий ВКС стало применяться гораздо раньше [3, с. 18–22].

Предпосылками использования ВКС в зарубежных странах послужили различные факторы, например, в Индии этому способствовала нехватка сотрудников конвойной службы [4, с. 18–20], а в Казахстане, ОАЭ и Грузии – относительная простота расследования по уголовным делам, не обремененным многосубъектностью и сложностью установления обстоятельств совершенного преступления [5, с. 66–78]. Использование ВКС в уголовном процессе стран Северной Америки, Великобритании, Эстонии, Финляндии, Италии, Новой Зеландии, Украины носит достаточно длительный характер и успешно применяется в деятельности судебных и правоохранительных органов [6, с. 175–181].

США являются одними из первопроходцев по использованию системы ВКС в судебном процессе и постепенно замещают бумажные документы электронными носителями информации. В рамках проекта «Судебный процесс XXI века» еще в 2002 г. Окружным судом штата Массачусетс была организована ВКС одновременно с тремя судами на разных континентах [7, с. 55]. Также было использовано трехмерное оборудование (экраны, голография, очки, камеры и аудиосистемы), что позволило участникам данного процесса находиться в виртуальном пространстве, полностью отражающем место происшествия, и участвовать в реконструкции события преступления [8, с. 104].

Правосудием США используются две электронные системы, обеспечивающие цифровой формат расследования уголовных дел. Электронная система PACER (Public Access to Court Electronic Records) подразумевает открытый доступ к данным граждан США, подключенным к ней (оплатившим услуги суда). Такими данными могут пользоваться окружные и апелляционные суды. Из минусов видим только коммерческую основу, не позволяющую использовать данные всех граждан страны. И электронная система CM/ECF (Case Management/Electronic Case Files), позволяющая управлять зарегистрированными уголовными делами и вести электронный документооборот.

Частью 1 ст. 650 Уголовного кодекса Канады предусмотрено участие в судебном заседании посредством ВКС или аудио-конференции, а законодателем определены случаи использования таких систем. Например, для свидетеля ими могут быть как личные обстоятельства, так и природа ожидаемых показаний. При этом цифровизация обеспечена технологиями кабельного телевидения [9]. Существенным недостатком считаем невозможность ее использования на предварительном расследовании.

В Великобритании ВКС применяется судами по делам, в которых принимают участие лица, имеющие ограничения по здоровью, или несовершеннолетние (в отличие от США), при этом требуется получение предварительного согласия допрашиваемых лиц. Безусловно,

считаем приоритетным улучшение процессуального статуса наиболее уязвимых категорий лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, это может оказать только положительное влияние на их процессуальное положение, но, по нашему мнению, такое ограниченное использование ВКС не соответствует современным реалиям.

В отличие от Великобритании в Германии не требуется получение предварительного согласия на проведение дистанционного допроса. При этом законодательство ФРГ допускает его проведение вне основного места слушания по делу и определяет конкретные основания его производства (ст. 58b УПК ФРГ). Среди таких – необходимость защиты несовершеннолетнего, нарушение его прав преступлением, а также наличие опасности и невозможность осуществления допроса свидетеля в основное время слушаний (58a УПК ФРГ) [10]. Указанные формулировки закона сводят основную цель применения ВКС в Германии к обеспечению безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства. Аналогичный подход избран законодателями Франции и Бельгии, с формулировкой основания – угроза жизни и здоровью участников расследования. Считаем такой подход достаточно узким, по нашему мнению, необходимо расширять возможности использования технологий ВКС на большее количество ситуаций.

Немного иначе использование ВКС предусмотрено в законодательстве Гонконга Китайской Народной Республики, регламентирующей такую возможность для свидетелей и жертв преступлений в целях предоставления им защиты. При этом не обязательно транслировать живое общение, допустимо воспроизведение и ранее данных показаний, записанных на электронный носитель (ст. 14.7) [11].

В Итальянском законодательстве избран похожий подход, связанный с обеспечением безопасности, но круг лиц значительно шире – помимо потерпевших и свидетелей в него входят и обвиняемые, изобличающие преступную деятельность других лиц (ч. 5 ст. 205-ter УПК Итальянской Республики). Нововведения касаются только допустимости использования ВКС в рамках судебного разбирательства уголовных дел.

Гораздо дальше в использовании цифровых технологий шагнули в Сингапуре, где одними из первых в мире разработали специальные приложения (мультимедийные технологии), в рамках которых стало возможным использование ВКС не только в судебных инстанциях («виртуальное правосудие»), но и в досудебной стадии. Среди разработанных компьютерных технологий также используются система повесток по правонарушениям, система регистрации и информации по уголовным делам и электронная система TICKS 2000 [12, с. 87]. Последняя была внедрена еще с 1999 г. и дает доступ к специальным интерфейсам по работе с электронными данными правоохранительным органам. С ее помощью можно отправлять документы в суд в электронном виде, а в случае отсутствия у пользователей доступа к TICKS 2000 суды могут предоставлять удаленный доступ к ней, что очень актуально в силу отсутствия технических возможностей на местах. На такую технологичность следует обратить внимание и нашей стране, где только сейчас начинают внедрять в уголовное судопроизводство цифровые технологии, которые уже более двадцати лет действуют в Сингапуре. Возможность использования ВКС также предусмотрена и в уголовно-процессуальном законодательстве стран ближнего зарубежья.

В УПК Республики Казахстан имеется сразу несколько статей, регламентирующих использование ВКС с участием потерпевшего или свидетеля не только в судебном заседании (ст. 370 УПК РК), но и на стадии предварительного расследования (ст. 213 УПК РК) [13]. Помимо необходимости обеспечения безопасности ст. 213 УПК РК предусматривает широкий спектр оснований для использования ВКС, которые не только защищают права уязвимых участников уголовного судопроизводства (несовершеннолетних), но и связаны с невозможностью прибытия в орган, ведущий расследование, необходимостью обеспечения сроков предварительного расследования, трудностями или излишними затратами. Решение о производстве принимается как по собственной инициативе лица, ведущего расследование, так и по ходатайству сторон – участников уголовного процесса или прокурора. В качестве минуса отмечаем ограниченный круг участников, с которыми допустимо использование ВКС. С точки зрения используемой законодателем формулировки проведение допроса других участников недопустимо, а надо полагать, что появление такой необходимости вполне возможно и на этапе предварительного расследования.

В УПК Республики Беларусь также регламентировано несколько статей по использованию ВКС с участием потерпевшего или свидетеля, не только в судебном заседании (ч. 3.1 ст. 286 и ст. 343.1 УПК РБ), но и на стадии предварительного расследования (ст. 224.1 УПК РБ) [14], предусматривающих такую возможность для тех же следственных действий, что и в России –

допроса, очной ставки и предъявления для опознания [15, с. 123–133]. Набор оснований схож с основаниями, приведенными в законодательстве Казахстана, а отличительной особенностью является указание на возможность использования не только ВКС, но и веб-конференции, что расширяет возможности следственного действия, т. к. подразумевает большее количество его участников. Снова отмечаем ограниченный круг участников, с которыми допустимо использование ВКС. С точки зрения используемой законодателем формулировки, проведение всех трех следственных действий без участия потерпевшего или свидетеля недопустимо. Это означает, что предъявление для опознания подозреваемому или обвиняемому жертвы преступления (трупа) по ВКС будет недопустимо, как и проведение очной ставки по ВКС между двумя подозреваемыми или обвиняемыми.

Возможность проведения дистанционного допроса с применением технических средств регламентирована законодательством Латвийской [16, с. 84–88] и Эстонской Республик [17]. Например, в УПК ЭР дистанционная дача свидетельских показаний именуется *longdistancehearing*. Основания предусмотрены ст. 69 УПК ЭР и связаны не только с защитой интересов отдельных лиц, но и с большими затратами очного проведения или невозможностью участия в нем. При этом использовать дистанционные технологии возможно и в отношении подозреваемых или обвиняемых лиц. Примечательной является ч. 2 ст. 69 УПК ЭР, которой предусмотрен дистанционный допрос по телефону. Не очень практичное, на наш взгляд, нововведение, т. к. не позволяет удостовериться в личности допрашиваемого и оценить его показания по невербальным признакам. Думаем, что такие способы допустимы в крайних ситуациях, когда исключены все остальные возможности. Отдельной статьей регламентирована возможность дистанционно допроса лиц, находящихся за пределами страны (ст. 468 УПК ЭР). Такое нововведение было бы полезно и российскому законодателю.

В УПК Кыргызской Республики имеется несколько статей, регламентирующих использование ВКС с участием потерпевшего или свидетеля не только в судебном заседании (ст. 79, 326 – 328, 520 УПК КР), но и на стадии предварительного расследования (ст. 201 УПК КР) [18]. Регламентация схожа с уже рассмотренным законодательством Республик Казахстан и Беларусь. Особенностями является использование законодателем терминологии «видеосвязь» вместо ВКС, а также отсутствие такого основания его применения, как защита прав несовершеннолетних. Вместе с этим подобное отсутствие не ограничивает его проведения в отношении несовершеннолетних по предусмотренным основаниям. Интересной видится ч. 6 ст. 201 УПК КР, предусматривающая дополнительные меры обеспечения безопасности допрашиваемых по ВКС – изменение внешности и голоса, исключающие узнавание. Думаем, что подобная позиция зарубежного законодателя заслуживает отдельного внимания и изучения, и, на наш взгляд, требует дополнения в части описания процедуры засекречивания личности такого лица.

По аналогии с законодательством Эстонской Республики в законодательстве Республики Таджикистан с 2022 г. в ч. 2 ст. 197 УПК РТ регламентирована возможность дистанционного допроса лиц, находящихся за пределами страны, с использованием телекоммуникационных систем и электронной почты, а также с составлением протокола, подтвержденного цифровой подписью. При этом такой допрос возможен только с участием понятых [19, с. 17–19]. Других оснований использования ВКС в досудебном уголовном судопроизводстве в Республике Таджикистан не предусмотрено.

Дистанционному допросу свидетеля с использованием ВКС уделено особое внимание в законодательстве Республики Молдова (ст. 110 УПК РМ) [20]. Допрос производится в целях обеспечения безопасности, при этом свидетеля должны проинформировать о возможном изменении его внешности или голоса (п. 5 ч. 12 ст. 90 УПК РМ). К сожалению, такой допрос регламентирован только в рамках судебного производства и касается ограниченного круга участников уголовного судопроизводства – свидетелей.

Таким образом, анализ правовой регламентации и практики использования телекоммуникационных технологий в уголовном процессе зарубежных стран (шестнадцать государств) позволяет утверждать, что зарубежные государства идут по пути внедрения видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство, избирая различную терминологию обозначения таких технологий, но большинство из них регламентирует возможность их использования в рамках судебных стадий, и лишь в шести государствах (Сингапур, Казахстан, Беларусь, Эстония, Кыргызстан, Таджикистан) регламентировано использование видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования. При этом использование технологий веб-конференции предусмотрено только законодательством Белоруссии, а возможности использования аудио-конференции регламентированы в Канаде и Эстонии. Отдельными странами возможность использования видео-конференц-связи предусмотрена только для допроса (Великобритания, Германия, Франция, Бельгия, Казахстан, Молдова,

Латвия и Таджикистан). Законодательством Кыргызстана и Молдовы регламентирована возможность изменения внешности и голоса допрашиваемых по ВКС, исключая узнавание. Только в Эстонии и Таджикистане регламентирована возможность дистанционного допроса участников предварительного расследования, находящихся за пределами страны. Другие законодатели существенно ограничивают круг участников уголовного процесса, участие которых допустимо в формате видео-конференц-связи: для потерпевших и свидетелей регламентировано в Китае, Казахстане, Белоруссии и Кыргызстане; только для свидетелей – в Молдове; для свидетелей, потерпевших и обвиняемых, изобличающих преступную деятельность других лиц, – в Италии; для свидетелей, подозреваемых и обвиняемых – в Эстонии. Исключительная позиция по применению видео-конференц-связи к делам, в которых принимают участие лица, имеющие ограничения по здоровью или несовершеннолетние, выработана в Великобритании. Законодатель Белоруссии обозначил такие же следственные действия, производство которых предусмотрено в формате видео-конференц-связи, что и законодатель России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глимейда В.В. Проблема допустимости применения видеоконференцсвязи при производстве следственных действий // Журнал Юридических исследований. 2023. № 2.
2. Фарафонова О.А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3(90).
3. Дударев В.А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и РФ: проблемные вопросы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2.
4. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
5. Малышева О.А., Самсонов П.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления // Журнал российского права. 2024. № 2.
6. Кравец Е.Г., Шувалов Н.В., Мартынов А.Н. Перспективы использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4(42).
7. Клементьев А.С. Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
8. Большев В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012.
9. Уголовный кодекс Канады // Интернет-сайт Правительства Канады. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (дата обращения: 03.10.2024).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия // Интернет-сайт Университета Потсдама. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).
11. Кодекс уголовного преследования // Интернет-сайт Правительства Гонконга. URL: <https://www.doj.gov.hk/eng/public/pubsoppapcon.html> (дата обращения: 03.10.2024).
12. Шульгин Е.П. Зарубежный опыт деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в электронном формате // Академическая мысль. 2019. № 4.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 03.10.2024).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 03.10.2024).
15. Волченко А.В., Лакеева Е.В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск, 2022. № 4.
16. Шешуков М.П. Латвийское законодательство о защите лиц, содействующих правосудию по уголовным делам // Государство и право. 1999. № 2.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики // Интернет-сайт «Hartran». URL: <http://www.hartran.ee/index.php?id=8> (дата обращения: 03.10.2024).
18. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики // Официальный интернет-сайт МВД Кыргызской Республики. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23> (дата обращения: 03.10.2024).
19. Дударев В.А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и РФ: организационно-тактические рекомендации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 03.10.2024).

REFERENCES

1. Glimeyda V.V. The problem of admissibility of using videoconferencing in investigative actions / V.V. Glimeyda // Journal of Legal Research. 2023. Vol. 8. № 2.
2. Farafonova O.A. Videoconferencing in criminal proceedings of the Russian Federation / O.A. Farafonova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29. № 3(90).
3. Dudarev V.A. Remote interrogation of minors in foreign countries and the Russian Federation: problematic issues / V.A. Dudarev // International criminal law and international justice. 2023. № 2.
4. Arkhipova E.A. Use of videoconferencing in criminal proceedings in Russia and foreign countries: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2013.
5. Malysheva O.A., Samsonov P.A. Use of information and communication technologies by an investigator in the production of investigative actions: risks and ways to overcome them // Journal of Russian Law. 2024. № 2.
6. Kravets E.G., Shuvalov N.V., Martynov A.N. Prospects for the use of videoconferencing in the production of investigative actions at the pre-trial stages of criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 4(42).
7. Klementyev A.S. Telecommunication support of criminal proceedings: dis. ... cand. sciences (law). Vladimir, 2007.
8. Bolychev V.G. Application of scientific and technical means in the procedural and tactical activities of an investigator: dis. ... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2012.
9. Criminal Code of Canada // Internet site of the Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (date of access: 03.10.2024).
10. Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany // Internet site of the University of Potsdam. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (date of access: 03.10.2024).
11. Code of Criminal Prosecution // Internet site of the Government of Hong Kong. URL: <https://www.doj.gov.hk/eng/public/pubsoppapcon.html> (date of access: 03.10.2024).
12. Shulgin E.P. Foreign experience of the activities of bodies carrying out criminal proceedings in electronic format // Academic Thought. 2019. № 4.
13. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // Internet site «Lawyer». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (date of access: 03.10.2024).
14. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus // Internet site «Lawyer». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (date of access: 03.10.2024).
15. Volchenko A.V., Lakeeva E.V. Possibilities of using video conferencing in investigative actions // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical. journal. Irkutsk, 2022. № 4.
16. Sheshukov M.P. Latvian legislation on the protection of persons assisting justice in criminal cases // State and Law. 1999. № 2.
17. Criminal Procedure Code of the Republic of Estonia // Internet site «Hartran». URL: <http://www.hartran.ee/index.php?id=8> - (date of access: 03.10.2024).
18. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23> (date of access: 03.10.2024).
19. Dudarev V.A. Remote interrogation of minors in foreign countries and the Russian Federation: organizational and tactical recommendations // International criminal law and international justice. 2024. № 1.
20. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova // Internet site «Lawyer». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (date of access: 03.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трусов Александр Игоревич, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trusov Alexander Igorevich PhD in Law, head of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakov Ave., Stavropol 355035 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (БЛАГА) КАК ОБЪЕКТ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Хилюта Вадим Владимирович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
tajna@tut.by

Введение: в статье рассматривается вопрос о понимании объекта преступления в современном уголовном праве с точки зрения аксиологии.

Материалы и методы: при проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, сравнительно-правовой, аналитический, системный, логический.

Результаты исследования: автором утверждается, что объектом преступления являются социальные ценности (блага). Именно на них происходит противоправное посягательство, а не на общественные отношения и сами социальные ценности подвергаются преступному воздействию.

Выводы и заключения: объект преступления рассматривается как социальная ценность.

Ключевые слова: преступление, признаки преступления, противоправность, общественная опасность, состав преступления, запрет.

Для цитирования: Хилюта В. В. Социальные ценности (блага) как объект причинения вреда в уголовном праве: постановка вопроса / В. В. Хилюта // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 221–227

Original paper

SOCIAL VALUES (BENEFITS) AS AN OBJECT OF HARM IN CRIMINAL LAW: QUESTION STATEMENT

Khilyuta Vadim Vladimirovich

Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus

Introduction: the article examines the issue of understanding the object of a crime in modern criminal law from the point of view of axiology.

Materials and methods: traditional methods of socio-legal and formal dogmatic analysis were used in the research: documentary, comparative-legal, analytical, systemic, logical.

Results of the study: the author claims that the object of the crime is social values (goods). It is they who are being unlawfully attacked, not public relations, and the social values themselves are being criminally influenced.

Findings and conclusions: the object of the crime is considered as a social value.

Keywords: crime, signs of crime, illegality, public danger, corpus delicti, prohibition.

For citation: Khilyuta V. V. Social values (benefits) as an object of harm in criminal law: question statement / V. V. Khilyuta // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 221–227

Объект преступления является одним из краеугольных камней сегодняшнего уголовного права, поскольку именно объект преступления предопределяет контуры развития самого уголовного права и его институтов, формирует его предмет и метод, ибо то, что мы именуем преступлением, прямым образом зависит от того, чему или кому причиняется вред.

С другой стороны, объект преступления является одним из элементов состава преступления и процесс квалификации всегда начинается с анализа объекта и его признаков, потому как отсутствие объекта указывает на отсутствие состава преступления. В связи с этим и возникает вопрос: что же такое объект преступления, какое место он занимает в структуре самого преступления.

Довольно долгие годы в науке уголовного права аксиоматичным выглядит утверждение: объект преступления – это то, на что посягает преступное деяние, чему причиняется вред. Фактически, это определение объекта преступления – основа нынешнего уголовного права. Однако единства взглядов на предмет того, чему же причиняется вред в академической науке уголовного права, не наблюдается. По этому вопросу существует множество точек зрения и методологических подходов, концепций и учений, которые по-разному объясняют, что может именоваться объектом преступления, какова связь объекта с предметом преступления и потерпевшим, с причиняемым вредом и т. д.

Объект преступления рассматривается в доктрине уголовного права как общественные отношения, интересы, блага, человек (люди), нормы права, субъективные права, правопорядок, безопасность, социальная оболочка и т. д. Нельзя сказать в этом отношении, что существующие подходы являются не верными, и они не могут объяснить то, что же является объектом преступления. Безусловно, все они имеют право на существование, т. к. в каждом из них заложено рациональное зерно. Но проблема состоит в том, что при множестве подходов и сформулированных учений к самому понятию объекта преступления, мы упускаем из виду то, что данный институт уголовного права произведен из самого фундаментального понятия для науки уголовного права, а именно того, что именовать сегодня преступлением. Фактически, с этой точки зрения уголовное право исходит из посыла, что понятие и признаки объекта преступления определяются на основе его материальной составляющей (общественной опасности). Из этого постулата и сформировано положение, что объектом преступления являются общественные отношения.

Понимание социальной ценности (блага) в контексте того, что именно ценности являются объектом преступления, вовсе не отрицает наличия общественных отношений как таковых. Мы не склонны утверждать, что раз общественные отношения не являются объектом преступления, то их – нет. Они есть, и никуда не могут деться. Однако поднятый нами вопрос касается того, что именно основное ядро этих общественных отношений и составляет то, на что происходит само посягательство. И в данном случае мы исходим из того, что преступное посягательство не может быть направлено всецело на то, что объединяет субъектов общественных отношений, их деятельность, социальные связи и то, что лежит в основе этого всего. Объединить это под крышей общественных отношений, безусловно, можно, но будет не совсем верно, поскольку фундаментом всего являются социальные ценности (блага), по поводу которых и происходят различные процессы. Именно эти социальные ценности (блага) и являются объектом причинения вреда, поскольку на них и направлено само преступное деяние и, в конечном счете, им и причиняется вред.

Ценности – это жизненные блага и определенные цели, ориентиры в деятельности отдельно взятого индивида и общества в целом. Они формируются воспитанием, образованием, традицией, эмпирическим опытом. Иначе говоря, социокультурная ситуация представляет собой единый масштаб, в котором происходит ранжирование ценностей и их параметров в зависимости от осуществляемых социальных действий.

Однако реконструируя процесс ценностной детерминации развития общества необходимо выявить характер взаимосвязи чувственно образной и логико-понятийной структур мотивации и регламентации человеческих действий, потому как ценностное сознание всегда формировало специфическое отношение человека к миру. Тем не менее, реальное содержание ценностей зависит от сложившейся диспозиции субъектно-объектно-субъектных отношений. Ценности не существуют сами по себе, в отрыве от экономики, политики, науки, образования, религии, творчества и других сфер деятельности человека.

Ценностная регуляция жизнедеятельности людей, имеющих биосоциальную природу, осуществляется как в материальной, так и в духовных сферах, решая при этом разные, но равно необходимые задачи. Материальные ценности оптимизируют процесс освоения и обустройства предметно-вещественной среды, поддерживая физическое существование человека, а духовные (нематериальные) ценности направляют процесс производства знаний, идеалов, принципов и норм, что расширяет сознание личности и обогащает спектр ее индивидуальных качеств через формирование мировоззренческих представлений, жизненных установок, нравственных убеждений и эстетических вкусов. Все это создает интеллектуальную базу деятельности в профессиональной и общественной областях [1, с. 492].

Таким образом, понятие ценностей, являясь объектом и предметом аксиологии, относящимся к миру объектов окружающего мира, вещей и явлений реальной действительности, не существует само по себе, в отрыве от человека и его представлений об их положительной или отрицательной значимости для него самого, социальной группы

или всего общества [2, с. 3]. И как отмечает В.В. Антонченко, ценности, как и интересы, у разных индивидов, социальных общностей многообразны и могут разительно отличаться в зависимости от мировоззрения, социального статуса, образования, этнической, национальной и религиозной принадлежности и многих других факторов. Ценности составляют ядро культуры, а главные из них индивиды полагают смыслом бытия. Такими ценностями в зависимости от уровня развития индивида и общества, уровня культуры, отношения к религии и многих других факторов могут быть религиозные и идеологические ценности, материальные и нематериальные блага. Представление о ценностях отражает не только степень культурного и социального значения определенных явлений действительности, но и уровень развития индивида, общества и государства [2, с. 3].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что ценности всегда соотносятся с целями человеческого существования, составляют основу эстетической и теоретической деятельности людей, влияют на их нравственное поведение, зависят от конкретных интересов человека и изменяются в соответствии с ними. Ценности – это феномены объективные, их нельзя создать или полностью уничтожить, их можно обнаружить в результате осуществления познавательной деятельности. Ценности – это идеалы в области религии, экономики, права, эстетики и т.д. Они являются мотивами человеческой деятельности. Ценность всегда многогранна (творчество, свобода, безопасность, комфорт, общественный долг и т. д.) и она противопоставляется естественной вещи, которая имеет лишь содержание, но не значение.

В этом аспекте социальные отношения формируются одновременно с правом и в основе этого процесса находятся ценности и моральный опыт человеческого общения. По словам Д.В. Мирошниченко, этот опыт можно назвать коммуникативным и «общество существует только потому, что есть ценности как некие априорные начала (смыслы) человеческих взаимоотношений. Общество возможно только в ценностных аспектах взаимодействий, что объясняется потребностью не только биологического, но и социального выживания: отрицание бытия ценностей сродни отрицанию человеком самого себя» [3, с. 4–5]. Поэтому поведение человека следует рассматривать через призму аксиологических оценок и установок, где идеалы, ориентиры, имеющие положительную значимость для всего общества, обретают правовую основу и определяют дальнейшие контуры общественного и государственного развития.

Если исходить из того, что преступление воздействует на права и интересы людей, то ценности здесь имеют первостепенное значение. В таком случае, когда мы говорим об объекте преступления, то непременно должны увязывать его с общественными нормами и ценностями, теми стандартами, которые предъявляются к определенной личности в контексте его поведения по отношению к социальным ценностям.

С этой точки зрения социальные ценности представляют собой общественные представления о благах. И сюда можно отнести конституционные (базовые) ценности, которые составляют экзистенциальную основу жизнедеятельности человека, общества, государства, а потому они и должны охраняться от различных посягательств [4, с. 164–165]. Отсюда исследователи социальные ценности представляют как «язык социального общения, выраженный в символах жизни, здоровья, чести и достоинства и т. д. Эти символы понимаются однозначно как те блага, что имеют значение для каждого, независимо от социального и иного положения или происхождения (принцип равенства), как те, что соответствуют стандарту понимания их социального значения (принцип вины), и, наконец, как те, что соответствуют социальным реакциям в случае посягательств на них (принцип справедливости). Социальные ценности направляют действия человека, благодаря чему эти действия приобретают понятный смысл» [3, с. 68].

Следует также указать и на то, что социальные ценности, непосредственно вовлеченные в процесс жизнедеятельности человека, всегда имеют определенную субъектную принадлежность. Будучи элементами духовной или материальной жизни человека, они наполняют смыслом бытие конкретного индивида, либо определяют порядок сосуществования и взаимодействия группы людей, в равной степени касаясь каждого члена общества, либо имеют особое значение для государства как представителя интересов народа (населения) [5, с. 125]. Исходя из этого, можно сказать, что ценности универсальны, они могут принадлежать каждому в отдельности или обществу в целом. Именно ценности определяют основы экономических, социальных, политических, нравственных, правовых и иных общественных отношений [6, с. 14].

Как отмечает С.А. Бочкарев, «история развития наиболее традиционных составов преступлений подтверждает, что уголовное право призвано охранять не все ценности

индивида, а только те, которые из всего их состава минимально необходимы как для человека, так и для общества с государством» [7, с. 77]. То есть, уголовное право охраняет те блага, которые являются значимыми и ценными для общества и государства в конкретно-исторический период. Это указывает на то, что «уголовное право, судя по нормативным источникам, защищает ценности не произвольным образом и не от безграничного множества посягательств, а прежде всего от тех видов деяний, которые отвечают специфике конкретного субъекта права и характеризуются для него своей непереносимостью, ведут к дезорганизации, интроверсии или к его разрушению» [7, с. 78].

Различные материальные и нематериальные блага составляют фундамент социальных ценностей, и их подвергнуть перечислению невозможно. Тем не менее, здесь вопрос ставится нередко в той плоскости, что сами эти ценности не имеют никакого значения, если они не поставлены под охрану, а первично не урегулированы нормами права. Но в данном вопросе не следует забывать о том, что сами правоотношения, как и общественные отношения вторичны по отношению к тому, в связи с чем или по поводу чего они складываются. Этих отношений может и не быть (как и правоотношений), но социальные ценности будут существовать, независимо от того, будут ли они оформлены определенным образом и подвергнуты правовому регулированию. Например, если речь идет о надругательстве над трупом или могилой, похищении предметов, находящихся в захоронении. Очевидно, что само посягательство здесь не направлено на общественные отношения (которые не так уж и определены в данном случае), а имеет своей целью поражение определенной ценности, которая является значимой для общества и его интересов. В таком случае вред причиняется не общественным отношениям, а конкретным нравственным ценностям.

В определенной степени можно сказать, что уголовное право есть регулятор общественных отношений, но оно никак не охраняет их, поскольку именно ценности определяют содержание поведения членов общества, как в целом, так и в определенных сферах общественных отношений. Вполне понятно, что в определенных обществах существуют одинаковые общественные отношения (экономические, политические, управленческие, социальные, имущественные и т. д.), однако запреты различаются. Многие страны мира содержат неодинаковые уголовно-правовые нормы при однотипных общественных отношениях. Это невозможно объяснить той логикой, что общественные отношения разные, поскольку они такими не являются, или их атипичностью. Невозможно ответить на вопрос о том, почему, например, в ряде стран оборот тех или иных наркотиков (психотропов) наказуем, а в других – нет. Почему занятие проституцией является преступлением, а не правонарушением и т. д. Ведь в данном случае наличествует одни и те же общественные отношения. Однако вторжения уголовного закона в эту область зависит не от общественных отношений, а от тех ценностей, которые являются приоритетными и значимыми для конкретного общества и государства в определенный исторический период времени. Здоровье населения, общественная нравственность и т. п. Это свидетельствует только о том, что социальные «ценности являются фактором, определяющим выбор индивидом ориентиров и направлений его жизнедеятельности, формирующим векторы и особенности социального развития социального развития и поведения человека в обществе, а также построения самих общественных отношений» [5, с. 125]. По этой причине государство устанавливает и формирует сущность правовой нормы исходя из объема и важности ценностей общества.

Механизм посягательства на социальные ценности предполагает причинение им вреда (или угрозу причинения вреда). И этот вред зачастую причиняется, в том числе и тому, кто является носителем этих ценностей (конкретный индивид, общество, государство). Воздействие на данную социальную ценность, выраженное в форме посягательства, имеет своей целью причинение в конечном итоге материального или нематериального вреда. То есть, в результате такого противоправного акта происходит умаление (попращивание) социальной ценности. В данном случае посягательство на социальные ценности напрямую связано с восприятием членами общества самого деяния как преступного ввиду поражения социальных ценностей. Поэтому уголовное право и защищает от преступных посягательств наиболее важные и значимые социальные ценности.

Впрочем, надо сказать, что в уголовно-правовой литературе ценностный подход к пониманию объекта преступления нивелируется. Например, В.Н. Винокуров отмечает, что термин «ценность» (благо) можно употреблять только в качестве характеристики свойств каких-либо явлений в системе общественных отношений. Ценность чего-либо может проявляться только в системе общественных отношений. Любое явление становится

общественной ценностью только тогда, когда у общества возникает потребность обеспечить благоприятные условия для существования и использования этого блага. Так, для отдельных людей некоторые предметы имеют большую ценность, например фотографии близких родственников, однако их похищение или уничтожение не является преступлением, поскольку они не представляют общественной ценности. Обозначение объекта преступления через понятие «ценность вещей, предметов» возможно лишь в целях экономии, но не по существу. Поэтому в качестве ценности можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся и развивающиеся в интересах общества» [8, с. 117].

Бабий Н.А. также указывает на то, что признание объектом преступления интересов, благ, ценностей и т. п. основано, хотя и на общепринятом, но методологически ущербном определении объекта преступления: объектом преступления является то, на что направлено преступление. При таком подходе, на взгляд данного ученого, объект противостоит преступлению, находится вне преступления. Однако если рассматривать объект преступления в контексте состава преступления, то «как элемент состава объект находится внутри этого состава» [9, с. 96]. Тогда выходит, что объект как внутренний признак состава выносится за рамки преступления. В итоге мы имеем два объекта, один из которых находится внутри состава и направлен на второй внешний объект.

Нельзя отрицать того, что нарушение общественных отношений осуществляется преступником путем воздействия на социальное благо (ценности), по поводу которого существует конкретное общественное отношение. На взгляд Н.А. Бабия, это весьма очевидное положение является соблазном для признания самих социальных ценностей объектом преступления [9, с. 96]. Однако, на его взгляд, объект преступления, коим являются общественные отношения, следует ограничивать от предмета преступления (а предметом и являются сами социальные ценности или благо). Поэтому, когда совершено убийство и обнаружен труп человека, то в любом случае вред причиняется социальной ценности – жизни человека. Но исходя из этого вывода нельзя ответить на вопрос о том, какое именно было совершено преступление (убийство, причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства и т. д.). Иными словами, зная о том, что объектом преступления является жизнь, все-равно невозможно определить и квалифицировать совершенное деяние. С этой точки зрения предлагается при убийстве объектом преступления считать общественные отношения по поводу жизни человека. И здесь все зависит от того, в каких общественных отношениях задействована жизнь человека. И именно эти общественные отношения определяют, какое совершено преступление, а не сама по себе жизнь, как социальная ценность (благо). Из этого и делается вывод о том, что не социальные ценности «являются объектом преступления как элементом его состава, а те общественные отношения, которые складываются по поводу этих социальных ценностей и нарушением которых является преступление» [9, с. 97–98].

Как видно основной посыл данного суждения находится в плоскости того, что, ограничиваясь указанием на сами социальные ценности, мы не можем определить совершенное преступление, поскольку не конкретизируем, какой порядок общественного взаимодействия нарушен поведением виновного лица. Однако в данном контексте следует напомнить то положение, что основная задача уголовного права состоит не в регулировании общественных отношений (это прерогатива иных отраслей права), а в охране социальных ценностей, по поводу которых складываются и функционируют общественные отношения. Не отрицая наличия самих общественных отношений, укажем на то, что их роль в формировании уголовно-правовых запретов и их размещения в структуре Особенной части уголовного закона является дополнительной, но не основной.

Безусловно, люди вступают между собой в определенные отношения. Но в эти отношения они вступают по поводу тех социальных благ (ценностей), которые лежат в их основе, преследуя при этом свои интересы. Не будет этих социальных ценностей, не будет самих отношений и правоотношений по их поводу. Поэтому задача уголовного права состоит в пресечении любой попытки оказания негативного воздействия на сами социальные ценности. Правила поведения людей по поводу этих социальных ценностей и облакаются в форму правоотношений. Совокупность всех этих правил составляет основу общественного порядка, соблюдение которого является необходимым условием существования самого общества и государства. Однако уголовное право не регламентирует порядок поведения людей по поводу тех или иных социальных ценностей, а призвано охранять эти ценности от любых посягательств на них. И вопрос на предмет того, каков порядок воздействия на одни те же социальные ценности и механизм их защиты средствами уголовного

права, и зависит ли он от того, в каких общественных отношениях задействованы эти социальные ценности, на самом деле – вторичен. Защита социальных ценностей не связана с общественными отношениями и тем местом, в котором находятся социальные ценности в рамках конкретных общественных отношений. Еще раз укажем – это производный и вторичный процесс, поскольку первоочередной – это защита самих социальных ценностей.

И если мы говорим о том, что преступление представляет собой «не что иное, как нарушение установленного в обществе порядка взаимодействия между людьми по поводу тех или иных социальных ценностей» [9, с. 96], то непременно должны указать и на то, что этим социальным ценностям причиняется вред, без причинения такого вреда социальным ценностям, общественные отношения не пострадают и не будут нарушены. Кроме того, если исходить из того положения, что то, на что воздействуют субъекты общественных отношений является объектом, то объект не может существовать в объекте, хоть второй объект преступления мы и будем именовать предметом преступления. На деле же оказывается, что одни и те же социальные ценности мы учитываем дважды: как объект преступления и как предмет преступления. Тем не менее, нужно принимать во внимание, что те же социальные блага могут быть прямым предметом преступного воздействия и именно тем объектом, на которое происходит преступное воздействие, а также они могут являться и средством совершения преступления, но в качестве объекта уже будут выступать иные социальные ценности (например, при контрабанде, фальшивомонетничестве, взяточничестве деньги являются не предметом совершения преступления, а средством их совершения, поскольку сами эти денежные средства не являются предметом посягательства и на них не осуществляется воздействие, а объектом преступления являются совсем иные социальные блага).

Сущность преступления состоит в причинении вреда, но не социальным связям, интересам или деятельности людей (как и самим людям в целом), которые образуют общественные отношения, а ценностям, благам, которые являются значимыми для общества и конкретного человека и лишение которых причиняет ему значимый вред. Акт преступного воздействия непосредственно связан с социальными ценностями, потому как преступное деяние имеет своей целью поражение этих ценностей (благ), а не абстрактных общественных отношений.

Объектом преступного посягательства могут быть конкретные материальные и нематериальные блага, а не общественные отношения, потому как именно на них направлено само посягательство, и фактически эти блага выступают предметом преступного воздействия. В данном случае социальная ценность может выступать в виде предмета материального мира (что и рассматривается сегодня как предмет преступления), а может являться и правовым благом (что именуется объектом преступления). Однако видеть именно в этом различие, и проводить соответствующее разграничение вряд ли обоснованно, поскольку речь идет об одном и том же, но определяется это как материальные или же нематериальные объекты (предметы).

Объект является производным от последствия – причинения вреда. То есть, понимание объекта преступления всегда производно от причиняемого вреда. И именно вред формирует контуры самого преступления. Вред всегда причиняется той социальной ценности, носителем которой выступает человек. Причиняемый вред, его значимость и опасность определяют преступное деяние в целом. Следовательно, если преступление связано с причинением вреда, то именно вред характеризует те последствия, которые наступают или могут наступить в результате совершения определенного деяния. Является ли определенное посягательство преступным или нет, мы ставим в зависимость от того, причинен ли вред (кому-либо или чему-либо) в результате совершения этого посягательства. Объем этого вреда, его социальная опасность формулируют понятие преступления.

Уголовно-правовые нормы призваны служить защите правовых благ, тех социальных ценностей, которые являются значимыми как для конкретного человека, так и для общества в целом, в том числе и для государства, которое призвано отражать реализацию данных ценностей.

Социальные ценности первичны, это то, по поводу чего существуют общественные отношения, посредством чего происходит правовое регулирование деятельности субъектов, направленной на реализацию своего интереса по поводу этих благ и ценностей. Поэтому, являясь в своей основе вторичным элементом, общественное отношение не может выступать в качестве первоосновы, тем самым отодвигая на второй план социальные ценности и блага. Без самих ценностей и благ общественные отношения не могут сложиться, поскольку если их нет, то нет и общественных отношений по поводу правового регулирования данных

явлений. Именно социальные ценности (блага) являются объектом причинения вреда, поскольку на них и направлено само преступное деяние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. Гродно, 2008.
2. Антонченко В.В. Правовые ценности и ценность права. М., 2025.
3. Мирошниченко Д.В. Ситуативная общественная опасность деяния. М., 2025.
4. Разгильдиев Б.Т. Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4.
5. Медведев Е.В. Социальное назначение уголовного права // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуман. науки. 2022. № 4.
6. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
7. Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4.
8. Винокуров В.Н. Общественные отношения как объект преступления: за и против // Государство и право. 2010. № 1.
9. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь: учебник. Минск, 2010.

REFERENCES

1. Modern global transformations and the problem of historical self-determination of the East Slavic peoples / Edited by C.S. Kirvel. Grodno, 2008.
2. Antonchenko V.V. Legal values and the value of law. Moscow, 2025.
3. Miroshnichenko D.V. Situational public danger of an act. Moscow, 2025.
4. Razgildiev B.T. Essential differences of objects protected by the criminal and administrative legislation of Russia, their intersectoral significance (on the example of ecological compositions) // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 4.
5. Medvedev E.V. The social purpose of criminal law // Scientific notes of Kazan University. Ser. Human Sciences. 2022. No. 4.
6. Roizman G.B. Values in the constitutional law of the Russian Federation: abstract of the dissertation of the Candidate. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2012.
7. Bochkarev S.A. Axiology of criminal law: an introduction to the topic and problems of its formation // The Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 4.
8. Vinokurov V.N. Public relations as an object of crime: pros and cons // State and law. 2010. No. 1.
9. Babiy N.A. Criminal law of the Republic of Belarus: textbook. Minsk, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. 230029, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

ORCID: 0000-0001-7872-949X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khilyuta Vadim Vladimirovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics. Grodno State University of Yanka Kupala. 22, Ozheshko St., Grodno 230029 Belarus.

Научная статья
УДК 343.140.02

ДАННЫЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Черников Сергей Владимирович

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь,
Российская Федерация
Chernikoff85@yandex.ru

Введение: процессуальные мероприятия затрагивают права граждан, вносят свой вклад в достижение целей уголовного производства и, соответственно, должны иметь законные и обоснованные основания. Иначе можно усомниться в правомерности и допустимости проводимых действий, принимаемых решений, их результатов.

Материалы и методы: проведен обзор носителей информации об основаниях инициирования различных актов, употреблении в таковом качестве данных, доказательств. Использованы методы анализа, сравнения, индукции.

Результаты исследования: в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, учебных и научных источниках наблюдается вариативность понимания и употребления категорий «основания», «данные», «доказательства», их взаимной обусловленности. Сложившееся положение создает нормативные и теоретические разночтения, неодинаковую практику, спорные случаи, негативные последствия.

Выводы и заключения: основания являются причиной принятия каждого решения и проведения каждого действия. Они употребляются, как информационная база и призваны обеспечить законность и обоснованность процедуры и итога, решение задач деятельности. Применительно к разным актам уголовно-процессуальный закон называет основаниями данные и (или) доказательства. Создание ясного, единого понимания таких категорий – условие надлежащего правового установления, качественного теоретического обучения, правомерности практики.

Ключевые слова: данные, доказательства, основания, решения, действия, закон, теория.

Для цитирования: Черников С. В. Данные и доказательства как основания принятия решений и проведения следственных действий / С. В. Черников // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 228–233

Original paper

DATA AND EVIDENCE AS GROUNDS DECISION-MAKING AND INVESTIGATIVE ACTIONS

Chernikov Sergey Vladimirovich

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russian Federation

Introduction: procedural measures affect the rights of citizens, contribute to achieving the goals of criminal proceedings, and, accordingly, must have legal and justified grounds. Otherwise, one can doubt the legality and admissibility of the actions taken, the decisions made, and their results.

Materials and methods: a review of information carriers on the grounds for initiating various acts, the use of data and evidence as such was conducted. The methods of analysis, comparison, and induction were used.

Results of the study: in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, educational and scientific sources, there is a variability in the understanding and use of the categories of «grounds», «data», «evidence», and their mutual dependence. The current situation creates normative and theoretical discrepancies, unequal practice, controversial cases, and negative consequences.

Findings and conclusions: grounds are the reason for making each decision and carrying out each action. They are used as an information base and are intended to ensure the legality and validity of the procedure and outcome, the solution of the tasks of the activity. In relation to various acts, the criminal procedure law calls the grounds data and (or) evidence. The creation of a clear, unified understanding of such categories is a condition for proper legal establishment, high-quality theoretical training, and the legitimacy of practice.

Keywords: data, evidence, reasons, decisions, actions, law, theory.

For citation: Chernikov S. V. Data and evidence as grounds decision-making and investigative actions / S. V. Chernikov // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 228–233

Уголовное судопроизводство представляет собой систему разных, индивидуальных, групповых, взаимосвязанных решений и действий. Каждое из них существенно для всей деятельности и ее отдельных этапов, субъектов и участников, их возможностей и интересов, функций и назначений. Такой взгляд обусловлен тем, что проводимые мероприятия изменяют сложившиеся отношения, ограничивают свободу лиц, определяют перспективы уголовного процесса. Тогда естественно, что отдельный акт должен иметь свои понятные основания, закладывающие базу достижения целей производства, исключающие обжалование и признание доказательств не допустимыми.

На этом фоне представляется важным разобраться в понимании, содержании, применении термина «основания». Обратимся к необходимым источникам, а именно, закону, как фундаменту осмысления, теории, разъясняющей и дополняющей его предписания, практике – показателю качества предлагаемых нормативных и учебных установок.

Термин «основания» имеет правовой характер, ибо употребляется в статьях уголовно-процессуального закона. Приведем лишь отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но достаточные для уяснения имеющегося состояния.

Перед этим уточним, что основание – это причина, достаточный повод, оправдывающие что-либо. [1, с. 372]. На наш взгляд, его можно рассматривать как в разной степени аргументированный тезис, позволяющий принять то или иное решение, провести то или иное действие. Основание является обязательным начальным атрибутом процедуры инициации мероприятия, а его содержание может быть определено разными факторами, например, видом акта, периодом его совершения, задачами.

Итак, основания для возбуждения уголовного дела – это достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Основания производства обыска – достаточные данные полагать, что в каком-то месте или у какого-то лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Основание уведомления лица о подозрении в совершении преступления – это достаточные данные (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Осмотр производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 «Основания производства осмотра» УПК РФ). Обратим внимание, что в тезисе наблюдается переход от оснований к целям и их употребление как причины осмотра. Полагаем, что и при таком подходе допустимо оперировать данными и (или) доказательствами, которые могут быть получены к моменту принятия соответствующего решения.

Если обратиться к основаниям реализации других актов, то приемлемо говорить о появлении категории «доказательства».

Так, привлечение лица в качестве обвиняемого нуждается в достаточных доказательствах (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Здесь публично провозглашается, что конкретный субъект совершил конкретное преступление и, кроме того, создается возможность существенного ограничения прав и свобод участника, например, заключения его под стражу. Такое решение нуждается в обеспечении именно доказательствами более высокого уровне аргументации. При этом оно не является окончательным, а занимает скорее промежуточное положение в системе обвинительных мероприятий в отношении лица.

Рассматривая группу актов, завершающих производство, можно привести следующие итоги.

Основания необходимы для прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 212 УПК РФ). При этом в решении надлежит привести результаты предварительного следствия и указать данные о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное

преследование, пункт, часть, статью УПК РФ (п. п. 5, 7 ч. 2 ст. 213 УПК РФ). Несмотря на употребление категории «данные», полагаем, что речь идет именно о доказательствах. Этот вывод обусловлен рядом обстоятельств, а именно, значимостью акта, формулирующего официальное итоговое решение, моментом его принятия, характеризующимся получением необходимых источников доказательств.

Такое действие, как ознакомление с материалами уголовного дела, проводится после признания следующих факторов: все следственные действия осуществлены, собранные доказательства достаточны для оформления обвинительного заключения (ч. 1 ст. 215 УПК РФ).

В обвинительных итоговых документах нормативно предусмотрены ссылка на доказательства, оглашение их списка и описание. Обвинительное заключение включает перечень доказательств, которые подтверждают обвинение, использует сторона защиты, краткое изложение их содержания, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, данные о потерпевшем, характере и размере вреда (п. п. 5, 6, 7, 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Аналогичное содержание предусмотрено и для обвинительного акта (п. п. 6, 7, 8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ).

Решения и действия, подводящие итог досудебному процессу, отличаются от предыдущих актов многими чертами. Они являются результатом проведенной работы и полученных итогов в полном объеме. В них должны быть изложены ответы на все вопросы о доказанности или не доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также иных факторах, имеющих значение для производства.

Обзор приведенных и иных положений УПК РФ позволяет отметить, что в одних статьях основания раскрываются посредством категории «данные», а в других – «доказательства». Обратим внимание, что речь идет о неодинаковых мероприятиях. Они реализуются на разных этапах (начальных, последующих, окончательных) процесса, что дает возможность назвать отличающиеся задачи, сроки, процедуры и, соответственно, несходные потребности в сведениях и средствах их получения.

Кроме того, использование законодателем в качестве оснований принятия некоторых решений и проведения отдельных действий данных, разрешает сформулировать вывод, что правоприменитель в соответствующих случаях освобождается от использования сведений, которым необходимо присвоить качества доказательства. Анализируя составляемые при этом документы, можно сказать, что они являются элементом ранних этапов уголовного судопроизводства, что дает представления о целеполагании, запросах конкретного этапа деятельности, времени их осуществления, имеющейся информационной базе, уровне обоснования.

На первичных этапах уголовно-процессуальной деятельности формулируется необходимость быстрого отзыва уполномоченных лиц, закрепления следов преступления, принятия решений и проведения адекватных действий. Здесь нет потребности в большом перечне процессуальных ресурсов. Этот период характеризуется кратковременностью, ограниченными сведениями, когда много не проведено и не собрано, а реагировать надо. Такой подход может позволить снизить уровень аргументации и использовать подтверждающие данные.

В ходе дальнейшего производства наблюдается изменение задач, инструментов, видов и значения актов, что создает потребность в получении доказательств. Кроме того, в отношении отдельных мероприятий действует нормативная установка об употреблении именно такой информации. Хотя в отдельных нормах законодатель указывает категорию «данные», полагаем, что он подразумевает доказательства.

Теория уголовного процесса по-разному развивает положения закона. Учебники как основные средства обучения правоприменителя предлагают следующие пояснения.

Основаниями для возбуждения дела могут быть данные, установленные на этот момент. Для такого решения достаточно обоснованного предположения о факте совершения преступления. На время окончания расследования необходимо установить все элементы состава преступления. В постановлении о прекращении уголовного дела нужно изложить фактические обстоятельства дела, дать анализ доказательств, обосновать доказанность обвинения, принимаемого решения, его основания [2, с. 247, 306]. В постановлении об обыске указываются фактические данные, послужившие причиной обыска. В описательной части акта о привлечении лица в качестве обвиняемого описывается преступление, указываются время, место его совершения, иные обстоятельства, подлежащие доказыванию [3, с. 194, 210]. Основаниями производства осмотра являются разумные предположения о возможности обнаружения следов преступления и пр. [4, с. 9].

На наш взгляд, здесь заложены некоторые авторские взгляды, показывающие возможность употребления в качестве оснований мероприятий разностатусную информацию. Так, авторы допускают использование предположений, данных, доказательств, причем во взаимосвязи соответственно с начальным (возбуждение уголовного дела) или завершающим (окончание расследования) этапами, видом действия (осмотр места происшествия) или решения (привлечение в качестве обвиняемого).

На этом фоне заслуживает внимания вопрос понимания данных и доказательств, их соотношения, наличия общих и отличительных признаков, возможных сфер употребления.

Воспользуемся определением данных, приведенном в словаре русского языка, а доказательств – в статье 74 УПК РФ. Данные – это сведения, необходимые для какого-нибудь решения; свойства, как условия или основания для чего-нибудь [1, с. 123]. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых в порядке, определенном кодексом, устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве, а также иных обстоятельств, имеющих значение для него.

Рассматриваемые категории также обсуждаются учеными. Укажем несколько высказываний.

Анализ ст. 74 УПК РФ приводит к выделению трех обязательных признаков, образующих понятие доказательства. Это: информация, на основании которой устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение по делу; её получение в порядке, определенном кодексом и из источников, которые прямо перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК РФ [2, с. 142–143]. Доказательствами могут быть любые фактические данные, служащие установлению истины, если соблюдены законные правила доказывания. Доказательствами является весь фактический материал, которым оперируют следователь и суд в процессе и на основе которых они принимают решения по уголовным делам [3, с. 116–117]. В ст. 74 определены два условия для того, чтобы любые сведения стали доказательствами. Важно получить их из перечисленных в ч. 2 ст. 74 источников и соблюсти при этом процедуры, установленные УПК РФ [5, с. 213]. Содержание различных носителей правил получения, собирания доказательств и мнений процессуалистов позволяет увеличить круг актов, нарушение которых влечет недопустимость доказательства, и включить в систему источников соответствующей деятельности законы и иные нормативные правовые акты [6, с. 212].

Именно получаемые в ходе доказывания сведения, а не доказательства, оцениваются с точки зрения относимости, допустимости и достоверности для решения вопроса о возможности или невозможности их использования в таковом качестве. До возбуждения дела имеются сведения, которым предстоит в ходе производства получить статус доказательств. Предлагается заменить в статьях 86 и 87 УПК РФ понятия «доказательства» на понятие «сведения, могущие быть использованными в качестве доказательств» [7, с. 98–100]. Предположение о причастности лица к преступлению (подозрение) может быть основано как на совокупности данных, так и доказательств [8, с. 61–67].

Как видно, мнения процессуалистов по поводу понимания доказательств, их содержания, периодов появления не отличаются монолитностью и допускают некоторые вариации в части количества и качества признаков. Кроме того, отмечается возможность работы с данными как основаниями инициации некоторых видов мероприятий на отдельных этапах деятельности.

В своих решениях судебные органы также употребляют анализируемые категории. Например, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», указано, что наличие достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению, подтверждает обоснованность подозрения. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г., содержит решение Советского районного суда г. Казани, отказывающее в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С. в связи с недостаточностью документов, устанавливаемых обстоятельств, доказательств обоснованности подозрения в его причастности к преступлениям.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2023 года № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного

кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» отмечено, что решение о признании потерпевшим принимается с учетом фактических обстоятельств преступления и при наличии оснований, предусмотренных ст. 42 УПК РФ. Здесь важны сведения о причинении действиями лица морального или физического вреда, наличие доказательств нарушения личных неимущественных прав. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 года № 3252-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Османова Хафиза Ахмед оглы на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит тезис: результаты оперативно-розыскных мероприятий являются сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами. Они должны быть закреплены на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

Обзор этих и иных документов показывает, что суды, рассуждая об основаниях принятия решений и проведения действий, связывают их с данными и (или) доказательствами. При этом учитываются многие факторы, например, момент инициации акта, его значимость для прав и свобод участников, сфера получения сведений.

В целом, изученная информация разрешает несколько рассуждений и выводов.

Каждое решение и действие допустимо при наличии законного и обоснованного основания, что обеспечивает допустимость процесса и результата.

Уголовно-процессуальный закон, как обязательный источник, содержащий правила соответствующей деятельности, нормативно устанавливает, а значит и практически разрешает использование в качестве оснований данных и (или) доказательств. Такое варьирование обусловлено многими факторами, например, видом акта, этапом его реализации, возникающими возможностями и потребностями.

Данные и доказательства наделены общими и отличительными признаками. Обе категории являются информационной базой, что объединяет их. Различаются они уровнем аргументации, процедурами получения и фиксации, средствами проверки и оценки. Такой взгляд обусловлен возможностями этапов (первоначальных, последующих, заключительных) уголовно-процессуального производства, поставленными задачами, имеющимися ресурсами, степенью ограничения свобод лиц. Каждый период деятельности характеризуется своим назначением, границами познания, надобностями и результатами. Соответственно могут быть получены и употреблены сведения разного уровня обоснования, ведь одни акты нуждаются в данных, а другие в доказательствах.

В уголовно-процессуальном законе заложены признаки знаний, которые позволяют считать их доказательствами и использовать при принятии решений и проведении действий. Однако для того чтобы данные получили соответствующий «статус», они должны пройти установленную законом процедуру и проявить предусмотренные законом черты. В частности, речь идет обо всех этапах процесса доказывания (собрание, проверка, оценка) и всех свойствах доказательства (относимость, допустимость, достоверность). Такие процессы и итоги нуждаются в употреблении соответствующих инструментов, более длительных сроках, комплексе целенаправленных, необходимых и достаточных, взаимосвязанных мероприятий.

При этом нельзя сказать, что получение данных проходит вне уголовно-процессуальных требований. Они также должны быть относимы к производству, подтверждая или опровергая обстоятельства, подлежащие установлению, допустимы с точки зрения их собирания в рамках специально-предусмотренного для них порядка.

Данные, а равно доказательства, подлежат отражению в материалах производства посредством указания, описания, должны быть согласованы с иными сведениями, что позволяет их оценить и проверить доступными средствами.

Для обеспечения законности и обоснованности отдельной процедуры и её результатов, всего уголовного процесса, необходимо единство и преемственность понимания категорий «основания», «данные», «доказательства» в законе и теории, что создаст правомерную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988.
2. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2013.

3. Уголовный процесс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. М., 2011.
4. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть IX. Следственные действия. М., 2014.
5. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.
6. Черников С.В. Получение доказательства в соответствии с законом как условие его допустимости // Юрист-Правоведь. 2024. № 2(109).
7. Корнакова С.В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // LEXRUSSICA. 2023. № 1 (194) январь. Т. 76.
8. Сопнева Е.В. Субъективные и объективные основания подозрения лица (актуализация идей Л.М. Карнеевой) // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития. М., 2022.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by N.Yu.Shvedova. Moscow, 1988.
2. Criminal Procedure: a textbook for bachelors / ed. L.A. Voskobitova. M., 2013.
3. Criminal Procedure: a textbook for university students majoring in Jurisprudence / edited by I. I. Sydoruk, A.V. Endoltseva. Moscow, 2011.
4. Belkin A.R. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: constructive criticism and possible improvements. Part IX. Investigative actions. Moscow, 2014.
5. Tomin V.T. Criminal procedure: current problems of theory and practice. Moscow, 2009.
6. Chernikov S.V. Obtaining evidence in accordance with the law as a condition for its admissibility // Jurist-Pravoved. 2024. № 2 (109).
7. Kornakova S.V. Evidence and proof in criminal proceedings: problems of understanding their content // LEXRUSSICA. 2023. № 1(194) January. V. 76.
8. Sopneva E.V. Subjective and objective grounds for suspecting a person (updating the ideas of L.M. Karneeva) // Criminal proceedings: current state and development strategy. Moscow, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черников Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernikov Sergey Vladimirovich, Senior Lecturer of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakova Avenue, Stavropol 355035 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГОСУДАРСТВА

Юрченко Юрий Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
yuri.yurchenko@internet.ru

Введение: в статье изучаются нормативно-правовые акты иностранных государств, нормы которых ограничивают право человека на свободу слова в целях обеспечения национальной безопасности государства, а также анализируется возможность позитивного воздействия уголовно-правовых норм законодательства зарубежных стран на отечественное законодательство в части, касающейся уголовной ответственности за информационное противодействие деятельности Вооруженных сил РФ и органов государственной власти РФ.

Материалы и методы: в качестве основы в статье использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, в том числе конституции данных государств. Методологию исследования составили диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и иные методы.

Результаты исследования: проведенное исследование позволяет утверждать, что публичные действия, направленные на дискредитацию деятельности вооруженных сил и(или) органов государственной власти государства, в том числе публичное распространение заведомо ложной информации о такой деятельности является уголовно-наказуемым деянием в большинстве иностранных государств в настоящее время, такие действия способны нанести ущерб государству, дестабилизировать его национальную безопасность, подорвать авторитет органов государственной власти, а также вызвать массовые акции неповиновения власти государства.

Выводы и заключения: в ходе данного исследования сделан вывод о необходимости усовершенствования отечественного законодательства путем закрепления в диспозиции ст. 280³ УК РФ перечня органов государственной власти РФ, непосредственно исполняющих свои полномочия за пределами государства, а также внесения изменений в диспозиции ст. 207³ и 280³ УК РФ в части, касающейся дополнения данных нормы квалифицированными составами, предусматривающими уголовную ответственность за совершение действий, предусмотренных ч. 1 ст. 207³ и ч. 1 ст. 280³ УК РФ в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Ключевые слова: информационное противодействие, ложная информация, уголовная ответственность, дискредитация, публичные действия, вооруженные силы.

Для цитирования: Юрченко Ю. А. Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования информационного противодействия деятельности вооруженных сил государства / Ю. А. Юрченко // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3(114). – С. 234–240

Original paper

FOREIGN EXPERIENCE IN CRIMINAL LAW REGULATION OF INFORMATION COUNTERACTION TO THE ACTIVITIES OF THE ARMED FORCES OF THE STATE

Yurchenko Yuri Alexandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article examines the normative legal acts of foreign states, the norms of which restrict the human right to freedom of speech in order to ensure the national security of the state, and also analyzes the possibility of a positive impact of criminal law norms of legislation of foreign countries on domestic legislation in terms of criminal liability for information counteraction to the activities of the Armed Forces of the Russian Federation and public authorities the Russian Federation.

Materials and methods: the normative legal acts of the Russian Federation, the United States of America, the Federal Republic of Germany, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, including the constitutions of these states, are used as the normative legal basis in the article. The research methodology was based on dialectical, comparative legal, formal legal, systemic structural and other methods.

Results of the study: the conducted research allows us to assert that public actions aimed at discrediting the activities of the armed forces and (or) state authorities of the state, including the public dissemination of deliberately false information about such activities is a criminally punishable act in most foreign countries at the present time, since such actions are capable of harming the state, to destabilize its national security, undermine the authority of state authorities, and also to cause mass actions of disobedience to the authorities of the state.

Findings and conclusions: in the course of this study, it was concluded that it is necessary to improve domestic legislation by fixing in the disposition of Article 280³ of the Criminal Code of the Russian Federation a list of state authorities of the Russian Federation directly exercising their powers outside the state, as well as making changes to the dispositions of Articles 207³ and 280³ of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of supplementing these norms with qualified compositions providing for criminal liability for committing acts provided for in Part 1 of Article 207³ and Part 1 of Article 280³ of the Criminal Code of the Russian Federation in a state of emergency, natural or other public disaster, as well as during mass riots, during mobilization or martial law, during wartime or in conditions of armed conflict or warfare.

Keywords: information counteraction, false information, criminal liability, discrediting, public actions, armed forces.

For citation: Yurchenko Yu. A. Foreign experience of criminal law regulation of information counteraction to the activities of the armed forces of the state / Yu. A. Yurchenko // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3(114). – Pp. 234–240

Процесс получения информации и последующего ее распространения всегда являлся неотъемлемой частью любого современного общества. Вместе с тем в целях обеспечения безопасности общества данный процесс в отдельных случаях контролируется государством. Так, по мнению Р.Х. Гельманова «государство должно контролировать информационное поле на территории подконтрольной ему, а также проводить мониторинг информационного поля всего мира с целью пресечения негативного воздействия со стороны других стран» [1, с. 18].

В ходе изучения основных нормативно-правовых актов зарубежных стран, которые являются представителями различных правовых семей: англо-саксонской, романо-германской, мусульманской (религиозной), дальневосточной, мы проследили, что нормы международных соглашений и конвенций касательно права на свободу слова и оснований ограничения такого права полностью или частично имплементированы в национальное законодательство таких государств, как Соединенные Штаты Америки (далее – США), Великобритания, Федеративная Республика Германия (далее – ФРГ), Королевство Испания, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Исламская Республика Иран, Турецкая Республика, Китайская Народная Республика (далее – КНР).

Более подробному анализу подлежали нормы уголовного законодательства зарубежных стран, которые ограничивают право на свободу слова в связи с риском нанесения ущерба государственным и общественным интересам, а также подрыва национальной безопасности того или иного государства. Нами рассмотрены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за противоправные действия в отношении таких объектов уголовно-правовой охраны, как вооруженные силы и(или) органы государственной власти государства.

В результате изучения уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки было выявлено, что в Кодексе США, а именно в разделе 18, главе 115 установлена ответственность за государственную измену, подстрекательство к мятежу и подрывную деятельность. В § 2387 указанной главы предусмотрена уголовная ответственность за намерение вмешаться, нарушить или повлиять на моральный дух или дисциплину военных или военно-морских сил Соединенных Штатов, а именно за совет, консультацию, призыв, попытку вызвать неподчинение, мятеж или отказ от исполнения обязанностей любым

военнослужащим или военно-морских сил Соединенных Штатов, или за распространение или попытку распространить любую письменную или печатную информацию, которая советует, консультирует или призывает к неподчинению, мятежу или отказу от исполнения обязанностей любым военнослужащим. В примечании к данной норме указано, какие именно силы входят в состав военных или военно-морских сил США (п. «b» § 2387) [2].

В связи с этим считаем, что полезным для отечественного уголовного законодательства будет разъяснить деятельность каких отечественных государственных органов осуществляется за пределами Российской Федерации. Необходимо понимание территориального масштаба полномочий того или иного органа государственной власти РФ, что позволит правоприменителю разграничивать противоправное и наказуемое информационное противодействие органам государственной власти РФ от непреследуемого законом публичного выражения гражданином своего мнения о деятельности того или иного государственного органа РФ. Законодательное разъяснение территориального элемента юрисдикции определенных государственных органов РФ послужит правильной оценке деяний и принятию законного решения о привлечении того или иного лица к административной и(или) уголовной ответственности. Данное разъяснение следует закрепить в примечании к ст. 280³ УК РФ и(или) 20.3.3 КоАП РФ в виде отсылки к пунктам Указа Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [3].

В уголовном уложении ФРГ предусматривается ответственность за распространение вредоносной информации о немецких вооруженных силах. Так, в соответствии с п.1 § 109d тот, кто с целью распространения утверждает заведомо неверные или грубо искаженные сведения фактического характера, распространение которых способно создать помехи деятельности немецких вооруженных сил (Бундесвера), или распространяет эти сведения, осознавая их ложность, с целью воспрепятствовать выполнению немецкими вооруженными силами (Бундесвером) их функций по государственной обороне, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом [4].

Осознание субъектом преступления ложности распространяемых сведений очень важно при рассмотрении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за совершение вышеуказанного преступления. Отметим, что о таком осознании применительно к ст. 207³ УК РФ более подробно и одна из первых высказалась Л.В. Дулькина. По ее мнению, предписания, которые отражены в обзоре № 2 по вопросам судебной практики [5] к ст. 207¹ и 207² вполне могут быть применены и к ст. 207³. Такими ключевыми в рамках нашего исследования предписаниями являются: 1) под заведомо ложной следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему; 2) одним из обязательных условий наступления ответственности является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной [6, с. 64].

Также было проанализировано уголовное законодательство стран СНГ, из которых для исследования были выбраны Республика Беларусь и Республика Казахстан.

В соответствии со ст. 369¹ Уголовного кодекса РБ (Дискредитация Республики Беларусь) наказание предусматривается за распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, военизированных организаций, дискредитирующих Республику Беларусь, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, направленное на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам [7].

Если провести сравнение указанной нормы с отечественными (ст. 207³ и ст. 280³ УК РФ), то можно проследить следующее:

1) статья 369¹ УК Беларуси была введена 15 декабря 2005 г., при этом в Российской Федерации законодатель только 4 марта 2022 г. криминализировал информационное противодействие использованию Вооруженных сил РФ, исполнению государственным органами РФ своих полномочий за пределами государства, оказанию им содействия добровольческими формированиями, организациями и гражданами;

2) также как и в испанском, австрийском уголовном законодательстве, законодателем Республики Беларусь была создана такая норма, которая обеспечивает безопасность большего количества сфер государственной деятельности от противоправных дискредитирующих действий;

3) исходя из диспозиции ст. 369¹ УК РБ, можно проследить, что под дискредитацией государства законодатель Республики Беларусь подразумевает распространение заведомо ложной информации о его деятельности в той или иной сфере. При этом отечественный законодатель разделяет публичные действия, направленные на дискредитацию деятельности Вооруженных сил РФ, государственных органов РФ с публичным распространением заведомо ложной информации об их деятельности. Более того указанная выше отечественная законодательная позиция распределила такие противоправные действия по разным главам УК РФ;

4) учитывая вышеуказанное различие норм белорусского и российского уголовного законодательства, отметим также, что ст. 280³ УК РФ (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ, исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами государства) – это норма уголовного закона с административной преюдицией;

5) в отличие от отечественного законодательства белорусский законодатель представил исчерпывающий перечень публичных действий, направленных на дискредитацию республики, при этом данный перечень нашел свое отражение в диспозиции ст. 369¹ УК Республики Беларусь;

6) рассматриваемая норма уголовного законодательства Беларуси также содержит направленность умысла, на достижение которого направлено противоправное посягательство.

Отчасти можно сказать, что большое количество текста в диспозиции ст. 369¹ УК Республики Беларусь создает риск потери основной мысли для правоприменителя при квалификации, но при этом представленный исчерпывающий перечень всех тех объектов уголовно-правовой охраны, которым необходимы законодательная защита, а также только тех публичных действий, за которые лицо будет подлежать уголовной ответственности, обеспечивает обоснованную и в основном безошибочную квалификацию преступления, предусмотренного ст. 369¹ УК Республики Беларусь.

Нами также был проведен анализ уголовного законодательства Республики Казахстан, в результате которого было выявлено отсутствие нормы, прямо обеспечивающей безопасность общества от информации деструктивного характера и защищенность вооруженных сил и органов государственной власти от сведений, подрывающих их авторитет и ставящих под сомнение законность принимаемых ими решений. Но при этом, в ст. 274 уголовного кодекса Республики Казахстан предусмотрен квалифицированный состав, а именно: «Распространение заведомо ложной информации, создающей опасность нарушения общественного порядка или причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства в условиях чрезвычайного положения или в боевой обстановке, или в военное время, либо при проведении публичных мероприятий» (п. 2 ч. 4 ст. 274 УК РК) [8].

Однозначно можно утверждать, что действия, дискредитирующие деятельность армии того или иного государства, а также исполнение его органами власти своих полномочий, в том числе и распространение о такой деятельности заведомо ложной информации, необходимо считать действиями, дестабилизирующими общественную безопасность и нарушающими общественный порядок. Одной из целей таких действий является создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода, создаваемого вбросом заведомо провокационной информации, имеющей резонансный характер [9, с. 40].

Считаем, что законодатель Республики Казахстан верно выделил в отдельный квалифицированный состав рассматриваемые противоправные действия, совершаемые в условиях военного времени, а также чрезвычайного положения, т. к. общественная опасность деяний, направленных на распространение информации ложного или дискредитирующего характера в отношении решений, принимаемых вооруженными силами государства и его органами власти, резко возрастает в условиях, когда критически необходимо поддерживать стабильность всех сфер жизнедеятельности общества.

В уголовном кодексе Китайской Народной Республики закреплена норма, устанавливающая ответственность за распространение ложной информации о деятельности государства в период, когда КНР находится в состоянии войны. Диспозиция ч. 1 ст. 433 УК КНР представлена китайским законодателем следующим образом: «введение народных масс в заблуждение путем распространения клеветнических измышлений в военное время, разложение морального духа армии». В данном случае, по нашему мнению, в соответствии с нормой уголовного кодекса КНР преступными также можно считать и действия, направленные на распространение ложной информации о деятельности армии КНР. Исходя

из диспозиции ст. 433 УК КНР, к объектам уголовно-правовой охраны законодатель КНР относит Вооруженные силы Китая, моральный дух лиц, относящихся к ним, и общество данного государства. Так и в отечественной науке моральный дух армии принято считать одним из важнейших интегрированных показателей боеспособности вооруженных сил государства [10, с. 18]. В сравнении с законодательством РФ безопасность русской армии от внедрения клеветнических и дискредитирующих размышлений с целью воздействовать в том числе и на ее моральный дух, обеспечивается нормой, предусмотренной ст. 280³ УК РФ. Ключевым отличием рассматриваемой китайской нормы уголовного законодательства от российских (статьи 207³ и 280³ УК РФ) заключается в том, что в КНР действия, направленные на распространение ложной информации, будут считаться преступными, если они совершались в период, когда КНР участвует в военном конфликте с другим государством либо при других обстоятельствах, в связи с которыми в Китае вводится режим военного времени.

Отечественным законодателем рассматриваемые особые государственные обстоятельства и правовые режимы были учтены в общей и особенной части УК РФ.

1. Общая часть. В п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Более того отметим, что законодателем было учтено, что государством в настоящее время проводится специальная военная операция, для выполнения задач которой требовалось принимать различного рода меры, предусмотренные законом и при этом вызывающие определенный резонанс в обществе, например, проведение частичной мобилизации [11]. Ввиду этого в превентивных целях и для обеспечения справедливого наказания законодатель своевременно среагировал на возникшие обстоятельства в обществе и государстве и внес изменения в вышеуказанный пункт «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, заменив слова «в условиях вооруженного конфликта или военных действий» словами «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» [12].

2. Особенная часть. Необходимо отметить, что изменения, внесенные Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, также нашли свое отражение и в особенной части отечественного уголовного кодекса, а именно в гл. 33 УК РФ (преступления против военной службы). Так, к составам преступлений, в которых в качестве квалифицирующего признака законодателем учитывается совершение противоправного деяния в период особого правового режима, что повышает степень общественной опасности, относятся: статьи 332–334, 337–342, 344, 346–348 УК РФ.

Безусловно, можно утверждать, что, исходя из диспозиции указанных выше статей главы 33 УК РФ, данные преступления посягают на воинскую деятельность или, относительно нашего государства, на деятельность Вооруженных сил РФ.

В своем диссертационном исследовании Л. В. Дулькина отмечает, что, как и с технической точки зрения, так и с юридической, термины «использование» Вооруженных сил РФ и «исполнение» органами государственной власти РФ следует заменить на термин «деятельность» Вооруженных сил РФ и органов государственной власти РФ, аргументируя это тем, что данные изменения снизят риск возникновения квалификационных проблем у правоприменителя [6, с. 147–148].

Таким образом, мы согласны с законодательной позицией касательно распределения преступлений, предусмотренных статьями 207³, 280³ УК РФ и статьями 332–334, 337–342, 344, 346–348 УК РФ по соответствующим главам отечественного уголовного кодекса, но при этом нельзя отрицать того, что публичные действия дискредитирующего характера (ст. 280³ УК РФ), в том числе направленные на распространения заведомо ложной информации (ст. 207³ УК РФ), в отношении использования Вооруженных сил РФ и исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами государства, непосредственно посягают на их деятельность («воинскую и государственную»), подрывая их авторитет и ставя под сомнение принимаемые ими решения.

Ввиду этого, ориентируясь, на:

1) позиции законодательных органов Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (п. 2 ч. 4 ст. 274 УК РК и ч. 1 ст. 433 УК КНР);

2) аргументы, приведенные выше, касательно термина «деятельности» (воинской и государственной) и противоправных действий, предусмотренных разными главами УК РФ, но при этом осуществляемых в отношении данной деятельности и(или) отдельных ее элементов;

3) позицию отечественного законодателя, которая заключается в том, что квалифицирующими признаками в статьях 332–334, 337–342, 344, 346–348 УК РФ являются:

особые правовые режимы, период мобилизации, период, в который государство находится в состоянии вооруженного конфликта.

Мы пришли к выводу, что совершение преступлений, предусмотренных статьями 207³ и 280³ УК РФ, в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, повышает общественную опасность совершаемых деяний, ввиду чего полезным для отечественного законодательства будет добавить в диспозиции статей 207³ и 280³ УК РФ квалифицированный состав, учитывающий особые правовые режимы и иные указанные выше обстоятельства при квалификации противоправных деяний.

Согласно проведенному анализу уголовного законодательства зарубежных стран было выявлено, что в большинстве государств предусмотрена уголовная ответственность за информационное противодействие деятельности Вооруженных сил РФ и государственных органов. Некоторые положения таких норм могут оказать положительное воздействие на отечественные нормы, предусматривающие ответственность за подобного рода противоправные действия (статьи 280³ и 207³ УК РФ):

1. Исходя из анализа законодательства Соединенных Штатов Америки – закрепить в примечании к ст. 20.3.3 КоАП и(или) ст. 280³ УК РФ территориальный элемент юрисдикции тех органов государственной власти РФ, которые выполняют свои задачи за пределами государства, путем отсылки к пунктам Указа Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

2. Исходя из анализа законодательства Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, внести изменения в УК РФ: а) ч. 2 ст. 207³ УК РФ дополнить пунктом «е» следующего содержания: в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий; б) ст. 280³ УК РФ дополнить частью третьей содержанием аналогичным предложенному выше пункту «е» ст. 207³ УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гельманов Р.Х. Политические основы функционирования средств массовой информации в современном российском обществе: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2008.

2. Кодекс Соединенных Штатов Америки. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-115> (дата обращения: 11.03.2024).

3. Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации № 20 от 13 мая 2024 г. Ст. 2590.

4. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия по состоянию на 30 ноября 2020 года с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 января 2021 г. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28882/> (дата обращения: 01.05.2024).

6. Дулькина Л.В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 20.04.2024).

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 21.04.2024).

9. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. 2019. № 2.

10. Ипполитов Г. М. Моральный дух русской армии: из истории изучения проблемы (1870–1904 гг.). 2007. № 1(36).
11. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации № 39 от 26 сентября 2022 г. Ст. 6590.
12. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации № 39 от 26 сентября 2022 г. Ст. 6535.

REFERENCES

1. Gelmanov R.H. The political foundations of the functioning of mass media in modern Russian society: abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences. Moscow, 2008.
2. The Code of the United States of America. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-115> (date of access: 03.11.2024).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.11.2024 № 326 «On the structure of federal executive authorities» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 20 dated May 13 2024. Article 2590.
4. The Criminal Code of the Federal Republic of Germany as of November 30, 2020 with amendments and additions that entered into force on January 1, 2021. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (date of access: 03.12.2024).
5. Review of selected issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of new coronavirus infection (COVID-19) № 2 on the territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28882/> (date of access: 05.01.2024).
6. Dulkina L.V. Criminal liability for the public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the performance by state bodies of the Russian Federation of their powers: dissertation for the degree of Candidate of Law. 2023.
7. Criminal Code of the Republic of Belarus № 275-Z of July 9, 1999 (with amendments and additions as of 01.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (date of access: 20.04.2024).
8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V (with amendments and additions as of 01.05.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (date of access: 21.04.2024).
9. Manoilo A.V. «Fake news» as a threat to national security and an information management tool // Bulletin of the Moscow University. Political Science. 2019. №. 2.
10. Ippolitov G.M. The morale of the Russian army: from the history of studying the problem (1870–1904). 2007. № 1(36).
11. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.09.2022 № 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 39 dated September 26, 2022. Article 6590.
12. Federal Law № 365-FZ dated 24.09.2022 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 39 dated September 26, 2022. Article 6535.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрченко Юрий Александрович, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurchenko Yuri Alexandrovich, adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.